Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь

Российский центр науки и культуры в Гомеле

СЛАВЯНСКИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В ПРОСТРАНСТВЕННОМ И ВРЕМЕННОМ КОНТИНУУМЕ

Сборник научных статей

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2019

УДК 811.16’272:316.7

Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме : сборник научных статей / редкол.: Е. В. Ничипорчик (гл. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – 259 с.

ISBN 978-985-577-593-6

В сборнике помещены статьи, которые отражают результаты исследований славянских лингвокультур в контексте межкультурного взаимодействия. Анализируется прошлое и настоящее языков, стабильное и изменчивое в аксиологической интерпретации действительности славянами, воплощение важнейших лингвокультурных концептов в славянских языках в сопоставлении с неславянскими; общее и национально маркированное в славянской фразеологии и паремиологии; новые устойчивые выражения в славянских языках, славянский ономастикон, регионолекты и социолекты; язык художественной литературы и публицистики; инновационные подходы к изучению славянских языков в условиях углубления процессов интеграции.

Адресуется языковедам и литературоведам, преподавателям и студентам-филологам.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Редколлегия:

Е. В. Ничипорчик (гл. ред.), И. Г. Гомонова (зам. гл. ред.),
О. Н. Мельникова (отв. секр.), Е. Ф. Асенчик, Е. И. Тимошенко, С. Н. Бойкова,
Т. А. Осипова, А. Л. Стрижак, Е. И. Холявко, Н. И. Шабулдаева

Рецензенты:

доктор филологических наук А. А. Станкевич;
кандидат филологических наук Л. В. Кулик

Рекомендован к изданию научно-техническим советом УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

ISBN 978-985-577-593-6

© Учреждение образования
«Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Язык как компонент культуры народа: прошлое и настоящее, исконное и заимствованное…….. **6**

Баркович А. А. Lingua informatica – язык современной информации: границы феноменологической идентичности……..... 6
Беженару Л. Е. Национальный образ микрокосмоса «малой родины»…… 9
Беценко Т. П. Компаративна лінгвофольклористика у системі наукових студій: об'єкт, предмет, завдання……... 12
Головачева О. А. Онимическое пространство ранних статей Н. С. Лескова в лингвокультурном аспекте……..... 15
Гороф'янюк І. В. Антропоцентричність у мікологічній лексиці українських центральноподільських говірок……..... 18
Гримашевич Г. І. Діалектний текст як лінгвокультурна одиниця (на матеріалі берестейських говірок)……. 21
Демичева В. В. Феминативная лексика XVIII века как отражение культурных и духовных традиций русского общества……..... 24
Клыпа Н. И. О функционировании сельскохозяйственной терминологии в русском языке XVII века……... 28
Ковалевич И. О. Реэтимологизированные окказионализмы в детской речи……. 31
Коваль В. И., Литаш Д. В. Сакральные тексты из «заветной тетради» прабабушки: синтез язычества и христианства……... 35
Козловская М. М. Некоторые особенности семантического развития религиозной лексики на современном этапе ……..... 38
Кравець І. В. Українські складноскорочені ергоніми за групами підприємств і установ у довіднику «вся Одеса на 1930 рік»……. 41
Кураш С. Б. Белорусско-русские поэтические взаимосвязи в зеркале «диалога» метафор……..... 45
Макарова А. С. Языковые особенности православной интернет-проповеди…… 48
Макутонина Е. Ю. Влияние массовой культуры на язык……... 52
Ромащенко Л. И. Новое украинское правописание: объективная целесообразность или идеологическая заданность……..... 55
Степанов Е. Н. Общее и различное в славянских системах глаголов движения……. 59
Сулейменова Г. С. Казахские имена в контексте славянских культурных традиций….. 65
Урбанович И. Г. Семантические окказионализмы в поэтическом тексте…….. 69
Шкуран О. В. Сакральный смысл «просвещения» в славянском культурно-языковом пространстве…… 72

Ценности славянского мира: стабильное и изменчивое в аксиологической интерпретации действительности……..... **76**

Абрамова В. И. Масленица в русской художественной картине мира: символика и аксиология ……..……. 76
Белая А. С., Тверитинова Т. И. Социальные концепты и их роль в аксиологической интерпретации картины современного мира…… 79
Евтухова И. Г. Белые одежды (история и современность)…… 83
Королькова А. В. Универсальные ценности русского мира (на материале русской афористики)……..... 86
Костюшко Е. Т. Антиценности и новые ценности как средство рекламного воздействия……..... 91
Нелюбова Н. Ю. Иерархическая структура ценностей носителей французского и рус-

ского языков: национальное и интернациональное……. 95
Яковлєва О. В. Стереотип маскулінності у традиційному весільному обряді українців на Одещині……..... 98

Типичное и специфическое в языковом воплощении лингвокультурных концептов……. **103**

Акимова Е. Г. Концепт «Русскость» в зеркале индивидуально-авторской фразеологии (на материале романов Александра Проханова)……..... 103
Алёшин А. С., Зиновьева Е. И. Концепт «Сравнение» и его вербализация в паремиях (на материале русского и шведского языков)…….. 107
Баско Н. В. Типическое и специфическое в выражении лингвокультурного концепта «Риск» в русском языке…….. 110
Волошина С. В. Репрезентация понятийного слоя концепта «Медведь» в диалектном дискурсе…… 114
Завтрикова П. С., Ничипорчик Е. В. О средствах обозначения акционального отношения человека к смыслу жизни в близкородственных языках…….. 118
Иванова Е. В. «Вдовье дело горькое», но “Widows are always rich” (о некоторых направлениях сопоставительного анализа концептов)…… 122
Казакова Е. А. Ценностный компонент детских рассказов А. Платонова (на примере концептов «Дом», «Семья», «Ребенок»)…….. 126
Осипова Т. А. Концепт «Смерть» в поэтической картине мира Саши Черного…… 129
Рудакова С. В. Концепт «Народ» в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»……..... 133

Славянская фразеология и паремиология…….. **137**

Мокиенко В. М. Современная славянская неофразеология: сходства и различия…… 137
Адамия З. К. Библейские фразеологизмы в русском и грузинском языках (на примере «Русско-славянского словаря»)…….. 146
Антонова Е. Н. Поэтическая неофразеология как фасет восточнославянской лингвокультуры…… 148
Арефьева Н. Г. Астрономический лингвокультурный код в русских говорах Одесщины (на материале фразеологии)……. 152
Банзерук О. В., Банзерук А. С. Національно марковані символи-фітонімів української і російській фразеологічній системах…….. 156
Безкоровайная Г. Т., Пронина Е. В. Фразеологизмы со стержневым компонентом *рыцарь / knight* как отражение национального менталитета……... 159
Бойкова С. Н. Русские, польские и чешские фразеологизмы с компонентом *вода / woda / voda*……..... 163
Бредис М. А. Национальные образы универсальной пословицы *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*……..... 166
Величко А. В. Универсальные понятийные категории и их представление в системе фразеологизированных предложений …….. 169
Венжинович Н. Ф., Яцьків М. Ю. Фразеологізми на позначення мовленнєвої діяльності у романі М. Дочинця «Вічник»…….. 173
Головня А. И., Байшань Гулицзыи. Особенности функционирования фразеологизмов с компонентами-номинациями диких животных в китайской лингвокультуре…… 176
Гомонова И. Г. На ломаном языке: фразеологическая «характеристика» речевого поведения……. 180
Іваноў Я. Я., Петрушэўская Ю. А. Беларуска-славянскі парэміялагічны слоўнік…… 185
Ильминская В. И. Пословица как фразеологизм со структурой предложения…….. 188
Коваленко Н. Д. Фразеологія Поділля в лексикографічних працях…… 191

Коваль В. И. Паремия *Мыши кота погребают*: происхождение и функционирование 194
Комкова Н. И. Паремии в роли заглавия художественного произведения (на материале рассказов Б. В. Шергина)…… 198
Лапацін Г. І. Дыялектная парэмія ў жанры аўтапартрэта носьбіта традыцыі……... 201
Ломакина О. В. Русинская фразеология и паремиология: достижения и перспективы развития…… 205
Ляшчынская В. А. Аб адной адзінцы вымярэння часу і прасторы ў фразеалагізмах беларускай мовы…….. 209
Мельникова О. Н., Фёдорова Е. А. Взгляд как выражение эмоционального отношения (на материале русской лексики и фразеологии)……..... 212
Никитина Т. Г. «Полный словарь народной фразеологии» как ресурс реконструкции лингвокультурных концептов……. 216
Ничипорчик Е. В., Коноплева А. А. Без труда не вынешь и рыбку из пруда: пословица в контексте выражаемого к ней отношения…..…… 220
Огольцева Е. В. Синонимические ряды в системе устойчивых сравнений русского языка (на материале тематической группы «Движение»)……..... 227
Федуленкова Т. Н., Глебова Д. А., Малышева А. С. Особенности заимствованной библейской фразеологии……. 231

Русский язык в поликультурной среде:
новые тенденции в преподавании русского языка……. **235**

Владимирова Т. Е. Инновационные подходы к обучению русскому языку как иностранному…… 235
Григорович Н. П., Богатырёва А. Э. Создание успешных образовательных возможностей для иностранных учащихся при обучении русскому языку в условиях колледжа…. 238
Дзвинковская Н. А., Кошевец С. Ф. Использование метода фразеологических параллелей при изучении языка специальности в медицинском вузе…… 241
Жадейко Ж. Ф. Отражение белорусской и русской культур при формировании риторической компетенции на уроках русского языка……... 244
Игнатенко Т. А., Стародубец С. Н. Культурологические знания в контексте изучения русского языка в славянском пограничье……. 248
Капшай Н. П. Познавательно-коммуникативный эффект словесной формулы…… 251
Мурашова Н. В. Русские пословицы в словаре и Интернет-коммуникации: исследовательский элективный курс для учащихся-билингвов…….. 254
Петрова Н. Е., Савицкая И. В. Создание электронного ресурса для изучения русского языка как иностранного китайской аудиторией……..... 256

ЯЗЫК КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРЫ НАРОДА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ, ИСКОННОЕ И ЗАИМСТВОВАННОЕ

УДК 81’16+81’42

А. А. Баркович

LINGUA INFORMATICA – ЯЗЫК СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ: ГРАНИЦЫ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья посвящена проблематике лингвистического описания границ феноменологической идентичности современной коммуникации. В контексте дискурсивного анализа языковой динамики необходимо учитывать не только интра-, но и экстралингвистическую обусловленность социокультурных процессов. Современная коммуникация характеризуется насыщенностью искусственными языками и активным поиском универсального семиотического формата.

Ключевые слова: lingua informatica, информационная специфика, компьютерно-опосредованная коммуникация, феноменологическая идентичность, экстралингвистическая обусловленность.

Вариативность любого живого языка как сложной кодовой системы вполне естественна. Разумеется, языковая динамика усложняет социокультурную жизнь коммуникантов. Однако в эпоху «совершенства методов и неясности целей» инновации в сфере коммуникации постепенно становятся действительно узнаваемым трендом [1, с. 14]. В данном контексте, пожалуй, наиболее показательны эксперименты с языком в сфере компьютерного опосредования коммуникации, где использование бинарной кодировки повлекло создание множества *искусственных языков*. Практика создания искусственных языков достаточно многообразна: «… некоторыми изредка, например в свободное время, пользуются только их создатели» [2, с. 160]. Естественно, каждый взрослый человек имеет право использовать любой вариант языка, ограничение здесь одно – взаимопонимание с адресатом: «Одна из фундаментальных задач речи – соотнесенность с реалиями мира, в том числе лицами, явлениями, с целью не только зафиксировать наше собственное представление о том, чем они являются, но также дать возможность нашим слушателям понять, что мы имеем в виду» [3, с. 103].

Однако сведение проблематики современной языковой динамики к вопросам создания и использования искусственных языков было бы неоправданным упрощением: сегодня, по прошествии более чем шестидесяти лет со времени создания первых компьютеров и почти тридцати лет существования Интернета, очевидно, что искусственные языки (любого рода) не смогли заменить естественные. При этом существенно усложнилась вариативность и самих естественных языков – на это повлияли и доступность ранних образцов письменности, и межъязыковая интерференция, и пополнение номинативного, атрибутивного, предикативного инструментария и многое другое.

Разумеется, проблематика развития естественных языков всегда была сложна и многоаспектна. Однако специфика развития языков в «эпоху Интернета» часто является особенно красноречивой и поучительной. Коллизии белорусского языка, пожалуй, показательны в данном контексте. На примере белорусского языка хорошо заметна существенность экстралингвистического влияния на стабильность и динамику языковой системы, ее *феноменологическую идентичность*. Сегодня белорусский язык вполне устойчиво функционирует и развивается, адаптируется к новым реалиям, изменяется и обогащается. Но если до Интернета функционирование какого-либо языка характеризовалось разноплановостью и несогласованностью, то и в сфере компьютерно-

опосредованной коммуникации проблемы не решились автоматически. В полной мере это касается и белорусского языка. Так, время появления Интернета практически совпало со временем приобретения частями бывшего СССР независимости – 1991 г. [2]. Уже существовавшие до того в белорусском языке исторические влияния «тарашкевицы» (версии правописания, предложенной в 1918 г. Б. Тарашкевичем) и «латиницы» (транслитерации письменной речи латинскими буквами) в условиях демократизации социума стали существенными факторами коммуникации и получили возможность практически беспрепятственно конкурировать с современным литературным вариантом языка – который нередко с четкой негативной коннотацией начали ассоциировать с «наркомовкой» (введенный постановлением народного комиссариата вариант правописания). Можно обсуждать, насколько влиятельными эти тенденции оказались, однако на практике они, конечно же, повлияли на идентичность белорусского языка.

То, что логика развития языка практически всегда *экстралингвистически обусловлена*, наиболее очевидным образом подтверждается на простейшем семиотическом уровне. Так, избавившись от непосредственной межъязыковой интерференции с польским языком в рамках общей государственности, белорусский язык сохранил знакомую со времен Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой толерантность к *латинской графике,* некогда равноправной с кириллицей и даже доминирующей для белорусского языка. Латинская графика традиционно используется в польском языке. Эта «языковая память» может объяснить имеющуюся тенденцию к использованию латинской графики на протяжении всей новой и новейшей истории белорусского языка. По мнению В. М. Алпатова, «…на Украине и в Белоруссии идеи латинизации не получили существенного развития» [4, с. 67]. Тем не менее, в условиях интерактивного развития речевой практики *тенденция к распространению латинской графики* наблюдается практически во всех «нелатинских» культурах. Сегодня экспансии латинской графики в Беларуси благоприятствует нарастающее межкультурное взаимодействие Беларуси с преимущественно романо- или германоязычными Европой и Америкой.

В то же время стремительную *информатизацию* социокультурной сферы следует признать доминирующим на сегодня экстралингвистическим фактором для абсолютного большинства живых языков. Так, английская лексика, использующая латинскую графику, стала основой всех искусственных (формальных) языков, в том числе в Интернете; именно латинская графика используется в интерфейсах, браузерах и т. д. В связи с этим использование латиницы в языках с другой исторически закрепившейся графикой стало обычной практикой письменной речи. Чаще всего это вполне безобидное хобби, которое, конечно, противоречит нормам кодифицированного варианта языка. Однако, если *латинизация* становится инструментом политики, последствия для культурной сферы могут быть достаточно серьезными, затрагивающими традиционные устои социума [5].

Характерными являются попытки найти в быстром развитии Интернета *мотивацию* для перевода на латиницу письменности бывших частей СССР, не имевших в своей истории опыта использования латинской графики. В частности, так объясняется латинизация казахского языка: казахский язык таким образом пытаются сделать «языком современной информации» (https://lenta.ru/articles/2017/04/20). В то же время успешному социально-экономическому развитию в современных «информационных» обстоятельствах не помешала гораздо более далекая от латиницы, чем кириллица, иероглифическая графика Китая, Японии, Кореи. При этом, конечно, фактически, английский язык стал «уникодом» – своеобразным метаязыком, активно внедряясь в дискурс на базе кириллической, китайской, арабской и др. графики. Данные интернет-трафика подтверждают, что английский язык безальтернативно господствует в компьютерно-опосредованной коммуникации, занимая около 53,7 % интернет-дискурса (на втором и третьем местах – с показателями в 6,3 % и 5,7 %, соответственно, – русский и немецкий языки (http://w3techs)).

Сегодня не только реальное соседство государств определяет *границы идентичности* той или иной культуры и, соответственно, языка. В условиях отсутствия «материальных» границ в современной коммуникации сфера функционирования практически любого языка стала «уязвимой» не только для языков-соседей, но и для таких глобальных коммуникационных влияний как, в частности, англоязычное. При этом экспансия английского языка в данном контексте не является уникальным явлением: мир уже видел глобальную экспансию греческого, латинского и французского языков. В локальном аспекте и сегодня не менее актуальна популярность испанского, немецкого или русского языков, например. Интересно, скорее, другое: когда «информационная сфера» сможет предложить человечеству глобально успешный, скажем, *искусственноязыковой стандарт*? Бинарный код, на котором основана коммуникационная функция современного компьютера, на эту «роль» пока не может претендовать: двухсимвольная семиотика оказалось слишком примитивной для отражения сложной человеческой *эвристики*. Языкам программирования пока очень далеко до самодостаточной функциональности. Собственно, ожидать триумфа искусственных языков в сфере компьютерно-опосредованной коммуникации не приходится до момента, скажем, создания полноценного Искусственного интеллекта: связь языка и мышления неразрывна, а «…умственный образ индивидуума и формирование его представлений в большой степени зависит от языка» [1, с. 13].

Тем не менее, рассмотрение языковой динамики в *аспекте информатизации* коммуникации ценно не только в практическом аспекте – не менее интересны релевантные обобщения и в контексте теоретической парадигмы языкознания. В свою очередь, продуктивность теории – залог дальнейшего успешного развития практики. Так, теоретически можно ожидать, что ***lingua informatica*** как некий новый глобальный языковой симбиоз информационного класса вполне может появиться в ближайшее время: коммуникационные возможности имеющихся компьютерных программных кодов уже не успевают за ментальностью *homo informaticus*. Впрочем, для этого понадобится для начала «разложить по полочкам» собственно *информацию* – коммуникационную семантику, чего пока сделать не удалось. В то же время первые шаги в этом направлении уже сделаны – созданы методологические рамки информационной лингвистики [2].

Сегодня, как никогда ранее, информационное «слово» способно оказать самое серьезное воздействие на судьбы огромного количества людей: компьютерно-опосредованная коммуникация пока *малокодифицирована*, но глобализована и действенна [6]. Так, по-прежнему актуальным является мнение создателя Всемирной паутины Т. Бернерса-Ли о корректной научной рефлексии в данной связи: «Мы много времени посвятили формулировке важных проблем, которые создает веб-наука в моральном и социальном аспектах. Мы уверены, что это необходимо. Всемирная паутина вызвала, возможно, больше споров, в том числе относительно конфиденциальности и безопасности, доступа и вариативности, контроля и свободы, чем любая другая концепция, реализованная человечеством в новейшей истории. Объекты, которые мы разрабатываем, конструируем и изучаем, как и результаты аналитической деятельности, часто вызывают значительные социальные последствия» [7, с. 109]. Разумеется, многообразие социальной структуры современного общества, в свою очередь, предполагает достаточно широкую вариативность речи как социального значимого инструмента [8]. И по мере усиления информатизации социума границы между отдельными языками становятся всё более подвижными и условными, способствуя как развитию поликодовости и мультиязыковой компетенции, так и *глобализации языковых стандартов*.

Динамика границ феноменологической идентичности сферы языкового функционирования предопределяет многое в социокультурной жизни русских, белорусов, украинцев и огромного числа других людей, так или иначе сталкивающихся с языками и культурами других народов. Благодаря внедрению компьютерных инструментов обработки языковых фактов и информатизации, в коммуникации появились принципиально новые

возможности. И нет сомнений, что *язык* так или иначе будет соответствовать уровню сложности коммуникации. Тем не менее, на сегодняшний день бурное развитие компьютерно-опосредованной коммуникации не смогло внести кардинальные перемены в сущностную идентичность современных языков. Язык современной информации – по-прежнему *естественный*. Однако можно уверенно констатировать существенный сдвиг границ функциональной идентичности языка как социокультурного феномена – в контексте развития информационного континуума. Формирующийся феномен *lingua informatica* – интереснейшая и перспективная проблемная область интердисциплинарной науки. Сегодня уникальный по своим возможностям уровень информационной функциональности естественных языков пока, к сожалению, мало исследован и недостаточно активно обеспечивается лингвистикой.

Список использованных источников

1. Эйнштейн, А. Общий язык науки : пер. с англ. / А. Эйнштейн // Эйнштейновский сборник. – М. : Наука, 1966. – С. 12–14.

2. Баркович, А. А. Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация / А. А. Баркович. – Москва : Флинта : Наука, 2016. – 288 с.

3. Schiffrin, D. From linguistic reference to social reality / D. Schiffrin // Discourse and identity. – Cambridge : Cambridge University Press. 2006. – P. 103–131.

4. Алпатов, В. М. 150 языков и политика, 1917–2000: социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства / В. М. Алпатов. – М. : Крафт+ИВ РАН, 2000. – 224 с.

5. Барковіч, А. А. Сацыялінгвістычная спецыфіка беларускага інтэрнэт-дыскурсу / А. А. Барковіч // Труды БГТУ. Серия 4, Принт- и медиатехнологии. – 2018, № 2 (213). – С. 94–99.

6. Баркович, А. А. Компьютерно-опосредованная коммуникация: феноменологический аспект / А. А. Баркович // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2015. № 3 (25). – С. 97–101.

7. Berners-Lee, T. A Framework for Web Science / T. Berners-Lee, W. Hall, J. A. Hendler, K. O'Hara, N. Shadbolt, D. J. Weitzner // Foundations and Trends in Web Science. – 2006. Vol. 1, № 1. – P. 1–130.

8. Fairclough, N. Analyzing discourse: textual analysis for social research / N. Fairclough. – London : Routledge. 2003. – 270 p.

The article is devoted to the problems of linguistic description of the boundaries of modern communication phenomenological identity. In the context of the discursive analysis of linguistic dynamics it is necessary to consider not only the intra-, but also the extra-linguistic conditionality of sociocultural processes. Modern communication is characterized by a richness of artificial languages and an active search for the universal semiotic format.

Keywords: lingua informatica, informational specifics, computer-mediated communication, phenomenological identity, extra-linguistic conditionality.

УДК 811.161.1'42:141.333:821.161.1

Л. Е. Беженару

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МИКРОКОСМОСА «МАЛОЙ РОДИНЫ»

Статья поднимает проблему существования такого феномена, как микрокосмос малой родины, рассматриваемого как самостоятельный автономный знак, приобретающий сегодня статус сохранения национальных корней духовности, культуры, самоидентичности.

Ключевые слова: микрокосмос «малой родины», ментальность, самоидентичность.

В ментальности каждого народа существует определенная «идея *малой родины*» как отношение к месту своего рождения, *к пространственным (реальным* или *воображаемым) началам* своей жизни.

В этой идее как народ, так и индивидуум пытаются понять *самое себя* путем интеллектуальной и эстетической рефлексии над факторами ландшафта, природы, истории, языка, артефактов и реалий культуры, путем включения *себя* в *пространственное* символическое поле, имеющее свою структуру и семантику, свой опространственный смысл или возможность своего осмысления места.

Под **«малая родина»** мы понимаем культурологический феномен, микрокосмос, который основан на совокупности национальной идентичности и бытийного плана. Концепт *малая родина* нашел отражение в русском языке, характерен только для русской ментальности, русской культуры и литературы. Концептуальный подход к понятию «малая родина» выявляет его содержание, которое охватывает разные уровни человеческой деятельности: понятийное, вербальное, ассоциативное, культурологическое и др. В некоторых славянских пространствах под влиянием русской лексемы возник свой, национальный термин: «малая айчына» – в белорусском, «мала домовина» – в сербском, «malá vlast» – в чешском.

Исключительная любовь к родной земле, привязанность к родным местам нашли свое воплощение в белорусской ментальности. Это любовь не только к *большой родине*: *Беларусь / Бераг белых буслоў...* (Р. Барадулін), к ее просторам и историческому прошлому: *Бацькаўшчына – гэта не бацькавы спадкі. / Як вымеру ўсё, што табою даецца? / Ці зразумеюць мяне нашчадкі, / Якім я багатым быў спадкаемцам?* (М. Арочка), но и к *малой родине*, которая занимает центральное место в белорусской народной культуре. Мир белоруса на протяжении многих веков был всецело миром его земли, который можно описать следующим семантическим и ментальным полем: *лес, поле, болото; деревня – местечко – уголок – край – город; «грамада», «талака», «тутэйшасць».* Не огромная необъятная родина (как, например, у русских), а «родны кут», уголок, который всегда мил сердцу, является вселенной белоруса. Природно-географические условия, болотистый и лесистый ландшафт вынуждал белорусов расселяться небольшими общинами, состоящими буквально из нескольких домов. Поэтому долгое время понятие «малая радзіма» / «малая айчына» отождествлялось с понятием «грамада», представлявшим сельскую (соседскую) общину, объединявшую жителей сел и деревень. Как отмечают исследователи, «грамада» являлась своеобразным выражением единства людей вплоть «до осознания единства коренных национальных интересов» (Е. М. Бабосов). Специфической формой коллективных действий членов «грамады» являлась «талака» – совместный труд родственников, соседей, односельчан. Именно в «талаке» воплощалась существовавшая на протяжении веков у белорусов практика коллективной, бесплатной, добровольной помощи соседям, сельчанам, родным, воспитывалось бережное отношение к земле, дому, семье; миролюбивое сосуществование с соседями; трудолюбие и кротость белорусской натуры.

Принадлежность к определенной территории часто служила основанием для самоидентификации белорусов. Характерна для белорусского менталитета такая черта, как «тутэйшасць»: на вопрос о своей национальной принадлежности белорусский крестьянин ответит: «Я тутэйшы (здешний)», т. е. он самоидентифицирует себя с корнями, с родными местами, с местом рождения, с микромиром малой родины. «Тутэйшасць» – это глубинная привязанность к «малой радзіме», «малой айчыне» и к ее знаковым символам *асіна, хвоя, дуб, бор, бусел, неба, васількі, ніва, Скарына, Купала, Палессе.* Символом Беларуси всегда был *белый аист (бусел)*, ибо «*не вялікая, не малая, не чырвоная, не чорная яна была, а белая, чыстая: нікога не біла, не падбівала, а толькі баранілася*» (Ф. Богушевич). Летящая птица – своеобразный символ пространства. Белый цвет летящей птицы передает мировосприятие как макро-, так и микрокосмоса белорусского пространства; его чистоту, открытость, отсутствие границ; быстроту духовных процессов; духовную власть и духовный полет во имя спасения. Мифологический образ птицы обозначает души умерших и ещё не родившихся, это «начало»

и «конец» одновременно. С аистом белорусы связывают и представления о плодородии земли, ее чистоту и невинность, непорочность, святость, священность. На Полесье его называют Иваном, а почитают во всей Беларуси, потому и считают, что *«Беларусь – зямля пад белымі крыламі»* (В. Короткевич). Пространственная модель белорусской «малой родины» имеет глубокие истоки в области традиций мифопоэтики данного этноса, его истории, культуры, менталитета.

В румынском национальном сознании микрокосмос *малой родины* связан с восприятием основного мифа румынского народа – «Миорица» и с термином-понятием *миоритизм* или *миоритичность (mioriticul),* которое закрепилось в румынском литературоведении. Это понятие связано *с особенностями исторического менталитета румынского народа*, который называют *миоритическим. Миоритизм,* согласно философии Лучиана Благи, это национальное подсознание, рождающее «стилистическую матрицу» румынской культуры и определяющее особенность национальной судьбы. В синтагме *spaţiu mioritic / миоритическое пространство* имеется в виду румынское географическое пространство, волнистый рельеф которого с горами и долинами является благоприятным для пастбищ и пастушества. В благианской концепции – это духовная вселенная румынской – миоритической – души, чья матрица выражена румынским географическим пространством. Румынский термин «миоритизм», это, по своей сути, название для всех рожденных под звездой мифа «Миорица», сюжет которого посвящен овцеводству и полон глубоких смыслов, откровений и предсказаний. Благодаря очерченным Лучианом Блага понятиям *миоритическое пространство / горизонт* и *миоритический человек*, «Миорица» стала не только символом румынской литературы, но и спецификой румынской культуры в целом, для которой *миоритическое пространство / горизонт* является «срединной зоной, пространством между двумя безднами: бездной верхней, Великим Анонимом и бездной нижней, бездной глубин человеческого бессознательного» [3] центром притяжения, эталоном, ориентиром, точкой отсчета и *региональной моделью балканского мировосприятия* (Л. Б.).

Мироощущение и ментальность *малой родины* балканских народов в *балкано-румынской «модели мира»* исследователи [2] связывают с этническим сознанием, изучением языка и культуры народов Балкан, с интересом к повседневной жизни болгар, македонцев, гагаузов, их обычаям, поведению, отношению к представителям других народов. С. Бернштейн подчеркивает, что у болгар «этническое самосознание хорошо сохраняется», а «*болгарщина* в любой форме вызывает у населения положительные эмоции» [2, с. 175]. В связи с работой над болгарским диалектологическим атласом и в ходе диалектологических поездок С. Б. Бернштейну удалось посетить большое число сел и познакомиться с болгарским крестьянином, его психологией и укладом жизни. Его выводы о том, что болгары «в массе своей очень симпатичный народ, гостеприимный, смелый, не боятся говорить о всех сторонах своей жизни, часто критикуют действия властей, свободно держатся перед микрофоном, беседу ведут непринужденно, любят веселые истории, все поют и танцуют» [2, с. 190], дополняют национальную болгарскую картину мира.

Малая родина как ментальное и смысловое пространство, как локус / часть региона и его образное пространство является *геопоэтической реальностью*, которая имеет свою ментальность, «стилистическую матрицу», образно-поэтическую систему, коммуникативную и креативную функции.

Концепт *малая родина* volens nolens привлекал внимание авторов, поскольку он теснейшим образом связан как с этническим самосознанием, так и с государственной идеологией, воздействие которой на индивида осуществляется при помощи различных литературных жанров, прежде всего, текстов литературно-философских.

Национальная составляющая *малой родины* имеет определенную *ось пространства,* на которой в национальном ландшафте размещаются артефакты национальной культуры и образы окружающей нас действительности, призванные научить индивидуума ощущать / найти себя психически и эмоционально в узких границах своей «малой родины». Для румын глав-

ные составные окружающей действительности – это труд, семья и религиозность, отмечает Даниел Давид. Эти параметры жизни позволяют румыну чувствовать себя психически комфортно в пространстве как большой, так и малой родины [5]. *Национальный образ мира* «малой родины» может быть описан через выявление этнической специфики художественного пространства и времени, через миропорядок национального образа мира каждого народа и этноса, через *свою* систему предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. В упрощенном выражении это *микромодель мира* «малой родины», в которой, по аналогии с макромиром большой родины, отражается, по нашему мнению, та же *«целостность национальной жизни*» и «*основной фонд национальных ценностей, ориентиров, символов, архетипов*» [3, с. 14–20], о которых пишет Г. Д. Гачев относительно *модели мира* большой родины. Это пространство отличается от страны к стране, от ландшафта к ландшафту и способствует географическому моделированию образа страны в целом и образа «малой родины» в отдельности. Исследователь В. Абашев называет этот аспект отношений *экзистенциальным* [1, с. 43].

Наше исследование по теме *малой родины* поднимает проблему существования такого феномена, как *микрокосмос* малой родины как самостоятельный автономный знак, приобретающий сегодня статус сохранения национальных корней духовности, культуры, самоидентичности. Этот аспект проблемы недостаточно исследован, однако концептуальный анализ *малой родины* в русской литературе и других национальных литературах образует типологически схожую семиотическую систему понятий и образов, которые указывают на его стабильность на разных этапах истории, проявляют тенденцию к самосохранению.

Список использованных источников

1. Абашев, В. В. Геопоэтический взгляд на историю литературы Урала / В. В. Абашев // Литература Урала: история и современность. – Екатеринбург, 2006.

2. Бернштейн, С. Б. Зигзаги памяти, год 1950 / С. Б. Бернштейн; публ. В. П. Гудкова // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 9. – Филология. – М. – № 4. – 1997.

3. Бовдунов, А. Философский космоид Лучиана Благи [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://rossia3.ru/politics/russia/blaga. – Дата доступа : 02.09.2015.

4. Гачев, Г. Национальные образы мира. Курс лекций / Г. Гачев. – М. : Academia,1998. – 432 с.

5. Daniel David (О психологическом портрете румынского народа) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.revista22.ro/daniel-david-profesor-ubb-cluj-despre-profilul-psihologic-al-poporului-roman-trasatura-esentiala-neincrederea-in-oameni-personalitate-defensiva-comportament-nesupus-regulilor-conformism-crescut-54608.html. – Дата доступа : 23.04.2015.

The article raises the problem of the existence of such a phenomenon as the microcosm of the small homeland as an independent autonomous sign, which today acquires the status of preserving the national roots of spirituality, culture, and self-identity.

Keywords: microcosm of the “small homeland”, mentality, self-identity.

УДК 801.81:398.8

Т. П. Беценко

КОМПАРАТИВНА ЛІНГВОФОЛЬКЛОРИСТИКА У СИСТЕМІ НАУКОВИХ СТУДІЙ: ОБ’ЄКТ, ПРЕДМЕТ, ЗАВДАННЯ

В статье разъясняется содержание понятия «компаративная лингвофольклористика». Приводится дефиниция соответствующего термина. Определяется объект, предмет и задачи компа-

ративной лингвофольклористики. Обосновываются возможные направления исследований в указанной области.

Ключевые слова: лингвофольклористика, компаративная лингвофольклористика, язык фольклора, язык устного народного творчества.

Лінгвофольклористика – міждисциплінарна галузь гуманітарної (філологічної) науки, що вивчає різнорівневі особливості мовноструктурної, мовностилістичної, художньо-образної організації текстів усної народної творчості; закономірності фольклорного стилетворення; мовностильову структуру фольклорного різновиду художньої творчості як колективної естетичної інтелектуальної діяльності етномовців [1, с. 1–12].

Відповідно **компаративна лінгвофольклористика** – галузь лінгвофольклористики та фольклористики, що займається зіставним вивченням мовностильової, мовнообразної організації текстів пам'яток уснословесної творчості споріднених і неспоріднених культур [2, с. 8–9].

Компаративну лінгвофольклористику ще можна розглядати як крос-культурну лінгвофольклористику. Крос-культурні дослідження у галузі лінгвофольклористики – тип наукового пошуку, згідно з яким мовомислення людини та соціальних груп вивчають у контексті їхніх культурних (етнічних) особливостей, реалізованих у фольклорних текстах [3; 4]. У крос-культурному дослідженні з лінгвофольклористики головну увагу акцентують на спільних і відмінних рисах у структурі, функціонуванні та розвитку мовностильових, мовнообразних мовнотекстовірних феноменів у текстах, належних різним культурним групам [4, с. 144]. Дослідження цього типу мають два рівні: перший – опис спільного та відмінного, другий – їхнє пояснення. Наукові проблеми першого рівня пов'язані з особливостями збору та обробки інформації, другого – з мотивацією дослідників, їхніми епістемологічними перевагами та ідеологічним контекстом досліджень у межах різних культур.

Об'єктом компаративної лінгвофольклористики є мовноструктурна, художньо-образна організація фольклорних текстів, належних до генеалогічно споріднених і неспоріднених мовнокультурних континуумів, їх стильовий та стилістичний аспекти, специфіка мовотворення фольклорного стилю як різновиду художнього у різних культурах, лінгвоестетична, лінгвопоетична колективна діяльність етномовців як особлива царина національної уснословесної творчості, фольклорна комунікація в аспекті мовотворення, словесно-образного моделювання, лінгвосеміотична система різножанрового фольклорного континууму, **предметом** – різнорівневі мовні засоби (фонетичні, словотвірні, лексичні, граматичні), мовнообразні одиниці, що формують текстовий континуум творів народної словесності різномовних культур, лінгвосеміотичні знаки фольклорної стилесистеми споріднених і неспоріднених мовнокультурних континуумів, різножанрові та різнорівневі етномовні одиниці як засоби фольклорної комунікації в різних культурах.

Основними **завданнями** лінгвофольклористики вважаємо:

– обгрунтування положення про зв'язок, спорідненість, відносну аналогічність, схожість мови (словесно-образного оформлення) фольклорних пам'яток різних культур; встановлення фактів спорідненості, близькості і відмінності у способах реалізації думки у мові фольклору різних культур; виявлення відмінних текстотвірних, мовнообразних, мовностильових ознак у зіставлювальних уснословесних текстах;

– з'ясування специфіки використання, реалізації, функціонування мови як організму (як системи систем, як універсальної системи передачі інформації) в аспекті різнорівневого структуротворення фольклорних зразків в зіставлювальних текстах, належних до різних культур; виявлення спільних та відмінних ознак у плані реалізації національної мови у фольклорних текстах певного жанру (скажімо, веснянках чи весільних піснях);

– розгляд мови фольклорних пам'яток окремої культури (взагалі – фактів мови фольклорної дійсності) як специфічного семіотичного континууму; виявлення спільного та відмінного в способах, засобах, прийомах, підходах та шляхах семіотичного кодування дійсності, засвідченої в зразках усної народної творчості різних культур;

– на основі компаративних студій обгрунтування факту мови фольклорних текстів різних культур як чинника життєіснування етносу, як ґрунту та засобу для реалізації творчого потенціалу етномовоносіїв;

– аргументований доказ факту універсальності мови фольклорних пам'яток різних культур; з'ясування специфіки фольклорної мовної універсальності, засвідченої в текстах відмінних культур, механізмів її дії, аналіз лінгвістичних та позалінгвістичних способів, засобів та різновидів реалізації тощо; з'ясування спільних та несхожих ознак у виявленні мовнообразної, мовностильової універсальності, притаманної окремій етнічній культурі;

– різноаспектний опис фольклорної семантики, фольклорного словотвору та фольклорної граматики уснословесних пам'яток народної творчості, властивих певній культурі; виявлення спільних та відмінних рис щодо використання означених мовних засобів;

– інтерпретований компаративний мовностильовий та мовностилістичний аналіз фольклорних текстів як національно-естетичних зразків колективного генія – народу; встановлення спільних та відмінних ознак у різнорівневій мовностильовій, мовностилістичній організації порівнюваних фольклорних текстів.

Крім основних, визначаємо низку конкретніших завдань, що випливають безпосередньо із вище зазначених, а саме:

– опис архітектоніки текстової організації творів усної народної словесності (текстотвірних одиниць зовнішнього – структурно-композиційного рівня) у зіставному аспекті – на прикладі текстів окремого жанру у різних культурах (наприклад, легенд чи, скажімо, веснянних пісень або колискових;

– зіставна характеристика поетичного словника текстів усної народної творчості, належних до різних культурних континуумів: опис мовнообразних одиниць (тропів), встановлення закономірностей їх творення та функціонування; виявлення специфіки образо творення, спільного та відмінного у поетизації довколишнього світу, побуту, емоційної сфери етномовців;

– виявлення та аналіз діалектних одиниць, зафіксованих у фольклорних текстах різних жанрів відмінних культур; спостереження за особливостями функціонування діалектних явищ у фольклорних текстах, належних до різних культур; осмислення ролі діалектного континууму в аспекті текстотворення фольклорних зразків; виявлення споріднених діалектних одиниць у текстах усної народної творчості генетично близьких культур;

– зіставне вивчення варіантів фольклорних текстів різних етнічних континуумів в лінгвістичному аспекті;

– встановлення закономірностей текстотворення мовностильового континууму різножанрових фольклорних творів, належних до відмінних культур;

– опис синтаксичних конструкцій, використовуваних для творення фольклорних текстів різних жанрів у відмінних культурах;

– з'ясування специфіки впливу мови фольклору на формування національної літературної мови, її нормативної бази; зіставлення обсягу, особливостей вияву цього впливу на зіставлювані культуромовні континууми;

– встановлення специфічних ознак фольклорного стилю, притаманного визначеній культурі;

– здійснення етимологічного аналізу окремих груп лексики (окремих лексичних одиниць), характерних для фольклорних текстів зіставлю вальних культур;

– розробка компаративної лінгвофольклористичної лексикографії;

– опис терміноапарату компаративної лінгвофольклористики;

– дослідження зв'язків компаративної лінгвофольклористики з іншими галузями філологічної та нефілологічної науки;

– з'ясування ролі фольклорного компонента у формуванні ідіолекту письменника, у становленні національно-мовної особистості митця;

– спостереження за специфікою естетики мови фольклорних пам'яток (мовними засо-

бами створення естетики, особливостями реалізації естетичного змісту, можливостями фольклорної естетики як складника етноестетики) у текстах різних культур; окреслення ваги естетичного потенціалу фольклорного слова як словесно-образного феномену колективної мовотворчості в текстах усної словесної творчості, належних до різних етноконтинуумів.

– компаративний опис лінгвосеміотичної системи фольклорного дискурсу окремих культур як специфічного знакового етнокоду; виявлення спільних та відмінних етнокодових одиниць, їх семантики, естетики;

– спостереження за способами та засобами здійснення / реалізації фольклорної комунікації як особливої етномовної, етнокультурної, етноестетичної тощо діяльності.

Отже, компаративна лінгвофольклористика як галузь наукових знань покликана вивчати на основі зіставних студій спільні та відмінні різнорівневі мовні особливості побудови текстів народної творчості, їх архітектоніку, специфіку художньо-образної організації з метою пізнання природи національного мовомислення і особливостей бачення та ословлення реалій довкілля.

Список використаних джерел

1. Беценко, Т. П. Лінгвофольклористика в системі сучасної філологічної науки: основні поняття, завдання, напрями дослідження / Т. П. Беценко // Східнослов'янська філологія. Мовознавство. – 2016. – Вип. 29. – С. 11–19.

2. Беценко, Т. П. Актуальні питання зіставного вивчення мови усної народної творчості / Т. П. Беценко // Актуальні проблеми філології та методики викладання іноземних мов у сучасному мультилінгвальному просторі : матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції, 22 листопада 2018 р., Вінниця / гол. ред. Т. І. Ямчинська. – Вінниця, 2018. – С. 8–9.

3. Єрмоленко, С. Я. Фольклор і літературна мова / С. Я. Єрмоленко. – Київ : Наук. думка, 1987. – 242 с.

4. Хроленко, А. Т. Введение в лингвофольклористику : учебное пособие / А. Т. Хроленко. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 192 с.

The article clarifies the meaning of the concept of comparative linguistic folklore. Definition of term is given. The object of the proposed field of scientific studies, subject, task is considered. Possible directions of research in the specified field are substantiated.

Keywords: linguistic folklore, comparative linguistic folklore, language of folklore, language of oral folk art.

УДК 811.161.1'42'373:821.161.1-4*Н. С. Лесков

О. А. Головачева

ОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РАННИХ СТАТЕЙ Н. С. ЛЕСКОВА В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена анализу публицистических произведений Н. С. Лескова 60-х годов в лингвокультурном аспекте. Исследуется употребление имен собственных, репрезентирующих историко-культурную и духовно-нравственную матрицу русской жизни.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, ранняя публицистика, онимы, культурная парадигма, самобытность.

Н. С. Лесков-публицист имел глубокие представления о России: о медицине, театре, учебных заведениях, бытоустройстве и многом другом. Уже ранние статьи (60-х годов) ре-

презентировали автора как образованного человека, яркую личность, публицистическое творчество которой «сопряжено с морально-нравственной и культурно-исторической самобытностью народа, отраженной сквозь призму Слова» [1, с. 129].

Наблюдения литератора позволяют утверждать, что у русского народа есть устойчивые этнокультурные основы, которые сохраняются в течение длительного времени. Это, например, патриотизм, понимание греховности, семьи и др. [2, с. 19].

Глубокое знание автором народной жизни, характера войны показано в статье «Пятьдесят лет назад», датированной 1862 годом (к 50-летию победы в Отечественной войне). Деяния русских людей были достойны и восхищения, и удивления даже со стороны противника, о чем сигнализируют, в частности, антропонимы, например, *Филипп-Поль де Сегюр*. Это французский бригадный генерал, входивший в окружение Наполеона и путешествовавший с ним в его военных походах в 1812 году; он оставил свои воспоминания о войне в России [3], к которым обращался и Лев Толстой для описания Бородинского сражения в романе «Война и мир», и Н. С. Лесков. Обращение к работе Сегюра «История Наполеона и его Великой Армии в 1812 году» свидетельствует об уважительном отношении русских писателей даже к интервентам, если в их работах содержатся правдивые сведения. Филипп-Поль де Сегюр в 1812 году писал о русских людях: «Каторжника, который за рубль согласится на убийство, мы не могли бы миллионами подкупить на измену» [4].

Простых крестьян, а по сути, героев, которых показывает Н. С. Лесков в статье «Пятьдесят лет назад», исследователь его творчества Л. А. Капитанова назовет «бессменно стерегущими душу России», и по праву [цитируется по 5; 6, с. 93]. Публицист уверен: подвиг предков должны помнить во все времена, что ярко представлено именами собственными (ИС) в обобщенно-символическом значении (*Кутузовы и Болконские, Верещагины, Растопчины, Васьки Денисовы*): *Они где-то зарождаются, восстают и текут, влеча за колесами двигающей их колесницы своих* ***Кутузовых и Болконских, Верещагиных и Растопчиных, Васек Денисовых*** *и понизовых дам, не хотящих «кланяться французу»* [4]. Фамилийные онимы, употребленные в форме множественного числа, имеют положительно-оценочную коннотацию, так как характеризуют русских людей, которые отстояли свою Родину в 1812 году.

Данные антропонимы прочно связаны в сознании этноса с определенными референтами. По мнению О. И. Александровой, здесь «... известен не только референт имени собственного, но и определенный конгломерат сведений о его качествах и свойствах <...>, то есть индивидуальные коннотации» [7, с. 43–44], которые способствовали формированию концептосферы имени, так как в смысловом объеме лексической единицы присутствует ментальная составляющая. Онимы, оставаясь по формальному выражению ИС, утрачивают признаки своей категории, занимая позицию прецедентных имен, поскольку символизируют национально-культурные компоненты: колоссальный заряд отваги, силу патриотизма, бесстрашия русских людей, воинов как по роду деятельности, так и по зову души. В текстах отмечены и антропонимы, называющие конкретных лиц, отличившихся в 1812 году, что создает реальную картину действительности и фиксирует событийность, а также характеризует лицо: *Собирается совет. За еловым крестьянским столом мы видим* ***Ермолова, Кайсарова, Толя, Барклая-де-Толли*** *с его высоким лбом, сливающимся с голою головою,* ***Уварова,*** *кругленького* ***Дохтурова, Остермана-Толстого, Раевского и Коновницына.*** *Все ждут* ***Бенигсена...*** [4]. В публицистических текстах Н. С. Лескова 60-х годов XIX века личные наименования (имена литературных героев) представлены широким кругом единиц, в том числе и претерпевших переход имен собственных в нарицательные. В ряде контекстов использован прием конкретизации смыслового наполнения одного онима посредством другого, например: *Тургеневский* ***Рудин*** *– сын этой эпохи и ее памятник. Началась другая эпоха. Пошел запрос на* ***Инсаровых. Инсаровых*** *оказалось очень мало. Потому как инсаровское дело нам непривычное. Явились* ***Базаровы****. // Это* ***Ноздревы****, изменившие одно ругательное слово на другое. Это даже* ***Сквозники-Дмухановские*** [4]; *Русская литература, осмеивая* ***Живоглотов,***

Сквозников-Дмухановских *и прочих «озорников» и «надорванных», остается в долгу перед людьми, которые отдали лучшие свои годы науке...* [4].

Контексты через фамилийные онимы показательно демонстрируют знание Н. С. Лесковым и современной ему литературы, и современной общественно-политической ситуации [8; 9]. Среди антропонимов, называющих героев художественных произведений, самую высокую степень частотности имеет *Сквозник-Дмухановский*, употребленный Н. С. Лесковым в ряде публицистических работ: *Однако же мы еще не чувствуем себя в положении* ***Сквозника-Дмухановского*** [4]; *Во всех бескорыстие, уважение к взаимным естественным правам, тихий верный ход своею дорогою, никому не подставляя ног, никого не кормя селедками à la monsieur* ***Сквозник-Дмухановский*** [4]. ИС *Сквозник-Дмухановский* выполняет характерологическую функцию, представляя типичные для персонажа Н. В. Гоголя качества, известные просвещенному читателю.

В текстах статей Н. С. Лескова отмечены также названия церковных праздников, известных в народе как «Родители», «Троица» (*Но... ударил в Петербурге пожарный набат в день* ***Св. Троицы*** [4]) и др., а также праздники, представленные описательными выражениями (*день преп<одобного> Алексия, человека Божия*). Автор нередко сопровождает календарное название народным именованием (*день Алексея с гор потоки)*. Это характеризует особенности уклада жизни русского человека, связывающего природные изменения с православными праздниками: *Теперь весна; 17-го марта был праздник* ***день преп<одобного> Алексия, человека Божия,*** *день, известный в народе под названием «****Алексея с гор потоки****», и действительно начались потоки* [4].

В статьях Н. С. Лескова представлены и религионимы, называющие святых; данные ИС выступают в качестве духовных констант православного народа: *...раскольники с упоением читали резкие выходки против воронежского* ***Митрофана*** *и задонского* ***Тихона****, а как добрались, что и* ***Иона****, и* ***Алексей****, и* ***Филипп****, и* ***Кукша*** *также пользуются не большим почетом, так что сделали?// ...в последние дни, с пришествием* ***Илии*** *и* ***Еноха****, явится опять «настоящее священство»* [4].

Указанные лексемы выступают как средство оконтуривания глубинного, сакрального, значимого для русского человека в любой жизненной ситуации.

Таким образом, имена собственные, отмеченные в ранней публицистике Н. С. Лескова, свидетельствуют о широте кругозора литератора, репрезентируют историко-культурную матрицу русской жизни, вызывают множество ассоциаций эмоционально-образного спектра.

Список использованных источников

1. Головачева, О. А. Окказионализмы – признаковые слова в идиолекте Н. С. Лескова : монография / О. А. Головачева. – М. : ИНФРА-М, 2019. – 129 с.

2. Головачева, О. А. Прагматико-стилистический потенциал слова Н. С. Лескова (язык публицистики 60-х годов XIX века) : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / О. А. Головачева ; Смоленский гос. ун-т. – Смоленск, 2017. – 548 с.

3. Сегюр, Филипп Поль де [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org. – Дата доступа : 05.11.2019.

4. Лесков, Н. С. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Н. С. Лесков ; редкол.: Н. И. Либан (гл. ред.) и др. ; вступ. ст. И. В. Столяровой.– М. : Изд. центр «Терра», 1996.

5. Капитанова, Л. А. Н. С. Лесков в жизни и творчестве : учебное пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей / Л. А. Капитанова. – М. : Русское слово, 2002. – 93 с.

6. Головачева, О. А. Нравственные проблемы публицистики Н. С. Лескова 60-х годов XIX века. Языковые средства отражения позиции автора / О. А. Головачева. – Брянск, 2011. – 19 с.

7. Александрова, О. И. Индивидуальное словообразование на базе имен собственных / О. И. Александрова // Науч. тр. Куйбыш. пед. ин-та. – Куйбышев, 1979. – Т. 228. – Вып.1. – С. 42–48.

8. Леденева, В. В. О месте украинизмов в идиолекте Н. С. Лескова / В. В. Леденева // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье : научные доклады участников Международного научного форума (г. Новозыбков, Брянская область,

23−26 октября 2019 г.) ; под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова. – Новозыбков, 2019. – С. 590–595.

9. Леденева, В. В. Состав и стилистические функции глагольной лексики в письмах 90-х годов X1X века Н.С. Лескова : монография / В. В. Леденева. – М. : МГУП, 2009. – 703 с.

The article is devoted to the analysis of journalistic works of N.S. Leskov of the 60s in the linguocultural aspect. The use of proper names representing the historical-cultural and spiritual-moral matrix of Russian life is researched.

Keywords: N.S. Leskov, early journalism, onyms, cultural paradigm, identity.

УДК 811.161.2’282.2(477.44)

І. В. Гороф’янюк

АНТРОПОЦЕНТРИЧНІСТЬ У МІКОЛОГІЧНІЙ ЛЕКСИЦІ УКРАЇНСЬКИХ ЦЕНТРАЛЬНОПОДІЛЬСЬКИХ ГОВІРОК

Статья посвящена анализу микологической лексики, зафиксированной автором в центральноподольских говорах украинского языка, сквозь призму антропоцентричности как одного из основных проявлений человеческого фактора в языке. Определены четыре модели номинативной транспозиции, в которых реализуется антропоцентрическая ориентация семантики народных названий грибов.

Ключевые слова: антропоцентричность, номинация, названия грибов, микологическая лексика, микономен, центральноподольские говоры.

Для сучасної антропоцентричної парадигми лінгвістики характерне вивчення мовних явищ у зв’язку із виявами людського чинника в мові. Витоки антропоцентричності як принципу номінації явищ природи ватро шукати в язическьких уявленнях наших предків про одушевлення всієї природи, а тому і рослинний організм розглядався як живий, схожий з іншими живими організмами. Народні назви рослин заслуговують із цієї точки зору на посилену увагу як один із найархаїчніших пластів лексики, у якому закарбовано досвід практичного та культурно-міфологічного освоєння світу людиною. Та попри це феномен антропоцентричності у флороно мінації не став предметом вивчення мовознавців, відомі лише поодинокі розвідки з цієї проблеми [1; 2]. Мета нашої статті – продовжити дослідження механізму реалізації принципу антропоцентричності в ботанічній лексиці [3; 4; 5; 6], зокрема в народних назвах грибів та назвах понять, пов’язаних із ними.

Задля цього ми виділимо семантико-словотвірні моделі флороно мінації, які формують феномен антропоцентричності та простежимо їх лінгвальне наповнення на фактичному матеріалі 94 українських говірок Центрального Поділля, зібраному автором під час польових експедицій (2006–2008 рр.) у Вінницькій обл., що складає понад 670 номінативних одиниці на позначення грибів, їх видів, частин та масивів, які вони утворюють. Слід гадати, що факти, спостережені, зокрема, у центральноподільських говірках, не позбавлені типових рис, які властиві загальнонародній українській мові. Зрозуміло також, що без характеристики основних семантичних процесів, характерних для говорів, не можна осягнути й мовних явищ у літературному ідіомі.

Назви грибів із найдавніших часів відзначалися тим, що серед них значну частину становили слова, асоціативно пов’язані з іншими сферами дійсності і первісно належні до інших тематичних груп лексики [7; 8; 9]. Традиційним джерелом метафоричного перенесення в мікологічну лексику є сфера людини, її способу життя, занять, побутових і культурних уподобань.

Антроцентрична орієнтація семантики зафіксованих назв грибів та назв понять, пов'язаних із ними, реалізується в чотирьох моделях номінативної транспозиції: 1) назва людини → мікономен, 2) назва частини тіла людини → мікономен, 3) назва ознаки людини → мікономен, 4) назва явища, пов'язаного із життєдіяльністю людини → мікономен.

Семантико-словотворча модель «Назва людини → мікономен» охоплює назви, похідні від: 1) назв спорідненості, 2) назв національностей, 3) назв різних соціальних, вікових та інших груп, 4) власних назв.

Баба: ˈ*баба* (локалізацію кожної назви див: [10]) 'підберезник, Leccuinum scarbum S.F. Gray'; ˈ*бабка* 'підберезник, Leccuinum scarbum S.F. Gray', 'підосичник, Leccuinum aurantiacum S.F. Gray', 'моховик, Xerocomus Quel.', *черво*ˈ*нен'ка* ˈ*бабка, красного*ˈ*лов'і баб*ˈ*ки* 'підосичник, Leccuinum aurantiacum S.F. Gray'. Усі ці лексеми об'єднують в один ряд спільні семи 'великий', 'круглий', 'м'який'.

Лексемою псл. походження [8, с. 13] ˈ*бабка* 'підберезник Leccuinum scarbum S.F. Gray' номіновано в 49 н.пп., відзначено також варіанти ˈ*баба,* ˈ*бабк'і,* о ˈ*бабк'і*. Зауважимо, що в говірці с. Криківці Немирівського р-ну Вінницької обл. існує диференціація в називанні підберезника: якщо гриб молодий, тугий, його номінують *п'ідбе*ˈ*резник,* коли ж він зістаріється, стане м'яким – ˈ*бабка.* Цей факт підтверджує етимологічне припущення Г. Ф. Шила щодо назви гриба ˈ*бабка* у зв'язку з тим, що він швидко старіється, робиться м'яким [11, с. 196].

Номінація порхавки бородавчастої, Lycoperdon perlatum Pers. ˈ*бабка* зумовлена лікувальними властивостями гриба (пор. *л'і*ˈ*чебн'ік* 'т.с.'): ˈ*Сипиц'а з* ˈ*н'ого* ˈ*сивиї* ˈ*поп'іл'* ˈ*рани заси*ˈ*пати //* (с. Буша Япільського р-ну Вінницької обл.)**.**

Брат: *б*ˈ*ратчики, гри*ˈ*бове б*ˈ*рат'а, сест*ˈ*рички б*ˈ*ратчик'іў* 'рядовка, Tricholoma' – назви, утворені за мотиваційною ознакою «спосіб росту гриба" (пор.: *р'а*ˈ*доўки, р'а*ˈ*дохи, ра*ˈ*дохи,* ˈ*радушки* 'т.с.').

Близнюк: принцип антроцентричності в осмисленні реалій довкілля виявився провідним у номінації гриба, розрізи якого зрослись – *близ*ˈ*н'ук.*

Мікономени, співвідносні з назвами представників етнічних груп, постали, припускаємо, на ґрунті мотиваційного значення 'дикий, чужий': *жид* 'вид отруйного гриба', *жид*ˈ*ки* 'сморж, Morchella conica Pers.'

Затемнену семантичну мотивацію мають назви, похідні від антропонімів, як-*от і*ˈ*ван-гриб* на позначення не відомого нам гриба, назву якого інформатор пам'ятає з дитинства, але не може деталізувати опис реалії у зв'язку з тим, що гриб давно зник (с. Степанівка Вінницького р-ну Вінницької обл.).

Семантико-словотворча модель «Назва частини тіла людини → мікономен» ґрунтується на зовнішній подібності окремих частин гриба і частин тіла людини. Так виникли назви грибів та їх частин, похідні від соматизмів.

Голова. Назви грибам або їх частинам з компонентом *голова* зазвичай дають об'єктам кулеподібної форми, що асоціюються з головою людини: *голо*ˈ*ва, го*ˈ*лоўка* 'шапинка гриба', *йак голо*ˈ*ва* 'великий гриб', ˈ*голови* 'молода порхавка бородавчаста, Lycoperdon perlatum Pers.', *безго*ˈ*лоўл'а* 'потворний, звироднілий гриб', *красного*ˈ*ловец', красного*ˈ*ловець, красного*ˈ*ловик, червоного*ˈ*ловец', красного*ˈ*лов'і баб*ˈ*ки* 'підосичник, Leccuinum aurantiacum S.F. Gray', *червоного*ˈ*лов'і сиро*ˈ*йіжки* 'сироїжка їстівна, Russula vesca Fr., яка має червону шапинку', *зеленого*ˈ*лов'і сиро*ˈ*йіжки* 'сироїжка зелена, Russula aeruginea Lindbl.', *б'ілого*ˈ*лов'і сиро*ˈ*йіжки* 'сироїжка біла, Russula delica Fr.'.

Як зауважує А. М. Шамота, «використання назви частини тіла – голови як словотвірної мотивуючої основи похідних найменувань рослин – характерна риса всіх слов'янських та інших індоєвропейських мов» [9, с. 57].

Губи. Подільський говір (54 н.пп.) й до сьогодні зберігає номінативну опозицію *гри*ˈ*би* 'білий гриб, Boletus edulis' – ˈ*губи* 'загальна назва всіх інших грибів', засвідчену в пам'ятках XVI ст. [7, с. 166] і широко відому в слов'янських мовах [12, с. 187]. Етимологи переконані,

що за походженням *ˈгуба* ‘гриб’ та *ˈгуба* ‘частина обличчя’ – одне слово, що розвинулося з первісного значення ‘наріст, виступ, край’ [7, с. 168].

Язик. Соматизм *язик* також засвідчений у народній ботанічній номенклатурі: *йазиˈки ˈс’ір’і* ‘гливачка звичайна, Pleurotus ostreatus Kumm.’, *йазиˈки кˈрасн’і* ‘глива правдива, fistulina hepatica schaeff.’.

Нога. Назви, похідні від *нога,* постали внаслідок зовнішньої та функціональної подібності ноги людини до довгої частини гриба: *ˈношка, ˈн’ішка* (лексичний варіант *ˈлитка*) ‘корінь гриба’. Відповідно результат такого метафоричного перенесення маємо в композитах *грубоˈножка* ‘білий гриб, Boletus edulis Bull.’, *тонкоˈножки* ‘лисичка справжня, Cantharellus cibarius Fr.’, *тонкоˈн’іжки* ‘сироїжка, Russula’.

Яйця: *ˈд’ідов’і ˈйайц’а* ‘сморж, Morchella conica Pers.’.

М’ясо: *мˈн’асо, мˈйасо* ‘м’якоть гриба’, *ˈдике мˈн’асо* ‘наріст на стовбурі дерева’, *ˈдике мˈн’асо, дуˈбове мˈн’асо* ‘глива правдива, fistulina hepatica schaeff.’.

Семантико-словотворча модель «Назва ознаки людини → міконом» є активною у творенні видів грибів. Головна семантична опозиція у народній номінації грибів «їстівні – отруйні» реалізована антонімічною парою виразно аетропометричного характеру *роᵛˈзумн’і – дурˈн’і* (с. Гонтівка Чернівецького р-ну Вінницької обл.).

Таким чином, антропоцентричність як принцип пізнання і розуміння навколишнього світу – стародавня світоглядна концепція, яка сягає анімістичних уявлень про природу. Відобразилися ці архаїчні уявлення наших пращурів і в номінації об’єктів природи, зокрема грибів. Окреслені в дослідженні чотири моделі номінативної транспозиції (назва людини → міконом, назва частини тіла людини → міконом, назва ознаки людини → міконом, назва явища, пов’язаного із життєдіяльністю людини → міконом) є номінаційним підґрунтям, на якому реалізується антроцентрична орієнтація семантики зафіксованих назв грибів та назв понять, пов’язаних із ними, в українських говірках.

Список використаних джерел

1. Бјелетић, М. Од девет брата крв (фитоними и термини сродства) / М. Бјелетић // Кодови словенских култура. – Београд, 1996. – Бро ј 1. Година 1. Биљке. – С. 89–101.
2. Kolosova, V. Človeško telo in rastline. Medsebojni odnosi med dvema sistemoma poimenovanja / V. Kolosova // Etnolog. Glasnik Slovenskega etnografskega muzeja. – Ljubljana, 2005. – № 15. – S. 137–150.
3. Гороф’янюк, І. В. Ботанічна лексика крізь призму антропометричності (на матеріалі центральноподільських говірок) / І. В. Гороф’янюк // Філологічний вісник Уманського державного педагогічного університету імені Павла Тичини : збірник наукових праць. – Умань : «Візаві», 2011. – Вип. 1. – С. 211–219.
4. Гороф’янюк, І. В. Ботанічна лексика крізь призму антропометричності (на матеріалі центральноподільських говірок) / І. В. Гороф’янюк // Наукові праці Кам’янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка: Філологічні науки. – Кам’янець-Подільський : Аксіома, 2013. – Вип. 34. – С. 69–73.
5. Гороф’янюк, І. В. Ботанічна лексика крізь призму антропометричності (на матеріалі центральноподільських говірок) / І. В. Гороф’янюк // «Лінгвістика» : збірник наук. праць ДЗ «Луганський національний університет імені Тараса Шевченка”. – Луганськ, 2015. – № 1 (32). – С. 15–22.
6. Гороф’янюк, І. Антропометричність як номінаційна домінанта в ботанічній лексиці / І. Гороф’янюк // Dialogul slaviştilor la începutul secolului al XXI-lea. Anul. V, nr. 1/2016 : материалы Международного научного симпозиума «Диалог славистов в начале XXI века», г. Клуш-Напока, Румыния, 21−23 мая 2015 г. – Cluj-Napoca, 2016. – С. 212–226.
7. Меркулова, В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы. Грибы. Ягоды) / В. А. Меркулова. – М. : Наука, 1967. – 258 с.
8. Сабадош, І. В. Формування української ботанічної номенклатури / І. В. Сабадош. – Ужгород : Ужгород. держ. ун-т, 1996. – 192 с.
9. Шамота, А. М. Назви рослин в українській мові / А. М. Шамота. – К. : Наук. думка, 1985. – 162 с.

10. Гороф’янюк, І. В. Ботанічна лексика центральноподільських говірок : матеріали до Лексичного атласу української мови / І. В. Гороф’янюк; [відп. ред. П. Ю. Гриценко]. – Вінниця : ПП І. Б. Балюк, 2012. – 304 с.
11. Шило, Г. Ф. Назви деяких грибів у слов’янських мовах / Г. Ф. Шило // Праці XI Респ. діалектол. наради. – К. : Наук. думка, 1965. – С. 195–205.
12. Зайцева, Т. М. Названия грибов в Общеславянском лингвистическом атласе / Т. М. Зайцева // Совещание по ОЛА : тезисы. – М., 1977. – С. 185–188.

The article presented the investigation of the mycological lexis (at the material of the Central Podillya dialects) in the light of anthropocentricity. Anthropocentric orientation semantics fixed mushrooms’ names manifested in the implementation of t 4 models of nominative transpositions.

Keywords: anthropocentricity, nomination, mushrooms’ names, mycological lexis, the Central Podillya dialects.

УДК 811.161.2‘0

Г. І. Гримашевич

ДІАЛЕКТНИЙ ТЕКСТ ЯК ЛІНГВОКУЛЬТУРНА ОДИНИЦЯ (НА МАТЕРІАЛІ БЕРЕСТЕЙСЬКИХ ГОВІРОК)

В статье на материале опубликованных Г. Аркушиным в сборнике «Голоса с Берестейщины» диалектных текстов охарактеризован диалектный текст как лингвокультурная единица с учетом репрезентации в нем с помощью вербальных средств не только языковой картины мира украинцев, но и культурного бытия носителей диалектов, их мировосприятия. Проанализированные тексты демонстрируют разноаспектные сферы жизнедеятельности полешуков-берестейцев, особенности их материальной и духовной культуры как составляющей менталитета сквозь призму диалектной речи.

Ключевые слова: Берестейщина, диалектный текст, лингвокультурологии, диалектная речь, материальная культура, духовная культура.

Останні десятиріччя в українській діалектології зокрема та слов’янській загалом позначені неабиякою увагою до говіркового зв’язного мовлення, що реалізується в діалектному тексті (далі – ДТ) як різноплановій одиниці, у якій у словесній формі відображено, крім суто лінгвальних, лінгвокультурні особливості та світогляд певної етнічної групи, бо, за словами Г. Мартинової, ДТ є скарбницею народної культури, адже в них відображено не тільки світ, що оточує людину, не лише реальні умови її життя, але й суспільну самосвідомість мовця, його ментальність, національний характер, спосіб життя, традиції, мораль, систему цінностей, специфіку світобачення й світосприйняття [8, с. 272]. Різноаспектну векторність діалектного тексту неодноразово відзначали дослідники, насамперед зауважуючи про те, що такий матеріал можуть «використати не тільки діалектологи, а й соціолінгвісти, фольклористи, етнографи, історики та ін.» [2, с. 3], бо ДТ – важливе джерело багатоаспектних лінгвістичних, етнографічних, культурологічних, історичних досліджень [4, с. 60]. Зазначене вище зумовлене особливим статусом ДТ як багатовимірного, комплексного, самодостатнього джерела з невичерпною інформативністю для багатьох суміжних наук [6, с. 190]. Підтвердженням цього є видання низки збірників діалектних текстів із різних зон українського діалектного континууму, а також публікація діалектних текстів із різних областей Білорусі та говірок сучасного білорусько-російського суміжжя, наприклад, у журналі «Беларуская дыялекталогія», де вміщено записи зв’язного мовлення про народну матеріальну (ткацтво, збиральництво, землеробство, народний побут) та духовну (традиції, звичаї, обряди, вірування) культуру [3, с. 23–360].

Саме тому в кінці XX – на початку XXI ст. в українській діалектології опубліковано низку текстографічних видань – збірників діалектних текстів, які репрезентують мовний обшир говорів південно-західного (упорядники та укладачі праць Н. Глібчук, Н. Руснак, М. Грицак, І. Жегуц, О. Миголинець, О. Пискач, М. Лесюк, Т. Тищенко, Г. Березовська, І. Гороф'янюк та ін.), північноукраїнського (Г. Аркушин, П. Гриценко, Ю. Бідношия, Л. Дика, Г. Воронич, Л. Москаленко, Л. Пономар (Анісімова), О. Малахівська, С. Гриценко, М. Поістогова, Л. Рябець та ін.) та південно-східного наріч (Г. Мартинова, З. Денисенко, Т. Щербина, А. Таран, Ю. Бідношия, Л. Дика, І. Магрицька, К. Глуховцева, З. Сікорська, В. Лєснова, І. Ніколаєнко та ін.) наріч українського діалектного континууму. До таких видань і належить вибраний нами для дослідження збірник діалектних текстів Г. Аркушина «Голоси з Берестейщини» [1].

Вибір ареалу вивчення (берестейські говірки) зумовлений передовсім тим, що ця територія привертала увагу насамперед білоруських (Ф. Клімчук, Я. Самуйлік, В. Леонюк, Л. Леванцевич, І. Лучиць-Федорець, А. Босак, І. Ляшкевич та ін.), а водночас й українських діалектологів (Г. Аркушин, Ю. Громик, О. Скопненко та ін.) як унікальна діалектна зона щодо території розташування та функціонування виразних говіркових особливостей, які є маркерами самоідентифікації населення.

Мета нашої розвідки – проаналізувати діалектні тексти Берестейщини, записані Г. Акушиним й опубліковані у виданні «Голоси з Берестейщини» [1], з огляду на їхню лінгвокультурну маркованість.

Як зауважує Г. Аркушин у передмові до видання, одні з перших берестейських текстів (із 9 говірок) уміщено в збірнику «Говори української мови» (1977), водночас частина цієї території представлена в «Атласі української мови» [1, с. 8], хоча найдокладніше цей ареал представив у своєму науковому доробку Ф. Клімчук, який, крім низки наукових праць, удоступнив для широкого загалу зразки зв'язного говіркового мовлення з багатьох говірок Берестейщини.

У досліджуваному збірнику вміщено записані від представників старшого покоління (переважно жінок) різнопланові тексти із 44 говірок Берестейщини, які значною мірою відображають мовне та культурне буття поліщуків-берестейців у спогадах різної тематики, у відтворених у вербальній формі звичаях та обрядах, на основі чого, на думку Н. Коваленко, розкривається не тільки рівень мовної компетенції діалектоносія, а й додаткова важлива інформація про розуміння часової реальності буття, що реалізується через мовні засоби [6, с. 193].

Як зауважує Я. Литвиненко, особливо актуальними для інформантів є теми, пов'язані з людським існуванням, народним побутом і культурою, устроєм сільського життя, господарюванням [7, с. 272]. Аналізовані тексти підтверджують цю думку, оскільки значний обсяг матеріалу – це саме розповіді про своє життя, про школу, про переселення та біженство, про різні види діяльності сільських жителів, які репрезентують матеріальну культуру, зокрема землеробство, прядіння, ткацтво, приготування страв. Крім того, важливе значення мають тексти-спогади про колишнє життя, про роботу в колгоспі, німецьку окупацію, які відображають історію крізь призму світобачення діалектоносіїв, що суголосне зі словами П. Гриценка про загальнокультурне значення ДТ як витворів глибинного народного мовомислення, які особливо цінні акумульованим у них багатим культурним досвідом соціуму у відповідних параметрах хронотому [5, с. 116].

Водночас відзначимо антропоцентризм аналізованих текстів, оскільки в них міститься цінна інформація про прізвища та прізвиська односельчан, що свідчить про історію формування діалектного антропонімікону, особливості мислення берейстейців, активність діалектного словотворення та особливості світосприйняття інформаторів. Зокрема, у тексті із с. Соболі Березовського р-ну спостерігаємо розмаїття прізвищ односельчан зі слів інформатора: *Козловіч, Капуза, Тарановіч, Данілюк, Кінчак, Кабак, Трищук* [1, с. 133].

Важливим аспектом є духовна культура населення, репрезентована в слові, адже ДТ – це ще й духовна скарбниця культури представників народу – носіїв діалекту [9, с. 335]. Представлені в збірнику тексти з Берестейщини вміщують описи низки звичаїв та обрядів (наприклад, обряд Гоготухи перед Водохрещем [1, с. 79], традиційний весільний, який, на думку інформаторів, значно відрізнявся від сучасного, насамперед особливостями одягання

нареченої [1, с. 129], називанням самої нареченої (*молодуха* [1, с. 325], весільними піснями [1, с. 327]), традицій та повір'їв, пов'язаних із календарною обрядовістю різних циклів (веснянки [1, с. 331], обливаний понеділок, який святкували на другий день після Великодня [1, с. 329, 361], Купала, у день якого в церкві святять різне зілля (*зв'еробо'бой, м'йата, шчиби'рец', чертопо'лох, поно'в'ійа, дри'гічка*) [1, с. 364]), демонологічні уявлення населення (ворожіння на дівочу долю [1, с. 81, 153, 175], *кин' чере'вика і ку'ди нос'ком 'л'аже / ту'ди 'замуш п'ідеш* [1, с. 358] та пов'язані з веденням домашнього господарства [1, с. 131, 171], спогади про русалок,я кими переважно лякали малих дітей: *там ро'савка с ко'сима рос'пус'т'аними* [1, с. 198], тощо), а також зафіксовані автором прислів'я та приказки, наприклад: *на благо'в'ешчан'е п'таха гниз'да не вйе / 'д'ўвка ко'си н'е пл'е'ц'е* [1, с. 22], *в чу'жиї сторо'н'і и 'сонце не в т'ім 'боц'і с'ходит'* [1, с. 480]. Як бачимо, ДТ репрезентує зв'язок діалектного мовлення, мислення та духовної культури, а також є свідченням історії народу крізь призму світобачення мовця.

Водночас відзначаємо розповіді про вечорниці, на яких збиралися хлопці й дівчата, записи пісень і розповіді про танці: *н'і'де в 'мир'і так не сп'і'вали / йак в нас сп'і'вали* [1, с. 360]; *спи'вали // вс'о спи'вали / и ве'с'оло бу'ло* [1, с. 76]; *сп'е'вайут ук'раінск'ійе в основ'ном / 'била ме'не 'мати бере'зовим 'путом* [1, с. 122]; *'ету по'винув 'вит'ур степо'виї / тра'ва вс'а нахи'лилас* [1, с. 122].

Водночас привертають увагу тексти про церкву та храмові свята. Саме в такі записи діалектного мовлення – один зі шляхів передачі культурної сакральної інформації з покоління в покоління, частиною якої є життя діалектоносіїв у зв'язку з релігією та церквою, бо саме в тексті спостерігаємо збереження в пам'яті діалектоносіїв вірувань, ставлення до релігії, церкви, само ідентифікації. Зокрема, вражають тексти про руйнування, розвалювання, підпали церков у радянський період [1, с. 41, 87, 175, 441].

З огляду на те, що ДТ – насамперед лінгвальна одиниця, цікавими як у мовному плані, так і з позиції інформаторів роздуми щодо належності їхньої говірки до певної мови: *наїб'лиш в'*род'*і до ук'райінс'кийі / в нас і 'пол'с'ке с'лово ... попа'дайе / і ук'райінс'ке* [1, с. 312], *то нас них'то ни ка'зав / шо ми б'ело'руси / говорили всі шо ми вкра'їнц'і / хах'ли чи укра'їнц'і // наш 'бачте / наш йа'зик / бул'шинст'во св'а / йа'кийс' та'кий о пуд ук'райінс'кий пуд'ходит'* [1, с. 334], *в нас розго'вор пуд'ходит' пуд ук'райінс'ки* [1, с. 420], *в нас по'хожиї / розго'вор до ук'райінского и до 'пол'ского* [1, с. 380], *та ми / ну ук'райінс'ки йе / по-ук'райінс'кому 'говор* [1, с. 454], *по-д'ер'е'в'енскиі / по-'м'есному // 'м'есниї д'іа'л'ект / до ук'райінскойі* [1, с. 66], *там у'же 'бол'ше / 'бол'ше по-б'ело'руску го'ворат' / а тут у нас 'ета 'м'есност' в окруз'і / вс'і го'ворат' так по-'нашому / так 'кажут' / по-ук'райінску* [1, с. 92], *'наша 'мова пуд / пуд ук'райінс'ку по'хожа* [1, с. 216] та ін. Такі роздуми спонукають діалектологів до якнайдокладнішого дослідження говіркового мовлення Берестейщини за допомогою зв'язних текстів як надійної емпіричної бази для дослідження специфічних діалектних рис й остаточного віднесення цієї території до певного діалекту.

Отже, діалектний текст як результат спонтанного мовлення говіркоиосіїв – лінгвокультурна одиниця, яка сприяє не тільки розширенню емпіричної бази української та білоруської діалектології, а й завдяки максимальній повноті представленого говіркового матеріалу та різноспрямованій тематиці розповідей інформаторів створює цілісну мовно-культурну картину світобачення мовця, свідчить про його самоствердження як представника певної етнічної групи, яка має свою матеріальну й духовну культуру та історію. Саме в діалектних текстах простежується динаміка мовних говіркових явищ, зумовлена передовсім екстралінгвальними чинниками, повертаються з минулого призабуті мовні та культурні факти, відображене самоусвідомлення себе як носія духовної та матеріальної культури засобами зв'язного діалектного мовлення. У діалектному тексті представлено код матеріальної та духовної культури певної етнічної групи, представників певного діалекту, виражений через слово, тому діалектний текст сприяє виконанню основного завдання лінгвокультурології, яке, як зазначає Ю. Степанов, полягає в дослідженні та описі взаємовідносин між мовою і культурою, мовою та етносом, мовою і народним менталітетом [10, с. 8]. Саме аналіз діалектних текстів дає підстави й можливості для розкриття сутності мовного бачення світу певною лінгвокультурною

(етнокультурною) групою народу на вибраному хронологічному зрізі з урахуванням лінгвістичних, етнолінгвістичних, культурологічних факторів.

Список використаних джерел

1. Мартинова, Г. І. Діалектний текст як підґрунтя класифікації говірок / Г. І. Мартинова // Діалекти в синхронії та діахронії: загальнослов'янський контекст. – Київ, 2014. – С. 272–289.
2. Аркушин, Г. Українські діалектні тексти: до питання методології / Г. Аркушин // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. Філологічні науки: мовознавство. – 2011. – № 1. – С. 3–8.
3. Глібчук, Н. М. Ідіолект Парасковії Павлюк крізь призму діалектних текстів / Н. М. Глібчук // Діалекти в синхронії та діахронії: текст як джерело лінгвістичних студій. – Київ, 2015. – С. 60–74.
4. Коваленко, Н. Д. Формування діалектної текстотеки: проблеми інформаційної достатності / Н. Д. Коваленко // Діалекти в синхронії та діахронії: текст як джерело лінгвістичних студій. – Київ, 2015. – С. 190–199.
5. Беларуская дыялекталогія. Матэрыялы і даследаванні. Зборнік навуковых артыкулаў. – Вып. 5. – Мінск : «Беларуская навука», 2018. – 360 с.
6. Аркушин Григорій. Голоси з Берестейщини (Тексти) / Григорій Аркушин. – Луцьк : Волин. нац. ун-т ім. Лесі Українки, 2012. – 536 с. + електрон. опт. двосторон. диск (DVD).
7. Литвиненко, Я. О. Текстовий супровід у роботі експлоратора за програмою / Я. О. Литвиненко // Діалекти в синхронії та діахронії: текст як джерело лінгвістичних студій. – Київ, 2015. – С. 271–287.
8. Гриценко, П. Ю. Інформаційний простір діалектного тексту / П. Гриценко // Діалекти в синхронії та діахронії: текст як джерело лінгвістичних студій. – Київ, 2015. – С. 100–118.
9. Рябець, Л. В. Діалектний текст – важливе навчальне джерело в курсі «Українська діалектологія» / Л. В. Рябець // Діалекти в синхронії та діахронії: текст як джерело лінгвістичних студій. – Київ, 2015. – С. 332–336.
10. Степанов, Ю. С. В трёхмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства) / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1985. – 315 с.

In the article on dialect texts published in G. Arkushin in the collection Voices from the Brest Region", the dialect text is described as a linguocultural unit with regard to the representation in it by means of verbal means not only of the linguistic picture of the world of Ukrainians, but also of the cultural existence of their dialect-bearers. The analyzed texts demonstrate the various aspects of the life of the Polesians of Brest, the peculiarities of their material and spiritual culture as a component of the mentality through the prism of speaking.

Keywords: Beresteichina, dialect text, linguoculturology, speech, material culture, spiritual culture.

УДК 811.161.1'42'373.44:394(=161.1)

В. В. Демичева

ФЕМИНАТИВНАЯ ЛЕКСИКА XVIII ВЕКА КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ И ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЙ РУССКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются вопросы влияния экстралингвистических факторов на появление и функционирование в языке XVIII века феминативной лексики, анализируются основные тенденции появления наименований лиц женского пола и их связь с традициями и культурой русского общества исследуемой эпохи.

Ключевые слова: национальный менталитет, взаимодействие языка и культуры, экстралингвистические факторы, феминативы, положение женщины, тенденции появления номинаций, культурные традиции, русское общество.

С точки зрения лингвокультурологической теории, язык – это неотъемлемая часть культуры, основной инструмент ее усвоения, поскольку в нем находят отражение специфические черты национальной ментальности. Язык есть механизм, открывший перед человеком область сознания. Тезис о том, что язык является одним из основных средств, позволяющих культуре выполнять свои основные функции, к которым следует отнести преобразование окружающего мира, обмен социально значимой информацией, накопление и хранение информации, не подлежит сомнению. Данный тезис находит отражение в работах Н. И. Жинкина, С. А. Кошарной, Н. И. Толстого и других современных исследователей языка.

Общепризнанным является тот факт, что в большей степени влиянию социальных факторов подвержена лексическая система языка. Это относится к возникновению и функционированию в языке наименований вообще и наименований лиц женского пола (или феминативов) в частности. Женские наименования – важнейший пласт лексики, нашедший отражение в сфере социокультурной жизни общества. Феминативная лексика теснейшим образом связана с миром человека, следовательно, изучение таких номинаций согласуется с провозглашаемым современной наукой тезисом об антропоцентричности гуманитарных знаний и лингвистики в частности. Наименования лица, в том числе и феминативы, отражают многие национальные социально-политические понятия и поэтому представляют интерес для изучения русской ментальности.

Русская женщина в XVIII веке – «столетии безумном и мудром» − была исполнительницей многих ролей: царицы и светской дамы, помещицы и работницы, писательницы и ученой. Все эти роли были обусловлены прежде всего изменением социальной структуры общества.

Изменение в классовой структуре общества, появление «Табели о рангах», возникновение новых должностей, новая структура административного управления, становление царского двора нового времени, появление новых светских развлечений привели к возникновению новых лексем в словарном составе русского языка. Например, в словаре появились такие наименования, как *штатгальтер, адмирал, герцог, дворянин, капитан, галунщица, аббатиса, асессорша, майорша, генеральша, экономка, домоправительница, веношница, актриса, арфистка, архитекторша, баронетта, барышня, бригадирша, булошница, букетчица* и многие другие.

Именно в Петровскую эпоху складывается лексико-семантическая группа слов, называющих «жену по чину, званию, должности мужа». Наименования этой группы образуются от основ существительных со значением лица мужского пола при помощи суффиксов *-ш(а)* и *-их(а)*. В «Рукописном лексиконе» Ф. Поликарпова эти наименования ещё не фиксируются, но уже в Словаре Ивана Нордстета представлены двадцать слов названной группы: *адмиральша, администраторша, адъютантша, аптекарша, асессорша, атаманша, библиотекарша, бригадирша, генеральша, гофмейстерша, губернаторша, канцлерша, капитанша, капральша, командирша, лекарша, майорша, почмейстерша, фельдмаршальша, штатгальтерша* [1, с. 32–55]. Появление слов такой группы было связано с изменением бытовых и социальных устоев России начала XVIII века, с изменением положения женщины из высших слоев общества в семье и в светском кругу. Привлечение женщин к участию в ассамблеях и маскарадах было, видимо, одним из стимулов для создания подобных наименований, так как возникла необходимость именовать при представлении супругу должностного лица. Вновь образованные наименования не только использовались в официальной речи во время представлений (на приемах, балах, маскарадах и фейерверках), но и употреблялись в документах, деловых записках, иногда даже в литературных произведениях. Позднее М. В. Ломоносов, говоря о наименовании жены по мужу, отмечал в «Российской грамматике» влияние социальных различий на употребление в существительных суффиксов, образующих женские наименования: «Иностранные имена, чины значащие, кончаются в женском на *-ш(а)*: *фельдмаршальша, бригадирша, генеральша*. Если же просто значат жену мастерового человека, кончаются по большей части на *-их(а)*: *кузнечиха, сапожничиха»* [2, с. 107].

Возросшая потребность в наименованиях лиц удовлетворялась не только за счет использования ресурсов русского языка, но и за счет иноязычных слов. Эти слова, проникая в наш язык, осваивались и приобщались к грамматической системе русского языка. Именно к этому времени относится появление слов *дама, мадам(а), кузина, гувернантка, графиня, героиня, герцогиня, августа, виконтесса, императрица, дофина* [3, с. 3, 24, 56] и других.

Взаимосвязь лингвистических и экстралингвистических факторов находит свое выражение и в грамматическом строе языка. Развитие грамматического строя языка, по словам В. В. Виноградова, проявляется как «во все дальше идущем обогащении», так и в выработке «дифференцированных средств» для выражения различных отношений. В русском языке XVII−XVIII веков сильна тенденция называть разными словами женщину и мужчину, то есть сохранять связь между родом и полом, а значит, для названия женщины должно появляться в языковой системе новое слово, что ведет к обогащению класса наименований лиц женского пола (*купец − купчиха, башмачник − башмачница, бобыль − бобылка, аптекарь − аптекарша, заводчик − заводчица, кузнец − кузнечиха, жнец − жнея*) [4, с. 124].

Считается, что XVIII век коренным образом изменил отношение русского общества к женщине, дал ей свободу, освободил от «теремных оков». Положение женщины, действительно, изменилось, если говорить о светской даме, однако общество нового времени занимало противоречивую позицию в этом вопросе.

В отношении к русской женщине в XVIII веке в обществе господствуют три тенденции.

Первая из них связана с традицией восприятия женской личности в древнерусскую и старорусскую эпоху, когда, как говорит И. Забелин, «наш предок не мог соединять со словом *женщина* того понятия, которое ему придается, поскольку само это слово едва ли было знакомо нашей древней письменности» [5, с. 8]. Такое восприятие женщины во многом определялось законами «Домостроя», согласно которому девицы должны быть стыдливы, до замужества жить должны в дому у отцов своих в тайных покоях, чтобы никто, кроме ближних, их не видел.

Вторая тенденция сложилась на основе того, что русский человек часто старается не замечать в себе и окружающей его действительности положительных черт, которые сразу становятся заметны иноземцам. Так, глядя из России на русскую женщину XVIII века, стремящуюся освоить труд писательницы, прогрессивный человек В. Г. Белинский пишет: «Женщина-писательница с талантом – жалка; женщина-писательница бездарная – смешна и отвратительна…у нас есть женщины-писательницы с большим дарованием. Но, право же, писать – это не их дело» [6, с. 225].

Однако иностранцы, побывавшие в России того времени, отмечают, что «хотя в России много восточного, но в одном – она полная противоположность с востоком; русские женщины были тогда более развиты и стояли выше по образованию, нежели мужчины, многие из них знали до полдюжины разных языков, играли на музыкальных инструментах» [7, с. 118].

Третья тенденция в отношении к женщине определялась её социальным статусом. Так, светская женщина, как говорит Н. М. Карамзин, «была допущена до мужской компании, ей позволено жить открытым домом, россиянки перестали краснеть от нескромного взора мужчин, и европейская вольность заступила место азиатскому принуждению» [8, с. 107].

При этом общественные устои требовали от женщины не допускать вольности в поведении, поэтому раздел «Девическое целомудрие» в своеобразном кодексе нравственности «Юности честное зерцало» призывает светскую девушку, вышедшую в свет, к скромности в поведении, к смирению и покорности. То есть опять повторялись постулаты «Домостроя», женщине и девушке старались указать, в чём её высшее предназначение, высшее счастье и благо. Это естественно, поскольку и светская женщина XVIII века, по словам Белинского, «не женщина в европейском смысле этого слова, не человек – она не что другое, как невеста» [6, с. 129], а невеста и жена всегда смиренна, всегда в заботах по дому, по хозяйству, то есть человек домашний.

Тогда каждая благовоспитанная женщина должна была уметь всего понемногу: немного быть *музыкантом, певицей, художницей, писательницей, танцовщицей*. Однако если бы она всецело отдалась карьере *ученой, артистки, писательницы*, то она тут же стала бы предметом всеобщего осуждения или насмешки, получив прозвище «синий чулок» или «философ в чепце». Как отмечает в своих работах В. О. Михневич, это «объясняется не недостатком талантливости и умственного развития в среде русской женщины XVIII столетия, а тем, что женщинам даровитым, талантливым, умным совершенно была чужда сама идея женского профессионального труда на каком бы то ни было поприще» [9, с. 244].

Вследствие этих причин, XVIII век создал у нас своеобразные типы женщин-любительниц и покровительниц наук и искусств. Такими меценатками были Е. Дашкова, Н. Разумовская, Н. Долгорукова, княгини Волконская и Голицына. Женщина-врач, ученая, писательница, журналистка еще не завоевали в XVIII веке себе право на гражданство. Этим объясняется тот факт, что женщины таких профессий встречаются крайне редко среди светских дам.

Другим был взгляд общества на женщину-помещицу, так как она претендовала быть правительницей только в области домашнего хозяйства, что вполне отвечает русской традиции в отношении к женщине. Она, как ей и предписано, домоправительница, её удел – быт, здесь она имеет возможность проявлять свои способности, свой ум, ей позволено быть хозяйкой, поскольку в таком положении она на своем месте. В XVIII веке было даже такое понятие, как «женское правление», которое включало всё, что относится к продовольствию, кухне, гардеробу, домоустройству.

Ничего не изменил XVIII век в отношении к женщине-работнице и крестьянке, которая никогда, в отличие от светской дамы, не была «теремной затворницей», но по отношению к которой никто и не употреблял слово *женщина*, поскольку крестьянка и работница для русского человека всегда ассоциировались со словом *баба*. В крестьянском быту женщина всегда находилась под гнетом самых тяжелых работ, ей не приходилось выбирать, каким трудом заниматься, она была *жательницей, гребеей, вязеей, коровницей, телятницей*. В городе женская прислуга светских дам состояла из *портних, белошвеек, кружевниц, блондочниц, галунщиц, прядильщиц, парикмахерш, гувернанток, бельемоек, посудомоек* [1, с. 56, 82, 94, 107].

Как видим, влияние экстралингвистических факторов, культурно-исторические традиции номинации в целом обусловили возникновение и функционирование в языке XVIII века феминативов. Однако приведенные высказывания историков, писателей этой эпохи, анализ лексикографической, мемуарной, художественной литературы, а также документов XVIII века, содержащих феминативную лексику, свидетельствует о том, что возникновение и функционирование данной группы наименований непосредственно связано с уровнем культуры данного общества и того положения, которое занимает женская личность в обществе.

Список использованных источников

1. Нордстет, И. Российский, с немецким и французским переводами, словарь, сочиненный надворным советником Иваном Нордстетом : [в 2 ч.]. / И. Нордстет. – СПб. : Иждивением типографщика и книгопродавца И.К. Шнора, 1780–1782. – 887 с.

2. Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений / М. В. Ломоносов.– М. : Изд-во Наука, 2011. – Т. 7. – 797 с.

3. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; автор: гл. ред.: Ю. С. Сорокин. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991.

4. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVIII–XIX веков / В. В. Виноградов. – М. : Высш. школа, 1982. – 327 с.

5. Забелин, И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI–XVII столетиях / И. Е. Забелин. – Новосибирск : Наука, 1992. – 237 с.

6. Белинский, В. Г. Избранные эстетические работы : в 2 т. / В. Г. Белинский. – М. : «Искусство», 1986. – Т. 1. – 543 с.

7. Россия XVIII века глазами иностранцев / Подготовка статей, вступительное слово и комментарии Ю. А. Лимонова. – Л. : Лениздат, 1989. – 544 с.
8. Карамзин, Н. М. Избранные сочинения : в 2 т. / Н. М. Карамзин. − М.–Л. : Художественная литература, 1984. – Т. 1. – 395 с.
9. Михневич, В. О. Русская женщина XVIII столетия: исторические этюды / В. О. Михневич. – Киев : Южно-русское издательство Ф. Иогансон, 1895. – 403 с.

The article deals with the influence of extralinguistic factors on the appearance and functioning of feminative vocabulary in the language of the XVIII century, analyzes the main trends in the appearance of names of female persons and their relationship with the traditions and culture of Russian society of the studied era.

Keywords: national mentality, interaction of language and culture, extralinguistic factors, feminatives, position of women, trends of nominations, cultural traditions, Russian society.

УДК 811.161.1’ 373’ 04

Н. И. Клыпа

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII ВЕКА

В статье рассматриваются особенности функционирования сельскохозяйственной терминологии, а именно наименований технологических процессов мельничного производства, зафиксированных в памятниках русской деловой письменности XVII века. Прослеживаются пути исторического развития анализируемых лексем в русском, украинском, белорусском языках.

Ключевые слова: историческая лексикология, лексема, наименование, термин, терминологическая система, тематическая группа.

Изучение исторических изменений в лексической системе русского языка, как и других восточнославянских – украинского и белорусского языков, – остается актуальным и сегодня, так как «в области истории словарного состава особенно наглядно и осязательно проявляются …основные законы развития языка – и прежде всего закономерности связи истории развития языка с историей общества, с историей народа в разные периоды – и разнообразные внутренние законы развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка» [1, с. 47].

XVII век имеет исключительно важное значение в истории развития русского общества. В это время складываются тесные экономические связи между ранее разрозненными русскими областями, на смену феодализму приходят капиталистические отношения, образуется всероссийский рынок, начинают формироваться русская нация и русский национальный язык, происходят важные изменения в его развитии. С XVII века, в результате сближения письменной и устной разновидности языка, начинается интенсивное развитие и обогащение словарного состава русского литературного языка. «Литературный язык не только деловой письменности, но и произведений повествовательных, публицистических, научных отчетливо отражает этот процесс. Различные наименования бытовых предметов, терминов торговли, производства, семейных и общественных отношений из народно-разговорного языка проникают в литературный язык, становятся основным его ядром» [2, с. 24]. Письменно-книжный язык пополняется также профессионализмами из городского просторечия, «которое в XVII веке начало энергично вбирать в себя новые жаргонные и профессиональные разновидности речи, шедшие из немецкой слободы или приливавшие с юго-запада, из Украины и Белоруссии» [3, с. 63].

С этого времени интенсивно развиваются и разнообразные терминологические системы русского языка, в том числе сельского хозяйства, где большое место занимает тематическая группа наименований мельничного производства.

Как свидетельствуют данные археологии, истории, мукомольное дело имеет многовековую историю. Начало производства муки из зерен пшеницы и ржи, теряясь в тумане доисторического прошлого, так же неведомо для нас, как неведом и тот момент, когда человек впервые сумел оценить питательные свойства злаков, этих ценнейших из всех растений мира. Размельчение зерен в муку посредством жерновов практиковалось задолго до рождества Христова. Так, в законе, изданном Моисеем, о жерновах говорится: «никто не должен брать в залог верхнего и нижнего жерновов» [4, с. 1].

Мельничное производство как одна из отраслей сельского хозяйства, занимающее важное место в жизни народа, характеризующееся длительной историей, нашло свое отражение в словарном составе русского языка.

Слова, входящие в тематическую группу наименований мельничного производства, относятся к разным по происхождению пластам лексики. Сама группа мукомольных наименований не является строго замкнутой, находится в зависимости от географических, экономических и социальных факторов и в то же время обладает некоторой автономностью, обусловленной внутрилингвистическими особенностями ее структуры.

Под мельничным (мукомольным) производством надлежит понимать всю совокупность механических операций над зерном внутри мельницы, имеющих конечной целью превращение его в муку требуемого качества. Эти операции можно разделить на несколько этапов: подготовка зерна к помолу, собственно помол и обработка муки. В памятниках письменности XVII века представлен целый ряд слов, служащих для обозначения этих процессов. К ним относятся *вѣяти, засыпати, засыпка, молоти, молотье, меление, мелитба, мливо, помол, подсевати, сѣяти.*

Наименование *молоти* наиболее точно определяет мукомольный процесс «превращать зерно в муку». Впервые лексема зафиксирована в письменных памятниках XII века: *Ими жерновы* ***мели*** *муку* (Сл. Иппол. об антихр., 47. XII в.). В языке исследуемого периода данное слово употребляется в первоначальном значении ‘молоть, измельчать зерно в муку’. Оно широко используется и в памятниках деловой письменности XVII века: … *да на той же на рѣчке на Куромсе мелница* ***мелет*** *в однѣ жерновы* (Пам. дел. письм. XVII в., 25,1646 г.).

Термин *молоть* имеет целый ряд производных слов, образованных с помощью различных префиксов и конкретизирующих значение производящего слова, чаще всего – это названия различных этапов самого процесса помола: *замолоти, измолоти, смолоти, намолоти, перемолоти, вымолоти.* Интересна в этом ряду лексема ***вы****молоти* (и её фонетический вариант *вымил****а****ти*), которая, кроме значения ‘намолоть зерна на какую-либо сумму, причитающуюся за помол’, используется также с семантикой ‘выкачать воду с помощью мельницы-колеса с лопастями’, например: *Призвать… мастеровъ, которые бъ умѣли изъ болотъ воду высосать, также бъ и изо рвовъ воду мельницами* ***вымолоть*** *или выпустить в ыные рвы или рѣку* (Гебд., 47. 1660 г.). *А* ***вымилаютъ*** *сказали на той мельницѣ въ годъ денегъ рубли по 4 и по 5 и по шти…* (Псков. п. кн., 9. 1668 г.).

В русском языке XVIII века наименование *вымолоти* также используется в двух значениях: ‘меля, получить муку из зерна; смолоть’ и ‘выручить, получить плату за помол’ [5, вып. 4, с. 242].

В процессе исторического развития русского языка слово *молоть* становится полисемичным, приобретая второе значение с разговорной окраской ‘говорить вздор, пустые речи’ [6, вып. 4, с. 87]. Такую же семантику лексема имеет в современном украинском и белорусском языках (*молоти дурниці, малоць лухту*).

Памятники письменности XVIII века зафиксировали наименование *молотье*, которое употребляется в значении действия по глаголу *молоть* и также ‘то, что мелют’, например:... *жнитва ее напередъ бываетъ нежели пшеницы* ***молотию*** *ее* (Назиратель,484); … *он собралъ за* ***молотье*** *... один рубль четыре денги* (Книга приход.-расход. мон. казны, 1684 г.).

В качестве варианта к слову *молотье* для обозначения действия, процесса помола в словарях XVII в. отмечаются наименования *мелитба, меление* ‘смалывание на мельнице, размол’: *Mielenie. Меление. Мелитба* (Лекс. полоно-словен., 108. 1670 г.).

Лексема *мелитба* не отмечена в лексикографических материалах XVIII–XX веков; слово *меление* функционирует в языке XIX века в значении ‘действие мелющего, молотье, измельчение сыпучих тел, особенно зернового хлеба’ [7, вып. 2, с. 296]. В современном русском языке исследуемые лексемы не употребляются, очевидно, и раньше они были мало распространены.

Наименование *молотье* сохраняется в русской народно-разговорной речи XVIII−XXI вв. со значениями ‘зерно, предназначенное для помола’ и ‘размельчение зерна в муку, помол’. В современном украинском языке для обозначения действия активно используется наименование *молоття* [8, с. 560].

В письменности XVII в. зафиксирована лексема *помол*, которая ранее этого времени в памятниках не отражена. В языке исследуемого периода используется в нескольких значениях: ‘процесс помола’, ‘то, что смолото’, и ‘плата за помол’, например: *За* ***помолъ*** *хлѣба изъ нашей казны даны будутъ ему денги* (ДАИ, XII,372. 1692 г.); *И нынѣ онъ Гришка тое мелницу кинулъ стоить безъ* ***помолу*** (Переп. Безобр., 21. 1687 г.).

В значении ‘плата за помол’ исследуемая лексема является синонимичной составным наименованиям *помольная мука* – ‘мука, которая взымается за помол зерна на мельнице’ – и *помольные деньги* – ‘деньги за помол зерна на мельнице’. Сочетание *помольные деньги* используется также в значении ‘государственный налог за содержание мельницы’: *... а нынѣ на той мелнице… лопатошную муку и мелуз и* ***помольные денги*** *збирают на великого государя* (Кн. Пер. Мураш., 215. 1672 г.).

В современном русском языке наименование *помол* утрачивает значение ‘плата за помол’, но приобретает семантику ‘способ, качество размельчения зерна’: *мягкий помол*. В современном белорусском языке лексема *памол* употребляется для обозначения действия, процесса и смолотого зерна [9, с. 356]. В украинском языке данному наименованию соответствуют слова *мелення, помел, молоття* и *меливо, мливо.*

Лексема *мливо* не зафиксирована в русском языке ранее XVII в., но производное прилагательное *мливный* – ‘полученный за помол (о деньгах)’ – встречается в деловой письменности конца XVI – начала XVII вв.: *Принесъ с мелницы с Костри старец Ианикеи* ***мливных*** *денег двадцать четыре алтна три денги* (Кн. прих. Болд. м. №145, 2. 1598 г.). В языке исследуемого периода наименование *мливо* употребляется в значении ‘мелево, помол; процесс помола’, например:… *а денги за* ***мливо*** *сбирали въ твою государеву казну* (АМГ I, 307. 1630 г.); *В том же мсце стояла та мелница без* ***млива*** *шесть дней за безводием от мразов* (Кн. сбор. и расх. Дорогобуж., 196.1695 г.).

Лексикографические материалы XVIII в. слова *мливо* не фиксируют. А словарь В. И. Даля отмечает его с пометой «смоленское» как вариант слова *мелево* в значении ‘что мелется, будет молоться или смолото; мука’ [10, т. 2, с. 318]. В современном русском языке исследуемое слово функционирует только в говорах со значениями ‘зерно, предназначенное для помола’ и ‘мука’. В современном украинском и белорусском языках оно принадлежит к активному словарю и имеет следующую семантику: 1) ‘измельчение зерна в муку, помол’; 2) ‘зерно, что идёт на помол’; 3) ‘то же, что мука’.

Таким образом, большинство наименований технологических процессов мельничного производства, зафиксированных в письменных памятниках русской деловой письменности XVII века, являются общими для восточнославянских языков, хотя дальнейшая их судьба сложилась по-разному. Многие из них функционируют и в современных литературных языках, сохраняя первоначальную семантику, часть лексем сохранилась только в говорах или употребляется и в литературном языке, и в диалектах. Отдельные лексемы приобрели различную стилистическую окраску (книжн. *сеять идеи*, спец. бактер. *подсевать микроорганизмы*, разгов. *молоть вздор*).

Список использованных источников

1. Виноградов, В. В. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – С. 47–68.

2. Иссерлин, Е. М. Конкретная и абстрактная лексика в русском литературном языке XVII в. / Е. М. Иссерлин // Начальный этап формирования русского национального языка. – Л. : Наука, 1971. – С. 97–111.

3. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1982. – 529 с.

4. Вебер, К. К. Мукомольное дело / К. К. Вебер. – СПб. : Изд-во А. Ф. Девриева,1892. – 164 с.

5. Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 1–6. – Л. : Наука, 1984–1991.

6. Словарь Академии Российской : в 6 ч. – СПб., 1789–1794.

7. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской АН : в 4 т. – СПб., 1847. – Т. 1–4.

8. Словник української мови / Кер. В. В. Німчук та ін. / відп. ред. В. В. Жайворонок. – К. : ВЦ «Просвіта», 2012. – 1320 с.

9. Півторак, Г. П. Білорусько-український словник / Г. П. Півторак, О. І. Скопненко. – К. : Довіра, 2006. – 723 с.

10. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М., СПб., 1880–1882. – Т. 1–4.

The article run about the peculiarities of agricultural terminology functioning, specifically the names of technological processes of mill production, recorded in the commerce correspondence of the Russian language in the 17th century. Historical development of analyzed lexemes in Russian, Ukrainian, Belarusian languages are outlined.

Keywords: historical lexicology, lexeme, name, terminology, terminological system, thematic group.

УДК 811.161.1’373.611

И. О. Ковалевич

РЕЭТИМОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Статья посвящена исследованию реэтимологизации как способа образования окказионализмов детьми дошкольного и школьного возраста. Анализируются фонетические и семантические основания для модификации внутренней формы узуальных слов. Реэтимологизация изучается как отдельный способ словообразования, а также в качестве приема, сопровождающего контаминацию и обратную деривацию.

Ключевые слова: реэтимологизация, окказионализм, контаминация, обратная деривация.

Окказиональное словотворчество является неотъемлемой частью речевого развития детей. Оно характеризуется многообразием деривационных процессов. Одним из таких является так называемая реэтимологизация, под которой мы понимаем способ окказиональной деривации, по-новому представляющий отношения словообразовательной производности, в результате чего слово фонетически изменяется в сторону сближения с мотивирующим при сохранении понятийного тождества.

Данное явление давно привлекает внимание исследователей детской речи. Так, еще К. И. Чуковский в своей известной книге «От двух до пяти» посвящает целую главу анализу лексических единиц, появившихся в результате бессознательного, по мнению автора, «исправления» узуальных слов взрослой речи [1, с. 17–18]. Анализируя такие единицы, как *ко-*

лоток (сравн.: молоток), *мазелин* (сравн.: вазелин), *болерьянка* (сравн.: валерьянка) и др., писатель указывает на стремление ребенка найти прямое соответствие между функцией предмета и его названием [1, с. 18]. В этом аспекте детская реэтимологизация во многом схожа с народной этимологией, описанной в работах многих лингвистов (Л. А. Введенская, Б. Ю. Норман, Ю. В. Откупщиков и др.). Примеры народной этимологии содержатся и в художественных произведениях, где они, выполняя определенные стилистические функции, создают особый колорит: *мелкоскоп, нимфозория, преламут, клеветон* и др. (Н. С. Лесков).

Статус реэтимологизации как способа деривации неоднозначен. С. Н. Цейтлин выносит данный способ деривации за пределы словообразования, указывая на то, что модификация звуковой оболочки не представляет собой конструирование нового слова с новым значением [2, с. 178]. Однако нами зафиксированы многочисленные случаи, подтверждающие, что основу модификационных преобразований составляет не только фонетическое взаимодействие двух лексических единиц, но и их семантическая соотнесенность, о которой подробнее будет сказано дальше. Наложение смыслов порождает семантическую двуплановость, когда в сознании коммуникантов возникает два образа, один из которых создается преобразуемой лексической единицей, а второй – мотивирующей основой. Созданное слово наделяется новой внутренней формой и, таким образом, его семантическая структура включает компоненты, по-новому характеризующие определенный объект (с точки зрения функции, цвета, случайного признака и т. д.). Кроме того, реэтимологизация тесным образом связана с другими словообразовательными способами. К числу таких относится, например, контаминация, так как в обоих случаях происходит взаимодействие двух слов.

Реэтимологизированные слова одними из первых появляются в речи ребенка в сравнении с окказионализмами иных типов. Основная часть подобных дериватов выражает функциональные характеристики обозначаемых ими объектов, что достигается посредством включения глагольной основы в структуру узуальных слов: *Посмотри / какой длинный* ***лизык*** *у меня //* (лизать + язык) (2 г.); А: *Дай лопату / пойду лопать //* – Б: *Не лопать / а копать//* – А: *Тогда дай* ***копату*** *//* (копать + лопата) (3 г.); *Я* ***плюнку*** *выплюнула //* (плевать + слюна) (3 г.); А: − *Если в эту штуку вставить палку / то получится...* Б:− ***Гребесло****!* (грести + весло) (4 г.); *А почему* ***игран*** *потух?* (играть + экран) (4 г.); *Мама / я сегодня / как модель / по* ***ходиуму*** *ходила!* (ходить + подиум) (4 г.); А: *Мам! Тащи срочно* ***замаленту****!* – Б: *Что?!* − А: ***Замаленту*** */* ***замаленту****!* − Б: *А что делать будешь?* − А: *Заматывать! Автомат сломался //* (заматывать + изолента) (4 г.); А: *Ты где была?* – Б: *На* ***игранде*** *играла //* (играть + веранда) (5 л.) и т. д.

Взаимодействующие понятия могут находиться и в семантических отношениях несколько иного характера. Так, на первый план могут выходить локативные характеристики: А: *Кто живет в норке?* − Б: *Мышка.* − А: *Кто живет в берлоге?* − Б: *Медведь.* − А: *А кто живет в дупле?* − Б: ***Дупел*** */* (дупло + дятел) (4 г.); А: *Папа / смотри!* ***Неблако****!* − Б: *Что такое «****неблако****»?* − А: *Ну это же небо / а на нем* ***неблаки****!* (небо + облако) (4 г. 5 м.); А: *Давай банку ананасов откроем?* − Б: *Я тоже* ***банконасы*** *хочу!* (банка + ананасы; о консервированных ананасах) (3 г.), а также ***шкафматы*** (шкаф + шахматы) (пример С. Н. Цейтлин) и др. Основу реэтимологизации могут также составлять цветовые ассоциации: *Смотри / дядя жужжит* ***зелёнокосилкой*** *//* (зеленый (цвет газона)+ газонокосилка) (2 г. 5 м.), а также ***красника*** (красный + брусника) (пример С. Н. Цейтлин); обонятельные и осязательные ассоциации: ***вонитаз*** (вонять + унитаз), ***мокресс*** (мокрый + компресс) (пример К. И. Чуковского). Выявлены случаи, когда в новых словах дети акцентируют случайные признаки: *Поспевает* ***грустника*** *// Это потому / что осень и грустно / поэтому* ***грустника****!* (5 л.); а также ***подаринчики*** о мандаринах в качестве подарка на Новый год (5 л.), ***шкафматы*** и др.

Нами зафиксированы случаи, когда дети дошкольного возраста осознанно исправляют существующие в языке неправильности. В подобных случаях окказионализмы выступают в качестве ответной реакции на речь взрослых и употребляются в ответных высказываниях на соответствующие реплики-стимулы: А: *Мама / а кто такой водолаз? –* Б: *Это / сыночка/ человек / который ныряет под воду / например / ищет жемчуг или поднимает со дна моря затонувшие сокровища // –* А: *Тогда он должен называться* ***подволаз*** *//* (4 г.); А: *Правильно* ***лепмени****!* – Б: *Кто тебе такое сказал? –* А: *Никто // Просто бабушка сама их лепила / значит /* ***лепмени*** *// А у нас они из магазина // Значит / пельмени!* (5 л.); *Ватрушки / это когда на тарелке / а когда их едят / они* ***вортушки*****//** (5 л.).

Показательно, что реэтимологизации могут подвергаться также и имена собственные. Сравн.: *Дедушку зовут Георгий Гаврилович. Бабушка называет его «Гаврилыч». Две внучки (8 и 6 лет) вспоминают, как же бабушка называет дедушку: –* ***Говорилыч*** *// – Нет /* ***Горилыч*****//**, а также *Анастасия* ***Кефировна*** (сравн.: Анастасия Никифоровна), *Евгения* ***Яинична*** (сравн.: Евгения Ильинична), *Елена* ***Макароновна*** (сравн.: Елена Макаровна). В представленных примерах фонетическая близость двух взаимодействующих основ выходит на первый план, что может приобретать характер осознанной языковой игры, когда коммуниканты стремятся к поиску оригинальной формы без учета семантики. Тем не менее, уже в речи дошкольников преобразование имен собственных может осуществляться с учетом и семантического фактора: ***Очкана*** (об Оксане; так как носила очки). Зафиксирован факт создания целого ряда реэтимологизированных единиц, характеризующих одно и то же лицо по разным признакам: ***Басилина*** (от *бас*), ***Кисалина*** (от *киса*), ***Веселина*** (от *веселый*). В результате мы получаем цельный образ воспитательницы Василины, поющей басом, веселой и любящей кошек.

Подобного рода переиначивание имен собственных (чаще фамилий и отчеств, реже имен людей) находит активное продолжение и в школьном возрасте. Реэтимологизированные онимы выступают в качестве образных и экспрессивных единиц и служат средством характеристики: ***Мидия Лихайловна*** (сравн.: Лидия Михайловна), *Павел* ***Обезьянович*** (сравн.: Павел Емельянович), *Александр* ***Барбарисович*** (сравн.: Александр Борисович), ***Салатович*** (сравн.: Салаватович), ***Мухайлович*** (сравн.: Михайлович, т. к. умеет ловить мух), *Раиса* ***Хлебовна*** (сравн.: Раиса Глебовна), ***Мрачненко*** (сравн.: Марченко), ***Жмотов*** (сравн.: Злотов), ***Зубрилина*** (сравн.: Зубилина), ***Бурундуковский*** (сравн.: Бурдуковский) и т. д. [3, с. 213].

Как было отмечено выше, реэтимологизация может сочетаться с контаминацией и сопровождать ее. При этом отчетливо прослеживается тенденция окказионального словотворчества, проявляющаяся в стремлении детей к выражению семантической полярности, когда компоненты узуальных слов замещаются семантически противоположными. Анализ показал, что, как правило, ошибочному толкованию в рамках указанной тенденции подвергаются части слов, созвучные с личными и притяжательными местоимениями: А: *Даша / ты какая-то невменяемая // Прекрати кричать // Накажу // –* Б: *Не надо / мамочка / я* ***втебяемая****!* (3 г.5 м.); А: *Олеся / если не будешь умываться/ то придет Мойдодыр // –* Б: *Где* ***Твойдодыр****?* (3 г.); А: *Папа / а что это у тебя? –* Б: *Майонез // –* А: *Какой он красивый/* ***твойонез****!* (3 г.); А: *Артём / ты что / глухонемой? –* Б: *Нет / я* ***глухотвой****!* (4 г.); *Мам, если ребёнок глухой / но не твой / он называется* ***глухо-не-твой****?* (5 л.) и др.

Особый случай представляет собой восприятие ребенком слов, начинающихся со слогов *ма* и *па*, которые ассоциируются в его сознании с обоими родителями, поскольку они играют исключительно важную роль в его жизни. При этом наблюдается взаимозамена данных частей слов в зависимости от ситуации: ***Пашина*** */ потому что она не мамина / а папина* (2 г.) (о машине); *Я знаю / у мамонтёнка мама / мамонт / а папа /* ***папонт****!* (2−3 г.); *Я не помощница/ / Я* ***мамощница****!* (т. к. помогает маме) (3 г. 8 м.); А: *Что это за растение? –* Б: *Папоротник //* – А: *Тогда это* ***маморотник****!* (7 л.) и др.

Интересным представляется проанализировать случай преобразования узуального слова *подмышка* в окказионализм ***подкошка***: *Это подмышка / а это* ***подкошка!*** (4 г.). Как правило, в сознании детей при упоминании данного слова возникают ассоциации с мышью. Мышь и кот составляют оппозиционную пару, что обусловливает указанный вариант замещения (сравн. игра в кошки-мышки). Преобразование может носить более сложный характер. Сравн.: *Если у нас подмышки / то у мышей должны быть* ***подчеловечки*** *//* (10 л. 5 м.). В данном случае обнаруживается как реэтимологизация узуального слова *подмышки*, так и создание тропеической пары (человек – мышь). Игра фантазии ведет к своеобразному олицетворению мыши на основе физиологических особенностей: она по образу человека имеет руки и подмышки. Здесь также обнаруживается такой универсальный признак троповости, как тенденция к «перевертыванию», когда второй элемент становится зеркальным отражением первого. Все это дает основание охарактеризовать подобные единицы как образно-тропеические.

Реэтимологизация может также составить основу обратной деривации, в частности депрефиксации. Стремление ребенка к отрицанию выражается в производстве окказиональных единиц без префикса *не-*, выражающего отсутствие какого-либо качества: *Этот автомобильчик такой несчастненький / такой несчастный // А этот* ***счастный!*** (2 г.); А: *Ты что / неряха? –* Б: ***Ряха*** *//* (4 г.); А: *Нужно всегда говорить вежливые слова / чтобы не быть невежами //* − Б: *Да / надо быть* ***вежами//*** (4 г. 5 м.) и др. Продуцируя подобные слова, дети зачастую воссоздают первоначальные словообразовательные отношения, которые несколько затемнились в современном языке [1, с. 65−66]. Однако в нашем случае интерес вызывает отделение так называемый «лжепрефикса», который, являясь фонетическим аналогом имеющегося в нормативном языке префикса, составляет часть корня производящей основы: А: *Папа / нефтяник//* – Б: *Нет/* ***фтяник//*** (2−3 г.); А: *Это чей танк? –* Б: *Немецкий// –* А: *Нет /* ***мецкий!*** (3 г. 5 м.); *– Ух/ какой ты стал негритенок// – Нет / я* ***гритенок / гритенок//*** (2 г.) (пример К. И. Чуковского) и др. Обратной деривации могут подвергаться также слова, содержащие в своей структуре компоненты, созвучные с приставкой *без- / бес-*: *Ничего этот бисквитный торт / вкусный // А* ***квитный*** *вкуснее?* (5 л.).

Таким образом, можем заключить, что реэтимологизация является характерной особенностью окказионального словообразования. В детской речи модификации подвергаются лексические единицы с учетом как фонетического, так и семантического факторов. Реэтимологизация может сопровождать другие способы словообразования (контаминация, обратная деривация). Установлено, что преобразование внутренней формы может приобретать характер языковой игры, которая, начинаясь в дошкольном возрасте, сопровождает дальнейшее речевое развитие детей. Ее продуктом являются окказиональные слова, обладающие основными признаками тропов.

Список использованных источников

1. Чуковский, К. И. От двух до пяти / К. И. Чуковский. – Минск : Нар. асвета, 1984. – 319 с.

2. Цейтлин, С. Н. Язык и ребёнок : лингвистика детской речи / С. Н. Цейтлин. – М. : Владос, 2000. – 240 с.

3. Ковалевич, И. О. Окказиональные онимы в речи детей и взрослых / И. О. Ковалевич // Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. / Мозыр. гос. пед. ун-т ; отв. ред. С. Б. Кураш. – Мозырь, 2019. – С. 212−215.

The article is a study of reatymologization as a way of production of nonce words by pre-school and school children. Phonetic and semantic bases for the modification of the inner form of usual words are analyzed. Reetymologization is studied as an independent way of word-formation and as a device which accompanies blending and back formation.

Keywords: reetymologization, a nonce word, blending, back formation.

УДК 811.161.1’42’373.49’373.231:398:27-468.6

В. И. Коваль, Д. В. Литаш

САКРАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ ИЗ «ЗАВЕТНОЙ ТЕТРАДИ» ПРАБАБУШКИ: СИНТЕЗ ЯЗЫЧЕСТВА И ХРИСТИАНСТВА

В статье дается характеристика сакральных (в том числе и заговорных) текстов, содержащихся в рукописном источнике – «заветной тетради». Выявляется тематическая принадлежность заговоров, их связь с практической магией. Анализируются заговоры, отражающие как собственно языческие мотивы, так и смешение языческих и христианских представлений.

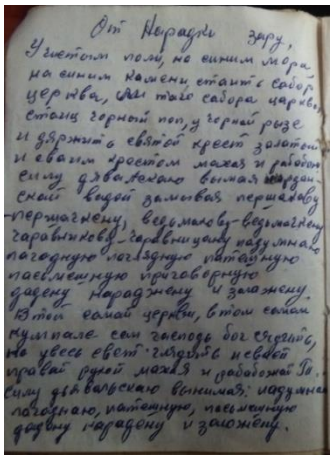
Ключевые слова: сакральные тексты, заговоры, язычество, христианство.

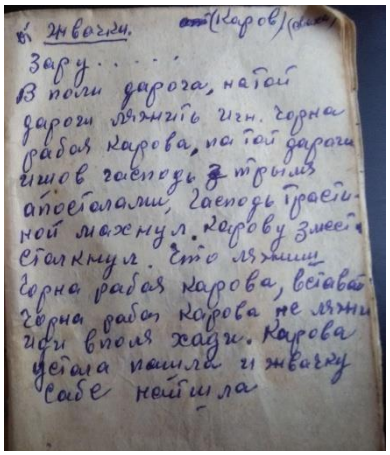
Одним из источников заговоров – текстов, которые служат магическим средством достижения желаемого, являются рукописные сборники в виде тетрадей различного формата, хранящиеся в некоторых семьях и передаваемые из поколения в поколение. С. М. Толстая в связи с этим отмечает: «Множество текстов заговоров содержится в доживших почти до наших дней так называемых заветных тетрадях, где заговоры соседствуют с каноническими и апокрифическим молитвами, хозяйственными и кулинарными рецептами, календарными записями и т. п.» [1, с. 239].

Объектом рассмотрения в данной статье являются сакральные тексты, помещенные в «заветной тетради», которая принадлежала Гербаносенко (Денисовой) Татьяне Филимоновне (1921–2007 гг.), прабабушке соавтора данной работы – студентки филологического факультета Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины Дианы Литаш. Татьяна Филимоновна родилась в деревне Дербичи Буда-Кошелевского района Гомельской области и проживала в деревне Старая Яцковщина Чечерского района Гомельской области, где работала продавцом и заведующей сельским магазином. У нее – обычная биография простой белорусской женщины, на долю которой выпало нелегкое бремя матери пятерых детей, жившей во время войны на временно оккупированной территории. Муж Татьяны Филимоновны – Игнат – участник Великой Отечественной войны, дошел до Берлина и вернулся после войны домой, к жене и детям. Заговоры Татьяны Филимоновны (*замовы, шэпты*) – лечебные, скотоводческие и обереговые – имели чисто утилитарный характер и были направлены прежде всего на защиту своей семьи, своих близких, а также домашних животных от различных напастей.

Характеризуя подобных Т. Ф. Гербаносенко (Денисовой) типичных носителей древней заговорной традиции, известный специалист в области собирания и исследования восточнославянских заговоров А. Л. Топорков замечает: «Было бы крайним анахронизмом представлять себе, что заговорами пользовались исключительно колдуны и ведьмы, а основные сферы их деятельности – те же, что у современных колдунов-экстрасенсов, то есть наведение и снятие порчи, приворот и отворот, поиски украденного и пропавших людей, лечение неизлечимых болезней и вытягивание денег из отчаявшихся пациентов и их родственников. Большинство людей, которые переписывали, хранили, использовали и распространяли рукописные сборники заговоров, не были профессиональными магическими специалистами и обращались к заговорам для решения таких реальных проблем, как болезнь, тяжелые роды, необходимость предстать перед судом, отсутствие взаимности у любимого человека, неуверенность в результатах охоты или рыбной ловли, страх перед дикими животными во время выгона скотины на пастбище и т. д. Включенные в различные ситуации социального взаимодействия, заговоры становились реальной силой, оказывавшей влияние на здоровье, психическое и моральное самочувствие личности, ее положение в обществе и отношения с другими людьми. В мире, в котором вера в магию была всеобщей, заговоры действительно помогали человеку обрести чувство уверенности в себе, надежду на выздоровление, придавали бодрость и волю к сопротивлению» [2, с. 9].

Хранящаяся как семейная реликвия «заветная тетрадь», принадлежавшая Татьяне Филимоновне Гербаносенко (Денисовой), представляет собой блокнот из 74 страниц размером 14 см х 10 см, в котором убористым и довольно четким почерком записано 54 текста заговоров различной тематики («От уроку коров», «Для удою», «От Лесавика, Дворового», «От гадюки», «На остановку крови», «От нарадки», «От пужання», «От золотника», «От звиха», «От злодеяв», «От всякой болезни» и др.). Кроме того, в этой же тетради встречаются и другие тексты: фрагмент народного календаря (от Рождества до дня св. Татьяны), описание трех видов гаданий девушек о суженом и небольшой (на третью часть страницы) раздел «О значении цветов», где содержатся соответствующие сведения: «Желтые – разлука и измена, красные – любовь, белые – невинность» и др.





Некоторые заговоры в рассматриваемом источнике условно могут быть отнесены к разряду языческих, поскольку (даже в том случае, если они названы «молитвами») в них отсутствуют какие бы то ни было христианские мотивы. Наличие подобных заговорных текстов вполне закономерно, о чем в свое время говорил А. А. Потебня: *«Заговоры – выветрившиеся языческие молитвы»* [3, с. 25].

Целью нижеследующего заговора, как видно из его содержания, является не только защита коровы и ее хозяйки от внешнего негативного воздействия, но и «настраивание» самой хозяйки на получение качественных молочных продуктов: *Пад карову сажуся, хвастом обгаражуся, чорнай рызай пакрываю. Уроку не пужайся. Сажусь под крутый рог, под густы тварог, под глубокий верх, под жовтая масла*. Близким по характеру используемых образов является еще один заговорный текст, особенность которого заключается в том, что он, судя по всему, произносится хозяйкой в ситуации доения коровы. В заговоре, начинающемся с обращения к корове, перечисляются магические предметы и небесные тела (звезды, луна, солнце), служащие надежным оберегом от потенциальных злых сил (обычно – ведьм и соседок-завистниц), которые могут проявлять активность в определенных местах и в определенное время: *Карова цацарычка, пришла твая даярычка с залатым вядерашкам, с сярэбранным тынам. Тынам опирается, а зорама и месяцам освищается, сонейком абагравается, чорным макам абсыпается. Як чорнага мака не падабрать, так у чорнарабай скацинки малака не атабрать: не чорнами глазами, не змяинами рагами, не в поле, не на ваде, не на Юравай расе*.

Вообще заговоры, так или иначе связанные с уходом за коровой и с получением от коровы-кормилицы различных питательных продуктов, регулярно встречаются в «заветной тетради» Татьяны Филимоновны: фактически это – каждый пятый текст. Можно также предположить, что некоторые заговоры были обращены к корове самой хозяйки «заветной тетради», так как в двух заговорах вместо обычного в таких случаях многоточия («имярек») встречается определение *Игнатова*, то есть корова, принадлежащая Игнату – мужу исполнительницы заговоров. Перед нами – типичный приземленно-языческий текст, в «закрепке» которого содержится обязательное для христианской молитвы обращение к Богу: *На мори на*

лукамори ляжить белый камень. Як беламу камню не вставать, так Игнатавай скацинцы, чорнай рабой шарстинки, стаяць, малако давать, в выми не удерживать, без уремя не спускать, смитану збирать, масла збивать. Як печ тавстая, каб смитана так была густая. З буйнай галавы, з ясных вачэй, с крутых рог, с гаручай крыви, с капытикав, с кастей, с машчей, з жыл, з пажыл. Дай, Госпади, на помач.

Уникальность нижеследующего текста («От жвачки»), представляющего собой яркий образец тесного переплетения языческих и христианских мотивов, заключается в том, что в данном случае Господь Бог и три Его апостола помогают «Игнатовой корове» в очень частной и весьма специфической ситуации – потере животным способности пережевывать пищу: *В поли дарога, на той дароги ляжыць Игнатава чорна-рабая карова. Па той дароги ишов Гасподь з трымя апосталами. Гасподь трастинай махнул, карову з места столкнул: «Что ляжиш, чорнарабая карова? Вставай, чорнарабая карова, не ляжи, иди в поле хади!» Карова встала, пашла и жвачку сабе найшла*.

Иисус Христос выполняет роль магического помощника и в следующем заговорном тексте, где Он, как и в предыдущем случае, наделяется прямой речью: *У Еруселимским Божым храми там сядела старая бабка. То не старая бабка, а Божжая мамка, пела песни хируимские, Ярусулимские. Пришов к ней сам Исус Христос: «Пакидай, Гасподня матка, хируимские песни спявать, хади ка мне на помащ рабу Божаму младенцу* (имярек) *жаркий агонь тушыть»*.

Отметим, что подобная десакрализация Иисуса, Божьей матери и святых апостолов, их «приближение» к повседневным делам простых людей весьма характерны для народного православия.

Сакральные тексты рассматриваемой «заветной тетради» нередко имеют чисто «профилактическую» цель – защитить субъекта заговора от злых чар. Это может быть как чисто языческий заговор (*На сырой зямле становлюсь, месяцам освячуся, звездами абгаражуся, гадюкай падпиражуся и вужам паганяю. Хто эту годюку перакуся, той миня счаровоть, спричать и сколдовать муся. Нихто облаков не перайме, звёздав не перащитае, и мяне нихто ни щоруе, ни спричча*), так и текст, ориентированный в большей мере на христианскую молитву: *Отойдите, дзяволы, от рабы Божай* (имярек)*! Около ее пребывает сам Господь Бог, Исус Христос, и Божая матер, и ангелы, и архангелы, и херасимы, и серафимы, и все небесныя силы ликуют. А вы, дзяволы, идите во тьму крайнюю и там обитайтесь. Во веки веков амин*.

Обращение к оригинальным записям народных заговоров позволяет не только увидеть круг повседневных дел и забот наших предков, но и глубже понять их мировоззрение, в котором органично сочетаются языческие и христианские представления.

Список использованных источников

1. Толстая, С. М. Заговоры / С. М. Толстая // Славянские древности : Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под ред. Н. И. Толстого. − Т. 2. – М. : Междунар. отн., 1999. – С. 239–244.

2. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / сост., подг. текстов, статьи и коммент. А. Л. Топоркова. – М. : Индрик, 2010. – 832 с.

3. Потебня, А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Издание второе / А. А. Потебня.– Харьков, 1914. – 243 с.

The article gives a characteristic of sacred (including conspiracy) texts contained in a handwritten source – the "treasured notebook". The thematic affiliation of conspiracies, their connection with practical magic, is revealed. Conspiracies are analyzed, reflecting both pagan motives proper and a mixture of pagan and Christian ideas.

Keywords: sacred texts, conspiracies, paganism, Christianity.

УДК 811.161.1’373.46:2

М. М. Козловская

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассмотрены некоторые особенности функционирования религиозной лексики русского языка. Изменившиеся социальные условия привели не только к актуализации данной тематической группы, но и к семантическому развитию соответствующих лексем. Реализация продуктивных моделей семантической деривации позволила расширить семантический объем слов и возможности их сочетаемости.

Ключевые слова: русский язык, религиозная лексика, семантическая деривация.

Язык представляет собой живой организм, который чутко реагирует на все изменения, происходящие в экстралингвистическом мире, в общественном и индивидуальном сознании. В соответствии с потребностями общества каждый исторический этап имеет свои отличительные черты на разных языковых уровнях, особенно лексико-семантическом, так как здесь все процессы происходят быстрее и заметнее. Например, в результате событий последнего десятилетия XX века изменились условия функционирования религиозной лексики, что привело как к количественному увеличению данной группы, так и к качественной трансформации: к расширению / сужению значения, развитию дополнительных значений у общеупотребительных слов, развитию омонимии и др. [1]. Цель данной работы – рассмотреть некоторые особенности семантического развития религионимов на примере материала, представленного в современных толковых словарях русского языка [2–6].

Религиозная лексика – это тематическая группа, которая объединяет совокупность лексем, обозначающих понятия всех религий мира [7]. В советское время отношение к религии, в частности к христианству, сформулированное в постулате «Религия – опиум для народа», было преимущественно негативным, традиции и обряды запрещались, а следовательно, соответствующие слова были малоупотребительными и устаревшими. После распада Советского Союза идеологический запрет был снят, роль церкви в жизни общества изменилась, и рассматриваемая группа слов актуализировалась, о чем свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ): к примеру, если до 1998 года в газетном корпусе практически не фиксировалась лексема *религия*, то к 2014 году отмечается уже более 45 словоформ на миллион [8]. Повышение частотности религионимов закономерно привело к определенным трансформациям их семантической структуры согласно продуктивным деривационным моделям вследствие способности человеческого мышления определить, обобщить и зафиксировать то или иное сходство объектов номинации (пространственное, временное, внешнее, функциональное и т. п.). Надо отметить, что развитие семантики наблюдается, как правило, у слов, обозначающих христианские понятия, что связано с относительно недавним вхождением в русский язык лексем-понятий других религий, их малой употребляемостью и недостаточной освоенностью носителями языка. Рассмотрим некоторые примеры.

Первым христианским обрядом, приобщающим человека к церкви, является крещение. Вне контекста лексема *крещение* воспринимается именно в этом значении, данном в большинстве словарей [6]. В сочетании с другими словами благодаря компоненту *первый* возможности номинации расширены: *крещение* ’первое испытание в каком-либо деле’ [3]: *Там же, в Эльтоне, состоялось мое артистическое крещение: я выступил перед ранеными солдатами* (Комсомольская правда, 2014.03.20). Данное значение можно также рассматривать как результат семантической компрессии известного сочетания *боевое крещение* ’первое участие в бою; первое серьезное испытание в каком-либо деле’ [9].

Настольная книга верующих – Библия, которая содержит мифы и догматы иудейской и христианской религии (БАС-2). В рассматриваемых словарях зафиксировано новое значение *библия* ’о книге, излагающей непреложные истины в какой-то сфере духовной или практической деятельности’ [3]. НКРЯ приводит примеры употребления нового значения в отношении как художественной, так и специальной литературы: *«Над пропастью во ржи», самая известная книга Джерома Дэвида Сэлинджера, разошлась по миру суммарным тиражом более 60 млн экземпляров и практически стала библией второй половины XX – начала XXI века* («Русский репортер», № 4 (132), 2010); *Габриэль Гарсиа Маркес – не только южноамериканская библия «Сто лет одиночества» или мелодраматический эпос «Любовь во время холеры», но и публицистически актуальное «Известие о похищение», и блестящая новеллистика* (Известия, 2014.04.21); *По странному совпадению именно в тот момент, когда слово «питчинг» стало в российской киносреде чуть ли не самым модным (чему немало помогли проведенные Минкультуры в конце июля мероприятия такого рода), в Америке выходит книга «Голливудская библия питчинга»* (Известия, 2013.08.19); *...котлеровскую книгу «Основы маркетинга» называют «Библией» маркетологов* (Комсомольская правда, 2014.03.06); *...молодой юрист показывает «свою Библию» – «Два трактата о правлении» Джона Локка* (РБК Дейли, 2013.07.03). Многочисленные примеры из НКРЯ свидетельствуют о дальнейшем расширении смыслового объема слова и накоплении новых сем: библией может быть не только книга, но и иные печатные издания, а также другие предметы, являющиеся образцом чего-либо: *«Птюч» в то время был самым влиятельным журналом. Конечно, уже вышла женская Библия − Cosmo, но «Птюч» был местным продуктом, во-первых, а во-вторых, он был символом чего-то действительно нового (*Известия, 2013.03.21); *Тогда молодой журналист из Chicago Sun-Times много времени проводил, интервьюируя знаменитых режиссеров. Эти разговоры, как и его знаменитые рецензии на фильмы, превратились потом в «библию» для всех, кто учился писать о кино* (Известия, 2013.04.05); *Но для меня единственный маэстро в профессии – это Эйзенштейн. Его фильмы – моя библия, оттуда я черпала вдохновение. И если что-то и можно посоветовать новому поколению специалистов монтажа, то это смотреть фильмы Эйзенштейна* («Русский репортер», № 3 (181), 2011); *Повезло и сыну сезонного рабочего Элвису Пресли. Но больше всех повезло рецидивисту по имени Чарльз Мэнсон, провозгласившему библией восстания против Системы безобиднейший «Белый альбом» группы «Битлз»* (Известия, 2013.08.20). Интересен пример, в котором соединены несовместимые в недавнем прошлом понятия: *Я семьдесят лет в партии. Партбилет – моя библия* (Светлана Алексиевич. Время second-hand).

Лексема *евангелие* имеет, в отличие от *библии*, более разветвленную семантическую структуру, содержащую несколько значений, что обусловливает разную частоту употребления указанных единиц: по данным НКРЯ, первое слово в основном корпусе фиксируется чаще (2151 документ, 7644 вхождений и 1583 документа, 3920 вхождений соответственно). В изменившихся социальных условиях *евангелие* также развивает новую семантику ‘правила, положения, текст и т. п., которые служат для кого-либо непререкаемым руководством, а также книга, содержащая такие правила, положения, тексты’ [3], однако в НКРЯ практически нет примеров такого употребления. В связи с этим в последние годы частотность *библии,* благодаря новому значению, резко возрастает, что отражено в газетном корпусе: 695 документов, 1033 вхождения для *евангелия* и 1052 документа, 1488 вхождений для *библии*.

В некоторых случаях религионимы с развитием нового значения кардинально меняют область своего употребления. Так, лексема *икона* ‘живописное изображение (обычно на доске) Бога, Богоматери или святых’ и ее словообразовательный вариант *иконка* активно используются в сфере информатики и компьютерных технологий как ‘пиктограмма, которая обозначает объект, доступный пользователю (директорию, файл, диск) или программу в интерактивных операционных системах с графическим интерфейсом’ [5], при этом уменьши-

тельная лексема предпочтительнее ввиду наглядного размерного сходства: *…на приборной панели зажглась желтая иконка «Проверь двигатель»* (РБК Дейли, 2010.07.09).

Икона – один из важнейших атрибутов христианства, предназначенных для духовного общения верующих с теми, кого она передает. Благоговейное отношение к иконе, ее почитание выступает как очевидная мотивирующая основа, которая позволяет соотнести лексему с более широким кругом понятий, реализовать переносное значение в разных ситуациях: *Вячеслав Бутусов − икона русского рока* («Русский репортер», 2012); *Бекхэм всегда популярен. Это икона современного футбола* (Советский спорт, 2010.03.30); *Для оппозиционных либералов Ходорковский − икона, боевое знамя, что угодно, но только не политический деятель со своим набором идей и со своим мировоззрением* (Известия, 2012.07.19); *Почему вы согласились стать символом Vogue Fashion's Night Out? – Это издание – для меня икона. Журнал много для меня значит и много дал* (Известия, 2012.09.07); *«Сильверстоун» – икона в мире автоспорта, и остаться без престижных гонок трасса просто не может. А чтобы обеспечить зрелищность мотогонок, трек решили перепрофилировать – добавить больше виражей* (Советский спорт, 2010.07.10).

Таким образом, в новой социальной обстановке изменились условия функционирования религиозной лексики русского языка, что привело к актуализации данной тематической группы и создало предпосылки для семантического развития соответствующих лексем. Реализация продуктивных моделей семантической деривации позволила расширить семантический объем слов и возможности их сочетаемости.

Список использованных источников

1. Бугаева, И. В. Семантические процессы в религиозной лексике в XX веке / И. В. Бугаева // Исследования по семантике : межвузовский научный сборник с междунар. участием. – Уфа : БГУ, 2016. – С. 69–77.

2. Катлинская, Л. П. Толковый словарь новых слов и значений русского языка / Л. П. Катлинская. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 380 с.

3. Морковкин, В. В. Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА; Словари XX века, 2016. – 1456 с.

4. Толковый словарь новейших слов и выражений русского языка. – М. : ООО «Дом Славянской книги», 2013. – 960 с.

5. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Скляревской. – СПб. : Изд-во «Фолио-Пресс», 1998. – 700 с.

6. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Скляревской. – М. : Эксмо, 2006. – 1136 с.

7. Якимов, П. А. Религиозная лексика – церковная лексика – библейская лексика : к вопросу о соотношении понятий / П. А. Якимов // Вестник Оренбургского гос. ун-та. – 2013. – № 9. – С. 66–68.

8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru. – Дата доступа : 20.10.2019.

9. Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. / сост. А. И. Федоров.– М. : Цитадель, 1997. – Т. 1. – 391 с.

The article considers some features of the functioning of the religious vocabulary of the Russian language. The changed social conditions led not only to the actualization of this thematic group, but also to the semantic development of the corresponding lexemes. The implementation of productive models of semantic derivation allowed to expand the semantic scope of words and the possibility of their compatibility.

Keywords: Russian language, religious lexicon, semantic derivation.

УДК 811.161.2’373.2’272“19”

І. В. Кравець

УКРАЇНСЬКІ СКЛАДНОСКОРОЧЕНІ ЕРГОНІМИ ЗА ГРУПАМИ ПІДПРИЄМСТВ І УСТАНОВ У ДОВІДНИКУ «ВСЯ ОДЕСА НА 1930 РІК»

В статье проанализированы социолингвистические и функциональные особенности различных групп сложносокращенных эргонимов в эпоху революционных общественно-политических и экономических преобразований 1920–1930-х годов. Материал для изучения выбран из справочника «Вся Одесса на 1930». Компонентный состав эргонимов свидетельствует о доминировании государственной монополии на гуманитарную политику и промышленное производство в стране. Изменение полного названия не всегда требовало изменения сложносокращенного названия предприятия. Это приводило к так называемой «иероглифизации» таких названий, превращению их в традиционные.

Ключевые слова: эргоним, полное название, сложносокращенное название, украинский язык 1920–1930-х годов.

Власні назви ділових об’єднань людей, тобто фірм, організацій, установ, підприємств, суб’єктів виробничої сфери прийнято називати ергонімами. Існує думка, що ергоніми являють собою економічно-географічні урбаноніми [1, с. 1], проте вони називають об’єкти, розташовані де завгодно: не лише в містах, а й у селах, поза населеними пунктами край доріг, уздовж берегів річок і морів тощо. Однак можна погодитися з тим, що виникнення об’єктів ергонімії та самих ергонімів зумовлено розвитком економічних і політичних стосунків у суспільстві. Найбільша концентрація ергонімів представлена в містах як сучасних центрах розвитку цивілізації [2]. Вивченню українського ергонімікону приділяють увагу відомі науковці та молоді дослідники. Серед них О. Белей, А. Беспалова, Б. Букчина, Л. Дубровіна, І. Зимовець, Н. Кутуза, Н. Лєсовець, М. Полосіна, О. Селіванова, О. Хрушкова, М. Цілина та ін. Наше попереднє вивчення моделювання ергонімів свідчить про недостатню увагу з боку наукової спільноти до соціолінгвістичного аспекту виникнення та еволюції українського ергонімікону, зокрема складноскорочених моделей ергонімів. На нашу думку, слова, які є «динамічним ономастичним розрядом, способи утворення одиниць якого зазнають змін у залежності від епохи, наявних моделей називання та особливостей типу підприємств» [3, с. 78] потребують серйозного вивчення в різних аспектах. Саме ергоніми віддзеркалюють соціально-економічні, культурні, цивілізаційні, політичні процеси, що відбуваються в певну епоху в певному суспільстві. Ергонімікон зазнає стрімких змін, якщо в суспільстві відбуваються соціально значущі процеси. Це стосується, в першу чергу, епох, які в історії називають переламними з тих причин, що відбувається злам старої соціальної системи та відбудова нової. Дослідження української ергонімії 1920-х – 1930-х років є актуальним і важливим у сенсі неупередженого вивчення соціальних процесів тієї епохи, бо дає змогу правдиво розглянути ці процеси, знявши пелену ідеологічних фальсифікацій різних режимів. Результати аналізу можуть бути цінними для істориків, соціологів, політологів, економістів, культурологів.

Ергоніми, що функціювали в українській мові 1920–1930-х років, мали, як і сучасні, повні та складноскорочені форми. На момент утворення всі ці ергоніми були конотативно нейтральними. Нами було проаналізовано 775 пар ергонімів. У процесі дослідження було використано методику соціолінгвістичних досліджень, методи семантичного, словотвірного та лінгвокультурологічного аналізу, описовий та кількісний методи.

Абсолютна кількість складноскорочених ергонімів, включених до довідника, виникли та затвердилися в комунікативному просторі України протягом 10 років революційної перебудови суспільства. Більше 50 назв віднесено до групи державних і громадських установ, тобто до тих установ, які були хребтом радянської влади. Діяльність усіх цих установ здійснювалася в різних галузях: державне управління (*Міськрада, Окрадмінвідділ, Окрвиконком,*

ОДПУ – Об'єднана Державна Політична Управа та ін.), судова та карна системи влади (*Трудсуд, Окрсудземкомісія, БУПР* – Будинок Примусових Робіт, *АК* – Арбітражна комісія), регулятивні установи засобів виробництва (*Окрземвідділ, Окрплян, Окрстатбюро* та ін.), установи соціальної допомоги та виховання (*Держстрах, Кустстрахкаса, Комонеп* – Комісія у Справах Неповнолітніх, *Окрсоцзабез, Окрпрофрада, Окріко* – Одеська Окружна Інспектура Народної Освіти, *ЧКВО* – Чорноморський Краєвий Відділ Освіти, *Окрдас* – Окружний Дитячий Адресовий Стіл, *Цаб* – Центральне Адресове Бюро та ін.), установи забезпечення побуту міста та його мешканців (*Держхлібінспектура, Житлоспілка, Водканкомбінат* – Водогінно-Каналізаційний Комбінат, *МКВ / Міськкомунвідділ, УМНМ* – Управа міського нерухомого майна, *Укрмет* – Чорноморський відділ української метеорологічної служби та ін.), установи державної торговельної монополії (*Близсхіддержторг, Держторг, Біржком* – Одеська Товарова Біржа, *Обринком* – Об'єднаний Ринковий Комітет, *УОМПТ* – Управа Одеського Морського Торговельного Порту і под.), державні установи, що регулювали науково-виробничі відносини (*Держплемкнига, ВМТС* – Всесоюзний Машиново-Технічний Синдикат, *ОВМП* – Окружний Відділ Місцевої Промисловості, *Окрінж* – Управа Окружного Інженера, *ОНТУ* – Одеська Філія Науково-Технічної Управи) [4].

Окремою групою подано ергоніми, що називають установи правлячої партії ВКП(б). Ці ергоніми є неологізмами 1910-х – 1930-х років. Отже, провідним у виникненні всіх цих складноскорочених ергонімів можна вважати фактори соціальної перебудови громадського життя після революції 1917 року, громадянської війни та встановлення нового курсу на будівництво соціалізму та комунізму на підставі панівної ідеології більшовиків. Розглянемо механізми відображення цих факторів у конкретних ергонімах. Найчастотніші серед них – неологізми-абревіатури *райком* (**рай**онний **ком**ітет), *партком* (**парт**ійний **ком**ітет), *КПБУ* (**К**омуністична **П**артія **Б**ільшовиків **У**країни), *ЛКСМУ* (**Л**енінська **К**омуністична **С**пілка **М**олоді **У**країни), *комсомол* (від рос. **ком**мунистический **со**юз **мол**одёжи), *окрпартком* (**окр**ужний **парт**ійний **ком**ітет). Останній ергонім проіснував недовго. Сьогодні його не пам'ятають навіть люди старшого покоління, бо в 1930-ті роки функції *окрпаркомів* виконували вже *обкоми* (**об**ласні **ком**ітети [КПБУ та ЛКСМУ]).

Нові політико-ідеологічні засади громадського устрою зумовили докорінні зміни економічного життя. Відомо, що судинною системою будь-якої економіки, яка намагається конкурувати з іншими економіками світу, є фінансова система. Складноскорочені ергоніми, які називають установи нової радянської системи, представлено одразу після групи назв партійних установ. Наприклад: *Одміськбанк* – **Од**еський **Міськ**ий **Банк**, *Будкредит* – Одеське **Буд**івельне Т-во Взаємного **Кредит**у, *Держбанк* – Державний банк, *Комерцбанк* – Одеське **Комерц**ійне Т-во Взаємного Кредиту (у тлумаченні відсутній другий елемент абревіатури, який ужито як стрижневе функційне слово), *Сільбанк* – Одеське Товариство **сіль**ськогосподарського Кредиту, *Ощадкаса* – Одеська Центральна Окружна Державна Трудова **Ощад**на **каса.** Більшість компонентів повного ергоніму, який ми наводимо як останній приклад, не представлено у складноскороченому його варіанті, що вказує лише на функцію установи, залишаючи поза увагою мовців політико-економічний статус установи в умовах уже здійсненої державної монополізації фінансово-економічної сфери життя. У повних назвах деяких фінансових установ, які у складноскороченому варіанті містять компонент *банк*, відсутнє родове слово *банк.* Ідеологічні стандарти початкового періоду розбудови соціалізму у другій половині 1920-х років пропонували замість слова *банк* гіперонім *товариство* у сполученні зі словом *кредит* або похідними від нього. Отже, спостерігаємо процес «ієрогліфізації» деяких складноскорочених назв фінансових установ, який полягає в перетворенні таких назв на традиційні ергоніми, що за мотивацією відриваються від змінених офіційних повних назв, втрачаючи слова з коренями, від яких походить певна складноскорочена назва.

Найбільшу й цікаву групу складноскорочених ергонімів з огляду словотвірної специфіки становлять назви одеських і всеукраїнських промислових і торговельних установ і підприємств 1930 року. У цей час нова економічна політика (неп) припиняє своє існування.

Державна монополія поширюється не тільки на великі промислові підприємства, а й на середні. Крім того, запроваджується державна монополія на всю закордонну торгівлю, а також на внутрішню торгівлю абсолютною більшістю товарів. Про такі процеси свідчать численні абревіатури-ергоніми, різні за своєю структурою. Майже половину з них становлять двохкомпонентні словесні ергоніми з повною родовою назвою, яка позначає тип підприємства, установи, і частиною основи слова, яке позначає вирізняльно-ідентифікаційний компонент. Наприклад: *Держзавод, Держвагарня, Держмлин № 53, Бумсиндикат, Гумотрест, Донвугіль, Олійтрест, Укрм'ясо, Харчотрест, Центроспирт, Шкіртрест* і под. У більшості таких назв вирізняють об'єкт виробництва або торгівлі (*гума, вугілля, олія, м'ясо, спирт, шкіра* тощо). У небагатьох вирізняють статусну (*держ-, центро-*) або просторову (*укр-, дон-*) характеристики. Ергонім *Бумсиндикат* запозичений з російської мови без перекладу, оскільки називає не самостійне підприємство, а філію *Всесоюзного Синдикату паперової промисловості*. Підпорядкованість загальнодержавній монополії на вироблення та продаж алкоголю віддзеркалює складноскорочений ергонім *Центроспирт*, утім його тлумачення в довіднику вуалює всесоюзну монополію: *Одеська Спирто-гуральня*. Тут же є запис про те, що *Ценроспирт* має в Одесі 9 роздрібних крамниць, що свідчить про монополізацію як виробництва, так і реалізації алкоголю державою. Наявність складноскорочення *держзавод*, яке повторюється як родове слово у назвах десятка підприємств (*Держзавод № 1, ім. Хворостіна; Держзавод «Електрошнур»; Держзавод № 8, ім. Петровського*), свідчить про те, що в той проміжок часу ще існували виробничі підприємства з іншою формою власності або такі, до державної форми власності яких громадяни ще не звикли, називаючи їх за прізвищами колишніх власників. Назви таких підприємств теж представлені в довіднику «Вся Одеса на 1930 р.», проте не скорочується. Наприклад, експропрійовані підприємства, які мають колективних орендарів – робітничі артілі: *Фабрика ланцюгів, кол. бр. Слупецьких, орендар Одтремас; 1-й машинобудівельний завод, кол. бр. Нудельман, орендар – арт. «Кузовмеханик»; Завод шворнів та гайок, орендар – кол. «Болтовщик»* і под.

Серед складноскорочених ергонімів на позначення промислових і торговельних підприємств, які функціювали в Одесі в 1930 р., майже третина таких, які мають три і чотири компоненти. Вирізняльно-ідентифікаційний компонент у таких складноскорочених ергонімах є більш змістовним, ніж у двохкомпонентних, бо надає дві характеристики щодо діяльності підприємства. Наприклад: *Рудметальторг* – Акційне товариство **торг**івлі **руд**ою, **мета**лами, мінералами й брухтом, *Обринком* – **Об**'єднаний **Рин**ковий **Ком**ітет, *Одкоопспілка* – **О**деська **спілка кооп**ераторів, *Одессукнопром* – **Одес**ький Окружний Трест **Суконн**ої **Про**мисловості, *Одтремас* – **Од**еський **Трес**т **Мас**ового Виробництва Метальових речей, *Коркізолінолеум* – Одеська філія Всеросійського Державного Тресту **корк**ово-**лінолеум**ної та **із**оляційної промисловості, *Близсхіддержторг* – Одеська Експортно-Імпортна контора **Торг**івлі з Туреччиною та **Близ**ьким **Сход**ом, *Одесхемсільтрест* – **Одес**ький Окружний Трест **хем**ічної й **сол**яної **пром**исловості, *Кавмінрозлив* – Державний склад Натуральних **Кав**казьких **Мін**еральних вод і под.

Серед назв промислових і торговельних підприємств ми нарахували 5 ергонімів, які представлено буквеними абревіатурами, утім вони, здебільшого, називають головні підприємства розташованих в Одесі філій: *ВУФКУ* – Всеукраїнська Фото-кіно-управа, *ВМТС* – Всесоюзний Машиново-технічний синдикат, *ОВМП* – Окружний Відділ Місцевої Промисловості, *ОНТУ* – Одеська Філія Науково-Технічної Управи *ВРНГ*.

Соціолінгвістичний аналіз представлених ергонімів свідчить, по-перше, про різноманітний характер господарювання одеситів, а по-друге, про різні форми власності щодо підприємств промисловості та торгівлі в 1930 році. Утім, зіставний аналіз складноскорочених і повних форм ергонімів свідчить про державну монополію на розпорядження фінансами, оскільки лише функційно ключові компоненти повних назв більшості таких установ представлено у складноскороченому варіанті їхніх назв (див. приклади вище), та про тенденцію до державної монополізації промислового виробництва й торгівлі. Так, ціла низка назв міс-

тить компонент *державний / держ-* як у повній, так і складноскороченій формах (*Держшитвомашина, Держвидав* і под.). Такі нові поняття господарювання, як *кооперація / кооперативний, спілка* / *спільний* з'являються у повних назвах підприємств і знаходять вираження у їхніх складноскорочених варіантах (*Одкоопспілка, Чайцентроспілка* і под.). Проте така форма капіталістичного господарювання як *акційне товариство* залишається тільки в повних формах. Скорочених компонентів від цих слів уникають складноскорочені форми назв акційних підприємств.

Певну групу ергонімів становлять назви професійних організацій (профспілок) і організацій допомоги, які утворювалися завдяки соціалістичним настановам на гуманізацію громадського життя. У повних назвах зустрічаємо компоненти *Рада*, *Радянський*, які трансформуються у складноскорочених ергонімах у компонент *рад-*, а в буквених абревіатурах – у літеру *Р*. Наприклад: *Профспілка радторгслужбовців* – ***Проф**есійна **Спілка Рад**янських та **Тор**говельних Службовців, Окрпрофрада* – **Окр**ужна **проф**спілкова **Рада**. Зустрічаємо також багато мішаних абревіатур типу: *Комзет* – **Ком**ітет **Зе**млевпорядження Євреїв **Т**рудящих, *Тозет* – **То**вариство **Зе**мельного Упорядження **Т**рудящих Євреїв, *Торті* – **То**вариство **р**обітничо-**т**ехнічної **і**ніціативи тощо.

У назвах окремих профспілок яскраво віддзеркалюється спосіб трансформації повних назв установ у складноскорочені за допомогою лише ключових слів. Усі або переважну більшість родових слів у таких абревіатурах навіть не згадують. Наприклад: *Робмис* – Одеський окружний Відділ Спілки **Роб**ітників **Мис**тецтва (робітники мистецтва); *Робітос* – Одеський Окрвідділ Спілки **Робіт**ників **Ос**віти (робітники освіти); *Соцвих* – установи **соц**іального **вих**ування; *Нархарч* – Одеський Окрвідділ Спілки Робітників **Нар**однього **Харч**ування й спільно житла (народне харчування); *Місцтран* – Одеський Окружний Відділ Спілки Робітників **Місц**евого **Тран**спорту (місцевий транспорт) і под.

Таким чином, аналіз складноскорочених ергонімів, наведених у статті, та інших абревіатур-ергонімів, представлених у довіднику «Вся Одеса на 1930 р.», свідчить про таку особливість мови епохи революційної перебудови соціально-економічного життя суспільства, як різкий вибух нових ергонімів, компоненти яких фіксують докорінну зміну ідеологічних і політико-економічних пріоритетів. Кожний із таких багатокомпонентних ергонімів має повну та скорочену форми. Скорочені варіанти утворювалися за різними моделями, однак провідною у процесі їх утворення була тенденція до обов'язкового використання ключових компонентів. Цікавим є факт того, що компонентний склад ергонімів на позначення більшості установ, зафіксованих у 1930 році, свідчить про домінування державної монополії на гуманітарну політику та промислове виробництво в країні. Утім, деякі промислові підприємства ще залишалися акційними товариствами їхніх спільних володарів – акціонерів. Вважаємо, що відсутність у складноскорочених ергонімах, які називали такі підприємства, компонентів на позначення форми власності, відображає ситуацію негативного ставлення суспільства тієї епохи до приватної власності на засоби виробництва. Досліджений матеріал свідчить також про процес так званої «ієрогліфізації» деяких складноскорочених назв, який полягав у перетворенні таких назв на традиційні ергоніми, що за мотивацією відриваються від підданих зміні офіційних повних назв. У цьому процесі повна назва втрачає деякі слова, включаючи деякі ключові, від яких пішла складноскорочена назва. Це є одним із свідчень віддзеркалення в українській мові 1920-х–1930-х рр. активних економіко-політичних процесів, які відбувалися в суспільстві.

Список використаних джерел

1. Хрушкова, О. А. Структура та функційне навантаження писемних носіїв інформації сучасного міста : автореф. дис. … канд. філол. наук / О. А. Хрушкова. − Дніпро : Дніпровський національний ун-т ім. Олеся Гончара, 2016. − 23 с.

2. Степанов, Є. М. Мова міста як соціолінгвістична проблема / Є. М. Степанов // Вісник Львівського університету. Сер. Філологічна. – Львів : ЛНУ ім. Івана Франка, 2006. – Вип. 38. Ч. 2. – С. 65–71.

3. Зимовець, І. В. Структурно-семантичні та лінгвопрагматичні особливості комерційних назв у сучасних слов'янських мовах / І. В. Зимовець // Компаративні дослідження слов'янських мов і літератур. – Київ : Київський ун-т, 2010. – Вип. 12. – С. 78–85.

4. Вся Одеса : довідник на 1930 рік. Провідник у місті й на курортах та медичний покажчик. – Одеса : Чорноморська комуна, 1929. – 152 с.

Sociolinguistic and functional features of different groups of complex-abbreviated ergonyms in the era of revolutionary socio-political and economic transformations of the 1920–1930s were analyzed in this study. The material for study was selected from the reference book "All Odessa on 1930". The component composition of ergonyms, naming institutions and enterprises, indicates the dominance of the state monopoly on humanitarian policy and industrial production in the country. Changing full names does not always require changing abbreviated names of enterprises. It leads to the so-called "hieroglyphization" of such names and their transformation into traditional ones.

Keywords: ergonym, full name, abbreviated name, Ukrainian language of the 1920–1930s.

УДК 81'42: 81'373.612.2 : 811.161.1 + 811.161.3

С. Б. Кураш

БЕЛОРУССКО-РУССКИЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ В ЗЕРКАЛЕ «ДИАЛОГА» МЕТАФОР

В статье исследуется интертекстовое поле «диалога» русской и белорусской поэзии на уровне метафорики. Выявлены разнообразные способы подобного «диалогизирования». Установлено, что белорусский поэтический дискурс прочно «скреплен» с русским, причем не только на уровне архетипов, но и на уровне индивидуально-авторской, несистемной, нерегулярной метафорики.

Ключевые слова: интертекст, метафора, «диалог» метафор, поэтический дискурс, русская поэзия, белорусская поэзия.

Близость белорусской и русской поэтических традиций на тематическом и образном уровнях отмечалась неоднократно. Е. Ю. Муратова пишет: «Дискурсивный анализ русских и белорусских поэтических текстов раскрывает общность тем, жизненных реалий, мировоззренческих ценностей, отражённых в поэзии двух народов, что объясняется во многом общей историей, близким родством языков, географическим соседством» [1, с. 212].

А. А. Гируцкий отмечает следующее: «Лучшие мастера белорусской литературы, и в первую очередь Я. Купала и Я. Колас, давали образцы мастерского использования средств русского языка в своих художественных произведениях. Из русского литературного языка они старались брать только самое необходимое, обусловленное идейно-эстетическими целями задачами произведения. Мастера пера добивались гармонизации различного языкового материала, обращаясь преимущественно к таким средствам русского языка, которые не противоречили белорусскому национальному языковому материалу, органично вписывались в белорусское языковое русло. Широко использовались ими также заимствования из русского языка для обозначения понятий, которым в белорусском языке еще не было лексических соответствий» [2]. Этот же ученый в продолжение темы взаимодействия языков и литератур говорит о нем как особом художественном средстве: «Однако чаще всего включение в текст произведений элементов другого языка обусловлено объектом художественного отражения, законами художественного творчества. Элементы других языков используются в текстах произведений как художественное средство для отражения живой действительности с ее социальными, религиозными, политическими, национальными, языковыми особенностями» [2].

В «диалогические» отношения могут вступать и тексты разных языковых кодов, разных национальных литератур, и в первую очередь таких, которые формировались долгое время на общей почве, близкородственных. Как отмечает Н. А. Кузьмина, «…если рассматривать стратегию интертекстуальности в современной поэзии, то можно заметить, что именно глубинно-архетипические слои реальности становятся предметом осмысления (переосмысления) – и это объединяет поэтов совершенно разных манер, формируя некий стиль поколения» [3, с. 95].

«Диалогику» разнокультурных текстов в этом плане можно считать одной из общекультурных универсалий: «Тексты, включающие интертекстуальные элементы различных национальных культур, расширяют и активизируют концептуальную картину мира читателей, связанную с прошлым как их родной, так и мировой культуры. Они обращаются к общечеловеческим знаниям и ценностям, дополняя соответствующие знания читателей» [4, с. 3].

Вместе с тем универсальное здесь тесно взаимодействует с национально-специфическим: «Коды культуры как феномен универсальны по природе своей, свойственны человеку как homo sapiens. Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обусловливаются конкретной культурой» [5, с. 302].

Интертекстуально связанные разнокультурные тексты к тому же обладают своей жанрово-стилевой и иной спецификой, на что, в частности, указывает Т. В. Литвиненко: «Коммуникативные продукты, принадлежащие к разным лингвокультурам обладают своими интертекстуальными особенностями, которые детерминированы спецификой культурообразующих претекстов, своеобразием соотношения и структуры концептов, возобновляемых в процессе межтекстового взаимодействия» [6, с. 8].

В качестве фокуса пересечения и взаимодействия различных лингвокультур в поэтическом дискурсе нередко выступает и троп, метафора. Известно, что «интертекст, как и метафора и метонимия, не знают границ какого-либо одного языка» [7, с. 52], а метафору и вовсе всё чаще определяют как одну из языковых и культурных универсалий: «Универсальность процесса метафоризации, основанного на принципе соизмеримости познаваемого с понятными для человеческого восприятия образами и символами, – своеобразный залог межкультурного взаимопонимания» [8, с. 4].

Говоря об эволюции художественной метафоры в течение нескольких последних столетий, исследователи указывают на ряд универсальных тенденций, свойственных различным языкам, литературам и культурам. Например: «В текстах нового времени (XVIII−XXI вв.) концептуальные метафоры отличаются заметным разнообразием, что проявляется как в увеличении числа исходных сфер метафорической экспансии, так и в разноплановом прагматическом потенциале доминантных метафорических моделей. Метафорическое многообразие во многом обусловлено ускорением темпа жизни человека нового времени, интенсивным развитием общества, усложнением системы социальных отношений, бурным развитием науки и техники, быстрой сменой идеологических ориентиров, господствующих философских и литературных направлений, изменениями в религиозной жизни (от православия к атеизму с последующим обращением к религии в конце XX века) и т. д.» [9, с. 11].

В справедливости сказанного можно, в частности, убедиться, прибегнув к сравнительно-сопоставительному исследованию метафорики белорусской и русской поэзии последних нескольких десятилетий (начиная со второй половины XX века в обеих литературах появляется целый ряд поэтов, для которых метафоричность становится одной из идиостилевых доминант).

Совершенно очевидно в текстовом пространстве обеих национальных поэтических традиций в качестве своеобразных культурных скрепов функционирует одни и те же «образные парадигмы» (в терминологии Н. В. Павлович), «поэтические формулы» (в терминологии Н. В. Кузьминой) и т. п. Приведем лишь несколько характерных примеров: *Вот и вечер жизни. Поздний вечер. / Холодно и нет огня в дому* (Д. Кедрин); *Вечар жыцця ўжо ступіў на*

парог, моўчкі да нас прабіраецца ў сені. (Л. Геніюш); *На древе человечества высоком / Ты лучшим был его листом, / Воспитанный его чистейшим соком, / Развит чистейшим солнечным лучом!* (Ф. Тютчев); *Я – інтэрнацыяналіст / І ў шумнай кроне чалавецтва / З тутэйшае галінкі ліст.* (Р. Барадулін); *Скажи: / Какой ты след оставишь? / След, / Чтобы вытерли паркет / И посмотрели косо вслед, / Или / Незримый прочный след / В чужой душе на много лет?* (Л. Мартынов); *Ўсё павінна след пакінуць / Бо, як пачаўся белы свет, / Прамень, / пясчына / і расіна / Нязменна пакідаюць след. / ...Не забывайцеся ж, / якія / Вы пакідаеце сляды* (П. Броўка) и т. п.

Если метафорические переклички подобного рода в целом ожидаемы, прогнозируемы в силу их регулярности, системности, обусловленной в первую очередь архетипической природой последних, особенно в двух культурно родственных поэтических культурах, то о ряде метафорически структурированных словесных образов, обнаруживаемых как у русских, так и у белорусских поэтов, подобного утверждать нельзя. Речь идёт о неархетипических, несерийных, индивидуально-авторских, уникальных образах, не входящих в самые количественно наполненные парадигмы.

Приведем ряд подобных примеров.

(1) *Осень выдалась / шикарная. / Захмелевший от ходьбы, / в незнакомый лес шагаю я / по стихи, / как по грибы. / Я дышу настырным воздухом. / Две строки уже нашёл. / И собака / машет хвостиком, / как заправский дирижёр.* (Р. Рождественский); *Радкі кладуцца, як грыбы у кошык, / Ды грыб бяру я не абы які, / Заўжды ідзе не вельмі доўгі пошук, / Шукаю ў верасах баравікі…* (А. Балуценка); (2) *Все приму я: боль и отчаянье, / Даже жалости острие. / Только пыльный свой плащ раскаянья / не клади на лицо мое!* (А. Ахматова); *Ты – пакуты маёй вастрыё, / мае думкі заўсёды з табою, / у грудзях маіх сэрца тваё / несусветным заходзіцца болем, – / ты – пакуты маёй вастрыё, / мае думкі заўсёды з табою* (І. Лагвіновіч); (3) *Если ты – / провода, / я – / троллейбус. / Ухвачусь за провода / руками долгими, / буду жить / всегда-всегда / твоими токами* (Р. Рождественский); *Твой дотык, / Да цела майго – / Гэта дотык крэсіва / Да краменя. / Датыкнешся – / І я адзываюся іскрай* (А. Барскі) и т. п.

Отмечаются и сходные метафорические образы, созданные русскими и белорусскими поэтами на основе устойчивых оборотов. Так, приводимые ниже примеры метафорических построений имеют в своей основе устойчивое терминологическое выражение *усталость металла* ('явление, приводящее металл к разрушению после многократного изменения его напряженного состояния'), сравн.: *Стамляецца нават метал. / Падшыпнікі, шарыкі ролікі, / Сыграўшы часовыя ролейкі, / Растрачваюць гарт і запал* (М. Стральцоў); *Состав стоит, пробег немалый. / В пути оставив за хвостом. / И от уставшего металла / Внизу течет звенящий стон* (А. Твардовский).

В «диалогизировании» метафорики русских и белорусских поэтов абсолютно преобладающим является вхождение русского интекста в текст белорусского автора, что иллюстрируют приводимые примеры. Большинство подобных метафорических перекличек реализуется в виде продолжения и развития тропеического образа.

Контрастивная оппозиция в поле белорусско-русского поэтического «диалога» на уровне метафорики представлена немногочисленными примерами, сравн.: *Я не слаўны **Ленскі**, / Ты ж і не **Тацьяна**... / Родам я з-пад Менску... / Часта, часта п'яны* (М. Кавыль). Иначе говоря, в координатах «свое – чужое» интертекстовые метафоры белорусских и русских авторов в весьма редких случаях репрезентируют разнополярные позиции, хотя в целом, за рамками метафорики, примеры такого противопоставления встречаются, сравн.: *У кожнага свае куміры, / Камусьці Бродскі па душы, / А я прыхільнік іншай ліры, / Мне лепш Грахоўскага вершы...* (А. Балуценка).

Таким образом, интертекстовое поле «диалога» русской и белорусской поэзии, их образных систем на уровне метафорики является достаточно обширным в отношении пространственно-временных координат («переклички» с текстами классиков и современников,

близких и отдаленных лингвокультур) и разнообразным с точки зрения реализации моделей подобного «диалогизирования». В значительной мере это позволяет говорить о единстве культурного (в данном случае – поэтического) континуума, в пределах которого функционируют как традиционные (архетипические), так и индивидуальные, уникальные, сугубо авторские метафорические построения поэтов – представителей белорусской и русской лингвокультур.

Список использованных источников

1. Муратова, Е. Ю. Специфика дискурсивных связей в русской и белорусской поэзии XX века / Е. Ю. Муратова // Русский язык: система и функционирование (к 70-летию филологического фак-та) : сб. материалов IV Междунар. науч. конф., г. Минск, 5–6 мая 2009 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2009. – Ч. 1. – С. 212–215.
2. Двуязычие: теория и практика / А. А. Гируцкий, В. Д. Стариченок, Т. В. Балуш и др. ; под ред. д-ра филол. наук, проф. А. А. Гируцкого. – Минск : БГПУ, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://elib.bspu.by/handle/doc/5202. – Дата доступа : 16.01.2019.
3. Кузьмина, Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка : монография. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. – Омск : Омск. гос. ун-т, 1999. – 268 с.
4. Аксёнова, Н. В. Оценочные смыслы в метафоре (на материале англоязычной литературы XX века): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Н. В. Аксёнова ; Санкт-Петербургский гос. ун-т.– СПб., 2007. – 19 с.
5. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных – М. : Гнозис, 2003.– 375 с.
6. Литвиненко, Т. Е. Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста : монография / Т. Е. Литвиненко. – Иркутск : Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2008. – 308 с.
7. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – 3-е изд., стереотип.– М. : КомКнига, 2007. – 280 с.
8. Юрков, Е. Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Е. Е. Юрков ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2012. – 55 с.
9. Кондратьева, О. Н. Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре : XI–XX вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О. Н. Кондратьева ; Уральский гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014. – 46 с.

The article explores the intertext field of the "dialogue" of Russian and Belarusian poetry at the level of metaphor. Various ways of such "dialogization" are revealed. It is established that the Belarusian poetic discourse is firmly "bonded" with the Russian, not only at the level of archetypes, but also at the level of individual author's, non-systemic, irregular metaphors.

Keywords: intertext, metaphor, "dialogue" of metaphors, poetic discourse, Russian poetry, Belarusian poetry.

УДК 811.161.1'276'37:004.77:27-475

А. С. Макарова

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ ИНТЕРНЕТ-ПРОПОВЕДИ

В статье приводится анализ особенностей языка православной интернет-проповеди как наиболее востребованного жанра современного религиозного медиадискурса. Смешение стилистических регистров, наличие церковнославянизмов и фразеологизмов с просторечной стилистической

окраской, употребление прецедентных библейских имен являются главными отличительными чертами рассмотренной интернет-проповеди на сюжет притчи «О Блудном Сыне».

Ключевые слова: православный медиадискурс, интернет-проповедь, религиозный язык, притча.

Основным социальным институтом религиозного дискурса остается церковь, однако православный религиозный дискурс не ограничивается данными рамками. Сегодня этот тип дискурса присутствует не только в печатных массмедиа, он активно развивается в интернет-пространстве. Как любой институциональный дискурс, православный дискурс обладает свойственными ему жанрами, хотя сам процесс выделения жанров в этом типе дискурса представляется довольно сложным, так как он отличается: «а) сложным характером коммуникации, поскольку осуществляется общение человека с Богом или Бога с человеком, при этом любое высказывание перерастает свои границы и становится событием; б) сложным характером иллокутивного потенциала, совокупности интенций, обнаруживающих довольно сложные конфигурации» [1, с, 162].

Многие исследования отечественных языковедов (И. А. Истомина, Т. В. Ицкович, И. В. Петрушко, О. А. Прохватилова, Н. Н. Розанова, В. А. Салимовский и др.) посвящены анализу жанра православной проповеди. В то же время изучение языковых особенностей православной проповеди в её интернет-варианте или ценностного потенциала такого рода проповеди отдельно не поднимались. Нам представляется, что исследования православной проповеди, как и её разновидности – современной интернет-проповеди, должны проводиться на основе общепринятой лингвистической методологии, но обязательно с учётом особенностей христианского религиозного сознания, которое находит отражение в языке религиозной коммуникации и в религиозном медиадискурсе [3].

По мнению Е. В. Бобыревой, следует разделить речевые жанры религиозного дискурса на первичные и вторичные согласно особенностям их порождения и функционирования. К первичным речевым жанрам ученый относит притчи, псалмы и молитвы, ко вторичным – проповедь и исповедь.

Т. В. Ицкович предлагает такую жанровую систематизацию религиозного стиля: проповедь, молитва, житие, канон, акафист. В предложенной типологии лингвист вычленяет протожанры, например, для жанра проповеди – это Нагорная проповедь Иисуса Христа, и субжанры (в парадигме жанра жития) [2].

Для И. В. Петрушко проповедь – это «инструмент катехизации, организации богообщения паствы и наставления людей к праведной жизни, соединяющий в себе фатическую, просветительскую и этическую функции языка» [5, с. 4].

Сегодня жанр проповеди вызывает научный интерес, потому что гомилетика имеет целью духовное преображение человека, изменение его поведения, мыслей, образа жизни, а тексты проповедей являются «текстами в тексте» и обладают особыми интертекстуальностью и прецедентностью, восходящими к текстам Священного Писания.

Наряду с воздействующей, разъяснительной, эмоциональной, информационной, экспрессивной и другими функциями, свойственными публицистическому стилю, интернет-проповедь отличается особой миссионерской функцией, так как представляет собой жанр церковно-религиозного общения. Именно миссионерская функция православного религиозного дискурса помогает выстроить прямую связь с аудиторией и наладить с ней диалог. Жанр интернет-проповеди также отличает просветительская и педагогическая миссия, так как этот тип религиозной коммуникации предполагает участие не религиозных или около церковных людей. Проблемы понимания, восприятия, доходчивости языка Церкви, который сочетает общехристианское с особенным, традиционное с инновационным в текстах как православной проповеди, так и интернет-проповеди, относятся к наиболее дискуссионным вопросам современного языкознания, в связи с чем ученые значительное внимание уделяют исследованиям языка религиозного дискурса.

Для анализа жанра проповеди можно выделить несколько исследовательских подходов, то есть рассматривать проповедь:

1) как уникальное творение (авторский текст) или как социально-коммуникационную технологию;

2) как письменный (напечатанный) конспект;

3) как коммуникативное событие в режиме реального времени, происходящее здесь и сейчас (например, общение со священником в прямом теле- или радиоэфире);

4) как источник знаний о смыслах толкуемых текстов Библии;

5) как риторическую модель организации коммуникации, актуализации и трансляции смыслов в аудитории [5, с. 28].

Известно, что речевое поведение, как правило, бывает целенаправленным, потому в данной статье мы представим анализ языковых особенностей как лингвопрагматическую составляющую проповеди, посвященной толкованию смыслов притчи о Блудном сыне. Нами была отобрана интернет-проповедь протоиерея Андрея Ткачёва от 24.02.2019 (http://www.andreytkachev.com/pritcha-o-bludnom-syne-24-02-2019/**).**

Протоиерей Андрей Ткачёв – священнослужитель Русской православной церкви, митрофорный протоиерей, клирик храма святителя Василия Великого, Патриаршего подворья в селе Зайцево Одинцовского района Московской области, проповедник и миссионер, телеведущий. О. Андрей – автор большого количества книг, посвященных христианскому вероучению, автор и ведущий таких популярных передач на телевидении и в интернете, как «День ангела», «Святая правда» и др. Язык священника максимально приближен к разговорной речи, и это помогает выстроить диалог с разными людьми, не только воцерковленными.

Представим краткий анализ проповеди о Блудном Сыне, размещенной в аудио и печатном варианте на сайте священника. Интернет-проповедь о. Андрея Ткачева характеризуется живым языком, хотя проповедь, произносимая в храме, не всегда бывает похожа на обыденную речь повседневного общения, в связи с чем язык проповеди иногда рассматривается как нечто стандартное и застывшее, произнесенное на церковнославянском языке.

Одной из самых ярких особенностей данной проповеди является наличие большого количества прецедентных библейских имен из текстов Ветхого и Нового Заветов, придающих проповеди авторитетность. Вначале приведем именование Бога: *Господь, Иисус Христос*, и перифразы *Христос – сын Давидов, Мессия, Добрый пастырь, Добрый Отец*. Упоминаются также прецедентные имена, перифразы и фразеологизмы, восходящие к Библии: *Мытарь и Фарисей, Богач и Лазарь, Евангелие от Луки, День Ангела, Давид,* «*Светильник, пришедший перед Солнцем» – Иоанн Предтеча*. Присутствуют номинации, связанные с историей России: *государь Николай, николаевские рубли, Киевская Русь, князь Владимир*.

Следующая значимая особенность – смешение стилистических регистров, что объясняется «языковым вкусом» (термин В. Г. Костомарова) современной эпохи, который «отличается стремлением к выразительности и экспрессии, смешением стилевых уровней, использованием старых текстов во вновь создаваемых и пр.» [4, с. 77]. В речи священника встречаются церковнославянизмы (*расточить, засим безбожие, отче, дитя* и пр.), возвышенная лексика (*милующее сердце о всех кающихся людях, отвратить от пути погибельного, привести к делам добрым*), фразеологизмы разговорно-просторечного характера (*загнать в безвыходную ситуацию, выпасть из пазов, мир расползается по швам, слезы душат, комок к горлу подкатил, суета-маета, «высыпать» на дорогу* и пр.) и просторечная лексика *(«перешифровать», зажиться, брякнуться, натараторить кучу* и пр.).

Проявление интертекстуальности обнаруживается, когда о. Андрей вспоминает притчи о потерянной овце, о потерянной монете и только потом говорит о Блудном Сыне. Выстраивая градационную шкалу ценностей (от менее ценного к самому ценному), священник подчеркивает, что данная притча – это притча о потере, о потерявшемся человеке, который в конце концов возвращается к Отцу. От библейского фразеологизма *Блудный Сын* священ-

ник образует такие трансформы, как *блудные дети* (мы все, всё человечество), *блудные жены и мужья, блудные девки*.

Текст проповеди отличается наличием гиперболы (*грандиозно-страшная мысль*) и оксюморона (*черное благочестие*), интересно также употребление метафор (*челюсти адовы, «хвостик» молитвы, теплая волна отеческих объятий, мерзкий циклоп*) и парцелляции, которую венчает обобщение, построенное на тавтологии: «И болеем, кстати говоря, всеми ее болезнями. *Спесивостью. Наглостью. Нетерпимостью. Самолюбованием. Гордостью. Завышенными требованиями к окружающему миру. Завышенной самооценкой. Это все проклятые черты проклятой цивилизации*».

Тема данной интернет-проповеди актуальна, поэтому помимо цитат из Ветхого Завета («*Ты будешь бить его в голову, он будет жалить тебя в пятку*» (Быт.3,15)) и Нового Завета («*Об овце потерянной человек радуется*» (Лк. 15); «*последние будут первыми*» (Мф. 20, 16)), присутствуют отсылки к фольклору («<…> как в сказке*: кому – мельницу*, кому – пасеку, а кому – "*Кота в Сапогах"*»), живописи («Рембрандт последнюю картину в своей жизни написал – "*Возвращение Блудного Сына*". Она есть и у Иеронима Босха»), философской литературе (книга «Веселая наука». «*Фридрих Ницше сказал именно эти слова. Он сказал: "Бог умер!"*»).

Необходимость толкования, разъяснения Священного Писания следует из его экстралингвистических и лингвистических особенностей. Тексты Библии отличает притчевый язык, который человеку, не владеющему знаниями в области истории древнего мира и ветхозаветной истории, практически непонятен. Отсутствие определенных исторических и филологических знаний приводит к тому, что многое остается сокрытым «за строкой из того, что требует активного понимания и глубокого размышления читателя. <…> и его оптимальное донесение до аудитории и корректное объяснение (толкование) входит в риторическую задачу проповедника» [5, с. 33–34]. В связи с вышеизложенным, понятно, что одной из главных задач проповеди является интерпретация смыслов христианских текстов, особенно притч, через которые Бог доносит сокровенные знания, необходимые христианину. Поэтому, как нам кажется, интернет-проповедь стремится быть «диалогом о диалоге, или точнее – диалогом, открывающим путь более глубокому и сокровенному диалогу» [5, с. 39]. Всему этому способствует Интернет-пространство, которое позволяет максимально расширить аудиторию, дает возможность перечитывать, пересматривать, слушать несколько раз одну и ту же проповедь, чтобы лучше понять её, запомнить важные, ключевые моменты. Не последнюю роль в привлечении пользователей Сети играет медийный компонент (Икона в студии или картина, например, «Возвращение Блудного Сына» Рембрандта, особое освещение студии и т.д.).

Проповедь как «текст от текста» или «текст в тексте» базируется на текстах и смыслах Библии и направлена на создание такого текста, который прочувствован проповедником и будет правильно воспринят слушателем, он призван инициировать в собеседниках процесс «нравственной рефлексии и саморефлексии для формирования отвечающей смыслам Священного Писания и Священного Предания православной христианской ценностной позиции слушателя» [5, с. 32].

Список использованных источников

1. Бобырева, Е. В. Религиозный дискурс: ценности и жанры / Е.В. Бобырева // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения. – 2008. – № 1. – С. 162–167.

2. Ицкович, Т. В. Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: дис. …. д-ра филол. наук: 10.02.01 / Т. В. Ицкович; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2016. – 387 с.

3. Макарова, А.С. К вопросу о статусе теолингвистики как отрасли языкознания / А. С. Макарова // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва 22–23 октября 2019 г. / под

ред. А. С. Борисовой, А. В. Игнатенко, Т. В. Лариной, О. В. Ломакиной. – М. : РУДН, 2019. – 518 с.: ил. С. 148–154.

4. Макарова, А. С. Роль фразеологических средств в построении публицистических текстов / А. С. Макарова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016. – № 2. – С. 77–83.

5. Петрушко, И. В. Интегративная модель коммуникативного события православной проповеди : дис. … канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / И. В. Петрушко; Тверской государственный университет. – Тверь, 2018. – 204 с.

The article analyzes the features of the language of Orthodox Internet preaching as the most popular genre of modern religious media discourse. The mixture of stylistic registers, the presence of Church slavonisms and phraseological units with vernacular stylistic coloring, the use of precedent biblical names are the main distinguishing features of the considered Internet sermon on the subject of the parable "About the Prodigal Son".

Keywords: Orthodox media discourse, Internet sermon, religious language, parable.

УДК 811.111’271:316.728

Е. Ю. Макутонина

ВЛИЯНИЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЯЗЫК

Язык – это живая структура, которая постоянно видоизменяется. Изменения касаются различных стилей, появляются новые слова и понятия, видоизменяются старые. Эти изменения происходят в связи с различными процессами в социокультурной среде. В данной статье на материале английского языка рассматриваются изменения, происходящие в языке под воздействием средств массовой коммуникации.

Ключевые слова: язык, стиль, межкультурные компетенции, поп-культура, поп-язык, слова, фразы, пунктуация.

Сегодня становится все сложнее понять, что включает понятие «нормативный английский». С одной стороны, не существует государственного органа, который определяет эту норму. Мак Артур утверждает, что нормативный иностранный язык должен соответствовать трем условиям [1, с. 442]: 1) узнаваемость в напечатанном виде; 2) использование языка ведущими новостными каналами; 3) его использование должно отображать социальное положение и образование говорящего. Этот язык должен быть наиболее широко распространен, принят, понимаем в рамках государства. Следует заметить, что это общество решает, что приемлемо, а что нет, и норма в канадском и ирландском обществе может быть разная. Как учителя английского языка, мы должны четко представлять, каким нормам английского языка мы обучаем своих учеников, и при возможности давать им понятие о вариантах этой нормы, используя различные аудио- и видеоматериалы.

Язык – система, на которую влияют многие факторы. Например, массовая культура (она же поп-культура) является одним из таких факторов. Она существовала практически всегда. Однако в последние десятилетия ее влияние на человеческую цивилизацию заметно выросло и привело к существованию таких феноменов, как поп-дипломатия, поп-политика, а также поп-язык. Именно поп-язык мы и рассмотрим более подробно в этой статье. Массовая культура имеет много определений, но все они понимают под этим явлением широко распространенные в каком-либо обществе культурные элементы. Поп-культура включает в себя музыку, кинематограф и мультипликацию, литературу, средства массовой информации (включая комиксы и Интернет), моду, кулинарию, рекламу, спорт, туризм, дизайн и др. Фольклор (сказки, былины, легенды и т. д.) также считается составной частью (или одним из

источников) массовой культуры. Однако приставку *поп-* культура приобретает только, если некое произведение становится широко известным и популярным в обществе.

Поп-языком называли разговорный стиль дешевых журналов и бульварных романов. Ему свойственны особые интонации, ритмы и коллоквиализмы. Термин «поп-язык» ввел Лесли Саван в 2005 году.

Первой особенностью поп-языка является дополнительная эмоциональная коннотация.

Например: *That is so last year, Don't go there, Get a life, I hate it when that happens. It doesn't get any better than this, I don't think so.*

Все это фразы из телешоу и сериалов. Этот язык легкий и слегка ироничный. Он полон запоминающихся броских фраз и подчеркнуто критичных выражений. Это современная версия того языка сатиры, которым высмеивали скучный серьезный дискурс в прошлом. Например, в 1920-е годы джазовая культура ввела в употребление много слов, таких как *hip, stylish, cool, groovy.* В 1990-е хиппи ввели новые значения слов *bad, nasty, chill* в разговорный язык. В таком языке часто используется противоположное значение слова для достижения иронического подтекста. Слово *bad* впервые было использовано для выражения антонимичного значения 'привлекательный' Майклом Джексоном, когда он назвал свой альбом *BAD1987*. В 1989 году другой представитель хип-хопа LL COOL J ввел фразу *not bad,* которая была отрицанием этого значения. Именно в его песне прозвучало *I'm Bad*. Похожая поп-этимология у слова *sick* в значении 'хороший'. Пример из русского языка – слово *ужасно* в словосочетании *ужасно интересно*. Лесли Саван утверждает, что в истории есть много таких примеров, созданных писателями. Так, Шекспир ввел в разговорную речь слова *hubbub, to bump, to dwindle*. В XX веке в средствах массовой информации встречается множество примеров подобной лексики. Количество поп-лексики возросло в 60-е годы, что дает основание сказать, что поп-культура имеет влияние на социум. Речь героев популярных фильмов была примером того, как следует говорить в неформальной обстановке. Фильм Animal House 1978 ввел слово *wimp,* характеризующее испуганного, трусливого человека, или слово *brew* вместо привычного *beer*. А другой фильм Clueless1995 ввел выражение *as if* для выражения недоверия, *whatever* для выражения отсутствия интереса в том, что говорят. После фильма Mean Girls 2004 словом *plastic* стали характеризовать девушек, похожих на кукол Барби. Таким образом, яркие и точные фразы из фильмов и известных произведений переходят в язык общения.

Еще одной характеристикой поп-языка являются аббревиатуры. Это можно проиллюстрировать такими общеизвестными сокращениями, как *demo* от *demonstration, psycho* от *psychopath, wacko wacky person, DJ (disc jockey), kidvid (kid's video), lifehack (lifehacking), podcast (ipod* и *broadcasting)* – из лексики интернет-общения.

Еще одна особенность поп-языка – его открытость. Хорошим примером этому является слово *like* для выражения замешательства. Оно появилось в 1980 году. "*I like wanna come but like I'm a little busy now*". Известно еще одно употребление *like* – при цитировании. Вместо "*she said, he repeated*" в разговорной речи употребляется «*Sherry was like: What are you doing*?» И при перечислении вместо слов *nearly, approximately, very* в поп-языке возможен следующий вариант: *It's, like, late ya know.* В соответствии с оксфордским словарем английского языка *like* в значении 'в общем' или замешательства используется с 1778 года. А вот для цитирования с 1982 года в песне Valley Girl был использован прием пародии на сленг девочки подростка *«She is like oh my God».*

Как сказал Ларош в 2007 г.: «Язык средств массовой информации потому интересен, что он имеет общественный резонанс. Он не только описывает явления точно и наиболее подходящим образом, но и сообщает дополнительную информацию о мире вокруг. Например, гибрид *infotainment* происходит от *information* – информация и *entertainment* – развлечение. Таким образом, новый гибрид не только отражает факт, но и «говорит нам что-то об обществе, ценностях, приоритетах...» [2].

Еще одной особенностью поп-языка является орфографический стиль. Считая консервативные правила языка особенностью белых американцев, афроамериканцы рэп-исполнители декларируют свою автономию при помощи лингвистических особенностей. Это протест против традиций белых, против правильного языка как части традиций. Вот несколько примеров из песен: «*I don't know why; You da right person; How ya doin; Wanna know why; I got enuf; Me is 31; It wuz lotsa fun; I fine; You feeling better now?; Supadupa fly; Tupac is da gangsta of da sky*». Несоответствие стандартным правилам лингвистики очевидно. С точки зрения этих исполнителей, говорить на языке, соблюдая нормы грамматики и орфографии, значит поддерживать эту культуру. Есть особенности орфографии имен некоторых рэп-исполнителей. Вот несколько примеров особенной орфографии имен: *Snoop Dogg, Ja Rule, Eazy-E, Lil Jon, LL Cool J, Timbaland*. Это не простые фонетические изменения. В них и ироничное отношение, и самоидентификация при помощи букв-символов. Такой ироничный подход позволяет афроамериканцам контролировать тот язык рабовладельцев, который был им навязан. Но с распространением рэп-музыки ее политический аспект стал ослабевать. Сегодня рэп-культура является частью поп-культуры, а не формой протеста, хотя отличия все же есть.

Орфографический стиль, используемый рэп-исполнителями, является сегодня общей тенденцией поп-языка. Изоморфные названия групп 70-ых и 80-ых: *Guns N'Roses, Led Zeppelin, The Monkees* и т. д. Все это доказывает, что в современном поп-языке орфография и пунктуация часто являются делом эмоциональным, а не рациональным.

Использование пробела между словами пришло из Европейских языков в VIII веке, таким образом облегчая чтение текста. Отсутствие интервала между словами в поп-языке оказывает особое влияние. Поэт Камминг (1894-1962) писал строчными буквами с искажением синтаксических структур, новыми словами, сленговыми элементами, использовал нестандартную пунктуацию, интервалы между словами. Орфография английского языка видоизменялась постоянно. Достаточно сравнить современный язык с языком Шекспира. Можно вспомнить, как в 1828 году Н. Вебстер предложил исключить из написания слов *colour, habour, favour, adour* букву *U*. Его инициативу одобрили – это сегодня одно из отличий американского и британского вариантов английского языка [2].

Бернард Шоу шутил об английском правописании: «Слово *fish* могло бы быть написано *ghoti,* предположив, что сочетание букв *gh* дает звук [*f*], как в слове *enough*, буква *o* вместо *i,* как в слове *women, ti* вместо *sh,* как в слове *nation».*

Исследования Лерхарта (2011) показали, что поп-язык в качестве языка онлайн общения доминирует в среде подростков. Это такие варианты текстовых сообщений, как *Btw* (вместо *by the way*), *G2g* (вместо *Got to go*).

Новые формы языка СМИ поражают тем, с какой скоростью и как широко они распространяются и становятся частью коммуникации в сети, а некоторые – и вне сети, т. е. выходят в язык общения. Вот, например, слова, образованные благодаря интернету и новым технологиям, которые уже используются в речи:

iFinger – термин означает палец, который мы специально оставляем чистым при еде, чтобы пользоваться смартфоном или планшетом;

textretary – шутливое слово, образовавшееся от *text* и *secretary*. Означает человека, который печатает сообщения за другого, находящегося за рулем. Точного соответствия на русский нет, но описательно можно использовать *штурман-секретарь*. И масса других примеров, которые вызывают спорное к себе отношение. Кто-то считает этот язык эволюцией, но есть и те, кто выступает за чистоту языка, за необходимость сохранения его. И. Р. Гальперин (2009), например, утверждает, что такой язык очень быстро входит в привычку и влияет на способность людей перерабатывать информацию, а именно – снижает процент рефлексии и способности ценить литературное разнообразие.

Язык постоянно видоизменяется. Необходимо обучать как стратегическим, так и межкультурным компетенциям для облегчения взаимодействия представителей различных куль-

тур при общении на одном языке. Это поможет преодолеть и социолингвистические различия. Все эти различия помогут формировать толерантное отношение к культурам различных людей, говорящих на одном языке.

Список использованных источников

1. McArthur, T. The Oxford guide to world English / T. McArthur // Oxford University Press. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – P. 442–443.

2. McKay, S. L. Teaching English as an International Language / S. L. McKay // Oxford University Press. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – P. 39–43.

3. Thomas, S. C. To Teach Standard English or World Englishes? A Balanced Approach to Instruction / S. C. Thomas // English Teaching Forum. – 2009. – № 2. – V. 47. – P. 2–7.

A language is a living structure, which is constantly changing. These changes refer to different styles. New words and expressions appear. Some expressions acquire new meanings. It occurs due to different processes in the sociocultural environment. To facilitate the interaction of the representatives of the different cultures within the same language intercultural competences should be taken into consideration. This article refers to the changes in the English language due to the influence of different means of communication.

Keywords: language, style, intercultural competences, pop culture, pop language, words, phrases, punctuation.

УДК 811.161.2’354

Л. И. Ромащенко

НОВОЕ УКРАИНСКОЕ ПРАВОПИСАНИЕ: ОБЪЕКТИВНАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ИЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАДАННОСТЬ

В статье рассматриваются изменения в украинском правописании, вызванные идеологическими установками – освобождение от русскоязычного влияния, возврат к исконно украинским нормам украинского языка, стирание разницы между украинским языком на материковой Украине и украинским в диаспоре и т. д. При этом доказано, что в предлагаемом варианте ощутимо влияние польскоязычных норм.

Ключевые слова: язык, правописание, вариант, украинский, русский, польский, заимствования.

Язык – понятие динамичное, и он, как явление общественное, чутко реагирует на изменения, происходящие в обществе. За годы независимости Украины их произошло немало, и они так или иначе нашли отражение в языке. Но эти изменения можно условно разделить на два типа: **объективные**, вызванные закономерностями общественного развития (например, увеличение лексического состава украинского языка, связанного с новыми понятиями и явлениями, вызванными развитием новейших технологий (*комп’ютер, принтер, монітор, сканер, ксерокс, домофон и др.*), или негативными общественными явлениями (*секс-індустрія, шоу-бізнес, остарбайтер*), и **искусственные,** идеологически обусловленные.

К последним принадлежит конструирование несвойственных украинскому языку лексем с целью вытеснить из языкового обращения лексические и грамматические единицы, общие для украинского и русского языков (как якобы попытка противодействовать процессам русификации). Вместо слов привычных, широко используемых, имеем неестественные словообразования или кальки из других языков (чаще всего английского и польского): *шприц – штрикалка*; *трубка* (телефонная) – *слухавка*; *аеродром – летовище*;

вертоліт – гелікоптер, *гвинтокрил*; *розвиток* (развитие) – *розвій*; *поїзд – потяг*; *карта* (географическая) – *мапа*; *пилосос – пилосмок* и другие не менее диковинные. Но, например, слово *розвій* (*розвиток*) происходит от польского *rozwój* ‘развитие, эволюция’; *потяг (поезд*) от – *pociąg*; *мапа* от *map* (англ.), *гелікоптер* от *helicopter (*англ.).

Из активного обихода вытесняется слово *чемодан* словом *валіза.* Но ведь последнее не принадлежит к исконно украинским. Оба заимствованы: сравним *waliza, walizka* (польск.), *valise* (фр.), *valigia* (итал.). А *чемодан*, вероятно, – из тюркских языков или через их посредничество. Или же слово *краватка* вытесняет слово *галстук,* ошибочно считающееся русизмом. Но ведь оба являются заимствованиями (от итал. *cravatta* или фр. *cravate*; возможно, при посредничестве пол. *krawat*, а *галстук* от нем. *Halstuch* ‘шейный платок’.

То же происходит со словом *зонт* (*зонтик*), вытесненным словом *парасоля* (*парасолька*), хотя оба тоже заимствованы. *Зонтик* от голландского *zonnedek* ‘тент на судах для защиты от солнца’. Интересно, что сначала появилась уменьшительная форма, а потом – *зонт.* Французское *parasol* (‘останавливать солнце’) было заимствовано польским языком, а оттуда перешло в украинский язык, немного славянизируясь, – *парасоля*. И таких примеров можно привести немало.

Действующий пока академический словарь украинского языка (хотя готовится уже новый вариант словаря) подает эти пары слов *чемодан, валіза* и *зонтик, парасоля* как синонимы. Но предлагают и собственно украинский вариант к *зонтику-парасольці – розчепірка*. Хотя некоторые исследователи утверждают, что слова *розчепірка, спалахуйка* (‘зажигалка’) и т. п. были придуманы участниками КВН для высмеивания украинского языка, что было, мол, частью советской пропаганды [1]. Возможно, если верить языковеду, слова *розчепірка, спалахуйка* и были придуманы КВН-щиками. Но в этот ряд автор «Словника вишуканої української мови» ошибочно относит, к примеру, слово *швабрики (шваблики) – спички* (укр. *сірники*). Это слово не выдуманное, а диалектное, оно широко используется на Закарпатье. И странно, что львовский составитель словарей этого не знает. Эта лексема зафиксирована в электронных словарях «Русинсько-український словник» [2] и «Словаре русского арго» [3].

Под влиянием идеологических установок был принят в 2019 году новый вариант украинского правописания [4]. Декларировалось, что новое правописание – это освобождение от русскоязычных влияний, возврат к исконно украинским нормам украинского языка, попытка полнее отобразить в литературном языке особенности говоров, стирание разницы между украинским на материковой Украине и украинским в диаспоре.

Но подобные утверждения, на наш взгляд, легко уязвимы. Влияние других языков проявляется во многих языках, в силу определенных социально-исторических обстоятельств. Как справедливо отмечает языковед А. Пономарив: «Запозичання іншомовних слів є наслідком географічних, економічних, наукових, культурних та інших зв’язків між народами» [5]. Кроме того, заимствованные слова являются одним из путей обогащения лексического состава каждого языка. Например, полгода тому назад, читая лекции в Академии им. Яна Длугоша в Ченстохове (Польша) и пытаясь усовершенствовать знание польского языка, смотрела польские фильмы с участием его носителей. И обратила внимание на то, что герои юмористического сериала «Swiat wedlug Kiepskich» (1999 г. в.) часто в речи используют явно не польскую паремию – *пошел (пошла) вон.*

Диалекты есть в разных языках. Но литературный язык, как главная форма существования национального языка, отличается от других языковых систем своей обработанностью, нормативностью и общенародностью употребления, в отличие от диалектного языка, используемого в качестве средства общения лиц определенной, чаще всего территориальной, а также социальной или профессиональной общности. Конечно, некоторые диалектные слова могут стать общенародными, но почему-то новое украинское правописание форсирует только западноукраинские, точнее галицкие говоры, тогда как в основе литературного украинского языка – говоры Средней Надднепрянщины, то есть Центральной Украины.

Что касается украинского языка в диаспоре, то закономерно, что он подвергся большему, чем на Украине, влиянию окружающих языков. И не стоит его нормы переносить на материнский язык: существует английский британский и американский с существенными различиями, и никто не делает из этого проблему.

Одна из особенностей нового украинского правописания – **вариативность**, что, с одной стороны, предполагает некую свободу выбора, а с другой – грозит нормативной расхлябанностью, хаосом.

Остановимся лишь на некоторых нормах, вызвавших бурную дискуссию и в научной среде, и среди простых пользователей.

В заимствованиях из древнегреческого языка *au* может передаваться как *а**у*** и *а**в***: *а**у**дієнція – а**в**дієнція, а**у**диторія – а**в**диторія, ла**у**реат – ла**в**реат, па**у**за – па**в**за, фа**у**на – фа**в**на.*

Буквосочетание *th* в словах греческого происхождения передается буквой *т*: *бібліотека, аптека, театр, теорема, Теодор*. В словах со сложившимся *ф* допускается вариативность: *ана**ф**ема – ана**т**ема, ди**ф**ірамб – ди**т**ирамб, мі**ф** – мі**т**, ка**ф**едра – ка**т**едра* (при этом изменяется и ударение, с первого на второй слог, по аналогии с польским)*, ефір – етер* (почему не *етир*?), *А**ф**іни – А**т**ени* (почему не *Атини?).* Сравним с польским*: anatema, dytyramb, mit, katedra, eter, Ateny,* – то есть абсолютные кальки с польского (лишь бы не русского).

Существуют вариативные формы родительного падежа существительных III склонения: *крові – кров**и**, любові – любов**и**, радості – радост**и**, Білорусі – Білорус**и***.

Предлагается возможность написания буквы «*и*» (рус. «*ы*») в начале слова (***и**рій* и ***і**рій, **и**род* и ***і**род*), что позволит иметь в алфавите прописную букву «*И*» (раньше в азбуке украинского языка фиксировали только строчную *«и»*), которой нет в русском (!).

А вот *про**є**кт, про**є**кція* (было: *про**е**кт, про**е**кція)* – уже без вариантов, невзирая на то, что это тоже калькирование: *projekt, projekcja* (польск.).

Прилагательные окончания русских фамилий на *-ой* передаются через украинское *-ий: Донський, Луговський, Трубецький, Крутий,* но *Толстой* (хотя по такой логике следовало *Толстий* или *Товстий* (да простит нас Лев Николаевич!).

Новое правописание предлагает широкое использование феминитивов, например: *філологиня, лемкиня, патронеса, професорка, міністерка* и т. д.

Мы остановились лишь на некоторых изменениях в окончательной редакции правописания. В предложенной ранее для обсуждения общественности – их было значительно больше, что вызвало бурный резонанс. В интернет-комментариях по поводу нового правописания высказываются тревога и опасения, что украинский язык теряет свою привлекательность, приобретая несвойственные ему черты, огромные группы людей становятся неграмотными. Возмущаются и специалисты-филологи, хотя некоторые из них воспринимают новое правописание как «бальзам на душу», как освобождение от русскоязычного влияния.

В сложившейся ситуации есть некоторые успокаивающие моменты. Новый вариант будет действовать пять лет параллельно со старым. Попытки узаконить галицкий вариант правописания делались не единожды, но безрезультатно.

Известный украинский писатель, выходец из центрального региона Украины, Иван Нечуй-Левицкий (1838−1918) еще в XIX веке категорически выступал против печатания своих произведений согласно галицийским нормам правописания. Такая позиция автора предопределена в первую очередь тем, что галицкое правописание в значительной степени испытало влияние польского языка. В письме к Петру Стебницкому от 7 февраля 1905 года Иван Семенович выступает против «галіціоманів» (особенно Ефремова): «В їх тільки й думки, щоб не порвати з галицьким правописом. Та ще й, на лихо, між ними є фанатики... цієї *безтямної системи* (курсив наш. – Л. Р.). За центральну українську народну живу мову й її форми вони й не думають... а я встоюю за форми живої ц е н т р а л ь н о ї київської та херсонської мови... я по своїй вдачі не люблю усякого староття і маю потяг до живої сьогочасної мови... А наші письменники сидять по городах і вже одбиваються од живої мови та втягують вже галицькі форми: *по обличчю* (по обличчі), як вживають галичани польський

предлож[ний] падеж (в життю, в споминанню), хватають навіть цілі польські фрази, які повлазили в в галиц[ькі] книжки: *старанно уникав – staranno unikal...*» [6, с. 433−434].

Предостережение относительно использования полонизмов украинскими писателями звучит и в переписке с Б. Гринченко, Е. Чикаленко, П. Мирным.

Неудачные попытки узаконить галицкий вариант украинского правописания предпринимались и позже, в начале XX века, во времена Украинской Народной Республики. Об этом идет речь в «Повести о жизни» К. Паустовского, в которой «атаман украинского войска и гайдамацкого коша» Симон Петлюра предстает ироничным олицетворением нарочитости, притворности и лжепатриотизма (фальшивые идеалы, фальшивые деньги, фальшивый язык, фальшивые чувства): «Петлюра привез с собой так называемый галицийский язык – довольно тяжеловесный и полный заимствований из соседних языков. И блестящий, действительно жемчужный, как зубы задорных молодиц, острый, поющий, народный язык Украины отступил перед новым пришельцем в далекие шевченковские хаты и в тихие деревенские левады. Там он и прожил «тишком» все тяжелые годы, но сохранил свою поэтичность и не позволил сломать себе хребет.

При Петлюре все казалось нарочитым – и гайдамаки, и язык, и вся его политика, и сивоусые громадяне-шовинисты, что выползли в огромном количестве из пыльных нор, и деньги, – все, вплоть до анекдотических отчетов Директории перед народом… При встрече с гайдамаками все ошалело оглядывались и спрашивали себя – гайдамаки это или нарочно. При вымученных звуках нового языка невольно приходил в голову тот же вопрос – украинский это язык или нарочно» [7, с. 460].

Этот же вопрос, к сожалению, возникает и сегодня при ознакомлении с новым украинским правописанием. Становится понятным иск школьницы, подавшей в суд [8], считавшей, что правительство действовало вне пределов своих полномочий и не учло реального состояния развития украинского языка: предлагаемые изменения «паплюжать» (‘порочат’) украинский язык, усложняют его изучение и грамотное использование.

Список использованных источников

1. Такі «українські» слова як «спалахуйка» придумували радянські КВН-ники: мовознавець [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://gazeta.ua/articles/chistota-movlennya/_taki-ukrayinski-slova-yak-spalahujka-pridumuvali-radyanski-kvnniki-movoznavec/659778?mobile=true. – Дата доступа : 23.08.2019.

2. «Русинсько-український словник» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://lang.slovopedia.org.ua/10/53416/118299.html. – Дата доступа : 23.08.2019.

3. Словарь русского арго / составитель: В. С. Елистратов, 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://rus-yaz.niv.ru/doc/russian-argo/index-216.htm. – Дата доступа : 23.08.2019.

4. Опубліковано остаточну редакцію нового українського правопису [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://zaxid.net/opublikovano_ostatochnu_redaktsiyu_novogo_ukrayinskogo_pravopisu_n1482318. – Дата доступа : 20.08.2019.

5. Пономарів, О. Лексика іншомовного походження [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ponomariv-kultura-slova.wikidot.com/printer--friendly//inshomovna-leksyka. – Дата доступа : 20.08.2019.

6. Нечуй-Левицький, І. С. Зібрання творів у десяти томах / І. С. Нечуй-Левицький. – К. : Наукова думка, 1968. – Т. 10. – 588 с.

7. Паустовский, К. Повесть о жизни / К. Паустовский. – М. : Современный писатель, 1992. – Т. 3. – 640 с.

8. Новий український правопис оскаржує в суді 12-річна школярка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.unian.ua/society/10599645-noviy-ukrajinskiy-pravopis-oskarzhuye-v-sudi-12-richna-shkolyarka.html. – Дата доступа : 28.08.2019.

In the article changes in the Ukrainian spelling set up by the ideological predeterminations are revealed. Getting rid of Russian-language influences, returning to the traditional norms of Ukrainian, erasing

of differences between Ukrainian in Ukraine itself and Ukrainian abroad – all this is thoroughly analysed in the article. Special attention is paid to a huge influence of Polish norms in the new Ukrainian spelling.

Keywords: language, spelling, variant, Ukrainian, Russian, Polish, borrowings.

УДК 811.16’367.625:[116+159.946.2]

Е. Н. Степанов

ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ В СЛАВЯНСКИХ СИСТЕМАХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ

В статье описаны результаты сопоставительного исследования групп глаголов движения в некоторых славянских языках: русском, украинском, польском, чешском, верхнелужицком, болгарском, сербском и хорватском. Определены различия функционирования глаголов движения в сопоставленных языках. Выявлены архаические черты довидовой славянской системы глаголов движения и следы семантической и грамматической эволюции этой системы.

Ключевые слова: глаголы движения, славянские языки, однонаправленное и неоднонаправленное движение, категория вида в славянском глаголе, бесприставочные и приставочные глаголы.

Каждый язык содержит немало глаголов, предназначенных для сообщения о способах перемещения в пространстве. В большинстве современных славянских языков выделяется особая группа глаголов, которые, в отличие от других глаголов со значением перемещения, имеют ряд систематически реализующихся дополнительных грамматических и семантических особенностей. В разных языках имеются различия в количестве и функционально-грамматических признаках таких глаголов. В русском языке эта группа глаголов называется «глаголы движения», в польском – «czasowniki ruchu», в украинском – «дієслова руху», в чешском – «slovesa pohybu» и т. д. Семантико-грамматические особенности и этимология слов, традиционно включаемых в группу глаголов движения (далее – ГД), свидетельствуют об архаичности такой системы. Постепенное ее разрушение под влиянием появления и универсализации категории вида, а также развития системы префиксальных глаголов показывает большую древность противопоставления глаголов по признаку однонаправленности / неоднонаправленности движения, чем противопоставление любого глагола по выражению отношения действия к его внутреннему пределу.

Цель статьи – описать результаты сопоставительного исследования групп глаголов движения в ряде славянских языков. Внимание сосредоточено на составе, семантических и грамматических особенностях ГД, различиях их функционирования в диахронии и причинах этих различий.

По определению Н. С. Авиловой, ГД в русском языке являются структурно-семантическим архаическим типом русского глагола [1, с. 107]. В эту группу лексем традиционно включают 14 коррелятивных пар бесприставочных глаголов несовершенного вида (далее – нсв. в.): 1) *идти – ходить*; 2) *бежать – бегать*; 3) *плыть – плавать*; 4) *лететь – летать*; 5) *ползти – ползать*; 6) *брести – бродить*; 7) *везти – возить*; 8) *вести – водить*; 9) *ехать – ездить*; 10) *тянуть – тягать*; 11) *тащить – таскать*; 12) *катить – катать*; 13) *лезть – лазить*; 14) *гнать – гонять*. В «Русской грамматике» (1980) таких пар выделяют 17. Кроме 14 пар невозвратных к этой группе относят также 3 пары возвратных глаголов: 15) *гнаться – гоняться*, 16) *катиться – кататься*, 17) *тащиться – таскаться* [2, т. 1, с. 591]. Мы выделяем также 2 пары, первые корреляты которых – просторечные глаголы: 18) *пхать – пихать*; 19) *пхаться – пихаться*. Каждый член глагольной пары обозначает один и тот же способ перемещения. Разница между глаголами одной пары типа *идти – ходить* заключается в характере действия – направленности,

которая понимается как «характер пространственного отношения между предметом, относительно которого происходит перемещение, и субъектом действия» [3, с. 28]. Глаголы неоднонаправленного движения называют также моторно-кратными, глаголами ненаправленного или повторяющегося движения [4].

Грамматической особенностью группы глаголов движения является функционирование в них категории вида: 1) все бесприставочные глаголы – нсв. в.; 2) у приставочных глаголов особый статус имеет реликтовая группа моторно-кратных глаголов. Моторно-кратные глаголы образуются при помощи тех же механизмов, что и вторичные имперфективы от приставочных ГД совершенного вида (далее – сов. в.) (сравн. *зайти – заходить, вылететь – вылетать*), но сохраняют нсв. в. глаголов направленного движения (*идти, лететь*) [4].

Семантически глаголы движения дифференцируются по трем параметрам: 1) по способу движения (самостоятельное или с участием вспомогательных средств); 2) по сфере движения (по земле, по воде, по воздуху); 3) по темпу движения (нормальное, медленное, быстрое) [3].

В славянской лингвистической традиции в узком смысле глаголами движения называют бесприставочные глаголы нсв. в., противопоставленные по признаку одно / неоднонаправленного движения. В широком смысле к группе ГД относят также, во-первых, все глаголы, называющие процессы самостоятельного или несамостоятельного перемещения людей, животных, предметов из одной точки в другую [5], напр.: рус. *гулять, блуждать, семенить, прыгать, скакать* и др.; укр. *дибати, дріботіти, крокувати, кульгати, маршірувати, плентатися, простувати, прямувати, ступати, сунути, чалапати, шкутильгикати* и др. [6] ; польск. *spacerować, wędrować, skakać, skoczyć* и др.; во-вторых, – приставочные и бесприставочные глаголы перемещения, коррелятивные по виду [7], напр.: рус. ***идти*** *– ВОйти, ВБЙйти, СОйти, ЗАйти, ПОйти, ПОДОйти, ОТОйти, ДОйти, ПЕРЕйти, ВЗОйти, ОБОйти* и др.; ***ходить*** *– Входить, ВЫходить, Сходить, ЗАходить, ПОходить, ПОДходить, ОТходить, ДОходить, ПЕРЕходить, ВОСходить, ОБходить, ИСходить* и др.; чеш.: ***jít*** *– VEjít, VYjít, SEjít, ZAjít, ODEjít, DOjít, PŘEjít, VZEjít, OBEjít* и др.; ***chodit*** *– Vcházet, VYcházet, Scházet, Zacházet, ODcházet, DOcházet, PŘEcházet, OBcházet, POcházet* и др.

Основное внимание в нашей статье уделяется функционированию бесприставочных ГД, коррелятивных по признаку «однонаправленность / неоднонаправленность». Этот признак основан на семантической и морфологической взаимной соотнесенности обоих членов противопоставления (рус. / укр. / польск. / чеш. *бежать / бігти / biec, biegnąć / běžet – бегать / бігати / biegać / běhat*; *нести / нести / nieść / nést – носить / носити / nosić / nosit, nosívat* и под.).

Контекст обусловливает то, что глаголы неоднонаправленного движения типа *ходить, водить* могут обозначать разное движение: 1) направленное туда и обратно, иначе – моторно-кратное (*Дочь* ***ходит*** *в университет через мост*); 2) ненаправленное движение (*Сосед* ***ходит*** *в плавание* / ***плавает*** *под флагом Греции*); 3) разнонаправленное (*Наши курьеры* ***возят*** *пиццу по всему городу*); 4) повторяющееся движение (*Для укрепления здоровья вам необходимо ежедневно* ***бегать*** *или* ***ходить*** *не менее пяти километров*); 5) движение по замкнутому маршруту, по кругу, по периметру (*Стрелки часов* ***ходят*** *по циферблату*. *На тренировке мы* ***бегаем*** *вокруг стадиона*). В отличие от неоднонаправленных глаголов, русские однонаправленные ГД обозначают движение только в одну сторону. Напр.: *К отцу на работу* ***едут*** *геологи с острова Змеиный*. *Иван незаметно* ***бежит*** *в укрытие*. ГД мотивируют множество словообразовательных типов, по модели которых уже образовались и до сих пор образуются другие слова. Напр.: *прийти, отходить, подползти, догонять, переносить* и др.

Уникальность этих глаголов была отмечена А. А. Шахматовым. ГД принадлежат к праславянской лексике, имеют соответствия в славянских языках и активно употребляются. Говоря об отличии соотносительных групп ГД, акад. В. В. Виноградов выявил такую особенность однонаправленных глаголов: они в прямом значении соединяются с отрицанием *НЕ* только в формах настоящего времени (***не везу*** *его сегодня*) и повелительного наклонения (для

выражения запрета, если они относятся к наличному действию: ***не беги*** *так быстро*) [8, с. 429]. В живой речи эта закономерность строго не соблюдается, однако такое употребление предпочтительней. Так, при необходимости использовать форму прошедшего времени в отрицательном повествовательном или вопросительном высказывании русские предпочитают бесприставочные глаголы неоднонаправленного действия или производные глаголы сов. в. (*Вчера она* ***не носила*** *отцу обед. / Вчера она* ***не понесла*** *отцу обед. Коля сегодня* ***не водил*** *Свету на музыку? / Он сегодня* ***не повёл*** *Свету на музыку?*). По нашему мнению, в форме будущего времени ограничений узуса, на которые указал В. В. Виноградов, не наблюдается. Сравн.: *Вы* ***не будете*** *завтра* ***ехать*** *на работу? / Вы* ***не поедете*** *завтра на работу? – Я* ***не буду ехать / не поеду*** *завтра на работу*. По правилу, контекст не позволяет здесь использовать глагол неоднонаправленного действия. Такой глагол возможен только в соответствующем контексте. Напр.: *Ты пока* ***не будешь ездить*** *на тренировки? – Да, я* ***некоторое время не буду ездить*** *на тренировки*.

В процессе долговременного развития архаичных глагольных форм возникли существенные различия между парами ГД. Наблюдается дефектность видовой соотносительности, которая проявляется в том, что более 70 % ГД выступают как одновидовые и у «части глаголов, обладающих парными видовыми формами, наблюдается неполная соотносительность лексических значений» [9, с. 48–49]. В практике преподавания используют подход, при котором видовая категоризация ГД рассматривается как пример семантической и грамматической асимметрии [10, с. 47]: 1 многозначный глагол сов. в. коррелирует с 2 разными по значению однокоренными глаголами. При этом видовой парой сов. в. бесприставочных однонаправленных глаголов называют некоторые приставочные глаголы: *плыть – приплыть, идти – прийти, ехать – приехать, бежать – прибежать* и др. В то же время имеется пара нсв. в. – глагол с такой же приставкой: *приплыть – приплывать, прийти – приходить, приехать – приезжать, прибежать – прибегать* и т. д.

В украинском языке система ГД максимально близка сохранившейся в русском языке, что свидетельствует о сходных эволюционных процессах, происходящих в этих близкородственных языках: 1) *йти – ходити*; 2) *бігти – бігати*; 3) *плисти – плавати*; 4) *летіти – літати*; 5) *повзти – повзати*; 6) *брести – бродити*; 7) *везти – возити*; 8) *вести – водити*; 9) *їхати – їздити*; 10) *тягти, тягнути – тягати*; 11) *котити – катати*; 12) *лізти – лазити*; 13) *гнати – ганяти*; 14) *гнатися – ганятися*, 15) *котитися – кататися*, 16) *тягтися – тягатися.*

В разных современных славянских языках различается объем групп глаголов движения и функциональная нагрузка членов пар по признаку направленности / ненаправленности движения. Самые значительные изменения в системе глаголов движения произошли в южнославянских языках, где утрачена оппозиция направленного и ненаправленного движения. Сравн.: (1) (рус.) *Улитка* ***ползёт / ползает*** *по стеклу*. – (болг.) *Охлюв* ***пълзи*** *по стъклото.* – (серб.) *Пуж* ***пузи*** *на стакло.* – (хорв.) *Puž* ***puzi*** *na staklo*. (2) (рус.) *Улитка* ***ползает / ползёт*** *медленно.* – (болг.) *Охлюв* ***пълзи*** *бавно*. – (серб.) *Пуж* ***пузи*** *полако*. – (хорв.) *Puž* ***puzeći*** *polako*. (3) (рус). *Они* ***едут*** *домой на автобусе.* – (болг.) *Те* ***си отиват*** *в къщи с автобус.* – (серб.) *Они* ***се возе*** *аутобусом кући*. – (хорв.) *Oni* ***se voze*** *autobusem kući*. (4) (рус.) *Они* ***ездят*** *на автобусе ежедневно.* – (болг.) *Те* ***пътуват*** *всеки ден с автобус.* – (серб.) *Они* ***путују*** *аутобусом сваки дан.* – (хорв.) *Oni* ***putuju*** *autobusom svaki dan*. (5) (рус.) *Марина* ***идёт / ходит*** *в школу утром.* – (болг.) *Марина* ***ходи*** *на училище сутрин*. – (серб.). *Марина* ***иде*** *у школу ујутру*. – (хорв.) *Marina* ***ide*** *u školu ujutru*. В южнославянских языках обычным стало использование синонимических рядов, в которых взаимозаменяемы глаголы одного корня со старославянскими ГД и семантически соответствующие им другие глаголы, которые благодаря метафоризации стали использоваться в таких же значениях. Так, русскому *бегаю* соответствуют болгарские *бягам* и *тичам*, русскому *бегу* – тоже *бягам* и *тичам* [11]. Сравн. также: 1) (рус.) *Каждый спортсмен* ***будет бежать*** *две дистанции*. – (болг.) *Всеки спортист* ***ще бяга*** *две дистанции.* 2) *Николай,* ***беги***! – *Николай,* ***бягай***! 3) *Спортсмены* ***будут бегать*** *по стадиону*. – *Спортистите* ***ще пробягат*** *по пистата*.

4) *Каждое утро спортсмены* ***бегают*** *по 3 километра. – Всяка сутрин, легкоатлетите* ***пробягват*** *по 3 км.*

В ряде западнославянских языков, среди которых чешский, словацкий, верхнелужицкий, произошли другие изменения. Некоторые семантические различия выражаются уже не разными глаголами, а контекстуально. Л. Шольце, исследуя верхнелужицкую систему глаголов движения, обнаружила ряд ее особенностей, касающихся практически всех глагольных категорий [12, с. 209; 14]. Например, формы однонаправленных глаголов с приставкой *po-* не имеют инфинитива и прош. времени, употребляясь только в наст. времени со значением будущего (напр.: *hić* – ‘идти’; *póńdu* / *póndźem* – ‘я пойду’ / ‘мы пойдём’). Действия в прош. времени, которые в русском языке выражаются претеритной *по*-формой сов. в. при последовательной смене действий, в в.-лужицком выражаются с помощью неприставочной формы однонаправленного глагола в прош. времени. Сравн.: рус. *Он пообедал и* ***пошёл*** *домой.* – в.-луж. *Wón je powobjedował a domoj* ***šoł***. Выявлены и другие особенности. Аналогичны различия в употреблении ГД в русском и чешском языках. В чешском обычно выделяют только 8 пар бесприставочных ГД нсв. в.: *jít – chodit* (идти – ходить); *jet – jezdit* (ехать – ездить); *nést – nosit* (нести – носить); *vést – vodit* (вести – водить); *vézt – vozit* (везти – возить); *běžet – běhat* (бежать – бегать); *letět – létat* (лететь – летать); *hnat – honit* (гнать – гонять). Как и в русском, однократные глаголы часто обозначают однонаправленное, а многократные – неоднонаправленное движение. Сравн.: 1) *Bratr* ***jde*** *do divadla. / Bratr* ***chodí*** *vždy rychlým krokem. – Брат* ***идёт*** *в театр. / Брат всегда* ***ходит*** *быстрым шагом.* 2) ***Vezla*** *jim ovoce. / Každé ráno ji* ***vozil*** *do školy. – Она* ***везла*** *им фрукты. / Каждое утро он* ***возил*** *её в школу.* 3) *Hoši* ***běží*** *k domu. / Chlapci* ***běhají*** *kolem stromu. – Мальчики* ***бегут*** *к дому. / Ребята* ***бегают*** *вокруг дерева.* Однако ряд различий в семантике и функционировании чешских ГД свидетельствует о большей близости чешской и в.-лужицкой систем ГД. Например, в русском языке движение туда и обратно, совершенное один раз, обозначается глаголами ненаправленного (разнонаправленного) движения; в чешском, как и в в.-лужицком, такое движение обозначается глаголом *быть* или глаголом однонаправленного движения. Сравн.: рус. *Неделю тому назад брат* ***ездил*** *в Киев*. (1 раз туда и обратно). – чеш. *Před týdnem* ***byl*** *bratr v Kyjevě. / Před týdnem* ***jel*** *bratr do Kyjeva.* Употребление неоднонаправленных глаголов в чешском обозначает многократность: таких действий было несколько. Напр.: *Před týdnem* ***jezdil*** *bratr do Kyjeva* обозначает, что на прошлой неделе брат больше одного раза ездил в Киев и возвращался обратно. Глаголы *jet* и *jezdit*, которые передают движение транспорта, в чешской речи не варьируются с глаголами *jít* и *chodit*, называющими движение с помощью ног. Русские же глаголы *ехать* и *ездить* могут варьироваться с глаголами *идти* и *ходить* в ситуации движения транспортного средства. В чешском можно только так: *Auto* ***jelo*** *rychle.* ***Jede*** *tam tramvaj*? В русском же наряду с: *Машина* ***ехала*** *быстро. Туда* ***едет*** *трамвай*? – можно и так: *Машина* ***шла*** *быстро. Туда* ***идёт*** *трамвай*? Имеется ряд других особенностей [13, с. 209].

В современном польском языке также нет полного соответствия русской системе ГД. Однако по основным функционально-грамматическим принципам польская система ГД намного ближе к восточнославянской, чем к другим западнославянским. В польском языке намного лучше сохранились архаичные черты. Как и в русском, основной критерий распределения бесприставочных ГД по группам – однонаправленность (*jednokierunkowość*) или неоднонаправленность = разнонаправленность (*wielokierunkowość*) [14, с. 49]. Значение однонаправленности считается определенным, поэтому глаголы с этим значением называют детерминированными (*zdeterminowane*), а значение неоднонаправленности, разнонаправленности признается неопределенным, поэтому неоднонаправленные глаголы называют недетерминированными (*niezdeterminowane*) [15, с. 467]. Термины *детерминированный* и *недетерминированный* ГД впервые были предложены С. Карцевским в 1920-е годы [16]. В польском языке безоговорочно выделяют 11 или 12 бесприставочных пар ГД [17, с. 49; 19]: 1) *iść* (идти) – *chodzić* (ходить); 2) *jechać* (ехать) – *jeździć* (ездить); 3) *biec* (бежать) – *biegać* (бегать); 4) *lecieć* (лететь) – *latać* (летать); 5) *płynąć* (плыть) – *pływać* (плавать); 6) *pełznąć*

(ползти) – *pełzać* (ползать); 7) *leźć* (лезть) – *łazić* (лазить); 8) *nieść* (нести) – *nosić* (носить); 9) *wieść* (вести) – *wodzić* (водить); 10) *wieźć* (везти) – *wozić* (возить); 11) *gnać, gonić* (гнать) – *ganiać* (гонять); 12) *wlec* (тащить) – *włoczyć* (таскать). Основные значения указанных глаголов движения при употреблении в русском и польском языках обычно совпадают. Сравн.: 1) *Ktoś* ***idzie*** *po chodniku.* (*Кто-то* ***идёт*** *по тротуару*). – Направление движения ограничено. / *Ktoś* ***chodzi*** *po chodniku.* (*Кто-то* ***ходит*** *по тротуару*). – Направление движения не ограничивается. 2) *Syn* ***idzie*** *do szkoły.* (*Сын* ***идёт*** *в школу*). – Без особого контекста глагол передает значение однократного движения. Употребление со значением многократности требует использования дополнительного контекстного детерминатора: ***Każdego dnia*** *syn* ***idzie*** *do szkoły* ***przez las***. (***Каждый день*** *сын* ***идёт*** *в школу* ***через лес***). / *Syn* ***chodzi*** *do szkoły.* (*Сын* ***ходит*** *в школу*). – Глагол характеризуется отсутствием признака направленного движения и наличием признака цели. 3) *Zbyszek często* ***idzie*** *do sklepu, (...)* [*ale przy okazji wstępuje na piwo*]. (*Збышек часто* ***идёт*** *в магазин, (...)* [*но при случае заходит на пиво*]). – Употребление однократного глагола в этом случае требует развития «семантической перспективы», характеризующей мотивацию действия. Нормативным же в таких контекстах является многократный глагол: *Zbyszek często* ***chodzi*** *do sklepu.* (*Збышек часто* ***ходит*** *в магазин*). Употребление в первом, втором и третьем случаях однонаправленных глаголов придает действиям оттенок конкретности, актуальности. Употребление таких глаголов в обобщенном значении требует указания мотивации. Имеются и другие особенности функционирования польских ГД: противопоставление с точки зрения обычности или необычности действия, переносные значения и другие [14, с. 210–212; 17, с. 56–58].

Кроме общих черт с системой русских ГД, в польском языке имеются некоторые отличия, свидетельствующие, с одной стороны, о долгом периоде самостоятельного развития двух родственных славянских языков, а с другой – о том, что в польском языке дифференциация по признаку «однонаправленность / неоднонаправленность» движения сохранилась у большего количества глагольных пар. Так, H. Włodarczyk к указанным 12 парам ГД добавляет 4 пары, между единицами которых противопоставление одно- и неоднонаправленности происходит менее последовательно. В 3 парах глагол с разнонаправленным значением употребляется реже, чем однонаправленный: 13) *ciągnąć* (тянуть) – *ciągać* (тягать); 14) *pędzić* (броситься = начать быстро двигаться) – *pędzać* (бросаться = начинать быстро двигаться); 15) *sunąć* (сунуть; двигаться; скользить; шествовать) – *suwać* (совать; двигать) [14, с. 1014]. Пару глаголов 16) *brnąć* (брести) – *brodzić* (бродить) исследователь предлагает исключить из числа ГД из-за того, что их лексические значения в польском языке стали разными [14, с. 49].

Из указанных четырех пар в современном русском языке глаголами движения являются только 1-я и 4-я. Польским ГД нсв. в. *pędzić* и *pędzać* соответствует русская видовая пара *бросаться* (нсв. в.) / *броситься* (сов. в.). Следовательно, русские соответствия не являются ГД. *Sunąć* и *suwać* в польском языке имеют большее количество значений и являются стилистически нейтральными ГД нсв. в., а в русском однокоренные соответствия *сунуть* и *совать*, во-первых, противопоставлены по виду, поэтому не могут быть отнесены к группе ГД, а во-вторых, являются стилистически сниженными. 12-ая пара в основном списке польских ГД (см. выше) указана: *wlec* (тащить) – *włoczyć* (таскать). В русском и польском языках для передачи этих значений используются глаголы с разными корнями. Но в русском есть глаголы нсв. в. *волочь* и *волочить*, этимологически совпадающие с польскими *wlec* и *włoczyć*, однако «покинувшие» группу ГД. Они утратили различия по значению направленности; различаются только по форме спряжения (*волочь* – 1 спр.; *волочить* – 2 спр.), по разным ударениям в некоторых формах и по стилистической характеристике (*волочь* – разговорный глагол, *волочить* – нейтральный) [18, т. 1, с. 206].

Ц. Перникарский включает в группу польских ГД еще несколько глагольных пар, противопоставленных по признаку одно- / неоднонаправленности, но не отнесенных к группе ГД ни H. Włodarczyk, ни C. Piñón: 17) *toczyć* (катить) – *taczać* (катать); 18) *toczyć się* (катиться) – *taczać się* (кататься); 19) *wlec się* (тащиться, брести, скитаться) – *włoczyć się*

(таскаться, скитаться, бродить); 20) *taszczyć* (тащить) – *taskać* (таскать); 21) *prowadzić* (проводить) – *prowadzać* (провожать) [19, с. 59].

Глаголы 21-й пары: *prowadzić* (проводить, сов. в.) – *prowadzać* (провожать, нсв. в.) – в современном русском языке различаются по виду, поэтому не могут входить в группу ГД. Русский глагол *проводить* может выступать как глагол нсв. в. в паре *проводить / провести*. Однако в этом случае он рассматривается как омоним глагола *проводить* сов. в. [18, т. 3, с. 470–471]. Сравн.: ***проводить** / провести собрание коллектива – провожать / **проводить** гостей на вокзал*. Глаголы *taszczyć* и *taskać* имеют, по словам Ц. Перникарского, стилистические ограничения [19, с. 59]. Глаголы *toczyć* и *taczać* этимологически близки русским глаголам *точить* и *тачать*, но семантически расходятся с ними. В современном русском языке *точить* и *тачать* не являются ГД, так как их значения разные [18, т. 4, с. 391, 342].

Таким образом, сопоставительное изучение в ряде славянских языков системы бесприставочных глаголов движения нсв. в., противопоставленных по признаку обозначения одно- и неоднонаправленного движения, а также коррелирующих с ними других глаголов перемещения, показывает, что лучше всего архаическая довидовая система дифференциации глаголов одно- и неоднонаправленного движения сохраняется в восточнославянских и польском языках. В этих языках, в целом, наблюдается грамматическое и семантическое сходство систем ГД при их выражении как основных, так и второстепенных значений. В других западнославянских языках произошли существенные грамматические и семантические изменения в системах ГД: утрата значительной частью бывших ГД корреляции по признаку одно- / неоднонаправленности; появление иной функционально-семантической нагрузки ряда бесприставочных ГД и производных от них приставочных. Утрата некоторых пар ГД в западно- и восточнославянских языках, а также полная утрата корреляции однокоренных бесприставочных ГД по признаку одно- / неоднонаправленности в южнославянских языках вызвана двумя основными причинами: 1) постепенным расхождением лексических значений неоднонаправленного и однонаправленного глагола; 2) развитием продуктивного процесса создания видовых глагольных пар, в результате которого некоторые одновидовые бесприставочные глаголы движения эволюционируют из пары одно-/ неоднонаправленного движения в пару совершенного / несовершенного вида.

Список использованных источников

1. Авилова, Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова / Н. С. Авилова. – М. : Наука, 1976. – 328 с.
2. Русская грамматика : в 2 т. [АН СССР; Ин-т рус. яз.; ред. Н. Ю. Шведова]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 784 с.
3. Орлова, Т. М. Семантична структура та лінгвостилістичні можливості назв руху в сучасній українській мові : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / Т. М. Орлова . – Запоріжжя : Запорізький держ. ун-т, 1999. – 259 с.
4. Русская корпусная граматика [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://rusgram.ru/Вид. – Дата доступа : 12.10.2019.
5. Bojar, B. Polskie czasowniki ruchu / B. Bojar // Polonica. – 1977. – № 3. – S. 98–139.
6. Лесюк, Н. П. Словообразовательные гнёзда корней со значением движения в современном украинском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.02 / Н. П. Лесюк. – Киев, 1982. – 24 с.
7. Гордеев, Ю. М. Поле направительности (глаголы движения и их распространители) в современном русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ю. М. Гордеев. – Свердловск, 1971. – 20 с.
8. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – 3-е изд., испр. – М. : Высшая школа, 1986. – 640 с.
9. Мухаммадиев, Э. М. Видовая парность глаголов движения в русском языке / Э. М. Мухаммадиев // Актуальные проблемы русского словообразования : тезисы 5-ой республиканской науч.-теор. конф. – Самарканд, 1987. – Ч. 1. – С. 47–49.
10. Гак, В. Г. Асимметрия в языке / В. Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 47.

11. Леонидова, М. А. Болгарско-русский словарь / М. А. Леонидова. – М. : Русский язык, 1980. – 520 с.

12. Шольце, Л. Глаголы движения русского и верхнелужицкого языков (типологические и диахронные аспекты) / Л. Шольце // Русский язык : исторические судьбы и современность : труды и материалы III Междунар. конгресса исследователей русского языка; МГУ им. М. В. Ломоносова, 20–23.03.2007. – М. : МАКС Пресс, 2007. – С. 459–460.

13. Степанов, Е. Н. Глаголы движения в современных славянских языках / Е. Н. Степанов // Мова : наук.-теор. часопис з мовознавства. – Одеса : Астропринт, 2014. – № 22. – С. 206–215.

14. Włodarczyk, H. Czasowniki ruchu a kategoria aspektu w języku polskim / H. Włodarczyk // Polonica. – 1980. – № 6. – S. 49–56.

15. Piñón, C. Verbs of motion in Polish, I: parts and processes / C. Piñón // U. Junghanns, G. Zybatow. Formale Slavistik. – Frankfurt am Main, 1997. – P. 467–488.

16. Karcevski, S. I. Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique / S. I. Karcevski. – Praha : Plamja, 1927. – 167 p.

17. Bogusławski, A. Ilustrowany słownik rosyjsko-polski, polsko-rosyjski / A. Bogusławski. – Warszawa : Wiedza powszechna, 1978. – 1184 s.

18. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1985–1988.

19. Piernikarski, C. Opozycje semantyczne czasowników typu iść : chodzić / C. Piernikarski // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. − 1972. − № 11. – S. 53–65.

20. Степанов, Е. Н. Глаголы движения в современном русском и польском языках / Е. Н. Степанов // Слов'янський збірник. – Чернівці-Одеса : Букрек, 2015. – Вип. 19. – С. 217–229.

The purpose of the article is to conduct a comparative study of groups of motion verbs in Russian, Ukrainian, Polish, Czech, Upper Sorbian languages, as well as to analyze the results of the evolution of the motion verbs' system in modern Bulgarian, Serbian and Croatian languages. Identifying differences in the functioning of East Slavonic, West Slavonic, South Slavonic verbs of motion in synchrony and diachrony is the finding of research. The comparison of different Slavonic systems of verbs of motion revealed some archaic features of Common Slavonic verbs of motion and some results of semantic and grammatical evolution of these verb systems.

Keywords: verbs of motion, the Slavonic languages, unidirectional and non-unidirectional movement, aspect of the Slavic verb, non-prefixed and prefixed verbs.

УДК 811.512.122.37322:58

Г. С. Сулейменова

КАЗАХСКИЕ ИМЕНА В КОНТЕКСТЕ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

В статье представлена философская сущность казахских имен на фоне славянских антропонимов. В казахской антропологии значима первооснова имени: наречение новорожденных подчинено ассоциациям с природными компонентами. В славянских культурах актуален фактор благозвучия имени. Во всех культурах актуально проецирование имени на конкретного человека. В процессе коммуникации философская сущность имени нивелируется.

Ключевые слова: антропология, антропонимы, культурная традиция, имя, философия имени, имяславие, коммуникация.

Теория имяславия как одно из ведущих теоретических направлений антропоцентрической парадигмы философии языка уходит своими корнями далеко в глубь истории. Как известно, начало XX века ознаменовано спором двух противостоящих течений: «имяславцы» и «имяборцы» [1]. Сущность их разногласия заключается в разном подходе к природе языкового знака: конвенциональном и неконвенциональном. Современное

языкознание лишь актуализирует ее весомость в спектре иных парадигмальных направлений. В свете этого значимость приобретает дальнейшее исследование имен собственных, в частности антропонимов. При этом характерная для современного мира глобализация многонациональных государств обусловливает необходимость диалога культур, следовательно, актуальность исследования казахских антропонимов на фоне иной культурной традиции.

Настоящая статья посвящена выявлению специфики первоначальной философской сущности казахских имен по отношению к первооснове русских и спорадически польских имен.

Целью статьи является доказать философскую основу наречения человека как общенациональную идею и тем самым обосновать справедливость заложенной в теории имяславия концепции интерпретации слова как содержательного символа, важного для жизнедеятельности человека.

Фактическим материалом исследования послужили имена лиц казахской, русской и польской национальности. Материал собирался путем анкетирования, извлекался из средств массовой информации, а также собирался путем ручных записей в полевых условиях во время научной стажировки в Польше в Лингвистическо-техническом университете в Свече – филиале в Пшасныше.

Философия имени в лингвистике связана главным образом с трудами Фердинанта де Соссюра [1], Вильгельма фон Гумбольдта [2], Л. Витгенштейна [3], А. А. Гируцкого [4], а также с Антропологической программой представления языка, разработанной российскими учеными под руководством В. И. Постоваловой [5], трудами В. Руднева [6; 7], О. А. Радченко [8].

Философскому аспекту Слова, в частности имени собственному, посвящен целый ряд научных исследований. При их разнохарактерной направленности в них усматривается общая идея о Слове как основе бытия. Библейское начало данной идеи подчеркивается, в частности, в трудах А. А. Гируцкого. Обосновывая изоморфизм между строением слова, человека и Вселенной, ученый указывает на тот факт, что определитель космического «Я» человека заложен в его щитовидной железе. Поэтому негативные явления сегодняшнего мира, в частности ядерные катастрофы, приводят к сбоям данного органа человека, а в конечном счете к утрате имени. Потеря имени означает потерю человека и крушение мира.

Антропологическая программа представления языка разработана в теории нравственной основы слова, изложенной в трудах ученых под руководством В. И. Постоваловой. Слово интерпретируется в ней как содержательная сущность, влияющая на траекторию жизни человека, как основа мироздания. При этом в обозначенной Программе язык рассматривается как момент жизнедеятельности человека: это не просто система знаков, замещающих предметы, но и система символов, за которыми стоит духовная жизнь человека.

В свете изложенной концепции наречение новорожденных в казахской культурной традиции подтверждает врожденную мудрость казахского народа. Первоначальная философская сущность казахских антропонимов достаточно очевидна. В казахской культурной традиции отмечаются имена, связанные с характером человека и напутствием его в жизнь: *Жибек, Ниет*. Новорожденные ассоциируются с разными цветами, драгоценными металлами, дорогими тканями. Отсюда имена в виде названия цветов: *Раушан, Райхан, Роза, Кызгалдак, Калампыр*; названия драгоценных металлов, камней: *Алтын, Алмас, Алмаз, Маржан, Инжу* (при этом в постпозиции к основному имени могут добавляться слова *гуль, бек, жан, бай*); названия дорогих тканей: *Баркыт, Жибек, Атлас, Кырмызы, Торгын, Берен, Макпал*; названия растений: *Куракбай, Жусанбай, Камысбай, Изенбай, Шибык, Киякбай*. Множество имен основывается также на врожденных отметинах ребенка: *Калдыгуль, Калдыбек, Менсулу, Мендыкыз, Мендикара, Ментай, Мендос*; фиксации его места рождения как географического названия: *Балхаш, Алмат, Алматбек, Жамбыл, Орал, Алтай, Жайык, Едиль*; времени рождения как название времени года: *Жайлаубек, Жайлауйбай, Жайлаугул, Кистаубай, Наурыз, Саирбек*; праздничных дней: *Мейрам,*

Мейрбек, Наурызбай, Женис, Женисгул, Айтжамал, Айтбек, Ораз, Оразбай, Айтболсын, Сайлаухан, Сайлаубек, Сайлаугул.

Общая философская идея казахской и русской антропологической системы основана на концепции, которую можно выразить при помощи русской пословицы *Как корабль назовешь, туда он и поплывет*. В данном случае имеет место фидеистическое отношение к слову, которое заключается в символичном подходе к слову как языковому знаку и связывается с неконвенциональной трактовкой языкового знака, основанной на магической («заклинательной») функции языка. Фидеистическим отношением к слову обусловливается наречение новорожденных казахов именами отечественных героев: *Алия, Маншук, Кобланды, Камбар, Алпамыс, Таргын, Толеген, Малик;* именами героев легенд: *Карлыгаш, Акжунус, Назым, Баян, Кызжибек, Карлыга, Карашаш, Айша*; именами святых: *Гали, Иса, Соломон*. Во множестве казахских имен заложена также идея разного рода пожеланий. В частности, это может быть пожелание сытой жизни, в результате которого возникают имена, связанные с наименованием посудных принадлежностей для еды как сущностью жизни: *Шомишбай, Айнабек, Торсыкбай;* имена, идентичные названиям животных как основе богатства: *Жылкыбай, Акмарал, Кундыз, Марал, Маралбай*; имена, связанные с ритуалами, надеждами и благими мечтами: *Турсун, Турсынхан, Турсынай, Турсынгуль, Турсынбек, Турсынжан, Улболсын, Ултуган, Улдай, Жанылсын, Жанылхан, Жанылтай, Арман, Арманай, Ансаган, Сагыныш, Инкарбек, Умит, Тилек, Тилеу, Мурат, Сураган, Алдаберген, Кудайберген, Тирижан, Амангельды, Аманжол, Аманкос, Оралбек, Оналбек*; имена, связанные с пожеланием богатства, счастья: *Бакберген, Даулетбек, Даулет, Даулетхан, Даулетбай, Бакытжан, Бахытгул, Бахытбек, Базарбек, Базаргул, Казына, Ырысалды, Рысгул, Рыскельды*; удачной и сладкой жизни: *Балым, Балымжан, Балжан, Секер, Ширин, Науат, Балсекер*; образованности: *Галымжан, Галымбек*; смелости и мужества: *Ерлан, Ержан, Ермек, Ержигит, Ердос, Ершат, Еркас, Ерсайын, Ерик, Ербулан, Батыр*.

Проведенный среди родителей русскоязычного населения Казахстана опрос показывает, что, в частности, имя *Яна* девушка получила в связи с тем, что ее мама симпатизировала известной телеведущей Яне Поплавской, имя *Стас* – в связи с тем, что она хотела бы, чтобы ее сын был похож на ее двоюродного брата с таким именем. Имя *Наталья* было дано по инициативе отца, который назвал свою дочь в честь своей первой любви. Имя *Тимофей* исходит от отца человека с таким же именем, где также имплицитно заложено пожелание, чтобы новорожденный во всем походил на своего отца.

В процессе сбора фактического материала отмечались также случаи негативной реакции на то или иное имя. Так, свекровь не одобрила предлагаемое невесткой имя *Денис*, поскольку в деревне, в которой она выросла, проживало несколько парней с таким именем и все они были пьющие.

Как показывают наблюдения, в польской культурной традиции факты наречения новорожденных на основе ассоциаций с именем другого человека крайне редки. Как исключение можно представить случай с именем *Гвидон*, которого мать назвала в честь героя пушкинской сказки. Однако все же официальным именем данного гражданина является имя *Анджей*.

Вместе с тем интерес представляет факт, насколько действенной оказывается связь заложенного имени с философской основой в современной коммуникации. Априори можно предположить, что подобная связь сведена к минимуму. Ведь трудно себе представить, чтобы коммуникант, называя имя собеседника, проводил ассоциацию с заложенной в этом имени философской сущностью. В частности, обращаясь к женщине по имени *Карлагаш*, адресант вряд ли представляет перед глазами образ ласточки, а при обращении к мужчине по имени *Рахат* – образ сладкого, *Нургуль* – образ лунного света и т. д. Это подтверждается проведенным среди студентов опросом, в ходе которого на вопрос *Ассоциируется ли имя*

собеседника при обращении к нему с его первоначальным смыслом? около 98 процентов опрошенных ответили отрицательно.

В этом контексте ассоциативные связи казахских имен во многом сопоставимы с именами русскими, в которых первоначальная философская основа оказывается еще более уязвимой. Как известно, большая часть традиционных русских имен заимствована из греческого языка, где они имеют прочные ассоциативные связи с теми или иными предметами, признаками или явлениями. В повседневной коммуникации данная связь оказывается устойчивой по отношению к первоначальной идее имени, особенно в сопоставлении с казахской культурной традицией. Так, при обращении к лицам мужского пола по имени *Виктор* ни адресант, ни адресат не ассоциируют его с победителем; *Владимир* – с владыкой мира; при обращении к лицу женского пола по имени *Светлана* – не ассоциируют со светом, *Людмила* – с милой людям. Можно лишь указать на тот факт, что казахи в большей степени вспоминают в повседневном общении о первооснове своего имени. Приходилось наблюдать, что во время торжественных речей они также в своей риторике обращаются и к истокам русских имен. В речи лиц русской национальности такого содержания риторика не наблюдалась.

Как видим, различие казахских и русских имен основывается на том, что в казахской культуре обозначается четкая изначальная привязанность к ассоциации с ее философской основой, в то время как в русской культуре такая ассоциация не заложена изначально при наречении младенца: имена выбираются главным образом на основе их благозвучия. Это свидетельствует о большей философской основе казахских антропонимов по отношению к антропонимам русского языка.

Та же благозвучная обусловленность имени отмечается в польской культурной традиции. Об этом свидетельствуют имена *Эльжбета, Мартына, Магдалена, Барбара, Ванда, Михалина, Филомена, Анджей, Петр, Яцек, Радек, Крыстоф, Рышард*. Имена новорожденным зачастую присваиваются в соответствии с церковным календарем и благодаря ему культивируются. Возможно, данной причиной объясняется то, что многие польские граждане имеют два имени: церковное и светское. Согласно полученным материалам, большая часть поляков отмечает как важный день в году именины, день, согласно которому его имя обозначено в церковном календаре. При этом в отдельных случаях дата собственного дня рождения игнорируется.

Несомненный интерес в философском аспекте представляет также выявление сущности антропонимов анализируемых языковых систем в свете оппозиции «свой – чужой». Однако в силу ограниченности объема статьи результаты такого рода исследования нами не излагаются.

Итак, проведенное исследование происхождения казахских имен в сопоставлении с происхождением имен в русской и польской культурных традициях утверждает мысль о первоначальной значимости философской первоосновы имени человека в казахской культурной традиции. Наречение же новорожденных в русской и польской культурах в большей степени подчиняется фактору благозвучия имени, нежели его первоосновной сущности. В повседневной коммуникативной среде в процессе диалога философская сущность имени постепенно нивелируется во всех анализируемых культурах. Проявление данного феномена в отдельных случаях в казахской культурной традиции объясняется обретением независимости Республикой Казахстан и стремлением на этой основе актуализировать национальные традиции.

Список использованных источников

1. Соссюр, Фердинанд де. Курс общей лингвистики / Фердинанд де Соссюр. – М. : УРСС Эдиториал, 2007. – 257 с.

2. Гумбольдт, Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 398 с.

3. Витгенштейн, Л. Философские работы / Л. Витгенштейн. – М. : Гнозис, 1994. – Ч. 2. – Кн. 1. – 206 с.

4. Гируцкий, А. А. Тайна имени / А. А. Гируцкий. – Минск : Тэхналогія, 1996. – 128 с.

5. Постовалова, В. И. Антропологическая парадигма представления языка в свете православной духовной традиции / В. И. Постовалова // Текст. Структура и семантика. Доклады международной научной конференции. – Т. 1. – М., 2005. – С. 100–126.

6. Руднев, В. Прочь от реальности. Исследование по философии текста / В. Руднев. – М. : Аграф, 2000. – 432 с.

7. Руднев, В. Морфология реальности. Исследование по «философии текста» / В. Руднев. – М. : Гнозис, 1996. – 207 с.

8. Радченко, О. А. Язык как миросозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдианства / О. А. Радченко. – М. : КомКнига, 2006. – 312 с.

The article presents the philosophical essence of the Kazakh names on the background of Slavic anthroponyms. In the Kazakh anthropology the primary basis of a name is significant: naming of newborns is subordinated to associations with natural components. The factor of euphony of a name is actual in Slavic cultures. The projection of the name on a particular person is actual in all cultures. In the process of communication the philosophical essence of the name is leveled.

Keywords: anthropology, anthroponyms, cultural tradition, the name, the philosophy of name, of name, communication.

УДК 81’42(045)

И. Г. Урбанович

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье анализируется явление окказиональности, к которому отнесены выявленные в поэтическом тексте семантические авторские образования. Окказиональность в языке художественной литературы – актуальная проблема современного языкознания, поскольку процессы такого словотворчества до конца не классифицированы. Авторские семантические окказионализмы создают оценочность и экспрессивный фон поэтического текста.

Ключевые слова: поэтический текст, окказионализм, семантическая деривация, ассоциативный образ.

Индивидуальность художественно-поэтического текста стоит в прямой зависимости от способностей автора к эмоционально-чувственному восприятию и переосмыслению окружающего мира. Художники слова нередко прибегают к созданию индивидуальных ассоциаций, наделяемых оригинальной оценочностью. Такой оценочностью наполняются узуальные слова, которые в силу контекстуальной необходимости «живут» в пространстве текста с измененной лексической сочетаемостью и стилистической закрепленностью.

Контекстуально обусловленные семантические сдвиги лексем – ассоциативные образы, которые с точки зрения нормы рассматриваются в лингвистике как аграмматизм. «Добавочный смысл может возникать не только из поставленного рядом, но и из недоговоренного. Комбинаторные приращения возможны в пределах фразы, образа, главы, целого романа» [1, с. 26].

Фазиль Искандер – классик советской литературы, воспроизводящий в своих произведениях целую эпоху. Художественная мастерская писателя и поэта богата разнообразием стилистических средств, и в первую очередь это окказиональная лексика, которая нередко создается путем индивидуально-авторского приращения смысла узуальных слов и понятий. Мы знакомы с Ф. Искандером как с писателем, но в не меньшей степени интересным для ис-

следования является его поэтическое наследие. В процессе создания окказиональных смыслов возникают нестандартные семантические образования, в которых наблюдается намеренное нарушение семантики. Привычный образ предмета наделяется приращенным художественным смыслом.

Окказиональное переосмысление преображает смысловую окраску поэтического текста, способствует большему эмоциональному насыщению контекста. Переиначивание сем приводит к возникновению оригинальных образов. По мнению Л. Ю. Буяновой, «специфические приемы деривации – структурной и семантической – можно рассматривать как лингвистические маркировки состояния психологического и эмоционального микроклимата личности, специфики его личностных и социальных интенций» [2, с. 48].

Итак, окказиональный ряд образов может быть связан с определенным понятием. В стихотворении «Дети Черноморья» молодое поколение ассоциируется у автора с целым рядом лексем: *банщики*, *трубочисты*, *сказочники, обманщики, фокусники, артисты, старатели, кладоискатели, суровые землепроходцы, любители лимонада, сами себе полководцы*:

*Эй, барабанщики-**банщики**! Эй, трубачи-**трубочисты**!*
***Сказочники**, **обманщики**, **фокусники**, **артисты**,*
***Старатели**, **кладоискатели**, **суровые землепроходцы**,*
Любители лимонада, сами себе полководцы!
Мальчишки – *славная орда*:
Вокруг хохочущее лето.
*Мальчишек **славная орда**.*
От наслаждения, от света
Лениво щурится вода («Лето»).

Ассоциативный ряд выстраивается при создании образов окружающего животного мира, образов природы. Буйволы – неизменный атрибут крестьянской жизни, неотъемлемая часть детства поэта. Они *молчаливые работяги, тугодумы*:

Вот лежит недвижно и угрюмо
***Стадо молчаливых работяг**.*
*Нравятся мне эти **тугодумы***
За медлительный, но твёрдый шаг («Буйволы»).

Природа ассоциируется у поэта с понятием «доктор, лекарь»:

*Дерево – **доктор**, а листик – лучший **рецепт от болезней*** («Дети Черноморья»).

Окружающий мир передается с помощью ряда метафор: *курчавый, овечий*:

*Вот **курчавый виноградник**,*
Вот и домик угловой.
Там весёлый палисадник
Убран девичьей рукой («Парень с ястребом»);

*Брызнуло солнце по краю **овечьих, курчавых чащоб**.*
Словно подбросила жница рыжей пшеницы сноп.
А мы? Мы гребем сачками. Гребем, выгребая груз
***Белесого, тряского стада набухших водою медуз**.*
Чтоб сети не оборвало, рывками гребем и гребем,
***Медуз водяное стадо** мы выгребаем с трудом* («Баллада о рыбном промысле»).

Автор воспевает крестьянский труд, труд простого труженика моря. Для него ремесло ассоциируется с мудростью:

Славлю силу мотора. Славлю удар весла.
*Славлю **незлую мудрость рыбацкого ремесла*** («Баллада о рыбном промысле»).

Труженик прекрасен в своем простом ремесле. Пот – результат усердия, ассоциируется с лексемами *солнце, зернистый, обильный, густой, струящийся с трудом*:

Откинув ситцевую блузу,

По пояс оголен, черняв,
Мотыжил парень кукурузу,
***По телу солнце расплескав**.*
*А **пот зернистый и обильный**,*
***Густой, струящийся с трудом**,*
Он отжимал ладонью пыльной
И стряхивал со лба рывком («Парень с мотыгой»).

Общение после трудовых будней – важная составляющая жизни воссоздаваемого автором образа Абхазии. Центр общения – хашная, характеристика которой передается такими лексемами, как *земная весёлая преисподняя, демократическая*:

*В **земной весёлой преисподней**,*
*В **демократической** хашной,*
Вчера, вовеки и сегодня
Здесь все равны между собой («Хашная»).

В представлении автора мир включает в себя горы, шалаш, в котором может отдохнуть уставший путник. Это огромный мир, лишенный мелочей и злости, к которому надо прийти по тропе трудностей:

*Мне **жизнью** были эти горы,*
*Мне снятся влажные луга**.***
*Стократ **родней** родного **дома***
***Пропахший ельником шалаш**!*
Я к вам приду. Приду не в гости,
*Пройдя охотничью **тропу***
От мелкой дружбы, мелкой злости
В большую, трудную судьбу («Хочу я в горы»);

***Огромный, добрый** и **солёный**,*
Из голубых, из тёплых вод
Промытым взором освежённый
Мир незахватанный встаёт («Лето»).

Таким образом, представленные в поэтическом тексте Фазиля Искандера семантические окказионализмы обладают определенной экспрессией, влияя на формирование читательского восприятия. Окказиональные смыслы дают толкование событиям и явлениям, определяют предметную характеристику, а также характеризуют ментальную деятельность героев.

Список использованных источников

1. Ларин, Б. А. Эстетика слова и языка писателя. Избр. статьи / Б. А. Ларин. – Л. : Художеств. лит., 1974. – 285 с.

2. Буянова, Л. Ю. Окказиональная деривация как фактор самореализации языковой личности / Л. Ю. Буянова, И. А. Ляхович // Актуальные проблемы современной лингвистики : материалы Всерос. науч.-практ. конф. памяти В. И. Чернова : в 2 ч. / Киров. гос. пед. ун-т. – Киров, 2000. – С. 48–51.

3. Искандер, Ф. А. Путь : Стихи / Ф. А. Искандер. – М. : Советский писатель, 1987. – 272 с.

The article analyzes the phenomenon of occasionality, which the semantic author's formations identified in the poetic text are attributed to. The "occasionality" in the language of fiction is an urgent problem of modern linguistics, because the processes of such word creating are still not completely classified. An evaluative and expressive background of the poetic text is created by the author's semantic occasionalisms.

Keywords: poetic text, occasionalism, semantic derivation, associative image.

УДК 81’1’42: 2-13

О. В. Шкуран

САКРАЛЬНЫЙ СМЫСЛ «ПРОСВЕЩЕНИЯ» В СЛАВЯНСКОМ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье проиллюстрирована лексико-семантическая динамика лексемы «просвещение», аккумулирующая сложную систему ценностей христианского и секуляризированного миропонимания. Данный термин вошел в круг научного исследования, в русской культуре смысловыми популяризаторами стали лексемы «просветить», «свет», что дало возможность ощутить новую языковую реальность с поиском смысловой доминанты.

Ключевые слова: лексема «просвещение», сакральный смысл, языковая единица, смысловая секуляризация, духовный ориентир.

Одним из центральных понятий языковой картины мира и важным термином в культурно-образовательном пространстве является лексема с сакральной семантикой *просвещение*. Ее популярность и сейчас настолько поразительна, что создается впечатление: *просвещение* широко употребимо и применимо в границах философской, религиоведческой, культурологической, образовательной и лингвистической мысли.

В отечественном языкознании проблемами изучения категориального статуса сакральных единиц с начала текущего столетия занимаются такие ученые, как Т. Б. Захарян 2006; Н. И. Коновалова 2007; Н. А. Воробьева 2007; Т. Н. Бурмистрова 2008; Т. В. Кузьмина 2011; С. М. Белякова 2012; А. А. Охалина 2013; К. Д. Наумов 2013 и др., которые используют определение сакральности в ее широком смысле, напр.: Т. Е. Владимирова в публикации «Русская филология и духовный потенциал языка» (2016) называет филологию службой понимания, поскольку она является надежным хранителем духовной культуры человечества, «вместе с энергийной природой языческого мировосприятия человек унаследовал сакральные установки и потребность в ориентации на должное поведение, а с принятием православия – на духовное саморазвитие» [1, с. 127]. С принятием христианства старая идея сакрального была переориентирована с материального и физического на идеальное, духовное; с конкретного и зримого на абстрактное и незримое. Сакральные языковые единицы приобрели понимание святости – сопричастности человека с Богом и преображения духовного и телесного под воздействием Божьей благодати.

В данной статье рассматривается семантическая динамика лексемы *просвещение*, поскольку ценностный компонент и сакральная коннотация создают смысловой комплекс в восточнославянском культурно-языковом пространстве. В функционально-семиотическом исследовании *просвещение* отражает духовно-нравственные и этические ориентиры.

В процессе освоения новой проблематики целесообразно обратиться к этимологическим, основательным энциклопедическим словарям, к просветительско-философским, богословским исследованиям за последние два столетия.

Считаем целесообразным начать исследование со «Словообразовательного словаря современного русского языка» (под ред. О. А. Ульяновой, 2013), в котором проиллюстрирована словотворческая эволюция лексемы *просвещение*: *просветить → просветиться → просвещаться → просвещать → просвещаться → просвещение → просвещенец → просветительный → просветитель → просветительский → просвещенный → просвещенность* [2, с. 372–373].

Лексема *просветить* в «Полном церковно-славѧнском словаре» (1899) открывает семантическое поле с дефиницией ‘являть, показывать, давать видеть’ [3, с. 513]; лексема *просвещение* – ‘свет, освещение, крещение’ [3, с. 514].

Образ сакрального формируется и через устойчивые единицы, отражающие сферу вымышленного, нереального, архетипического сознания. По нашему мнению, к таким языко-

вым единицам можно отнести паремии, идиомы, афоризмы и др., которые представляют собой «целостные и структурированные представления о позитивном отношении народной культуры к традиционной религии» [4, с. 205]. В словарной статье приводится пример библеизма *просветить очи* со значением ‘животворить, поднять бодрость духа и тела’. В четвертой книге Царств в Септуагинте Иоанн Креститель, утомленный до крайности голодом, вкусил немного меда и от этого ободрился, сказав: *Ныне прозрели очи мои* (4 Цар, 14, 29). В Послании к Ефесянам, которые вошли в 14 Посланий апостола Павла, в главе 1 говорится: *Бог* ***просветил очи*** *сердца вашего, дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его, и какое богатство славного наследия Его для святых, и как безмерно величие могущества Его в нас…*[5, с. 234]. Библеизм *просветить очи* содержит глубокий сакральный смысл и в дальнейшем широко употребляется, истолковывается и способствует формированию словообразовательной цепочки, определившей новое прочтение лексемы *просвещение* в современном дискурсе – ‘ощущать в себе свет не как физическое явление, а как духовное просветление’. Поэтому лингвисты очень скрупулезно изучают этимологию и лексем, и устойчивых единиц, к которым относится и библеизм *просветить очи*, позволяющий произвести отсев однозначно сомнительных интерпретаций [6, с. 120].

«Словарь церковно-славянского и русского языка» (1847) иллюстрирует лексему *просвещать* – ‘озарять светом’; ‘возвращать зрение’; ‘обогащать ум познаниями’; *просвещение* представлено четырьмя дефинициями: 1) ‘осияние светом’; 2) ‘обогащение ума познаниями’; 3) ‘церковный праздник Богоявления’; 4) ‘Крещение’ [7, т. 3, с. 552].

В словаре М. И. Михельсона «Ходячие и меткие слова» просвещение растолковывается через контекст: *Просвещение, не основанное на нравственной жизни, не было и никогда не будетъ просветлением, а будет всегда только затмевать и развращать. Гр. Л. Н. Толстого «Праздник просвещения»* [8, с. 354].

Во второй половине XIX века в России начинается эпоха *Просвещения,* которая во времена правления Екатерины Великой дала толчок для развития науки, искусства, общественной мысли. Лексема *просвещение* приобретает еще одно значение ‘идейное течение «длинного XVIII века», основанное на убеждении в решающей роли разума и науки в познании «естественного порядка», соответствующего подлинной природе человека и общества’. Взоры русского государства были устремлены на западноевропейские образцы среднего и высшего образования. Особенностью русского Просвещения стало желание к переосмыслению христианского учения и совершению рывка вперед к формированию новой национальной культуры.

Художественная литература XIX в. смогла сохранить и приумножить семантическое поле лексемы *просвещение* различными дефинициями, напр.: ‘возможность пользоваться своим разумом’ – *Всё хвально: драма ли, эклога или ода – Слагай, к чему тебя влечет твоя природа; Лишь* ***просвещение*** *писатель дай уму: Прекрасный наш язык способен ко всему* (А. П. Сумароков. Эпистола II (1747)); ‘пагубные последствия «расчеловечивания» в эпоху Просвещения’ – *Нет, знать, скорей судьба мой краткий век промчит, Чем* ***просвещение*** *те нравы излечит, Которые вранья с добром не различают, Иль воскресения уж мертвых быть не чают, И не страшатся быть истязаны за то, Что Ломоносова считают ни за что?* (В. И. Майков. Елисей, или Раздраженный Вакх (1769));‘приобретение новых знаний и умений’ – *Ты от смерти воскресила И из праха нас взяла, Воспитала, воскормила,* ***Просвещение*** *дала* (Г. Р. Державин. Обитель Добрады / [Хоры] (1808.05.00)); ‘общедоступное образование для крестьянства’ – *И* ***просвещение*** *взаимной пользы цепью Тесней соединит владыку и народ* (П. А. Вяземский. Петербург (отрывок) (1818.08.00)) и др. [9].

Уже накануне революции 1917 года будущий наркомпрос Страны Советов с атеистической идеологией А. В. Луначарский говорил следующие слова на лекции для инструкторов физического труда: *«****Просвещение!****» – Вы сразу обращаете внимание на то, что слово «просвещение» происходит от слова «свет» и противополагается тьме. Нет лучше, выше и шире работы, чем* ***просвещение,*** *ибо просвещение есть работа старшего поколения над но-*

вым. Это есть шлифовка, формировка самого высокого материала, который только есть на свете, – самого человека [10]. Таким образом, продолжается процесс семантической трансформации – от духовного к нравственному, от божественного к мирскому.

Толковый словарь советского периода Д. Н. Ушакова в словарной статье теперь характеризует дефиницию *просвещение* так: 1) Действие по глаг. *просветить* 1-*просвещать*; образование, обучение; 2) Эпоха (или век) просвещения (истор.) – период развития буржуазной философии и науки в Западной Европе 18 в. [11, т. 3, с. 267]. Автор словаря интерпретирует семантику уже по-другому, но связывает просвещение с понятием «образование», процессом обучения и воспитания.

Толковый словарь С. И. Ожегова дополняет значение лексемы *просвещение* – ‘знания, образованность, их распространенность’, *просвещенный* ‘образованный, с высоким уровнем развития, культуры. П. человек’ [12, с. 618].

Как видим, секуляризация мировоззрения порождает переосмысление сакрального смысла и внутренней потенции к обмирщению ключевой лексемы *просвещение*. Эволюция семантического смысла иллюстрирует уровень «первоначально заданного смысла» (В. В. Колесов), что, по всей вероятности, и содержит сакральный смысл, и второй уровень – уровень человеческого постижения, воплощенный в разнообразии лексико-семантических вариантов, оттенков, коннотаций.

Современные СМИ намеренно апеллируют к эмоциям и чувствам получателя информации, пытаясь передавать все более насыщенные сообщение с всевозрастающей скоростью, чтобы каждое мгновение работа СМИ несла как можно больше информационного и эмоциональной нагрузки, поскольку оно более сильное, эффективное, чем методы рационального воздействия, напр.: *Как отметили все участники заседания, сегодня жизненно необходимо создать действенную федеральную государственную программу, основной целью которой стало бы массовое* ***просвещение*** *россиянок в вопросах сохранения ими своего* ***репродуктивного здоровья****; Елена Ханга, прославившаяся в свое время на ниве ночного* ***сексуального просвещения*** *масс, видимо, решила это просвещение распространить и на дневную аудиторию, поставив на обсуждение актуальнейший вопрос: «Кому секс нужен больше – мужчинам или женщинам?»; Национальным «культурным кодом» является «система самобытных, доминирующих в обществе ценностей, смыслов и взглядов (знания, умения, навыки, интеллектуальное, нравственное и эстетическое развитие, мировоззрение, формы общения,* ***духовное просвещение****), сформировавшаяся в процессе исторического цивилизационного развития, принимаемая как общепринятая норма для самоидентификации людей независимо от их этнической принадлежности и передаваемая из поколения в поколение через воспитание, образование и обучение»* [9].

Таким образом, семантическая динамика лексемы с сакральным смыслом *просвещение* на разных цивилизационных этапах развития восточнославянского языкового общества иллюстрирует переход от духовного, божественного понимания к секуляризированному пониманию, а в функционально-семиотическом исследовании *просвещение* первоначально отражает стремление человека к христианскому идеалу, позже к образованности как возможности приобрести высокий уровень познания, интеллекта.

Список использованных источников

1. Владимирова, Т. Е. Сакральная память слова / Т. Е. Владимирова // Журнальный клуб Интелрос Метафизика. – 2016. – № 4(22). – С. 98–110.

2. Словообразовательный словарь современного русского языка / под ред. О. А. Ульяновой. – М. : «Аделант», 2013. – 512 с.

3. Дьяченко, Г. Полный церковно-славѧнскій словарь (со внесеніемъ въ него важнѣйшихъ древне-русскихъ словъ и выраженій) / Г. Дьяченко. – М. : Типография «Вильде», 1899 (репринтное, отсканированное издание). – 1159 с.

4. Шкуран, О. В. Сакрально-прагматическая константа в паремии *Не в деньгах [только] счастье* / О. В. Шкуран // Научный журнал «Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева». – Чебоксары : ФГБОУ ВО «ЧГПУ имени И. Я. Яковлева», 2019. – № 3(103). – С. 204–211.

5. Мокиенко, В. М. Историческая фразеология славянских языков / В. М. Мокиенко // Теория диахронической лингвистики. – Белград, 2010. – С. 103–129.

6. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. – СПб., 1847. – Т. 4 . – 474 с.

7. Полный православный молитвослов на всякую потребу. – 2-е изд., стер. – Краматорск : Тираж -51, 2009. – 655 с.

8. Михельсон, М. И. Ходячие и меткие слова: Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний) / М. И. Михельсон. – М. : ТЕРРА, 1997. – 624 с.

9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru. – Дата доступа : 15.05.2019.

10. Краткий очерк системы просвещения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://lunacharsky.newgod.su/lib/problemy-narodnogo-obrazovaniya/kratkij-ocherk-istorii-prosveshcheniya. – Дата доступа : 25.05.2019.

11. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935−1940.

12. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М. : Оникс, Мир и Образование, 2007. – 1200 с.

The article illustrates the lexical and semantic dynamics of the “prosveshenie” token, which accumulates a complex system of values of the Christian and secularized worldview. This term was included in the circle of scientific research; in Russian culture, the semantics were “prosvetit’”, “svet” tokens, which made it possible to experience a new linguistic reality with the search for semantic dominance in the East Slavic cultural and linguistic space.

Keywords: lexeme «prosveshenie», sacred meaning, linguistic unit, semantic secularization, spiritual landmark.

ЦЕННОСТИ СЛАВЯНСКОГО МИРА: СТАБИЛЬНОЕ И ИЗМЕНЧИВОЕ В АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

УДК 821.161.1’42:821.161.1:398.332.47(=161.1)

В. И. Абрамова

МАСЛЕНИЦА В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА: СИМВОЛИКА И АКСИОЛОГИЯ

Масленица является одним из устойчивых символов русской культуры, несмотря на то что она отмечается не только в России. Русская Масленица в течение своего долгого существования приобрела специфические черты, вошла в оппозицию «свой-чужой», маркируя «свое»; стала символом обилия и благополучия. В русской литературе у образа Масленицы сформировался и определенный аксиологический подтекст.

Статья подготовлена за счет средств гранта РФФИ № 19-512-18008 «Символика русских и болгарских вербальных текстов культуры».

Ключевые слова: Масленица, культура, художественный текст, подтекст, система ценностей.

Масленица является одной из максимально устойчивых доминант в русской культуре, закреплена в ней на ритуальном (обрядовые действа), вербальном (паремии, художественные тексты), визуальном (картины Б. Кустодиева) уровнях, часто выступает в качестве одного из ее символов (не случайно при обучении иностранцев русскому языку обязательной тематической составляющей в страноведческом, этнокультурном плане является информация о Масленице; Масленица как русский культурный феномен, увиденный глазами иностранки (Джейн Кэлэген), показана в фильме Н. Михалкова «Сибирский цирюльник»). Кроме того, это чуть ли не единственный из немногих дореволюционных праздников, официально поддержанный в советские времена. Яркая языческая составляющая Масленицы помогла ей «выжить» в условиях атеистической идеологии.

Масленицу отмечают не только в России, но и во многих странах Западной Европы, в Северной и Южной Америке. Повсеместно Масленица маркирует границу зимы и весны, мясоеда и Великого Поста, с древних языческих времен в ней обыгрывается тема плодородия, зачатия и рождения новой жизни, что проявляется в бесчинно-оргиастическом характере праздника с его эротически окрашенными ритуалами и обжорством. Есть и ряд отличий: длительность масленичных действий за рубежом варьируется от одного дня до нескольких недель, в то время как в России это всегда одна неделя; зарубежная Масленица – это мясоед, последний день Масленицы во многих европейских странах – т. н. Жирный вторник, когда едят жирную свиную голову, жирную птицу, в России Масленица – это мясопуст, за неделю до Поста мясо уходит из рациона верующих; за рубежом среди всех масленичных действ на первое место выдвигается карнавал, в России среди ритуальных форм празднования Масленицы присутствуют ряженья, но они не доминируют над остальными; за рубежом венчает масленичное действо битва Карнавала и Поста (Брейгель, Босх); в России – сжигание чучела Масленицы, ритуальное уничтожение, призванное обеспечить плодородие.

Яркие отличия русской Масленицы от зарубежной позволили поэту П. А. Вяземскому включить ее в оппозицию «свое – чужое», представленную в тексте его стихотворения «Масленица на чужой стороне» (Дрезден, 1853): *«Как, родная, ты попала В бусурманский этот край?», «Не суметь им, немцам этим, Поздороваться с тобой», «Снег здесь – рыхленькое тесто, Вял мороз и вял народ»* и т. д. В «правильном» праздновании Масленицы для лирического героя этого произведения проявляется национальная ментальность (широта

русского духа): *«Скоро масленицы бойкой Закипит широкий пир, И блинами и настойкой Закутит крещеный мир», «Пышут бешеные тройки», «Настежь двери и сердца», «Нет конца веселым кликам», «Россия… гуляет день и ночь», «Загулялись стар и млад»* и т. д. Широту русского духа поддерживает русский климат, в котором все проявляется в максимальной степени: *«льдистый Урал», «суровый… батюшка-мороз», «молодецкая зима»* [1].

Актуальность Масленицы именно для русской культуры подтверждает наличие огромного количества художественных текстов, в которых присутствует образ этого праздника. В русской литературе нам удалось обнаружить сорок два таких текста (для сравнения, в зарубежной литературе – три). Все русские тексты мы условно разделили на четыре группы, определив для каждой из них семантическую доминанту – символ Масленицы в русской культуре:

1) Блин. В данной группе текстов описываются или упоминаются масленичные яства (в первую очередь – блины) и обильные возлияния. Сюда вошли «Евгений Онегин» и «Осень» Пушкина, «Масленица на чужой стороне» Вяземского, «На масленице» Курочкина, «Не так живи, как хочется» Островского, «Праздники» Брюсова, «Заозерье» Клюева, «Масленица» Петрова, «Масленица» Полянского, «О бренности», «Глупый француз» и «Масленичные правила дисциплины» Чехова, «Широкая масленица» и «Блины» Тэффи, «Теперь-то ясно» и «Веселая масленица» Зощенко, «Сухая Масленица», «Широкая Масленица» и «Блины Доди» Аверченко, «Юнкера» Куприна, «Чистый понедельник» Бунина, «Лето Господне» Шмелева, «Хранитель древностей» Домбровского, «История одного путешествия» Газданова, «Угрюм-река» Шишкова, «Снежной зимой» Каменского, «Восковая персона» Тынянова, «Дедушка Илья» Семенова, «Симфония» Белого, «Гуттаперчевый мальчик» Григоровича, «Русь» Романова, «Русские в начале осьмнадцатого столетия» Загоскина, «Пошехонская старина» Салтыкова-Щедрина.

Контексты, в которых представлен масленичный блин, весьма разнообразны: от минимального (на уровне упоминания) до развернутого. Пример минимального – хрестоматийная пушкинская характеристика семейства Лариных: «*У них на масленице жирной Водились русские блины»* [2].

Развернутый контекст обычно составляют описания блинов и тех продуктов и кушаний, которые с ними употребляют, а также действий людей, поглощающих эти яства. Один из самых репрезентативных контекстов у Куприна: *«Сегодня настоящий царь, витязь и богатырь Москвы − тысячелетний блин, внук Дажбога. (…) Блин красен и горяч, как горячее всесогревающее солнце, блин полит растопленным маслом, − это воспоминание о жертвах, приносимых могущественным каменным идолам. Блин − символ солнца, красных дней, хороших урожаев, ладных браков и здоровых детей.*

О, языческое удельное княжество Москва! Она ест блины горячими, как огонь, ест с маслом, со сметаной, с икрой зернистой, с паюсной, с салфеточной, с ачуевской, с кетовой, с сомовой, с селедками всех сортов, с кильками, шпротами, сардинами, с семушкой и с сижком, с балычком осетровым и с белорыбьим, с тешечкой, и с осетровыми молоками, и с копченой стерлядкою, и со знаменитым снетком из Бела озера. Едят и с простой закладкой и с затейливо комбинированной.

А для легкости прохода в нутро каждый блин поливается разнообразными водками сорока сортов и сорока настоев» [2].

2) Игры и забавы. В эту группу вошли следующие тексты: «Масленица на чужой стороне» Вяземского, «Праздники» Брюсова, «Масленица» Ширяевца, «Угрюм-река» Шишкова, «Русь» Романова, «Масленица» и «Февраль» Петрова. Благодаря описанию масленичных развлечений, среди которых доминирует катание на конях, создается звуковой (тальянка, гуд, звон, часто упоминаемые в текстах бубенцы, иногда метонимически (через синекдоху) заменяющие тройку) и «кинетический» (отражающий быстрое движение: «взвились», «полетели», «вскачь», «подкатила», «катанье», «кататься») образ русской Масленицы.

3) Любовь. Это тексты, в которых заявлена тема масленичного флирта, присутствуют любовные мотивы, образы румяных красавиц. Весь этот комплекс вполне оправдан для Мас-

леницы, одной из ведущих идей которой была идея воспроизводства жизни. В данную группу вошли следующие тексты: «Масленица на чужой стороне» Вяземского, «Не так живи, как хочется» Островского, «Масленица» Петрова, «Масленица» Полянского, «Масленица» Ширяевца, «Сухая Масленица» Аверченко, «О бренности» Чехова, «Веселая масленица» Зощенко, «История одного путешествия» Газданова, «Масляна в дверях, дружок, так чего нам супиться?..» Анстей.

Близость описаний Масленицы у разных авторов в этой группе создается благодаря девичьим и женским образам: *«мать дородная», «дочка, … словно маков цвет горит», «Алым цветом пышут девки», «Теща-то Матрена хороша ядрена, дочки – что квочки, розовые щечки… красные сапожки»* [2].

Если во второй группе текстов (масленичные увеселения) формировался звуковой и «кинетический» образ масленицы, то в этой группе акцент делается на цвете (алый, красный, розовый) и форме (дородность).

Красавицы пробуждают желание. Любовно-эротические мотивы соседствуют с их образами: «*Глаза в сумятице нещадно влюблены, …Чужие очи пью до дна, взахлеб», «В сенях целовались, а потом – в санях»* [2].

У Газданова эротический мотив вплетается в ряд описаний масленичных яств, подводя его к общей теме плотских наслаждений: «*Но была масленица, были блины и поездки с женой на автомобиле, … и такая бесконечная смена удивительных блюд – черные слезы икры на желтовато-лоснящемся блине, по которому легкой, золотой волной разливалось масло; звонкий и твердый, как серебро, звук разгрызаемого малосольного огурца – и рот его жены, не похожий по вкусу ни на что другое и создававший впечатление прелестной и далекой свежести канадских яблок, яблок ее страны»* [2]. У Чехова эротический мотив иронически вводится через сравнение опять же в описание еды, блинов: «*Блины были поджаристые, пористые, пухлые, как плечо купеческой дочки…»* [2]. У Островского в «серьезном», а у Аверченко в юмористическом контексте показаны попытки мужей изменить своим женам на Масленицу. Всеобщий разгул, торжество плоти подталкивает их к этому. Масленица воспринимается ими как время, когда не только можно, но и нужно совершить измену. Во время Масленицы невольно изменяет жене и всему своему образу жизни и герой рассказа Зощенко управдом Конючкин.

4) Противопоставленность Великому Посту. Оппозиция Масленица – Пост вполне закономерна, культурно и календарно обусловлена, закреплена в пословице (Не все коту масленица, будет и великий пост). Заявленная оппозиция присутствует в текстах: «Пошехонская старина» Салтыкова-Щедрина, «Февраль» Петрова, «Еще один остался час…» Случевского, «Марьянна Волховская» Щепкиной-Куперник, «Содержание плюс горечь» Шершеневича, «Масленичные правила дисциплины» Чехова, «Я пробудился весь в поту…» Бродского.

В отдельную группу можно выделить тексты, в которых Масленица – это символ сытой, безмятежной жизни (не житье, а масленица), а также жизни незаслуженно благополучной, которой должен прийти конец (не все коту масленица). Имеются также метафорически представленные через образ масленицы описания природы, космоса («Посреди небесных тел…» Лермонтова).

Есть основания полагать, что тексты о Масленице в русской литературе складываются в «масленичный текст», который можно было бы рассматривать в ряду «праздничных текстов», таких как рождественский и пасхальный. И если в рамках рождественского текста выделилась такая жанровая разновидность, как святочный рассказ, то подобную жанровую разновидность можно обнаружить и в рамках «масленичного текста». Это масленичный юмористический рассказ (Тэффи, Зощенко, Чехов, Аверченко). Его действие происходит на Масленицу, а в основу композиции положена идея карнавальности, травестии, когда нечто переворачивается и превращается в свою противоположность: у Чехова герой собирался насладиться блинами и умер от апоплексического удара («О бренности»); у Аверченко писатель Перезвонов вознамерился изменить жене и не смог: его повсюду узнают и доводят попытки изменить жене до абсурда («Сухая Масленица»); в другом рассказе («Широкая Масленица») хо-

зяин покупает икру для дорогого гостя и всеми способами старается сделать так, чтобы тот ее не ел (икра очень дорогая); еще в одном рассказе («Блины Доди») маленький мальчик, не зная, что такое блины, страстно их желает, а когда начинает есть, горько разочаровывается; у Тэффи («Широкая Масленица») в центре рассказа гость, пришедший на блины в надежде насладиться трапезой и обделенный и обнесенный в процессе этой трапезы всеми яствами; у Зощенко («Веселая масленица») управдом собирается донести на сомнительных квартиранток, но после масленичной трапезы, испортив свою репутацию, сам становится жертвой, которой угрожает донос. Таким образом, основной мотив, который лежит в основе названных рассказов, – мотив обманутого ожидания, композиционно выраженный сменой планов: ожидаемое наслаждение – не-получение желаемого.

Другой вариант травестии в масленичном рассказе – неожиданная трансформация образа Масленицы, отказ от стереотипа жирного, разгульного, широкого праздника, канцеляризация этого образа или превращение его в наукообразный: Масленица – «*религиозный предрассудок*» у Зощенко, *«Масленичные правила дисциплины»* у Чехова, блин – это «*окружность в три вершка в диаметре. Пи-эр квадрат заполняется массой из муки с молоком и дрожжами»* у Тэффи [2].

Поскольку для русской ментальности характерен приоритет духовных ценностей над материальными, в масленичном юмористическом рассказе и присутствует отмеченная нами травестия: наслаждение оборачивается не-наслаждением, потому что само стремление к этому наслаждению, с христианской точки зрения, неправильно. К этой идее рассказ подводит нас без назидательности и пафоса, снимает горечь разочарования при помощи юмора.

Идея, скрепляющая «масленичный текст», – это идея веселого пира накануне Поста, торжества плоти накануне времени, которое должно стать торжеством Духа, воспевание плотских наслаждений с учетом грядущего усмирения плоти, а на более глубоком уровне – сцепление, взаимопроникновение, взаимосвязь и взаимоотталкивание языческого и христианского миросозерцания.

Список использованных источников

1. Вяземский, П. А. Масленица на чужой стороне [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikisource.org/wiki/Масленица_на_чужой_стороне_(Вяземский). – Дата доступа : 24.05.2019.

2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru. – Дата доступа : 21.05.2019.

Maslenitsa is one of the steady symbols of the Russian culture despite the fact that such a holiday is celebrated not only in Russia. Having existed for a long time, Russian Maslenitsa has acquired specific features, has entered the "native-foreign" opposition by marking the "native". It has also become a symbol of abundance and well-being. Besides, the image of Maslenitsa in the Russian literature has gained a certain axiological subtext.

Keywords: Maslenitsa, culture, literary text, subtext, value system.

УДК 81'373.46

А. С. Белая, Т. И. Тверитинова

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ И ИХ РОЛЬ В АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАРТИНЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

В статье рассматриваются вопросы репрезентации социальной картины мира терминологическими средствами, раскрывается аксиологический потенциал современной социальной терминологии, составляющей значительную часть многих политических текстов в средствах массовой информации.

Ключевые слова: социальная терминология, социальная картина мира, аксиологичность терминов, коммуникативная компетентность.

В системе языковой коммуникации реализуются различные национальные формы бытия человеческого общества. В социуме складывается материальная и духовная культура людей, представляющая собой определенную картину мира, в которой закрепляются культурные ценности носителей языка, созданные в процессе развития самого социума, в процессе формирования человеческого мышления. Вся лингвокультурологическая информация доступна человеку через язык. Именно язык является основным средством для развития культурологической компетентности, так как картина мира находит свое выражение средствами языка. Вербализация различных концептов осуществляется лексическими средствами конкретных языков, поэтому важно, чтобы члены социума обладали системой понятий, формирующихся и закрепляющихся в лингвокультурологическом поле в процессе деятельности людей, в процессе их коммуникации. Как отмечает исследователь В. А. Маслова, «огромная доля информации поступает к человеку через слово, и успех человека в обществе зависит от того, насколько хорошо он владеет словом» [1, с. 5].

Социальная картина мира находит свое отражение в языках народов-носителей определенной языковой культуры. Материалом для отражения особенностей формирования и закрепления образа мира, картины мира, ее субъективного и объективного осмысления является богатая терминология, представленная во всей ее полноте и многообразии на страницах современных СМИ и в современных литературных произведениях. Жизнь нашего социума в XXI веке настолько богата событиями, что терминология, всегда представлявшаяся замкнутой системой, в наши дни уже давно перешагивает за рамки своей системы.

Целью нашего исследования является: во-первых, рассмотреть, как передается аксиологическая интерпретация современной социальной картины мира терминологическими средствами языка; во-вторых, показать их роль в формировании коммуникативной компетентности разных представителей многоязычных социумов. Эти и многие иные вопросы развития разноотраслевых терминологий нашли освещение в работах В. Г. Костомарова, Г. Я. Солганика, Г. Г. Почепцова, Р. А. Будагова, Б. Н. Головина, А. А. Реформатского, П. П. Крысина, Д. Н. Шмелёва, Ю. С. Степанова и других исследователей.

В полиязычном и поликультурном мире языковая компетентность членов социума становится богаче в результате освоения огромного пласта социальной терминологии, которая функционирует на страницах современных СМИ, освещающих и анализирующих многие социальные, культурные и нравственные проблемы. Данная лексика сохраняет разнообразную профессионально-научную информацию, фиксирует ее и является важным средством репрезентации социальной картины современного мира. Освоение этой терминологии обогащает интеллектуальную коммуникацию членов любого социума, так как в ней закрепляется социальный опыт всех поколений людей. Социальный опыт – это значит и культурный, и научный, и профессиональный опыт членов социума, способствующий взаимообогащению терминологических запасов всех языков, так как носители их постоянно контактируют на политическом, экономическом, научно-профессиональном и культурном уровнях. Ярко выраженная социальная маркированность специальной терминологии делает ее интересной и в лингвокультурологическом плане. Привлечение экстралингвистических факторов для ее исследования является необходимым условием, поскольку в ней всесторонне представлена современная картина мира, состояние социальной жизни на данном этапе. Называя понятия из экстралингвистической сферы деятельности человека, то есть из области общественной, экономической и культурной жизни социума, данная терминология пополняет активный пласт лексического состава языка, в котором закрепляется информация о мире, о социуме и человеческих отношениях в нем.

Социальные термины следует рассматривать как специфический вид маркированных языковых единиц, в которых выразительно представлена картина мира. По мнению исследователей В. И. Тхорика и Н. Ю. Фанян, «эти термины входят в особое лингвокультурологиче-

ское поле, в котором выделяют разделы и подразделы с определением в них ядра и класса лингвокультурем» [2, с. 254]. Как способ репрезентации знаний о современном мире, термины называют культурные ценности (идеологические и политические) и составляют богатую систему социальных концептов как систему кодов, способствуя тем самым расширению познаний коммуникантов, создавая условия для их духовной ориентации в мире. Любые концепты называют конкретные факты национальной культуры. Как отмечает Ю. С. Степанов, «концепт – это основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [3, с. 41]. Наиболее распространенными концептами в СМИ наших дней являются: мир, революция, война, выборы, оппозиция, коалиция и другие. Они отражают специфику речевого общения в многоязычном социуме.

В прямом, конкретном понимании любой термин выступает кодом какой-либо информации, содержащей в себе необходимые знания. Его дефиниция подразумевает не только установление содержания понятия, но «в ней также просматриваются отличительные признаки, позволяющие дифференцировать, например, в тексте общеупотребительное слово в его общеязыковом понимании и общеупотребительное слово в роли какого-либо термина как носителя конкретного специального знания» [4, с. 303]. Наблюдения над текстами СМИ показывают, что в национальном языковом сознании членов социума предпочтение отдается тем языковым формам социальных концептов, которые давно закрепились в конкретных языках. Однако в речевой практике современных коммуникантов, владеющих терминологией, ощутимо сильное воздействие разговорной языковой стихии. Этот факт лингвистами воспринимался как процесс демократизации языка. В определенных языковых ситуациях язык допускает разнообразные разговорные слова, увеличивая таким образом стилевую дифференциацию текстов СМИ, имеющих четкую прагматическую направленность. В таких текстах, фиксирующих разнообразные коммуникативные ситуации, отражается представление о данном социуме, о реальных событиях и об авторе, оценочная позиция которого ярко выражена путем подбора языковых средств. Можно отметить, что социальные концепты, как и многие другие лингвокультурные концепты, являются аксиологическими по своей природе, так как они передают отношение автора, его субъективный взгляд на жизнь.

Как социокультурный знак, социальные термины выступают информаторами об изменениях в языке и обществе. «Определенные языковые средства приобретают функции социальных символов-маркеров принадлежности к той или иной социальной среде», как отмечает известный исследователь П. П. Крысин [5, с. 26]. В процессе активного функционирования терминов возрастает их оценочность, приобретающая особую идеологическую окраску в текстах СМИ. Конкретность, разносторонняя информативность и экспрессивность обусловливают актуальность социальных терминов. Именно они формируют прагматическую и оценочную информативность текста. Известно, что оценочность любой лексемы определяется ее лексико-семантической принадлежностью и функциональной ролью в рамках специфического политического текста. Социально маркированная идеологическая оценочность хорошо передает субъективную позицию автора и способствует выработке у членов социума определенных взглядов на происходящее в реальном мире.

По мнению Д. Н. Шмелёва, необходимо различать «во-первых, слова, которые обозначают определенные эмоции и переживания и имеют эмоционально-оценочное значение; во-вторых, слова, эмоциональная значимость которых создается при помощи словообразовательных средств; в-третьих, слова, в собственно лексическом значении которых заключена определенная оценка обозначаемых ими явлений» [6, с. 104]. Безусловно, большая часть социальной терминологии является унифицированной системой интернационального характера (*партия, фракция, либерализм, коалиция, инаугурация, форум, консенсус, саммит, парламент, экзитпол*). Многие термины приобретают эмоциональную оценочность в современном социокультурном пространстве. В этих случаях следует отметить большую роль таких экстралингвистических факторов: изменение политического строя в стране, демократизация общества, смена политических и культурных ориентиров в обществе и другие.

В терминологии, как части всей богатой лексической системы языка, происходят те же семантические и словообразовательные процессы, что и в общелитературном языке: неологизация, архаизация, терминологизация общеупотребительных и общелитературных слов и другие. Их социальная и культурная семантика обусловливается частотностью употребления отдельных слов и словосочетаний из области юридических, экономических, спортивных и иных терминологических систем. Такие слова в составе социальной терминологии подвергаются специализации и обретают ярко выраженную социальную оценочность. В динамично развивающемся обществе любой коммуникант пополняет свой словарный запас такой терминологией, поскольку она имеет исторический, идеологический и этический характер, что способствует передаче рациональной или эмоциональной оценки факта, события, личности. На первом плане, безусловно, остаются те термины, в семантике которых аксиологичность является важным и естественным признаком: *защитники, подвижники, народные депутаты, коалиционисты, коррупционеры, экстремисты, захватчики, боевики, добробаты, сепаратисты.*

Для описания современной социальной картины мира, разнообразной и богатой на оттенки, поскольку она формируется в поликультурном и полиязычном пространстве социумов разных стран, часто возможно применение слов разговорного стиля. Их аттрактивная функция (то есть отклонение от литературной нормы, чтобы привлечь внимание слушателей или читателей) не всегда оправдывает их внесение в разряд социальных терминов. Однако время фиксации (эпоха, события) таких лексем и их активизация в политических текстах и даже в художественной литературе делают естественным их присутствие в контекстах идеологической направленности. Такая субстандартная лексика передает оценочные оттенки часто негативного характера: *порохоботы, порошенки, журналюги, бандиты, грантоеды, соросята, сепары, тушки* (те, кто перешел из одной фракции в другую)*, кнопкодавы* (те, кто голосует за себя и за отсутствующих депутатов). Активизация рассматриваемых нами терминов в коммуникативном пространстве социума проявляется также в процессе создания многочисленных словосочетаний: *твёрдая гривна, народный дух, президентская команда, силовой захват* и другие.

Таким образом, социальная терминология во всех ее языковых вариантах усиливает воздействие на коммуникантов и помогает формировать в социуме субъективные оценки реалий жизни. Богатый и постоянно пополняющийся терминологический состав языка ставит перед исследователями всё новые задачи.

Список использованных источников

1. Маслова, В. А. Введение в лингвокультурологию / В. А. Маслова. – М. : «Наследие», 1997. – 206 с.

2. Тхорик, В. И. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация / В. И. Тхорик, Н. Ю. Фанян. – М. : Издательство «Гис», 2006. – 259 с.

3. Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания / Ю. С. Степанов. – М. : Просвещение, 1975. – 271 с.

4. Белая, А. С. Социальные термины как способ репрезентации знаний о современном социуме / А. С. Белая // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : сборник научных трудов. – Гродно, 2018. – С. 303–304.

5. Крысин, П. П. Социальная маркированность языковых единиц / П. П. Крысин // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 26−42.

6. Шмелёв, Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелёв. – М. : Просвещение, 1977. – 335 с.

The article explores the issues about representation of social world picture with the help of terminology means. The axiological potential of modern social terminology being the significant part of the majority of political texts in mass media is described.

Keywords: social terminology, social picture of the world, axiology of terms, communicative competence.

УДК 811.161.1:159.937.515.5

И. Г. Евтухова

БЕЛЫЕ ОДЕЖДЫ (ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)

Статья посвящена исследованию национального своеобразия символики белой одежды в русском языке. Отмечается, что с давних времён белые одежды наделялись свойствами божественности, символизируя чистоту, невинность, легкость, свежесть, ослепительность, радость, и до настоящего времени являются символом духовности и ясности.

Ключевые слова: семантика, белый, символика, одежды.

Назначения тех или иных цветов одежды имеют глубинные исторические корни, а их влияние является достаточно сильным. Кроме того, каждый вид одежды может иметь своё символическое значение. Порой в цветах одежды подчеркивается принадлежность к той или иной профессиональной группе, а сам род деятельности накладывает отпечаток на подбор цвета, благодаря которому подчеркивается взаимосвязь с природной или человеческой сферой, в которой они вращаются.

На формирование семантики колоратива *белый* оказало влияние то, что *белый* цвет в языческом (впоследствии и христианском) мировосприятии был священным. В библейских текстах – это символ света со всеми его значениями: божественность, святость, чистота, вера, благо. О том, что слово *белый* имеет значение, близкое к сфере святости, может свидетельствовать реконструкция индоевропейских корней **bhē-* ‘светить, блестеть’, **bhel-* ‘блестеть’ [1, с. 137].

Белый цвет представляет обобщенно ряд цветов светлых тонов, а также большую цветовую интенсивность. *Белый* – «цвет света, символ чистоты и совершенства, универсальный символ невинности души… *Белый* – цвет одежд Девы Марии, ангелов и священников для праздников Благовещения, Рождества и Пасхи как символ духовных и светоносных принципов» (СВЛ, 156). В мифологии этот цвет символизирует мудрость и доброту богов удачи, счастья и богатства: западнославянского *Белобога*, белорусского *Белуна* и др.

Христианская религия восприняла символику *белого* из Ветхого завета. Лик Христа «светел и прекрасен», а Его ангелы, облаченные в *белые* одежды, имеют *белые* крылья: «*Глава Его и волосы* ***белы****, как* ***белая*** *волна, как снег; и очи Его – как пламень огненный»; «И вышли из храма семь ангелов, имеющие семь язв, облеченные в чистую и светлую льняную одежду и опоясанные по персям золотыми поясами»; «И увидел я отверстое небо, и вот, конь* ***белый****, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, который праведно судит и воинствует»; «И воинства небесные следовали за ним на конях* ***белых****, облеченные в виссон* ***белый*** *и чистый»* [2, с. 11, 14].

Во всех христианских таинствах: крещении, конфирмации, венчании, священстве, соборовании – *белый* цвет символизирует переход в иное духовное состояние, а в церковной символике *белый* – символ Божественного света, переливающегося всеми цветами радуги, содержащего в себе все эти цвета. Слова псалма «Одеяйся светом яко ризою» («Ты одеваешься светом, как ризою») включаются в различные песнопения русской церкви. Так, при совершении таинства крещения после погружения в воду на крещаемого надевают *белую* одежду и при этом поют: «Ризу мне подаждь светлу, одеяйся светом яко ризою, многомилостиве Христе Боже наш». Эти слова отождествляются с той же *белой* одеждой (или «светлой ризой»), в которую облекается человек при крещении.

Белый цвет был, как и в средние века, основным при совершении религиозных ритуалов. Так, в программу торжественного богослужения по случаю вступления Карло Малате-

сты во владение городом Римини входило шествие процессии, состоявшей из девяти тысяч одетых во всё *белое* мужчин и восьми тысяч женщин [3, с. 11].

Белые одежды – одна из основных отличительных черт неземных или небесных существ. Здесь мы видим выход чего-то обычного за пределы земной сферы. Самый известный пример – преображение Иисуса, когда Его одежды «сделались *белыми* как свет». Одеяние «ветхого днями» на престоле в апокалиптическом видении Даниила «было *бело*, как снег», ангелы также одеты в «блистающие», «светлые» или «*белые* как снег» одежды. Искупленные святые на небе облачены в великолепные *белые одежды* [2, с. 15, 19]. По Псевдо-Дионисию, «*белый* стихарь – это образ плоти Христовой, чистейшее бесстрастное одеяние божественной славы, одежда нетления» [4, с. 104]; а *белый* цвет стихаря означает свет, чистоту, непорочность и радость в Царстве Божием.

Мотив «чудесного одевания» существует в поле пересечения и структурного напряжения двух традиций – фольклорной и церковно-христианской. Благодаря соотнесённости заговорной рукописной традиции с миром церковно-христианских образов и текстов мотив включается в сложные символико-метафорические структуры: «чудесное одевание» приобретает характер магического ритуала, соединяется с движением в пространстве и с преображением самого протагониста заговоров [5, с. 170].

В заговорных текстах *белые одежды* – непременный атрибут Иисуса Христа и Богородицы: рус. *Шол сам Исус Христос // Через кали́навый мост. // На нём ша́пачька* ***бе́лая****, // Руба́шэчька* ***бе́лая****, // Штаны* ***бе́лые****…//* (ПЗ, № 304. От крови, 184); *Как есть Окиан-море,* ***белый*** *камень, на* ***белом*** *камени сам Иисус Христос, сам* ***бел*** *и рукавицы* ***белыя****, и кнут* ***белый****…* (РН, Слова утечьи, 337–338); бел. *Матушка Прячыстая прыхадзіла, Ісуса Хрыста прывадзіла,* ***белую*** *рызу надзявала…* (ПЗ, 97).

Присутствие *белого* цвета характерно также для «божественности» святого Георгия (Юрия). Георгий – «легендарный святой-воитель. В христианском искусстве Георгия изображали в облике красивого молодого рыцаря в сияющих доспехах. На его знамени, щите, латном нагруднике был изображен красный крест. Святой всадник поражал копьем огнедышащего дракона на глазах у облаченной в *белое* прекрасной принцессы. Атрибутами Георгия были щит с крестом, меч, копье и *белое* знамя с красным крестом (СХИ, 52–53): рус. *…Во востоке свет Истинный Христос, на синем море* ***белый*** *камень, на* ***белом*** *камни* ***белый*** *человек, в* ***белом*** *платье, свет Георгий Храбрый, у Георгия, света Храброго, два молодца, два гораздо удалых, великих стрельца: один – сын Семион, другой Герасим, ходят со тугим луком, стреляют по сырому дубу…* (ПСПРН, От сглаза, 371; БКРИЗ, 468); *…Стоит Океан-море, в Океане-море* ***белый*** *остров, на* ***белом*** *острове стоит Георгий-христодеец, сам* ***белый*** *и одеянье* ***белое****, в руках держит* ***белу*** *льдинку…* (БКРИЗ, Заговор от первой болезни, 376).

Мотив «чудесного одевания» в заговорах соотнесён также с символикой одеяний православного духовенства. Так, *белая* одежда священников предназначается для праздников Рождества Христова (7 января), Богоявления Господня (18 января), Вознесения Господня (дата зависит от дня Пасхи), Преображения Господня (19 августа) и Обрезания Господня (14 января). В *белое* священники, диаконы и алтарники облачаются также в дни Рождества Иоанна Предтечи, апостола Иоанна Богослова, а кроме того, в дни памяти бесплотных сил, дев и девственников. Погребение, как правило, также совершается в *белых* облачениях, потому что смерть в христианстве – это светлое событие, так как душа уходит в Вечность. *Белые* ризы используются и во время совершения Таинств Крещения и Венчания.

Белые или полностью бесцветные одеяния во многих культурах являются священническими облачениями, символизирующими чистоту и истину. Новообращенные христиане надевали *белые* одежды, и в таком же виде изображались души праведников после Страшного суда. *Белые* облачения пап символизируют просветленность, великолепие (величие) и небесный путь. Еще Пифагор рекомендовал исполнителям священных гимнов носить *белые* одежды.

Человека одевает Сам Господь. Бог препоясуяй мя силою; *препоясал мя еси силою на брань*, – поет Давид. *Побеждающий облечется в* ***белые*** *одежды* [2, с. 3, 5], – обещает Христос христианам Сардийской церкви, а также и всем, кто научится превозмогать диавольские козни и свои собственные страсти. *Советую тебе купить у Меня…****белую*** *одежду, чтобы одеться и чтобы не видна была срамота наготы твоей* [2, с. 3, 18], – обращается Господь к Лаодикийской церкви, а через нее и ко всему народу, страдающему от духовной наготы и недостатка добродетелей.

Синтез всех цветов, *белый* является символом света, и поэтому древние считали его божественным: египтяне заворачивали покойников в *белый* саван, чтобы показать, что смерть освобождает чистую душу от ее тленной телесной оболочки. У древних евреев хитон из *белого* льна символизировал чистоту Жреца, совершающего жертвоприношение, и божественное правосудие. *Белый* был цветом весталок (жрицы, нарушавшие обет целомудрия, сжигались живьем), друидов, посвященных. Традиционными символами чистоты, добродетели и целомудрия являются *белые* платья причащающейся невесты, букет флёрдоранжа, лилия, голубь, лен, слоновая кость, лебедь, бриллиант, снег и т. д.

Белый – это цвет богов, святых праведников, цвет святости, чистоты и духовности, поэтому именно *белые* одежды носили индийские брахманы, кельтские друиды и другие представители жреческой касты разных народов. В иудаизме *белый* цвет передает значение высокой, чистой сущности. В одежду *белого* цвета одеваются ангелы и праведники. По каббале, *белый* цвет («*белое* пламя») – это духовная сила, которая постоянно стремится вверх – к единению с Абсолютом. Буддистские вероучения наделяют *белый* цвет самообладанием и высшей духовной трансформацией через женственность мира.

В негативном аспекте *белый* ассоциируется с Луной. Призраки, вампиры и другие злые духи во многих культурах имеют мертвенно-*белые* лица или предстают в виде *белых* фигур («*белая* женщина») как нечто обратное тени.

Терминологическое словосочетание *белые* одежды встречается в современной русской и зарубежной литературе. Так, роман В. Д. Дудинцева «Белые одежды» начинается эпиграфом с вопросом из Откровения Иоанна Богослова: *«Сии, облеченные в* ***белые*** *одежды, – кто они и откуда пришли?»* Герои настолько честны, бескорыстны, преданны своему делу, что они кажутся святыми и выделяются на фоне завистливых, властолюбивых людей своими *белыми одеждами*. Сложно сохранить их чистоту среди черного, жестокого мира. Но героям это удается. И на высшем суде именно по *белым одеждам* можно будет узнать настоящих людей. На наш взгляд, именно такой смысл вложил автор в название романа.

Несомненный интерес представляет употребление словосочетания *белые одежды* в романе Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец»: *Тут я заметил, что одежда его, казавшаяся* ***белой****, на самом деле соткана из многоцветных нитей и при движении мерцала и переливалась так, что слепило глаза.*

– ***Белый*** *мне нравился больше, - сказал я.*

– ***Белый****! – усмехнулся он. – Это хорошо для начала.* ***Белую*** *ткань можно покрасить.* ***Белую*** *страницу можно исписать; а* ***белый*** *свет можно расщепить* [6, с. 354].

В тексте произведения прослеживается символика мистического света, магического преображения и облачения в сверхъестественную одежду.

Позитивная символика *белого* цвета отражена и в стихах известного индийский поэта, учёного и музыканта Амира Хосрова Дехлеви: *Одежда* ***белая*** *— любому впрок. / «Покрова лучше нет!» – сказал пророк. / Мы* ***белые*** *цветы предпочитаем. / По* ***белому*** *мы пишем и читаем. / Почтенна* ***белизна*** *седых волос, / Аллах всесильный сам ее вознес. / И день в свои широкие пределы / Включает все цвета, но сам он* ***белый****.*

Еще в доисторические времена сложился устойчивый архетип света как божества. В эпоху цивилизации *белый* цвет повсюду символизирует главное, верховное божество, а оно, как известно, отождествлялось с солнцем. Таким образом, *белые одежды* наделялись

свойствами божественности, символизируя чистоту, невинность, легкость, свежесть, ослепительность, радость, и являлись символом духовности.

Список использованных источников

1. Абакумов, О. В. Язичницькі мотиви в ономастици України. Ономастика і язычництво / Абакумов О. В., Бучко Г. Є., Бучко Д. Г. и др. // Ономастика України першого тисячоліття нашої ери. – Київ : Наукова думка, 1992. – 273 с.

2. Новый Завет. Откровение святого Иоанна Богослова (Апокалипсис). – М. : Вита Нова, 2015. – 286 с.

3. Миронова, Л. Н. Цветоведение / Л. Н. Миронова. – Минск : Вышэйшая школа, 1984. – 151 с.

4. Левкиевская, Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура / Е. Е. Левкиевская. – М. : Индрик, 2002. – 912 с.

5. Заговорный текст. Генезис и структура. – М. : Индрик, 2005. – 520 с.

6. Толкин, Д. Властелин Колец / Д. Толкин. – М. : ТКО АСТ, 2015. – 752 с.

Принятые сокращения

БКРИЗ – Большая книга русских исцеляющих заговоров / авт.-сост. М. В. Рейли. – М. : ООО “Издательство АСТ”: ООО “Издательство Астрель”, 2002. – 511 с.; **ПЗ** – Полесские заговоры (в записях 1970–1990 гг.) / сост., подготовка текстов и коммент. Т. А. Агапкиной, Е. Е. Левкиевской, А. Л. Топоркова. – М. : Индрик, 2003. – 752 с.; **ПСПРН** – Даль, В. И. Поверья, суеверия и предрассудки русского народа / В. И. Даль. – М. : Эксмо, 2003. – 736 с.; **РН** – Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / собр. М. Забылиным. – Минск, 1991. – 608 с.; **СВЛ** – Символы и их влияние на людей / авт.-сост. Л. В. Аксенова, В. Т. Гридина. – М. : ООО АСТ, 2004. – 564 с.; **СЛ** – Символы и их влияние на людей / авт.-сост. Л. В. Аксенова, В. Т. Гридина. – М. : ООО АСТ, 2004. – 420 с.; **СХИ** – Апостолос-Каппадона, Д. Словарь христианского искусства / Д. Апостолос-Каппадона. – Челябинск : Урал ЛТД, 2000. – 266 с.

The article is devoted to the study of the national identity of the symbolism of white clothing in the Russian language. It is noted that since ancient times, white clothes were endowed with the properties of divinity, symbolizing purity, innocence, lightness, freshness, dazzle, joy, and to this day are a symbol of spirituality and clarity.

Keywords: semantics, white, symbolism, clothes.

УДК 811.161.1’42:821.161.1-84

А. В. Королькова

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ РУССКОГО МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ АФОРИСТИКИ)

Духовно-нравственные ценности этноса определяют концептуальную и языковую картину мира всего народа и его отдельных представителей. Особым лингвистическим и лингвокультурологическим феноменом, отражающим ценностные ориентиры народа, является афористика. Семантические поля русской афористики демонстрируют универсализм ценностных ориентиров российского социума и духовно-нравственных ценностей русского мира.

Ключевые слова: *русская афористика, афоризм, универсальные ценности русского мира.*

Современные научные концепции считают человека ядром знаниевой парадигмы. Антропоцентрический подход стал основным в философии, культурологии, языкознании, лингвокультурных исследованиях. Такой подход предполагает особое внимание к философской

аксиологии, исследующей систему ценностных ориентиров человека. Ценности являются предметом потребностей и интересов человека. Их принято разделять на материальные и духовные (политические, правовые, нравственные, эстетические, философские, религиозные). Ценности придают смысл человеческой жизни. Аксиология признает универсализм человеческих ценностей, с одной стороны, и с другой стороны, их относительную изменчивость.

Духовно-нравственные ценности этноса определяют концептуальную и языковую картину мира всего народа и его отдельных представителей.

Особым лингвистическим и лингвокультурологическим феноменом, демонстрирующим ценностные ориентиры народа, является афористика. Афоризм как особая форма речевых текстов имеет длительную историю бытования с древнейших времен. В афоризмах разных веков отражено все то, что являлось принципиально важным для духовно-нравственной сферы человека определенного времени. Изречения писателей, поэтов, деятелей науки и культуры не только показывают личный взгляд автора, но и отражают общие представления людей его эпохи.

Афоризмом мы предлагаем считать краткое по форме изречение фразеологического типа, обладающее такими свойствами, как наличие в структуре слов-концептов; паспортизированность, воспроизводимость, лаконичность. Афоризм может обладать и факультативными признаками: субъективностью, оригинальностью, парадоксальностью, неожиданностью формулировки, способностью к выражению универсальных истин и пр. [1].

В 2004 году авторским коллективом была проведена работа по составлению «Словаря афоризмов русских писателей XVII–XX веков» [2], а также составлен указатель ключевых слов представленных афоризмов.

В словаре (по терминологии В. Г. Костомарова и Е. М. Верещагина) представлены речевые (индивидуальные) афоризмы [3], извлеченные из различных текстов, от художественных до научных, Е. Е Иванов предлагает их называть прецедентными, которые «актуализируются в речи вне своего авторского контекста, т. е. воспроизводятся» [4, с. 94].

В нашем словаре не было заранее определенных разделов и тем афористики. В процессе работы над выборкой афоризмов мы выделяли в изречении так называемые ключевые слова, которые определяли его тему.

Проведя семантический анализ русской афористики, проанализировав состав ключевых слов афоризмов, можно утверждать, что ключевые слова русской афористики совпадают с вербализованными основными концептами русской культуры, а концептосфера русской культуры практически совпадает с семантическими блоками и семантическими полями русской афористики.

Концептосфера русской лингвокультуры, отраженная в афористике, является иллюстрацией ценностной парадигмы русской ментальности. Изучение ценностного мира дает ответ на принципиальные вопросы о благополучии развития общества и отдельного человека, о развитии мировоззренческих основ. Духовно-нравственные ценности (или их отсутствие) становятся для любого индивидуума основой выстраивания образа жизни.

При этом нужно отметить, что ценности мы рассматриваем как исторически конкретное воплощение представлений этноса об идеале, как особый тип мировоззренческой ориентации человека. Ценности составляют основу духовно-нравственных принципов и имеют общечеловеческое, социальное и культурное значение.

Афористика зафиксировала, как меняется на протяжении столетий взгляд на мир и одновременно как ценности духовной культуры остаются практически в неизменном виде на протяжении столетий. Духовные ценности русского мира являются константами, универсалиями. Проиллюстрировать это можно на примере семантического поля «Эмоциональные состояния и характеристики человека».

Рассматриваемое семантическое поле весьма разнородно и включает в себя афоризмы с ключевыми словами *ненависть, радость, счастье, смелость, трудолюбие, спесь, страсть, наглость, гордость, упрямство* и пр. Афористика любого времени включает в себя изрече-

ния с названными ключевыми словами, так как эмоции человека и соответственно его характеристики неизменны.

Например:

***Гордость**, к несчастию, бывает иногда пороком людей великих…* (М. Н. Загоскин).

* * *

*Я светской **наглости** терпети не могу.*
От вас и день и ночь я мучуся и рвуся,
Со львами, с тиграми способней уживуся (А. П. Сумароков).

* * *

***Счастлив**! В мире без сует живущий,*
Как в златый век, да и без врагов (В. К. Тредиаковский).

* * *

*Презорна **спесь** не любит,*
Когда повсюду трубит
Прямую правду вслух (И. Ф. Богданович).

В русской афористике XVIII века отразились многие эмоциональные состояния человека. Мы находим изречения, осуждающие излишнюю гордость, наглость, упрямство и спесивость; изречения, в которых приведены размышления о счастье человека, о том, что приносит ему радость и удовлетворение, а что вызывает ненависть; изречения, в которых осуждаются страсти человечества. Все оттенки эмоций и чувств человека находят отражение в афористике, это иллюстрация постоянного интереса к данным проблемам. Давно уже замечено, что человека интересует все, что непосредственно связано с его жизнью и ощущениями. В афористике русских писателей и поэтов XVIII века современный читатель может найти нечто созвучное своим мыслям, чувствам, переживаниям, эмоциям.

В XIX веке в русской литературе в центре внимания оказывается человек, его внутренний мир, его качества, эмоциональные состояния. Афористы XIX века особое значение придают необходимости *воспитания* достойного *человека* и гражданина-патриота. Не чужды русской афористике рассуждения о *правде* и *лжи*, о *смерти* и *бессмертии*, о постижении *истины*. При этом семантическое поле «Эмоциональные состояния и характеристики человека» активно развивалось и пополнялось многочисленными изречениями и в XIX, и в XX веке. Если в афористике XVIII века названы и охарактеризованы лишь самые распространенные эмоциональные состояния, то в афористике XIX и XX веков эмоции людей детализируются, даже как бы уточняются. В изречениях отмечаются даже малейшие оттенки эмоций. Появляются афоризмы, парадоксально трактующие эмоциональные состояния человека. В XIX веке это семантическое поле пополнилось изречениями с ключевыми словами *грусть, печаль, отчаяние, светлая радость, умиление, глупость, восторг, восхищение, совесть* и пр.

Приведем ряд примеров:

Сколь неизбежна власть твоя,
Гроза преступников, невинных утешитель,
*О **совесть**, наших дел закон и обвинитель,*
Свидетель и судья (В. А. Жуковский).

* * *

***Гордец** не любит наставленья,*
***Глупец** не любит просвещенья –*
Итак, лампаду угасим,
Желая доброй ночи им (Н. М. Карамзин).

* * *

*Говорят, что **несчастье** хорошая школа; может быть. Но **счастье** есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к **доброму** и **прекрасному*** (А. С. Пушкин).

XIX век в полной мере отразился в семантическом поле «Эмоциональные состояния и характеристики человека». Для человека начала XIX века (эпоха сентиментализма и романтизма) особо важны рассуждения о светлых чувствах человека, осуждение и осмеяние пороков; во второй половине века (эпоха реализма, критического реализма) предпочтительными оказываются темы морали, нравственности и соответственных качеств человека.

Например, среди афоризмов историка В. О. Ключевского, встречаются изречения о морали, о добре, о трудолюбии.

***Добрый** человек не тот, кто умеет делать добро, а тот, кто не умеет делать зла.*

* * *

*Мысль без **морали** – недомыслие; мораль без мысли – **фанатизм**.*

В XX и XXI вв. рассматриваемое семантическое поле оставалось по-прежнему актуальным, писатели, поэты, деятели науки и искусства обращались к духовно-нравственной системе координат русской лингвокультуры, осмысляли ценности русского мира.

Например, Ю. В. Бондарев размышляет о доброте, о предательстве, о свободе, о совести, о глупости, о нравственности:

***Добро, человечность**, искусство нельзя стереть с лица земли **ни злом, ни насилием, ни глупостью**. Они неподвластны времени, они подчинены наивысшему судье бессмертия – совести.*

* * *

***Бездуховность** – это равнодушие, леность мысли, презрение к интеллекту, к глубокому чувству, это верование в то, во что выгодно верить...*

* * *

***Нравственность** – это не свод сухих назиданий, не кодекс сплошных догматических запретов, а совестливое отношение человека к окружающему миру.*

В XX веке в русской афористике по-особому стала звучать антивоенная тема, осуждаются такие качества человека, как жестокость, бездушие, ненависть, привычка к насилию, и наоборот, большую ценность приобретают человечность, милосердие, сострадание. Люди по-иному, более бережно, стали относиться к человеческой жизни. Появляются афоризмы, в которых утверждается ценность любой человеческой жизни и безусловно осуждается кровавое колесо войны, показывается противоестественность трагической и несвоевременной гибели людей.

Размышления о ценности и хрупкости человеческой жизни, об ответственности человека и человечества за сохранение жизни на нашей планете мы находим в произведениях О. Мандельштама, А. Адамовича, В. Аксенова, В. Гроссмана, И. Эренбурга, Ч. Айтматова, А. Приставкина и др.

Например: *Но… это не значит, что теряют значение такие **ценности**, как гуманизм, добро, разум, любовь, братство, принципиальность, самоотверженность… Наоборот, они обретают особенное значение, ибо направлены сегодня против сползания к самоубийству* (А. Адамович).

Хотя семантика афоризмов XX века отчасти продолжает развитие тематики русской афористики XVII–XIX веков и даже древнерусской афористики, можно утверждать, что вневременной афористики быть не может. Каждый писатель и поэт неповторимо индивидуален и живет в своем времени, поэтому появляются и новые понятия, и новые теории, и новые афоризмы. Это касается и афористики конца XX – начала XXI века. В наше время актуальными являются изречения о чести и достоинстве человека, о его лживости и порочности, о свободолюбии, об альтруизме и мизантропии, о стремлении к счастью, о радости и надежде.

В настоящее время наблюдается возрастание интереса к афористике, что продолжалось на протяжении всего XX столетия. Необходимо отметить, что семантическое поле русской афористики «Эмоциональные состояния и характеристики человека» демонстрирует универсализм ценностных ориентиров российского социума и духовно-нравственных ценностей

русского мира. Осуждение человеческих пороков (*чванство, наглость, упрямство, хамство, подлость, безжалостность, глупость, жестокость*), восхищение такими качествами, как *смелость, самоотверженность, верность, бескорыстие, доброта, справедливость, трудолюбие, честность, терпеливость*, присущи всем славянским (и не только) народам.

В целом семантические поля русской афористики, отражающие ценностно-мировоззренческие ориентиры народа, в диахронии демонстрируют консервативность взглядов индивидуумов и общества, характеризующих парадигму общечеловеческих духовно-нравственных ценностей.

Однако все же необходимо отметить, что современное общество постепенно утрачивает преемственность ценностной парадигмы, поэтому в некоторых современных произведениях литературы на первое место ставится не трудолюбие, а умение заработать деньги, не духовность, а жесткий прагматизм, не сострадание, а эгоизм. В некоторых работах по философии, лингвокультурологии даже появляется понятие антиценностей современного общества, в которые входят такие качества человека, как *агрессивность, враждебность, подозрительность, жестокость*.

Но все же концептосфера афористики XX века и начала XXI века оставляет надежду, что генетически заложенные в русской ментальности духовно-нравственные общечеловеческие универсальные ценности являются ориентирами современного российского общественного сознания. Без осознания важности универсальных духовных ценностей развитие общества невозможно.

Русские писатели размышляли об этом начиная с XVII века, а в XX веке эти мысли нашли отражение в замечательных афоризмах.

***Народ** – не только сила, создающая все материальные ценности, он – единственный и неиссякаемый источник **ценностей духовных**, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них – историю всемирной культуры* (М. Горький).

*Любой народ, велик ли он числом, мал ли, всегда талантлив, и о величии его мы в конечном счете судим **по духовным ценностям**, накопленным им на протяжении веков* (М. Н. Алексеев).

Список использованных источников

1. Королькова, А. В. Афористика в контексте русской культуры / А. В. Королькова. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2018 – 226 с.

2. Королькова, А. В. Словарь афоризмов русских писателей / А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов; под ред. А. Н. Тихонова. – М. : Рус. яз. Медиа, 2007. – 685 с.

3. Костомаров, В. Г. О пословицах, поговорках и крылатых выражениях в лингвострановедческом учебном словаре / В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин // Фелицын, В. П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицын, Ю. Е. Прохоров. – М. : Рус. яз., 1979. – С. 3–17.

4. Иванов, Е. Е. Лингвистика афоризма / Е. Е. Иванов. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 154 с.

The spiritual and moral values of the ethnos determine the conceptual and linguistic picture of the world of the whole nation and its individual representatives. Aphoristics is a special linguistic and linguoculturological phenomenon, reflecting the value orientations of the people. The semantic fields of Russian aphorism demonstrate the universalism of the value orientations of Russian society and the spiritual and moral values of the Russian world.

Keywords: Russian aphoristics, aphorism, universal values of the Russian world.

УДК 811.161.1’39: 811.161.3’39:659.123.1

Е. Т. Костюшко

АНТИЦЕННОСТИ И НОВЫЕ ЦЕННОСТИ КАК СРЕДСТВО РЕКЛАМНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Рассматриваются особенности функционирования в рекламных текстах белорусских компаний антиценностей и новых ценностей как средства воздействия на аудиторию. Ставится вопрос о влиянии глобальной медиатизированной культуры на аксиологические ориентации современного белорусского рекламного текста.

Ключевые слова: рекламный текст, рекламное воздействие, антиценности, новые ценности.

Рекламный дискурс в современную информационную эпоху является «одним из наиболее активно развивающихся типов дискурса» [1, с. 5]. Под влиянием процессов глобализации, медиатизации, коммуникативной и медийной конвергенции, дигитализации происходят различные трансформации как рекламной коммуникации, так и ее продукта – рекламного текста.

С одной стороны, создатели рекламы по-прежнему должны учитывать национальные и культурные особенности целевой аудитории, выстраивать рекламное сообщение в соответствии с ее аксиологическими приоритетами [2]. С другой стороны, в новых условиях социокультурной глобализации в рекламной коммуникации отчетливо проявляет себя процесс «взаимопроникновения и взаимовлияния культур» [3, с. 101], как следствие, «органическая картина мира, характерная для всех традиционных культур, сменяется мозаикой различных картин, сосуществующих в общественном и индивидуальном сознании» [4]. Глобальная медиатизированная культура задает новые параметры культурного кодирования, что влияет как на практики создания, так и на практики восприятия рекламного контекста [5].

Аксиологическими особенностями рекламного текста, функционирующего в условиях глобализации, становятся одновременное обращение к ценностям разных этносоциумов, высокий интерес к ценностям сетевого общения и различных субкультур. При этом включение в рекламное обращение ценностей, не характерных для данной национальной культуры, осуществляется не только для создания бинарной оппозиции «свой – чужой», но и с целью выделения товара или услуги на общем фоне подобных продуктов, создания провокации, вирусной рекламы, шокирования аудитории.

Глобализация «ведет к глубоким и качественным изменениям аксиологических доминант отечественной культуры» [6, с. 4]. Исследователи отмечают кризис не только вечных ценностей основных мировых конфессий, но и светских ценностей: науки, прогресса, идеи объединения и гуманизма и др., в приоритете находятся креативность и инновации, что приводит к функционированию общества как зрелищного явления [7] и отражается в содержании СМИ и рекламном контексте. В дополнение к традиционным ценностям в рекламной коммуникации оказываются востребованными так называемые антиценности и новые ценности. Под антиценностями мы подразумеваем ценности, имеющие отрицательную оценку в белорусской культуре (*смерть, зависть, индивидуализм*), а под новыми ценностями – ценности, заимствованные из других культур, появившиеся недавно и сохраняющие для большинства участников рекламной коммуникации эффект новизны и необычности (*качество жизни, маргинальность, фриковость*).

Глобализация способствует тому, что в качестве авторитетных в рекламной коммуникации выступают антиценности. Например, характерное для традиционной белорусской культуры уважительное отношение к родителям и старшим по возрасту людям и безусловное восприятие их мнения как авторитетного (*Хто бацьку шануе, той сабе неба гатуе*; *Баць-*

коўскае слова дарэмна не гаворыцца) опровергается в рекламе вафель «Витьба BLACK», позиционирование которых выстраивается на идеологии протеста, ценности непочтительности, бравады, позерства и черном юморе: *Родителям не нравится, как выглядит твой парень? Просто выключи свет! Договорись по-черному!* Эффект обманутого ожидания (пресуппозиция ‘с родителями надо быть в согласии’ расходится с импликатурой ‘конфликт с родителями нормален’) соответствует концепции колоративного позиционирования: *вафли черного цвета – черный юмор – по-черному,* при этом символика черного цвета в белорусской культуре имеет негативную коннотацию: «з чорным колерам у беларусаў традыцыйна суадносяцца адмоўныя з’явы» [8, с. 152]: *чорны дзень, глядзець праз чорныя акуляры, чорна ў роце, чорны кот прабег, чорны як чорт.*

Прием опровержения традиционных семейных ценностей ориентирован исключительно на молодежь, которой свойственны максимализм, нигилизм, желание самоутвердиться, и был бы неуместен при адресации другой возрастной группе, а также при использовании в более консервативных сферах, например, в рекламе банковских, образовательных, медицинских услуг и т. п.

В рекламной кампании по продвижению вафель «Витьба BLACK» переоценке также подвергаются ценности **образования** и традиционного белорусского **трудолюбия**: *Родители заставляют ходить к репетитору? Изучай с ним фильтры для **селфи**! Выкручивайся по-черному!*; *Опять проспал занятия? Скажи, что живешь по **мальдивскому времени**! Спи по-черному!* Сравните с аксиологией белорусских пословиц: *Без навук як без рук*; *Век жыві – век вучыся*; *Работа і корміць і поіць*; *Хто працуе, той не сумуе.* В рекламном тексте актуализируется межпоколенческий разрыв, противоречия между старой (ценность образования, пунктуальность, добросовестность) и новой (селфи-практики, фриланс, гедонизм) культурами повседневности.

Противопоставлением глаголов *заставлять – выкручиваться* задается паттерн восприятия отношений родителей и детей. Занятия с репетитором, инициированные и оплаченные родителями, подаются как неприятное, затруднительное положение (*выкручиваться* – ‘находить выход из затруднительного положения’ [9]), выйти из которого можно с помощью лжи и хитрости (*выкручиваться* – ‘лгать, хитрить’ [9]). В результате несоблюдение общепринятых норм этики имплицитно оправдывается, авторы призывают аудиторию к девиантному поведению, о чем свидетельствует повелительная форма глагола: *выкручивайся, спи, смени, отшивай* и др.

Противопоставление протестного поведения традиционным ценностям в рекламной кампании «Витьба BLACK» встраивается в оппозицию «новое – старое», где новое наделяется положительной оценкой, формируется установка на разрушение традиций, что коррелирует с идеей обновления бренда в целом: «В нашем ассортиментном портфеле не было продукта, который бы четко позиционировался на молодежь, которая сейчас активна в социальных сетях, живет технологиями, которая смелая и открытая новому. Поэтому мы выпустили «Витьбу BLACK» для поколения Z. Что касается рекламной кампании, то здесь мы еще хотели и немножко обновить имидж «Витьбы», подтянуть к нашему бренду молодежь» [10].

Антиценностью в белорусской культуре, одним из семи смертных грехов в христианстве считается **зависть** – «чувство досады, раздражения, вызванное превосходством, успехом, благополучием, удачей и т. д. другого» [11, с. 84–85], однако данный концепт широко используется в рекламе белорусских товаров: *Пусть соседи завидуют* (салон штор «Тюльпан»), *Отдыхайте всем на зависть* (матрасы «Vegas»). Использование концепта «зависть» в рекламном дискурсе становится возможным благодаря тому, что чувство зависти по отношению к обладателю рекламируемого товара является показателем высокой степени достижения чего-либо, успеха и тех благ, которые его сопровождают.

Концепт «зависть» может выражаться не только однокоренными лексемами, но и имплицитно, например, в ситуации сравнения потенциальных потребителей и тех, кто не пользуется рекламируемым продуктом: *Лучшее – для **лучших*** (ОАО «Строитель»); *Банк для*

успешных людей (ЗАО «Альфа-Банк»). Это означает, что рекламируемым продуктом пользуются лучшие, успешные, а те, кто предпочитает продукцию конкурентов, по тому или иному признаку уступают первой группе.

Индивидуалистические ценности ставятся превыше общественных, даже противопоставляются им: *Вы говорите, так* ***неправильно***, ***а*** *нам так* ***хочется***. *Вы уверены, что так* ***не делают***, ***а*** *нам так* ***удобно***. *Мы сами* ***не знаем*** *почему,* ***но*** *нам так* ***нравится***. *Мы так хотим, мы так видим, так чувствуем. Кто-то скажет: «Этого не может быть». Еще как может быть!* (тариф «Безлимитище» от МТС); *Просто потому что* ***так хочется*** (тариф «Lemon» от Velcom). Эффект протеста, рассчитанный на молодежную аудиторию, создается при помощи противительных союзов *а* и *но*, контекстуальных антонимических пар *(неправильно – хочется, не делают – удобно, не знаем – нравится)*. Однако в традиционной белорусской культуре действия, направленные на удовлетворение собственных желаний вопреки сложившимся правилам и благу большинства, оцениваются негативно: *Абы сабе добра, а там хоць трава не расці*; ценится коллективизм: *Адзін у полі не воін*; *Адна галавешка не гарыць, а толькі тлее,* а не индивидуализм, более присущий западноевропейской культуре. При этом авторы рекламного текста призывают потребителей действовать в соответствии не с логикой, а с желаниями (*просто так хочется*), что характерно для культуры общества потребления.

На привлечение внимания аудитории направлен **юмор на грани этически недозволенного**, основанный на двусмысленности, трансформации прецедентных текстов, создании эффекта обманутого ожидания: *Искусство вождения требует жертв… Сухарики «Рень». Остри по-черному* (сравните: красота требует жертв); *Лечу горбатых. Врач Могила В.Б. Сухарики «Рень». Остри по-черному* (сравните: горбатого могила исправит) (ПОДО «ОНЕГА»).

Появление подобной рекламы обусловлено, с одной стороны, особенностями целевой аудитории: «Сухарики «Рень» – первый снек с **молодежным провокационным** дизайном и названием, полностью отвечающими **нигилистскому образу жизни** и мышления современной молодежи» [12], с другой – спецификой рекламируемого товара: сухарики являются одним из видов быстрой и дешевой еды «на ходу».

Производители избрали стратегию шокирования аудитории, реализуемую как на уровне нейминга (игровая эвфемизация жаргонного слова: *хрень – рень*), так и в семантических, стилистических, прагматических характеристиках рекламного текста (цинизм и нигилизм «черного юмора», просторечные и жаргонные элементы, эффект обманутого ожидания). Такая стратегия позволяет выделить товар среди других в данной продуктовой категории, что и отмечают производители: «Стиль жизни, который пропагандирует наш новый продукт: острить по-черному. Черная упаковка, название «Рень» и острые вкусы – все это символизирует не просто юмор, а черный юмор, который, по мнению многих ученых, является лучшим лекарством от стресса» [12].

В современной белорусской рекламе не только формируется медиакартина историко-культурных и социальных ценностей белорусской общности (*Полезное удовольствие* ***для всей семьи!*** (ОАО «Савушкин продукт»), *«Империя злаков».* ***Душа земли белорусской*** (УПП «Сморгонский комбинат хлебопродуктов»)), но и транслируются новые, заимствованные ценности глобализированного общества. Например, концепт индийской философии *карма* («посмертное воздаяние за земную деятельность человека» [13]) фигурирует в рекламе кисломолочных напитков «EXPONENTA» (ОАО «Молочные горки»): *Поправь ЗОЖ-карму.* Вместе с модой на определенный образ жизни, стиль поведения, оздоравливающие практики (йога, медитация, айкидо и т. д.) в повседневное мировосприятие внедряются и элементы соответствующих философских систем или эзотерического мышления: *Попробуй «****Його****-фит» и зарядись настроением!* (ОАО «Молочный мир»), ***Кудо*** *– реальнее только жизнь* (группы КУДО, ИП Хитрик М. В.).

Примером использования новых ценностей в рекламном тексте является рекламный конкурс вафель «Витьба BLACK» в соцсетях: «нужно опубликовать фото своего самого чер-

ного и дерзкого образа на Хэллоуин с хэштегом #образ_vitbablack – и выиграть стильную черную майку, кольцо-держатель для телефона или запас черных вафель» [10]. История Хэллоуина своими корнями уходит в дохристианскую эпоху, традиционно праздник отмечается в Америке, а в Беларусь пришел недавно, но уже стал излюбленным для молодежи.

Таким образом, в условиях изменения аксиологического пространства под влиянием глобальной медиатизированной культуры в белорусских рекламных текстах более востребованными становятся не традиционные национальные ценности, а антиценности и новые ценности как обладающие большим воздействующим потенциалом в сознании рекламодателей.

Список использованных источников

1. Рекламный дискурс и рекламный текст : коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева. – М. : ФЛИНТА, 2016. – 296 с.
2. Балахонская, Л. В. Современное социокультурное пространство и язык рекламы / Л. В. Балахонская // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2010. – № 4. – С. 111–114.
3. Ксензенко, О. А. Лингвистические аспекты изучения и оценки креативности в рекламной коммуникации / О. А. Ксензенко // Вестник Московского университета. Серия 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 4. – С. 101–109.
4. Ежова, Е. Н. Медиарекламная картина мира : объекты, субъекты, атрибуты / Е. Н. Ежова // Медиалингвистика. – 2018. – № 5 (4). – С. 398–408.
5. Пивоварчик, Т. А. Коммуникативные практики локальных медиа в контексте глокализации / Т. А. Пивоварчик // Международная журналистика-2018 : глобальные вызовы, региональное партнерство и медиа : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 15 февр. 2018 г. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018 . – С. 201–206.
6. Ерофеева, И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI в.) : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.01.10 / И. В. Ерофеева; Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб., 2010. – 51 с.
7. Лингвистика и аксиология : этносемиометрия ценностных смыслов : коллективная монография. – М. : ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.
8. Садоўская, А. Л. Каларонімы ў фразеалагічным кантэксце / А. Л. Садоўская // Беларускае слова : тэрмін і вобраз : зборнік артыкулаў па матэрыялах навуковых чытанняў, прысвечаных памяці прафесара В. П. Краснея, г. Мінск, 27 снежня 2017 г. / пад агул. рэд. М. Р. Прыгодзіча. – Мінск : БДУ, 2018. – С. 150–159.
9. Толковый словарь Ефремовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/151187. – Дата доступа : 22.09.2019.
10. «Витьба» запустила в продажу черную вафлю и дает шуточные советы поколению Z // Marketing.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://marketing.by/keysy/vitba-zapustila-v-prodazhu-chernyy-batonchik-i-daet-sovety-pokoleniyu-z/. – Дата доступа : 22.09.2019.
11. Большой академический словарь русского языка / Глав. ред. К. С. Горбачевич. – М., СПб. : «Наука», 2006. – Т. 6. – 285 с.
12. «Черный» юмор от компании «Онега» // Marketing.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://marketing.by/novosti-rynka/chernyy-yumor-ot-kompanii-onega/. – Дата доступа : 22.09.2019.
13. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/831630. – Дата доступа : 05.08.2019.

The features of functioning in advertising texts of Belarusian companies of antivalues and new values as a means of influencing the audience are considered. The question is raised about the impact of the global mediated culture on the axiological orientations of the modern Belarusian advertising text.

Keywords: advertising text, advertising impact, antivalues, new values.

УДК 811.133.1’271:811.161.1’271:316.752

Н. Ю. Нелюбова

ИЕРАРХИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЦЕННОСТЕЙ НОСИТЕЛЕЙ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ: НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ

Статья посвящена изучению иерархической организации ценностей носителей французского и русского языков. Анализ наименований тематических групп и подгрупп, представленных во французском и русском словарях паремий, показал национальные и интернациональные компоненты в структуре ценностной иерархии изучаемых этносов. Полученные результаты были верифицированы данными анкетирования.

Ключевые слова: иерархия ценностей, паремиологический фонд, французский язык, русский язык, анкетирование.

В русле современной антропоцентрической парадигмы в процессе исследования ценностных ориентиров носителей различных языков и выявления в них национального и интернационального компонентов обоснованным является обращение к паремиологическому фонду, поскольку «паремии свидетельствуют об установках и стереотипах этноязыкового сознания» [1, с. 62]. Интересной, в частности, представляется попытка изучения иерархической структуры ценностей представителей французской и русской лингвокультур на паремиографическом материале, представленном на основе тематического принципа, так как наименования «тематических объединений в паремиологических словарях инвентаризуют ценностные ориентации продуцентов паремий» [2, с. 7], а количественное превосходство паремий определенной тематической группы свидетельствует о ценностных приоритетах.

Источником материала для анализа послужили содержащие тематические классификации словари французских [3] и русских [4] пословиц. Иерархия тем, выстроенная на основе количественного фактора, была представлена нами с подробными комментариями в предыдущих работах [5, 6, 7]. Проведенное исследование позволило выявить соответствие тем ценностям и представить ценностную иерархию. Результаты анализа французского материала отражены в Таблице 1.

Таблица 1 − Соотношение тематики рубрик словаря французских пословиц с ценностями и их иерархия

Темы рубрик	Ценности
«l’homme/человек», «les animaux domestiques / домашние животные», «le bestiaire / животный мир»	человек
«les échanges et les biens / обмен и блага»	деньги и денежные отношения
«la vie domestique / домашняя жизнь», «les objets usuels /предметы быта»	дом и семья
«la reli gion / религия», «la nature / природа»	вера в Бога и сверхъестественные силы
«conditions et milieux sociaux / социальные условия и слои»	социальный статус
«relations humaines / человеческие взаимоотношения»	любовь и дружба
«la nourriture et la table / еда и стол»	гастрономия
«le travail de la terre / земледелие», «métiers et monde du travail/ремесла и труд», «activités intellectuelles / умственная деятельность»	труд, опыт, знания
«morale et vision du monde / мораль и миропонимание»	счастье
«la communication / общение»	общение
«le droit et la justice / право и правосудие»	правосудие
«voyages / путешествия»	путешествия
«la guerre et les armes / война и оружие»	мир, смелость, предусмотрительность

Анализ тем 21 рубрики и выделенных внутри них подрубрик позволил выявить ценность **человека**, о чем свидетельствует наличие одноименной рубрики, включающей 10% всех единиц. Рубрики, связанные с животным миром (18%), косвенно указывают на важность всех аспектов человеческой жизни, а посредством зоометафоры выражаются привычки, положительные и отрицательные характеристики человека.

Результаты анализа материала русских пословиц (24 рубрики) представлены в Таблице 2.

Таблица 2 − Соотношение тематики рубрик словаря русских пословиц с ценностями и их иерархия

Темы рубрик	Ценности
«брак и семья», «мужчина и женщина»	брак и семья
«время и возраст»	время
«богатство и бедность»	богатство
«ум и глупость»	ум
«вера и религия»	вера
«добродетели и пороки»	добродетельность
«труд и безделье»	работа, труд
«счастье и горе», «радость и печаль»	счастье
«правда и ложь»	правда
«жизнь и смерть»	жизнь
«дружба и вражда»	дружба
знание и невежество	знание
«война и мир», «доблесть и слава»	честь, доблесть, слава, победа, мир дисциплина
«красота и несовершенство»	красота
«добро и зло»	добро
«гость и хозяин»	гостеприимство
«любовь, ревность и ненависть»	любовь
«здоровье и болезни»	здоровье
«государство и власть»	власть
«сила и слабость»	сила

Полученная иерархия демонстрирует ориентированность на сообщество людей, а не на отдельного человека. Основную ценность представляет **семья** (12% от общего количества единиц), в которой самой многочисленной является подрубрика «родители и дети», затем следуют «муж и жена», «другие родственники» и т. д. В словаре не выделена рубрика «человек», но присутствует тема «мужчина и женщина», причем оба воспринимаются в большей степени как супруги, как часть семьи, чем как отдельные личности. Отметим также важность противопоставления мужского и женского начала, что не прослеживается во французском материале. Показательно и в целом представление тем в виде диад. Противоположности в своем единстве могут привести к трансформации ценности в антиценность и наоборот. Во французском материале наличие противоположности не указано напрямую, но подразумевается.

Сопоставительный анализ ценностных ориентиров носителей французского и русского языков позволил выявить универсальные (интернациональные) и специфические (национальные) компоненты в тематике французских и русских пословиц. Они представлены в Таблице 3.

Таблица 3 − Интернациональное и национальное в тематике французских и русских пословиц

Общие компоненты	Специфические компоненты (французский словарь)	Специфические компоненты (русский словарь)
«семья», «богатство», «вера», «труд», «любовь», «дружба», «мир»	«человек», «социальный статус», «гастрономия», «общение», «правосудие», «путешествия»	«время», «добродетельность», «правда», «жизнь», «доблесть и слава», «красота», «добро», «гостеприимство», «здоровье», «власть», «сила»

Как следует из представленного выше материала, выявленные общие для носителей французской и русской лингвокультур ценности могут занимать различное место в ценностной иерархии. С целью верификации данных, полученных на паремиографическом материале, нами было проведено анкетирование носителей французского и русского языков (около 200 человек) в возрасте от 14 до 90 лет, обоих полов, занимающихся различными видами деятельности. Самую многочисленную группу составили учащиеся вузов и преподаватели. Информантам была поставлена задача: оценить по десятибалльной шкале важность выявленных универсальных понятий: семья, богатство, вера, труд, любовь, дружба, мир. К ним для французских респондентов были добавлены понятия «индивидуализм», а для русских – «коллективизм», в связи с отмеченной выше ориентированностью французов на человека, а русских – на сообщество. Результаты анкетирования представлены в Таблицах 4 и 5

.

Таблица 4 − Результаты опроса французских информантов

№ п/п	Notion (понятие)	Evaluation de l'importance en moyenne (средняя оценка важности)
1.	Amitié (дружба)	9
2.	Amour (любовь)	9
3.	Argent (деньги)	5,2
4.	Famille (семья)	8,1
5.	Foi (вера)	3,3
6.	Individualisme (индивидуализм)	4,6
7.	Paix (мир)	8,95
8.	Travail (работа)	6,7

Таблица 5 − Результаты опроса русских информантов

№ п/п	Понятие	Средняя оценка
1.	Вера/Бог	6,1
2.	Деньги	7,2
3.	Дом / семья	9,7
4.	Дружба	8,5
5.	Коллективизм	6
6.	Любовь	9,1
7.	Мир	9,2
8.	Работа/труд	8,2

Итак, иерархия общих для изучаемых лингвокультур ценностей выглядит следующим образом: для носителей французского языка: **amitié, amour, paix, famille, travail, argent, individualisme, foi;** для носителей русского языка: **семья, мир, любовь, дружба, работа, деньги, вера, коллективизм.**

Таким образом, выявленная на основе опроса шкала ценностей французов и русских обнаруживает значительно б*о*льшую степень сходства, чем полученная на материале пословиц двух языков, отражающих, в первую очередь, опыт предыдущих поколений. Данный факт, возможно, свидетельствует о тенденции к универсализации, сближению ценностей, имеющей место на современном этапе развития французской и русской лингвокультур. Подтверждением данного факта является низкая оценка индивидуализма французскими респондентами и столь же низкая оценка русскими коллективизма. Об отнесенности русских к

культуре коллективистского типа по-прежнему свидетельствует важность семьи, занимающей первое место в ценностной иерархии. Проведенное исследование показало, что «анализ паремиографических сборников позволяет выявить систему ценностных ориентиров того или иного народа посредством выявления приоритетных тем, в соответствии с которыми объединены единицы» [8, с. 80].

Список использованных источников

1. Семененко, Н. Н. Отражение ключевых символов русского этноязыкового сознания в паремиографической практике / Н. Н. Семененко // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 3. – С. 61–63.
2. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях: лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихолингвистический аспекты : автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / Е. В. Ничипорчик; Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины. – Минск, 2016. – 54 с.
3. Montreynaud, F. Dictionnaire de proverbes et dictons. / F. Montreynaud, A. Pierron, F. Suzzoni. – P. : Le Robert, 2010. – 759 p.
4. Мокиенко, В. М. Народная мудрость / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. – 416 с.
5. Нелюбова, Н. Ю. Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков / Н. Ю.Нелюбова, В. И. Хильтбруннер, В. И. Ершов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2019. – Т. 23. – № 1. – С. 223–243.
6. Нелюбова, Н. Ю. Отражение этнокультурных ценностей в пословицах франкоязычных стран / Н. Ю. Нелюбова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 323–335.
7. Нелюбова, Н. Ю. Проблема выявления ценностных ориентиров этноса на основе изучения их языковой репрезентации средствами паремиологии (на материале французского и русского языков) / Н. Ю. Нелюбова // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 22–23 октября 2019 г. – М. : РУДН, 2019. – С. 154–161.
8. Комова, Д. Д. Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) / Д. Д. Комова, О. В. Ломакина // Вестник Чувашского госдарственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2019. – № 3(103). Ч. 1. – С. 78–86.

The paper is devoted to the study of the hierarchical organization of values of French and Russian speakers. The analysis of the names of thematic groups and subgroups presented in the French and Russian dictionaries of paroemias has revealed national and international components in the structure of the value hierarchy of the ethnic groups studied. The results were verified by the questionnaire survey.

Keywords: hierarchy of values, paremiological fund, French, Russian, questionnaire survey.

УДК 81’276.3-055.1:392.51(477.74)

О. В. Яковлєва

СТЕРЕОТИП МАСКУЛІННОСТІ У ТРАДИЦІЙНОМУ ВЕСІЛЬНОМУ ОБРЯДІ УКРАЇНЦІВ НА ОДЕЩИНІ

Статья посвящена анализу гендерного аспекта в традиционном свадебном обряде украинцев на Одесщине (20−80 гг. XX в.). Внимание уделяется региональным особенностям, которые сопровождаются аксиологическими характеристиками; анализируется вербальное выражение стереотипа маскулинности на разных этапах обряда как длительного коммуникативного акта.

Ключевые слова: традиционный обряд, гендер, стереотип маскулинности, аксиологические характеристики.

Весільну обрядовість українців досліджували В. Борисенко, Н. Здоровега, М. Костомаров, О. Потебня та багато інших науковців. На регіональні особливості традиційного весілля звернули увагу З. Босик, Л. Главацька, О. Громова, Р. Дубина, О. Макаренко, В. Сушко та інші. Одеські історики та етнографи, які описали весільну обрядовість українців Одещини, В. Кушнір і Н. Петрова, зауважили, що традиційне весілля українців у нашому регіоні поки що не вивчене. До того ж, пишуть автори, традиційна культура українців Одещини розвивалась у специфічних умовах. По-перше, чисельність українців на півдні країни переважала, однак сотні років вони знаходились у контакті з болгарами, росіянами, молдаванами та іншими народами, що, безперечно, впливало і на міжетнічне спілкування, і на традиційну обрядовість. По-друге, розселені компактно чи між іноетнічними групами, українці все ж облаштовували свій побут і соціальний устрій за звичаєм, дотримувались сталих обрядів, зокрема, й весільних [1, с. 3–4].

Майже всі обряди: і календарні, і сімейні без перебільшення можна вважати жіночими, завдяки домінуючій ролі жінок у них. Жінка є не тільки суб'єктом, але й об'єктом ритуалу… [2, с. 70]. Важливо зауважити, що основна функція жінки в обрядах – конструктивна, тобто функція творення, діяння (саме жінками на весіллі твориться коровай – символ сонця, нареченої, благополучного подружнього життя тощо; твориться гільце-вільце, що символізує світове дерево, прообраз нової сім'ї і т. д.). Обрядові пісні виконуються виключно жінками.

Чоловіча ж активність у весільному обряді акумулюється в тих фазах, які передбачають деструктивні ритуальні дії – бешкети, перешкоди, перепони, переймання тощо [2, с. 66]. Під час одного з ритуалів на весіллі парубки вносили до хати багато «нехатніх» речей: каміння, колоду, драбину тощо. Іноді руйнували стіну, розбивали піч і тому подібне. Після цього молода повинна була все прибрати й упорядкувати [2, с. 60], тому що саме жінка творить мікрокосм сім'ї. Але в інших обрядах, зокрема на Різдво, у дворі, коморі й у стайнях наводив порядок хазяїн, який символічно виконував функцію Бога-творця.

Відомо, що після збору врожаю, селяни могли трохи перепочити після сільськогосподарських робіт, а серед молоді в цей період популярними були вечорниці, де й відбувалось знайомство парубків з дівчатами, яке часто-густо завершувалось шлюбом. Етнографи зауважують, що таке дошлюбне спілкування було спрямоване на вибір нареченого чи нареченої. Дозвілля молоді при цьому регламентувалось морально-етичними нормами, звичаєвим правом…, забезпечуючи дотримання честі і гідності [1, с. 3–4].

Перш за все, сільська громада не тільки схвалювала або засуджувала вчинки молоді, а й визначала вік дівчат і парубків, коли їм можна брати участь у вечорницях. У кожному селі були традиції, в яких чітко простежується домінування чоловічого начала, зокрема, можливості парубків під час дозвілля були значно ширшими, ніж у дівчат. Молоді хлопці могли вільно відвідувати вечорниці в інших селах; дівчатам це заборонялось. Їм також заборонялось на вечорницях танцювати парний танець (можна було це робити тільки у гурті); якщо у дівчини був хлопець, їй заборонялось танцювати з іншими. Молоді дівчата не мали права демонструвати на людях свої симпатії до парубка, ходити до нього у гості. Парами танцювали ті, хто визначився з почуттями і вже ходили на побачення. Вони танцювали особливий танець – *слухнянку*, під час якого парубок керував дівчиною, а вона підкорювалась йому, демонструючи свою слухняність.

Якщо пара мріяла про одруження, хлопець проводжав дівку до хати, вони обмінювались подарунками, він навіть мав право приходити до неї у гості, але йому заборонялось заходити всередину [1, с. 82–84].

Парубок і дівчина, які вирішили одружитися, жили з батьками, залежали від них, отже, в першу чергу, молодята саме батькам сповіщали про своє рішення. Маскулінітив *батьки* свідчить про те, хто був головою в українській сім'ї. Петро Лавровський писав, що форма

батя в різних слов'янських мовах утворилась в результаті заміни в корені *па-* на *ба-*. Більшість дослідників вважають, що у наших предків ототожнювались поняття *батя* і (старший) *брат*; слово *бабо* (від *ба-* (*па-*)) споріднене з *баба, бабица, бабка,* що означає *матір*. Отже, спершу назви для батьків були спільними як для матері, так і для батька [3, с. 13–15].

Саме *батьки* (мн. від *батько*) хлопця і дівчини домовлялися про день, коли можуть прийти старости. Їх було двоє: дядько нареченого і його рідний або двоюрідний брат. У дворі старостів і нареченого зустрічали батьки дівчини, але розмову в алегоричній формі вели староста і батько дівчини, яку прийшли сватати. Починав староста: – *Чи ми сюди попали, чи не сюди? Бо дороги не знаємо, все людей питаємо…*

Батько нареченої продовжував: – *А скажіть, дорогі гості, звідкіля ви мандруєте і яке діло привело вас до нас?*

Староста відповідав: – *Ми чули, що у вас продається голубка, то чи не продасте нам, бо ми давно шукаємо пару для нашого сизокрилого голуба.*

У батька можливі були два варіанти відповіді: – *Є у нас на продаж голубка* (якщо дівчина і батьки були згодні); – *Є у нас голубка, але ще мала, нехай трохи підросте* (якщо згоди не було) [1, с. 88–89].

Староста міг говорити про купівлю-продаж телички, лошиці, ягниці, або про слід куниці чи лисиці, який привів їх до оселі дівчини. Вони могли себе називати то мисливцями, які гоняться за куницею, то купцями, які просять продати товар [1, с. 91].

У наведеному вище матеріалі, по-перше, відзеркалено один з найдавніших архетипів *свій – чужий* [4, с. 125], коли чужий сприймався як ворог. Саме тому батько дівчини під час розмови зі старостою, який говорив, що вони *не знають дороги, заблукали* тощо, вимагав показати документи, щоб *ми знали, що ви за люди*. По-друге, у діалозі закарбовані прадавні форми шлюбу: умикання, коли племена воювали між собою; і продаж дівчини, коли настала епоха мирного співіснування, і за домовленістю з батьком нареченої, її можна було купити. Отже, ритуал сватання символічно вказував на залежність молодої жінки від свого чоловіка з тих прадавніх часів, коли він або викрадав її силою, або купував як товар. Діалог між старостою і батьком нареченої наочно демонструє маскуліноцентризм української родини, безмежну владу батька як володаря роду, коли дочка була для нього джерелом доходу та прибутку [5, с. 20–23].

Очевидно, що учасниками сватання в Одеській області протягом 20-80 рр. XX ст. були *старости*, або їх іще називали *свати* (у Мирному, Фурманівці, Шевченковому). Іноді парубок був теж учасником цього ритуалу, але не в усіх регіонах. Кількість старостів в різних селах була різною (менше або більше десяти); в деяких селах кількість була обов'язково парною (у Василівці, Новій Іванівці та інших) [1, с. 90–91].

Наречений і наречана у весільному обряді – лімінальні, тобто небезпечні особи, яким, у першу чергу, заборонялося розмовляти, а безпосередньо на весіллі й виконувати якісь дії самостійно. Саме тому їх обох дружба з боку нареченого, тримаючи за хустинку, заводив на посад, а потім виводив танцювати.

На Одещині, у Будеях та в Лабушні, коли розмовляли старости з батьком, дівчина десь ховалась, а наречений шукав її, якщо знаходив, то це означало, що «вони знайшли сімейне щастя» [1, с. 91].

У різних селах по-різному запрошували на весілля, частіше це робили молоді з дружбами і дружками. Іноді вони ходили окремо: наречений з дружбою запрошували своїх гостей, наречена з дружкою – своїх. Молодий на церемонії запрошення мав на поясі пляшку, щоб пригощати майбутніх гостей, а також носив із собою нагайку як символ сили. Наприклад, у Новій Іванівці молодий з боярами не повинні були зустрічатися з молодою, яка ходила у супроводі дружок, тому учасники обох груп співали. У Мирному на весілля від імені молодого запрошував батько; а у Михайлівці – старший боярин [1, с.103–104].

Окремо один від одного молоді запрошували дівчат на *вінок*, а наречений запрошував до себе неодружених друзів на *головицю,* де квітчали *гільце* і де світилки (жінки з боку наре-

ченого) і свашки (жінки старостів) співали. Старший боярин просив старосту благословити гільце, а потім молодий зі старостами, боярами та світилками їхав до молодої. Жінки від імені нареченого співали: *Защебетав соловейко в саду на дубу, заговорив (Іван) своєму дому: Виряджай мене, ненько, зараненько, є у мене (Маруся) молоденька* [1, с. 112].

Біля дому молодої дружки, співаючи, глузували з бояр-чужинців з боку молодого: *Де бояри забарилися? По канавах волочилися. Чи сіно косили? Чи хліба просили? Чи в соломі спали? Миші вуса пообгризали* [1, с. 113].

З хлібом-сіллю батько молодої запрошував молодого до хати, той цілував хліб і батькову руку. Коли всі сідали за стіл, дружки співали: *Здригнули стіни, як бояри сіли, ще більше здригнуться, як горілки нап'ються* [1, с. 114]. Текстом пісні підкреслюється маскуліноцентризм застілля і наступного ритуалу, коли старший боярин починав викуповувати у старшої дружки гільце нареченої, яке її символізувало. Мотив купівлі-продажу червоною стрічкою проходив майже крізь усі ритуали весілля на Одещині. Жінки, співаючи, глузували з боярина, але позитивно характеризували молодого: *Ой не совай та й тарілкою, не мани та й горілкою. Викинь мені золотого, як голуба сивенького. Я на цеє та й не дивлюся, я від цього та й одвернуся до стіни очима, до бояр плечима. У боярина грошей немає, у молодого позичає, у молодого позичає та гілечко викупляє* [1, с. 114].

Ритуал продажу-купівлі продовжували бояри, які викупали у дружок букети, а дружки прикріплювали ці квіти їм з лівого боку; останнім викуповував букет молодий у молодшої сестри чи племінниці нареченої. Дружки співали: *Не дивися, зятю, скрива, бо я не твоя мила. Он твоя милесенька, коло боку близесенько. Не дивися, зятю, скоса, бо немає на печі проса, а дивися у кишеню та виймай грошей жменю, та клади у тарілку за хорошу квітку* [1, с. 115].

Поєднання двох сімей у весільному обряді на Одещині символізував ритуал обміну родичами: якщо у молодої був брат, то він ішов боярином до молодого і представляв його інтереси на весіллі. Брат молодого ставав старшим боярином у молодої. На знак того, що наречений і наречена стають рідними, вони дарували одяг один одному. Так, у Нерушаї у суботу під вечір молодий зі старостою приносив до молодої одяг. У цей же вечір наречений і наречена окремо прощалися з дівоцтвом і парубоцтвом. Показовим було те, що учасники цього ритуалу символічними діями демонстрували об'єднання родів. На стіл клали коровай. Як у молодого, так і у молодої їхні друзі підходили один до одного, кивали головою, «рукалися» (віталися рукостисканням), іноді навіть плакали [1, с. 117].

Коли молодий вранці приїздив за молодою, щоб везти на вінчання, він мав викупити наречену і платив за неї двічі: коли був у хаті і коли виводив її з хати. У Крутих наречений, коли приходив по молоду, починав розплітати їй косу, потім її мати й родичі завершували цей процес. В деяких селах ішли вінчатися до церкви окремо, або зі своїми гостями зустрічалися в конкретному місці, а потім вже йшли разом. Так відбувалось у Будеях, Журавлівці та інших селах [1, с. 125].

Після вінчання гості з молодими заходили у двір молодого з правого боку. Бінарна опозиція *правий-лівий*, так само, як і *чоловічий-жіночий*, у міфологічній свідомості предків була фундаментальною основою світосприйняття; найдавнішою первинною формою упорядкування всесвіту в рамках різних бінарних опозицій. Правий бік пов'язували з чоловічим началом, уявленням про «праведне» життя; «правою рукою завжди здійснюються найгідніші справи». Лівий бік символізував жіноче негативне начало: переступати поріг дому судженого молода повинна була правою ногою [6, с. 278].

Якщо молоді їхали до молодого, то у Шевченковому, Фурманівці та інших селах у дворі їх чекали з відром води, куди молодий кидав монети та гостинці, а потім молодята разом правою ногою перекидали це відро, з ціллю символічного очищення життєвого шляху. В піснях, які співали дружки, йдеться про дорогу й чоботи, що дарував наречений: *Ой січена калинонька, січеная, а вже наша Марусенька звінчаная. Червонії чобіточки на нозі, що купив їй сам Іванко в дорозі. А в Одесі чобіточки підбивав, своїй милій Марусенці дарував…* [1, с. 127–128].

Іноді після вінчання молода їхала до свого дому, а молодий приїздив за нею пізніше. Його з дружбами не пускали, староста радився з молодим, що робити, той відповідав: *Ідіть ще раз, добивайтесь, достукуйтесь*. Коли ж молодого, свашок і світилок довго не впускали до хати, жінки співали: *Ой свату наш, свату, пустіть нас у хату, тут нас не багато, четверо чи п'ятеро, а всіх буде дев'ятеро. А в нашого свата солом'яна хата, та боїться нас пустити, щоб хату не розвалити* [1, с. 134]. У пісні натякають на деструктивну роль чоловічого начала в обряді.

Отримавши подарунки, батько молодої запрошував усіх до хати. На дверях хлопці-підлітки (родичі молодої) вимагали викуп від молодого і пропускали, отримавши гроші або гостинці.

Іноді вхід на подвір'я молодої перекривали різними перепонами і не пропускали молодого і його гостей без могорича. «Бувало, що дружби, якщо були спроможними, і без сплати могорича розбирали перепони та входили на подвір'я» [1, с. 137].

Маскуліноцентричним був і ритуал, який у південних селах Одещини називався *коровай*. У ньому брали участь три дружби: один розрізав коровай, другий роздавав, третій наповнював чарки. Світилки співали, іронізуючи зі старшого боярина, який краяв коровай: *Наш боярин коровай крає, семеро дітей має, прийшли діти з торбинами, весь коровай забрали. Наш боярин коровай крає, під стіл нахиляється, короваєм запихається. Якби дружки не дивилися, то б бояри подавилися* [1, с. 145].

Таким чином, ми дійшли наступних висновків: незважаючи на те, що весільний обряд на Одещині, як і в інших регіонах України, в цілому є суто жіночим, маскуліноцентричність простежується в таких ритуалах: **сватання**, під час якого розмову про весілля ведуть батьки наречених; **викупу** гільця, букетиків, молодої, приданого тощо; **короваю**, розподіл якого проводив старший боярин або три дружби.

Зважаючи на те, що весільна обрядовість як в Україні, так і на Одещині потребує подальшого вивчення, перспективними будуть у цьому плані й ґендерні дослідження.

Список використаних джерел

1. Кушнір, В. Г. Традиційна весільна обрядовість українців Одещини (20-80-ті рр. XX ст.) / В. Г. Кушнір, Н. О. Петрова. – Одеса : Гермес, 2008. – 256 с.

2. Маєрчик, М. Ритуал і тіло. Структурно-семантичний аналіз українських обрядів родинного циклу : монографія / М. Маєрчик. – Київ : Критика, 2011. – 326 с.

3. Лавровский, П. А. Коренное значение родства у славян / П. А. Лавровский. – М. : Едиториал-УРСС, 2005. – 144 с.

4. Яковлєва, О. В. Обрядовий дискурс у системі національної лінгвоментальності : монографія / О. В. Яковлєва. – Одеса : «Одеський національний університет імені І. І. Мечникова», 2014. – 396 с.

5. Довнар-Запольский, М. В. Первобытные формы брака / М. В. Довнар-Запольский. – М. : КРАСАНД, 2011. – 168 с.

6. Войтович, В. М. Українська міфологія / В. М. Войтович; передмова В. Шевчука. – вид. 2-е, стер. – Київ : Либідь, 2005. – 664 с.

The article is devoted to the analysis of the gender aspect in the traditional wedding ceremony of Ukrainians in Odesa region (20−80 years of the XX century). Attention is paid to regional features, which are accompanied by axiological characteristics; the verbal expression of the masculinity stereotype at different stages of the ritual is analyzed as a long-term communicative act.

Keywords: traditional rite, gender, masculinity stereotype, axiological characteristics.

ТИПИЧНОЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В ЯЗЫКОВОМ ВОПЛОЩЕНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ

УДК 811.161.1’42’373:398.92(=161.1):821.161.1-31*А. Проханов

Е. Г. Акимова

КОНЦЕПТ «РУССКОСТЬ» В ЗЕРКАЛЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА)

В статье отражены результаты исследования содержания концепта «Русскость» на материале художественных текстов Александра Проханова. Предпринята попытка выделить и проанализировать специфику репрезентации центрального концепта картины мира писателя посредством фразеологических единиц. Исследование доказывает, что выявление и анализ особенностей функционирования фразеологических единиц в художественной литературе способствует пониманию своеобразия фразеологической картины мира в целом.

Ключевые слова: концепт «Русскость», художественные тексты, картина мира писателя, фразеологические единицы.

Русский язык – начало русского сознания. Как верно подметил Иван Александрович Ильин, дар нашей Родины – дивный, могучий, поющий язык: «В нем вся она, − наша Россия» [1]. Отвечая на вопрос о том, в чем смысл русскости, А. А. Проханов говорит: «Прежде всего – это русский язык. Русский язык является той таинственной формой, в которой прячется русскость даже тогда, когда кругом господствуют тьма, кромешность и высшие формы духовной и интеллектуальной оккупации. Поэтому блистательные русские языкотворцы, такие как Бунин, как Чехов, они для меня являются свидетелями того, что русскость проявляется в языке» [2].

Как сообщает «Энциклопедия символов, знаков и эмблем», «существует социологическая теория, согласно которой «человеческие цивилизации, как древние, так и современные, делятся на цивилизации Логоса (то есть Слова) и цивилизации Номоса (то есть Закона). По этой классификации к цивилизациям Номоса относятся, например, Китай и Япония, а к цивилизациям Логоса – Россия» [3, с. 228]. Понимание Логоса требует определенных усилий души и ума. Отсюда следует глубина и широта духовного творчества, одним из проявлений которого выступает русская художественная проза.

У А. А. Проханова *русскость* теснейшим образом связана с чувством гордости за *Русскую Победу*, радости от ожидания неизбежного наступления *Русского века* и горечи от осознания гибели *Русской Атландиты*. В понимании русскости А. А. Проханов одновременно и новатор и традиционалист: «Русскость – это не только носить косоворотку, говорить на русском языке и любить русские романсы. Это все так, но русскость – это именно те мессианские коды, которые заложены в русское сознание. Эти коды стараются разрушить, поэтому важно не сдаться, не искуситься. Раньше святыми называли тех, кто погиб мученической смертью, а сегодня так можно назвать тех, кто не сдался, не утратил милосердия, благородства, честности, стремления к возвышенному. <…> Не сдаться! Вот это сейчас самое важное для русских людей. А остальное приложится…» (цит. по [4]).

Концепт «Русскость» связан с особым восприятием времени. Любопытно, что «люди, побывавшие за границей, отмечают, что в России время течет медленнее, чем в Европе, но идет быстрее, чем на Востоке. В основе такого суждения лежит сравнение ритма и темпа жизни разных народов. <…> Именно этим можно объяснить использование в их речи таких

своеобразных единиц измерения времени как *русский час; московский час; русский месяц; деревенский месяц*» [5]. Во фразеологии А. А. Проханова распространены такие фразеологические единицы (далее – ФЕ), как *русское время*, *русское будущее*, *русский век,* которые отражают специфику восприятия русского времени. Сравн.: «*Оглянулся и увидел темный гранит и на нем серо-седое лицо женщины, которую он видел во сне на летучих санях, и которая, по словам Ольги Дмитриевны, была хранительницей* ***русского времени***» [6, с. 416]; «*…"Русская победа", "****Русский век****", „Русский рай"– убогие утопии, которые нам предстоит преодолеть, как пытались это сделать до нас опричники Ивана Грозного, преображенцы Петра Великого, масоны Александра Первого, комиссары Ленина*» [7, с. 627]; «*... Но над Русью светает… Ты и я – мы две половины расколотого зеркала. Сложим эти две половины, и в них, как в волшебном стекле, отразится* ***Русское Будущее***» [8, с. 43].

Русскость проявляется и в особом понимании меры, которая всегда этнически маркирована (*По-латыни два алтына, а по-русски шесть копеек; Русским счетом будет всего столько-то...*); а также в знании этой меры или в ее незнании: *Я свою меру знаю; не знает меры кто-л.; Душа всему мера* [9, с. 7]. Мера у русских личностно окрашена и наполнена особым смыслом: каждый человек знает собственную меру, которая отличается от меры других людей. Наверное, поэтому в русской среде осуждается, когда кто-то подходит к другим со своей меркой: *Ты по себе-то не меряй всех; Ты по себе людей не равняй; Он всех по себе меряет*. Своеобразие русского проявления меры проявляется в такой модели поведения, как руководство речевой формулой *Я бы на твоем месте...*

Для А. А. Проханова и для его героев *русская мера* находит выражение в ФЕ *русская правда*, *русская справедливость*. Сравн.: «*Россия спасена, торжествует* ***„русская правда"***, ***„русская справедливость"****»* [10, с. 482]. Однако писатель не распространяется по поводу конкретного семантического наполнения данных ФЕ. Он констатирует факт: эти реалии есть.

С понятием меры связана ФЕ *Русский Праведник*: образ Русского Праведника становится «мерилом» правильности жизни. Николай Плужников, герой «Крейсеровой сонаты», наполовину умерший человек, наполовину бессмертная душа, приходит в мир людей в качестве проводника и носителя этой самой меры. Сравн.: «*– Окстись! Ты же русский сын! Оглянись скорей! К нам идет Праведник!... Пора встречать* ***Русского Праведника****!*» [11, с. 288]. Таким образом, в трагифарсе «Крейсерова соната» конкретизирован образ русского праведника. В прозе А. А. Проханова *Русский Праведник* – персонификация русской идеи. В этом смысле позиция А. А. Проханова близка взглядам философа И. А. Ильина: «…перед нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру − из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом смысл русской идеи» [1].

Наибольшую частотность в языке А. А. Проханова получили фразеологизмы, отражающие связь русскости и осмысления мира: *русская альтернатива, Русская Победа, русская идея, Русская Палестина, Русская Атлантида, Русская Империя, Русская цивилизация, Русский Космос, Русский Рай, Русский Ад, Русский хаос*.

Русскость героев А. А. Проханова связана с концептом «Государство». Эта связь особенно ярко раскрывается благодаря окказиональным ФЕ *Первая Империя, Вторая Империя, Третья Империя, Четвертая Империя* и *Пятая Империя*, репрезентирующим идею цикличности развития государства. Основные положения теории пяти империй А. А. Проханова раскрывает герой романа «Пятая Империя» Алексей Сергеевич Сарафанов: «…"***Первая Империя***" *сложилась вокруг киевской Софии, от Балтии до Черного моря со множеством племен и народов – славяне, норманны, угры, финны, печенеги, хазары. Затем – Московское Царство с колокольней Ивана Великого, могучий, от семи холмов, протуберанец за Урал до Тихого океана, − триумфальная* ***"Вторая Империя"****. Следом – Александрийский столп в Петербурге, яростный петровский прорыв, устремленный в центр Европы, −* ***"Третья Империя"*** *Романовых. На ее месте – Мамаев курган и космическая лодка "Буран", сталинский красный Союз −* ***"Четвертая Империя"****, положившая свою красную лапу на весь XX век.*

Все четыре пали, их поглотила бездна истории. ‹…› Теперь мы стоим у основания "Пятой Империи"» [8, с. 45].

Русскую национальную идею сформулировал еще Иван Шувалов: «Сбережение народа». Но А. А. Проханов, как замечает С. С. Беляков, с этим не согласен: «Или великая Россия − или никакой России не нужно. Россия и русские живут во имя мистической Русской Победы и Русского Рая» [12, с. 14].

Поскольку на мировосприятие А. А. Проханова большое влияние оказала философия космизма Н. Ф. Федорова, русское православное сознание, по мнению писателя, представляет собой осознание преодоления смерти, воскресения, преображения. Русская идея А. А. Проханова, таким образом, основывается на антиномиях: добро и зло, жизнь и смерть, свет и тьма. Среди фразем с компонентом-адъективом *русский* в антонимические отношения вступают окказиональные ФЕ *Русский Рай* и *Русский ад*. На этой основе ФЕ, участвующие в репрезентации концепта «Русскость», можно условно разделить на две семантические группы: фразеологизмы с положительной коннотацией, по значению тяготеющие к *Русскому Раю* (например, *Русская Атлантида, Русское Чудо, Русская Победа, Русский Космос, Русское развитие, Русская цивилизация, Русское Воскрешение, Русский Праведник*), и фразеологизмы с отрицательной коннотацией, тяготеющие к *Русскому аду* (*русский хаос*). Численное преобладание фразеологизмов первой группы свидетельствует об отношении А. А. Проханова к России, о его вере в создание Русского Рая.

Фразема *Русский Рай* употребляется писателем в качестве своеобразного «поэтического фразеологизма» (по терминологии А. Д. Григорьевой [цит. по: 13, с. 12]), обладающего яркой образностью. *«Врата **Русского Рая**» − неплохо сказано»*, − цинично оценивает антигерой Шершнев из романа «Скорость тьмы» легендарную идею. Люди же, верящие в прошлое и будущее России, в разговоре друг с другом отмечают: *«Ты так чудесно сказал. Россия никогда не исчезнет. Ведь помимо земной, есть ещё Россия небесная. Это **Русский Рай**, где собрались все русские герои и праведники. Ты – герой, ты будешь в **Русском Раю**», «Русская женщина должна принести себя в жертву, и тогда ей, мученице, откроется **Русский Рай**», «…мне умирать не страшно. Ты меня любишь. Нас ждет **Русский Рай**. Это наша Молода, которую мы воскресим»* [6, с. 357].

В другом романе А. А. Проханова, «Виртуоз», смысловое наполнение фразеологизма *Русский Рай* конкретизируется и сужается до определенного образа, а именно − Собора Василия Блаженного: *«Привезти в Москву и ссыпать эти священные горсти к основанию Кремлевской стены, левее от Спасской башни, напротив Василия Блаженного, который, как известно, является образом **Русского Рая**»* [10, с. 66]. В то же время герою того же романа, предполагаемому царевичу Алексею, является страшное видение, что *«священный собор утратил образ **Русского Рая**»* [там же, с. 190].

Окказиональные фраземы с компонентом-адъективом *русский* в своем составе занимают центральное место в идиостиле А. А. Проханова. Употребление их, с одной стороны, раскрывает специфику писательской манеры автора, а с другой, становится способом характеристики художественных образов героев. К этим индивидуальным особенностям А. А. Проханова относится способность подмечать детали и выражать их в метафорических образах, специфическое понимание русскости и осознание ее как основы для всей его авторской картины мира.

Таким образом, концепт «Русскость» для А. А. Проханова является основополагающим в раскрытии идеи творчества и философии, центральным концептом его индивидуально-авторской картины мира. Без русскости не мыслится прошлое нашего государства, невозможно будущее. Под концептом «Русскость» А. А. Проханов понимает следующее:

1) феномен, отличающий народ Государства Российского от всех других народов мира и раскрывающий природу русского характера;

2) антиномия внешней и внутренней жизни русского народа;

3) свидетельство мессианского предназначения русской истории и божественного предназначения русского народа: специфики России как национального организма, выражающего неповторимый религиозный опыт русского православия и служащего осуществлению Божественного замысла о России;

4) особая, часто непонятная другим, природа каждого русского человека в отдельности и всего русского народа в целом;

5) причина страданий русского народа на протяжении всей его истории становления и развития и залог грядущего народного счастья Государства Российского;

6) характерное свойство личности и народа, определяющее, с одной стороны, внешний вид русского человека, модели поведения, стиль обыденной и сакральной жизни, а с другой, − внутренние качества индивидуального и национального характера.

Список использованных источников

1. Ильин, И. А. Духовная культура и ее национальные вожди // И. А. Ильин. Собр. соч.: в 10 т. − М., 1996. – Т. 6. Кн. 1. – 556 с.

2. Блог Александра Проханова. Восстание пчел [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.dentv.ru/content/view/vosstanie-pchyol. – Дата доступа : 20.09.2019.

3. Королев, К. М. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / К. М. Королев. − М. : Эксмо; СПб. : Мидгард, 2005. – 608 с.

4. Кузменкин, В. И. Александр Проханов: «Я верю в русское чудо!» / В. И. Кузменкин // Сибирь. Момент истины, Правовая, Общественно-политич. газета Сибирского ФО. – 2012. – 20 апр. – С. 1–3.

5. Фархутдинов, Ф. В. Такое простое и понятное слово русский… [Электронный ресурс] / Ф. В. Фархутдинов // Официальный сайт Совета по русскому языку при главе администрации Ивановской области. – Режим доступа : http://www.slovorus.iv-edu.ru/Vestnik_1_Russki.html. – Дата доступа : – 20.09.2019.

6. Проханов, А. А. Скорость тьмы. Роман / А. А. Проханов // Собрание сочинений : в 15 т. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2010. – Т. 15. – С. 7–424.

7. Проханов, А. А. Господин Гексоген. Роман / А. А. Проханов // Собрание сочинений : в 15 т. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2010. – Т. 6. – С. 7–700.

8. Проханов, А. А. Пятая империя. Роман /А. А. Проханов // Собрание сочинений : в 15 т. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2010. – Т. 11.– С. 7–734.

9. Аникин, В. П. Мудрость народов / В. П. Аникин // Пословицы и поговорки народов Востока ; отв. ред. И. С. Брагинский ; сост. Ю. Э. Брегель ; предисловие В. П. Аникина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000065/st003.shtml. – Дата доступа : 18.09.2019.

10. Проханов, А. А. Виртуоз. Роман / А. А. Проханов // Собрание сочинений : в 15 т. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2010. – Т. 12. – С. 7–604.

11. Проханов, А. А. Крейсерова соната. Роман / А. А. Проханов // Собрание сочинений : в 15 т. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2010. – Т. 8. – С. 7–573.

12. Беляков, С. С. Проханов. Апология злодея / С. С. Беляков // Частный корреспондент. – 2009. – № 10. – С. 12–14.

13. Третьякова, И. Ю. Окказиональная фразеология : монография / И. Ю. Третьякова ; под науч. ред. А. М. Мелерович. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2011. – 290 с.

In the article the study's results of the content of a concept «Russianness» on the materials of the Alexander Prokhanov's literary texts are described. It deals with an attempt to allocate and analyze a specificity of a representation of the writer's central concept of a world picture by means of phraseological units. Research suggests that the identification and analysis of the functioning of phraseological units in literature contributes to understanding identity phraseological picture of the world as a whole.

Keywords: concept «Russianness», literary texts, picture of the writer's world, phraseological units.

УДК 811.161.1; 811.113.6

А. С. Алёшин, Е. И. Зиновьева

КОНЦЕПТ «СРАВНЕНИЕ» И ЕГО ВЕРБАЛИЗАЦИЯ В ПАРЕМИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ШВЕДСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье рассматриваются эксплицитные и имплицитные средства репрезентации сравнения в паремиях русского и шведского языков. Анализируются паремии, относящиеся к тематическим группам «Семья» и «Муж и жена». Делаются выводы о роли лексических, синтаксических и лексико-синтаксических средств в репрезентации концепта «Сравнение» в паремийном материале.

Ключевые слова: паремия, сравнение, эксплицитные и имплицитные языковые средства, концепт.

Как справедливо отмечает Т. В. Захарова, «категория сравнения, рассматриваемая с точки зрения когнитивной лингвистики, относится к модусной категории, в основе которой лежит концепт *сравнение*» [1, с. 4]. Исследователь называет этот концепт одним из ключевых «ментальных» концептов [там же], что, на наш взгляд, требует уточнения – это один из основных «концептов мыслительной деятельности», поскольку все концепты являются единицами ментальности. Суть же этого универсального философского концепта заключается в выявлении сходств и различий сопоставляемых объектов, что предполагает также предварительный этап оппозитивного анализа, как одного из видов мыслительной деятельности.

Цель статьи заключается в выявлении общих и специфических средств репрезентации концепта «Сравнение» в паремиях русского и шведского языков.

Исследование, проведенное Е. В. Ничипорчик, выявило, что наиболее высокие позиции в ранжированных списках ценностных доминант четырех паремиологических картин мира – русского, белорусского, немецкого и итальянского языков – получают такие ценности, как *семья, труд, ум* [2].

Поэтому объектом исследования послужили русские паремии на темы «Семья», «Муж и жена», зафиксированные в сборнике В. И. Даля «Пословицы русского народа» [3], и паремии шведского языка, представленные в сборниках П. Хольма «Шведские пословицы и поговорки» [4] и Ф. Стрёма «Шведские поговорки» [5].

В результате анализа русского материала были выявлены эксплицитные и имплицитные средства репрезентации сравнения в паремиях.

К эксплицитным средствам относятся:

1. Паремии с формально выраженными показателями сравнения – компаративными союзами.

1.1. Единицы, имеющие в своем составе союз *как*: *Деревенская родня, как зубная боль (докучает); Зашел к куме да и засел, как в тюрьме; Живут, как брат с сестрой; Мужнее добро, как зимнее тепло; Умная жена, как нищему сума (все сбережет); Как худая трава, только ноги оплела*. Сюда же можно отнести случаи с отрицанием: *Тепло, да* ***не как*** *лето; добра, да* ***не как*** *мать*.

1.2. Единицы с союзом *что* в составе: *Журлива, что свекровь; Свекровь на печи, что собака на цепи; Жена, что лебедь-птица, вывела детей станицу (вереницу); Больно, что мачехино чесанье.*

1.3. Конструкции с союзами *как* и *что* могут быть усилены предлогом *без*: *Без жены как без шапки*; *Без мужа, что без головы, без жены, что без ума*.

2. Паремии, включающие прилагательные и наречия в сравнительной степени: *Братская любовь пуще (лучше) каменных стен; Дочерние дети милее своих; Глупому мужу красная жена дороже красного яйца* и др. Ряд паремий содержит двойное сравнение, например:

Сыр калача белее, а мать мачехи милее – сравниваются две бытовые реалии и родственные отношения. Или: *На костях мясо слаще, а под старость жена милее* – сравниваются предпочтения человека в разные периоды жизни. Встречается и триада, каждое звено которой заканчивается логическим выводом-следствием сравнения: *Сын отца глупее – жалость; сын отца умнее – радость; а брат брата умнее – зависть*.

К имплицитным средствам сравнения следует, как нам кажется, отнести:

1. Метафоры в составе паремий:

Сноха свекрови – битая полоса; Богоданные сестрицы – крапива жгучая; Жена да муж – змея да уж.

2. Случаи использования в паремиях модели «Кто – не есть – кто (что)», например:

Мамка не матка. Конструкция может быть распространена за счет объяснения во второй части паремии причин найденных различий: *Жена не сапог (лапоть), с ноги не скинешь; Жена не гусли: поиграв, на стенку не повесишь*.

3. Случаи употребления модели «Кто – это кто, а кто – не кто», например: *Мать – кормилица, а кормилица – не мать*.

4. Противопоставления с союзами *да* и *а*:

Мать *высоко замахивается, да не больно бьет; мачеха низко замахивается, да больно бьет; Красна пава перьем, а жена мужем.*

5. Комбинирование метафоры и противопоставления в составе паремии: *Чужая жена – лебедушка, а своя – полынь горькая*.

Анализ шведского материала также показал, что сравнение в паремиях шведского языка, репрезентирующих темы «Семья» и «Муж и жена», может выражаться как эксплицитно, так и имплицитно. Однако паремии с имплицитным выражением сравнения представлены в рамках рассматриваемых тем гораздо шире, чем в русском языке. Классификацию шведских паремий рассматриваемых разрядов можно представить следующим образом:

1. Паремии с формально выраженным сравнением с помощью союза *som* – (как):

Att slå sin hustru är som att slå mjölsäcken, det goda flyger ut och det onda stannar kvar (Бить свою жену – как бить мешок с мукой, всё хорошее вылетит, а всё дурное останется); *Att träffa släktingar är som att sticka sig på en törnbuske* (Встретить родственников – как напороться на куст шиповника).

2. Паремии, включающие прилагательные и наречия в сравнительной степени:

En sparsam hustru är bättre än stora inkomster (Бережливая жена лучше больших доходов); *Om en man är en smula vackrare än hin onde, får han säkert en kvinna, om kvinnan bara är litet klokare än en gås, får hon säkert en man* (Если мужчина чуть красивее чёрта, он наверняка женится, если женщина чуть умнее гуся, она наверняка выйдет замуж); *Bättre själv ha än syster bedja* (Лучше самому иметь, чем у сестры просить).

3.1. Паремии, в которых сравнение выражено с помощью метафоры:

From hustru är ett gott läkeblad (Кроткая жена – хорошая целебная трава);

3.2. Отдельно следует отметить единицы, усиленные предлогом *utan* (без). По сравнению со сходными русскими единицами шведские паремии имеют большую синтаксическую полноту, представляя собой конструкцию «Что-то без чего-то – это что-то без чего-то»: *Hus utan hustru är ett skepp utan styre* (Дом без жены – это корабль без руля); *Hushåll utan hustru är lykta utan ljus* (Хозяйство без жены – это фонарь без свечи); *En flicka utan moder är som en skuta utan roder* (Девочка без матери – это шхуна без руля).

4. Постановка объекта имплицитного сравнения в один ряд с другими предметами:

Hustru**, häst, kläder och sko lånas illa ur bondens bo* (Жену***, лошадь, одежду и обувь крестьянин одолжить у себя не позволит).

Данный приём довольно часто используется в шведских пословицах, сравн. ***Kärlek**, sorg och röd näsa kan man inte dölja* (***Любовь***, печаль и красный нос невозможно скрыть),

Morgonglans och ***käringdans*** *varar inte till kvällen* (Блеск утра и ***старушечий танец*** не продлятся до вечера).

5. Имплицитное сравнение посредством противопоставления:

Den inte vill lyda mor får lyda styvmor (Кто не хочет слушаться мать, будет слушаться мачеху). В ряде случаев оно может комбинироваться с метафорой, как в русских единицах: *En mors gås är alltid en svan* (Мамин гусь всегда лебедь).

Отдельного рассмотрения заслуживает особый вид шведских поговорок – *ordstäv*, не имеющий аналога в русском языке. Структурно такие единицы похожи на английские веллеризмы – они начинаются с цитаты, затем указывается, кто произнёс эти слова, и зачастую уточняется, что он при этом сделал: *Det smakar ändå karl, sa käringen, kyste tuppen* (Всё-таки он пахнет мужиком, сказала старуха, целуя петуха). Но, в отличие от веллеризмов, данные шведские единицы не имеют установленного авторства и являются очень древними по своему происхождению. Они характеризуются непременной иронией и зачастую чёрным юмором, и, как правило, служат идейным противовесом традиционным пословицам и поговоркам. В рассматриваемом разделе также существует ряд таких единиц. Если традиционные шведские паремии в основном декларируют необходимость крепкой и дружной семьи, послушания со стороны детей, то *ordstäv,* напротив, высмеивают такие установки максимально саркастично: *Här ligger en hund begraven, sa pojken vid sin fars grav* (Вот где собака зарыта, – сказал мальчик у могилы отца); *Har ann sett på fan, sa båtsman, fick se mor sin* (Вот же чёрт, сказал боцман, увидев свою мать). В приведённых примерах также присутствует имплицитное сравнение отца с собакой и матери с чёртом.

Таким образом, следует не согласиться с выводом Т. В. Захаровой о том, что лексические, синтаксические и лексико-синтаксические средства выступают в качестве периферийных при репрезентации концепта «Сравнение» в паремийном материале [1, с. 5]. В русском и шведском языках наряду с морфологическими средствами – прилагательными и наречиями в сравнительной степени, ядерными следует признать сравнительные конструкции с союзами *как* и *что*. В паремиопространстве обоих языков большую роль играет противопоставление, оппозиция как предварительный этап операции сравнения. Особенностью шведского языка является большее количество способов имплицитного выражения сравнения в паремиях.

Список использованных источников

1. Захарова, Т. В. Концепт СРАВНЕНИЕ и его репрезентация в немецком и русском языках : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Т. В. Захарова; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2009. – 24 с.

2. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях: лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихолингвистический аспекты : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Ничипорчик; Белорусский государственный университет. – Минск, 2016. – 54 с.

3. Пословицы русского народа : сборник В. И. Даля : в 2 т. – М. : «Художественная литература», 1984. – Т. 1. – 383 с.

4. Holm, P. Ordspråk och talesätt / P. Holm. – Stockholm : Albert Bonniers Förlag, 1971. – 385 s.

5. Ström, F. Svenska ordstäv / F. Ström. – Stockholm : Prisma, 1967. – 339 s.

The article deals with explicit and implicit means of representation of a comparison in Russian and Swedish proverbs. The proverbs from thematic groups "Family" and "Husband and wife" are taken into account. Conclusions are drawn regarding a role of lexical, syntactical and lexico-syntactic means in representation of comparison in proverbs.

Keywords: proverb, comparison, explicit and implicit means, concept.

УДК 811.161.1:39

Н. В. Баско

ТИПИЧЕСКОЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В ВЫРАЖЕНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «РИСК» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается репрезентация в русском языке лингвокультурного концепта «Риск». В концепте получили отражение стереотипы социального поведения и эмоционального состояния, исторически сложившиеся в русском языковом сообществе. Автор делает вывод, что типические черты концепта «Риск» содержатся в его понятийной составляющей, а специфические черты заключены в его ценностной составляющей.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, репрезентация концепта, языковая картина мира, национальное языковое сознание, базовые ценности.

Анализ лингвокультурных концептов связан с исследованием языковой картины мира определенного социума, изучением особенностей национального менталитета, стереотипов поведения и характерной для него системы базовых ценностей. «Менталитет определяет социальное своеобразие представителей определенной нации. Это не просто система идей, а исходные принципы деятельности, сложившиеся стереотипы поведения, привычки, традиции. Главным признаком нации является единство культуры – система ценностей, усвоенных народом в процессе его исторического развития и ставших элементом национального менталитета» [1, с. 5].

Данная статья посвящена анализу лингвокультурного концепта «Риск» с позиций носителей русской лингвокультуры, выявлению в нём универсальных и специфических для русской ментальности черт.

Концепт «Риск» выражает один из устойчиво сформировавшихся стереотипов поведения русских, одну из ярких особенностей русского национального менталитета. Слово *риск* является заимстованием из фр. *risque* – «риск» – итал. *risico* – «риск», последнее слово восходит к др.-греч. *ῥιζικόν* – «утёс», др.-греч. *ῥίζα* – «подножие горы». Сюда же – *рисковать* – через фр. *risquer*, итал. *risicare*, первоначально – «лавировать между скал» [2, с. 485].

В лингвокультурологии концепт реализуется в виде единиц языка – лексем, фразеологизмов, паремий, которые являются репрезентантами концепта. Семантика, образность, характер выражаемых эмоций и оценок, связанных с тем или иным понятием, формируют ядро, сущность концепта. Основными лексикографическими источниками, послужившими базой для описания репрезентантов лингвокультурного концепта, стали следующие словари: «Словарь иностранных слов» А. Н. Чудинова [3], «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [4], «Большой толковый словарь современного русского языка» Д. Н. Ушакова [5], «Толковый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой [6], «Словарь русского языка» под ред А. П. Евгеньевой [7], «Толковый словарь иноязычных слов» Л. П. Крысина [8].

При анализе лингвокультурного концепта «Риск» мы используем концепцию, предложенную профессором В. И. Карасиком, согласно которой в концепте выделяются три основных элемента: понятийный, образный и ценностный. К ядру концепта относится, в первую очередь, понятийный элемент, где отражена фактическая информация о конкретном или абстрактном явлении: «языковая фиксация, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция…» [9, с. 129]. Словарные дефиниции лексемы *риск* содержат семантические компоненты, раскрывающие сущность этого понятия, главный «понятийный элемент» (по В. И. Карасику).

В «Словаре иностранных слов» А. Н. Чудинова (1910 г.) мы читаем: *риск* (исп. *reisgo,* от *risco* – отвесный, крутой утес). Дело, предпринимаемое наудачу, на авось; также употребляется в смысле отваги, опасности.

В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова содержится следующее толкование: *риск, риска*, мн. нет, м. (фр. *risque*). 1. Возможная опасность. *С риском для себя* (что-н. делать). *Подвергаться риску. Без риска* (с инф.). Действие наудачу в надежде на счастливую случайность. *Риск − благородное дело*. Поговорка. 2. Возможный убыток или неудача в коммерческом деле, обусловленные изменчивостью рыночной конъюнктуры (торг.). *Делить риск пополам*. 3. Опасность, от к-рой производится страхование имущества (спец.). *На свой страх и риск* (действовать) – принимая на себя могущие произойти убытки или другие неблагоприятные последствия.

В «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой дано следующее определение слову: *риск, -а*, м. [франц. *risque*] 1. Возможная опасность чего-л. *Подвергать себя риску*. 2. Действие наудачу, требующее смелости, бесстрашия, в надежде на счастливый исход. ◊ *На свой страх и риск; за свой страх и риск*.

«Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой содержит следующее определение слову: 1. Возможность опасности, неудачи. *Идти на риск. Без всякого риска. С риском для жизни. Группа риска*. 2. Действие наудачу в надежде на счастливый исход. *На свой страх и р.* действовать, поступать (полностью на свою ответственность).

* *Риск – благородное дело* (разг. шутл.) – Можно, стоит рискнуть, попробовать.

В «Толковом словаре иностранных слов» Л. П. Крысина дублируется толкование из словаря С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой: 1. Возможность опасности, неудачи. *Идти на риск. Без всякого риска. С риском для жизни. Группа риска*. 2. Действие наудачу в надежде на счастливый исход. *Действовать на свой страх и р*.

Наконец, в «Толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой можно прочитать следующее пределение: *риск*, м. 1) а) Возможная опасность. б) Действие наудачу в надежде на счастливый исход дела. 2) Возможный убыток или неудача в каком-л. деле. 3) Опасность, от которой производится страхование имущества.

Сравнение словарных дефиниций показывает, что в каждой из них присутствуют семы ‘опасность’, ‘действие наудачу’, ‘надежда’. Важным представляются нам дополнительные семы – ‘смелость, отвага, бесстрашие’, отмеченные в словарях А. Н. Чудинова и А. П. Евгеньевой.

В качестве фразеологизма-репрезентанта концепта «Риск» выступает устойчиве выражение, отмеченное во всех словарях: *на свой страх и риск*, в котором у слова *риск* обнаруживается синоним – слово *страх*. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что «действие наудачу» непременно сопряжено со страхом человека, подвергающего себя, свою жизнь опасности, угрозе.

Наиболее широко в русском языке лингвокультурный концепт «Риск» реализуется в виде паремий. Сравн.:

Семь бед – один ответ.
Риск – благородное дело.
Побеждать без риска – побеждать без славы.
Кто ничем не рискует, тот ничего не получает.
Кто не рискует, тот не выигрывает.
Нет дела без риска.
Не рискуя, не добудешь.
Либо пан, либо пропал.
Не рисковать, так и боя не выиграть.
Без риска и жизнь пресна.
Риск на войне – родной брат отваге.
Кто в бою не рискует, по тому и орден не тоскует.

От умного риска до победы близко.

Во многих приведённых выше поговорках прослеживается идея максимального требования «*всё или ничего*»: *Либо пан, либо пропал; Либо грудь в крестах, либо голова в кустах; Либо полковник, либо покойник; Целовать – так королеву, воровать – так миллион.*

На основе семантического анализа единиц-репрезентантов концепта «Риск» можно предположить, что понятийная составляющая концепта содержит следующие семантические компоненты: 1. Опасность действия или поступка, которые готов совершить человек; 2. Осознание человеком опасности, возможности потерь, угрозы для жизни в случае совершения действия; 3. Надежда на счастливый исход действия, на успех при отсутствии рационального основания для успеха; 4. Готовность принять опасность, бросить вызов судьбе, преодолевая страх и проявляя смелость, отвагу.

Образная составляющая лингвокультурного концепта фиксирует концепт в национальном языковом сознании. Она проявляется в образах, лежащих в основе семантики репрезентантов концепта «Риск». Эти образы связаны с опасностью предпринимаемого действия, с решимостью, бесстрашием, с выбором (часто трагическим): или угроза для жизни – или успех, победа. В образах, лежащих в основе семантики репрезентантов концепта, прослеживается фатализм русского человека, вера в рок, неотвратимость судьбы, неминуемость исхода: *будь что будет, была не была*.

Наиболее ярко образная основа концепта «Риск» проявляется в паремиях, в антитезе, заключенной в их содержании и грамматической структуре. Сравн.:

Кто не рискует, тот не выигрывает.

Либо пан, либо пропал.

Либо полковник, либо покойник.

Риск на войне – родной брат отваге.

Ценностная составляющая лингвокультурного концепта реализуется в оценке, которую он содержит. Она показывает значимость определенного стереотипа поведения, выраженного в языке, для индивидуального и коллективного национального сознания. «Оценка и делает концепт концептом, дает возможность включить данную единицу в общий культурный контекст» [10, с. 31]. Оценочность в полной мере дает возможность человеку выразить своё отношение к происходящему, свою культурную и социальную позицию. Категория языковой оценки выступает основным способом отражения системы ценностей в языке.

Категория оценки может выражаться в языке по-разному: оценка может быть представлена в лексическом значении языковой единицы-репрезентанта в качестве семантического компонента, или языковые единицы приобретают оценочные смыслы в контексте. Наблюдения над выражением языковой оценки в репрезентантах концепта «Риск» показывают, что оценочное значение концепта наиболее ярко представлено в паремиях. Сравн.:

Риск – благородное дело.

Без риска и жизнь пресна.

Побеждать без риска – побеждать без славы.

Кто в бою не рискует, по тому и орден не тоскует.

Приведенные паремии показывают, что у русских готовность рисковать, идти на риск ассоциируется с храбростью, удальством, благородством, победой, славой, то есть в русском языковом сознании риск оценивается положительно, осознается как позитивная ценность.

Представляется, что, помимо образов, которые в разных лингвокультурных сообществах, как правило, индивидуальны, специфичны, именно в оценочном компоненте концепта «Риск» кроется национальная, характерная для русской ментальности специфика концепта. В восприятии других народов, риск – это прежде всего опасность, авантюра – «беспринципное, сомнительное по честности дело, предпринятое в расчёте на случайный успех» [8, с. 31]. Для русских понятие «риск» содержит в себе элемент развлечения, игры, приносящей славу и победу и демонстрирующей безудержную храбрость, удальство, отвагу, отчаянность, дерзость, геройство. «На Западе давно известны смелость русского человека, его стремление ис-

пытать всю полноту ощущений, включая экстремальные, его готовность рисковать в опасной для жизни ситуации. Здесь можно вспомнить один из самых популярных аттракционов в парках развлечений разных стран – «русские горки» (исп. Montaña rusa, фр. Montagnes russes, итал. Montagne russe), или экстремальную азартную игру (со смертельным риском, с одним патроном в револьвере) «русскую рулетку», широко известную на Западе. Экстремальный аттракцион и азартная игра пришли в западную культуру из России, они прочно связаны в сознании представителей Запада с характерной особенностью русской ментальности, что подчеркивается прилагательным *русский* в их названиях. Безудержная смелость русских, их азарт, любовь к риску на грани безрассудства ради полноты ощущений нередко воспринимаются иностранцами как поведение иррациональное, выходящее за пределы здравого смысла и трезвого расчета» [11, с. 349].

Подводя итоги наблюдениям над выражением лингвокультурного концепта «Риск» в русском языке, можно сделать следующий вывод. Универсальные, типические черты концепта «Риск» содержатся в его понятийной составляющей, а специфические черты заключены прежде всего в его ценностной составляющей. В отличие от других картин мира, в русской языковой картине мира концепт «Риск» содержит оценку одобрения: в языковом сознании русских он выражает позитивную ценность.

Список использованных источников

1. Лихачев, Д. С. О национальном характере русских / Д. С. Лихачев // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 3–6.

2. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 3 – 832 с.

3. Чудинов, А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / А. Н. Чудинов. – СПб. : Изд. книгопродавца В. И. Губинского, 1910. – 676 с.

4. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : ИНФОТЕХ, 2009. – 944 с.

5. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : «Альта-Принт», 2007. – 1239 с.

6. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М. : Дрофа, 2000. – 1233 с.

7. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер.– М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 3. – 750 с.

8. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Эксмо, 2008. – 944 с.

9. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2004. – 390 с.

10. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурный концепт как системное образование / Г. Г. Слышкин // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 1. – С. 29–34.

11. Баско, Н. В. Лингвокультурный концепт «Максимализм» в русской языковой картине мира / Н. В. Баско // Преподаватель XXI век. Ч. 2. – М. : МПГУ, 2019. – С. 346–359.

The article deals with the representation in the Russian language linguocultural concept “risk”. The concept reflected the stereotypes of social behavior and emotional state that have historically developed in the Russian language community. The author concludes that typical features of the concept of "risk" are contained in its conceptual component, and specific features are contained in its value component.

Keywords: linguocultural concept, representation of the concept, language picture of the world, national linguistic consciousness, basic value.

УДК 81’282.2, 81’42

С. В. Волошина

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЙНОГО СЛОЯ КОНЦЕПТА «МЕДВЕДЬ» В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются общерусские и диалектные номинации концепта «Медведь», его толкование и признаки. Материалом выступают тексты, записанные на территории распространения русских старожильческих говоров Среднего Приобья. Выявлено, что для диалектоносителей медведь – это прежде всего хищное, опасное животное, обладающее разрушительной силой. Вместе с тем охота на медведей имеет утилитарное значение.

Ключевые слова: концепт, диалектный дискурс, медведь, диалектная коммуникация.

Концепт «Медведь» – один из лингвокультурных концептов, символизирующих Россию и Сибирь в частности. Вследствие этого, существует большое количество работ, в которых изучается этот концепт или его составляющие на материале русского литературного языка и диалектной речи.

Концепт «Медведь» рассматривался как способ самоидентификации личности в условиях глобализации [1], его интразона и экстразона изучалась на материале словаря В. И. Даля [2], реконструировался архетипический образ медведя в духовной культуре народов России [3], проводились сопоставительные исследования этого концепта в русской и итальянской языковых картинах мира [4]. В работах диалектологов описываются номинации медведя в русских говорах в целом [5; 6], а также в ивановских [7], тамбовских [8], архангельских говорах [9].

Целью данной статьи является описание понятийного слоя концепта «Медведь», функционирующего в говорах Среднего Приобья.

Материал исследования – диалектные тексты, записанные в результате диалектологических экспедиций с 1940-х гг. по 2019 гг. на территории распространения старожильческих говоров Среднего Приобья. Источником материала послужили тексты Томского диалектного корпуса, данные Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби [10], Вершининского словаря [11], Полного словаря диалектной языковой личности [12], а также аудиозаписи речи диалектоносителей, сделанные в том числе автором исследования в результате экспедиции в с. Первомайское Первомайского района Томской области в 2008 г., в с. Мельниково Шегарского района Томской области в 2017–2019 гг.

Мы обращаемся к описанию этого концепта, функционирующего в речи носителей говоров Среднего Приобья, поскольку с одной стороны, он отражает сибирскую специфику, с другой стороны, тематика «природный мир» занимает одно из лидирующих мест в имеющихся материалах, о чем свидетельствует тематическая разметка Томского диалектного корпуса.

Концепт – это единица сознания, репрезентируемая средствами языка. Как отмечает Ю. С. Степанов, концепты существуют в сознании (в ментальном мире) человека, и тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций и переживаний, которые сопровождают слово, и есть концепт [13, с. 43].

Согласно сложившейся в концептологии традиции, в структуре концептов выделяется понятийный, образный и аксиологический слои. В данной работе рассмотрим понятийный слой концепта «Медведь», поскольку этот концепт обладает большой разработанностью его слоёв в народной культуре. Понятийный слой – это варианты его обозначения, описания,

признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики по отношению к тому или иному концепту [14, с. 107].

Из исследуемых текстов выбирались контексты с лексемами *медведь* / *медведица* и их дериватами, анализировалась их сочетаемость, системные связи (синонимические отношения), рассматривалась семантика этих единиц и высказываний в целом. То есть содержательная сторона концепта моделировалась с использованием контекстуального анализа.

Согласно данным Вершининского словаря, «медведь – хищное животное с крупным неуклюжим телом, покрытым густой шерстью, и короткими ногами» [11, с. 288]. В Полном словаре диалектной языковой личности зафиксировано следующее значение: «медведь – крупное хищное животное с густой бурой шерстью» [12, с. 158].

В располагаемом материале для номинации исследуемого концепта используются следующие лексические единицы: *медведь* и образованные от него слова *медведишка, медведок*, а также *ведмедь, медмедь, зверь, зверьё, косолапый, Михаил Иваныч, таёжник, чёрный зверь, медовщик, муравей, муравейный зверь, муравейник, муравинник, муравятник, муравьед, бродяга, блудня, лоншак, пестун, медвежонок, щенок, щенёнок (шшенёнок), хозяин тайги, шатун, негодяй, медведица, медвежица, медведиха, медвежиха, звериха, матуха, матка.*

Среди этих названий выделяются, с одной стороны, общие номинации этого животного (*медведь, зверь, медмедь, ведмедь, Михаил Иваныч, медведица, медвежиха* и др.): *Я ехала на обласке встречать маму. Ехала, пела, во всю глотку пела. Взглянула – **медведь** стоял. Я как приузрела...; Да, медведя кто и **зверём** зовёт, а то и **чёрным зверем** – а не всё ли равно – эт ведь одно и то же; Мы один раз с бабушкой пошли в лес по ягоды. Баба, тётка пошла. А голубицы полны, она как ободралась, как заревёт благим матом: «Медведь встал!». А баба говорит: «**Михаил Иваныч!** Иди, тебе дорога, нам – другая»; **Зверем** остячьё **медведе'й** называла. Слово **медведь** тогда вообще не знали, так и говорили: «зверовать пошли»; Они стали караулить, ну пришла эта **медвежи'ха,** вышла. И они её убили, а медвежонка взяли живого, медвежонка; Медведей добывал, двух **ма'тков** с двумя детьми. По три даже бывают в одним берлоге, три детёнка там.*

С другой стороны, отмечены номинации медведей, указывающие на отдельные признаки:

− место проживания: *таёжник, хозяин тайги*: ***Таёжник** у нас зовут медведь. Вот он **таёжник**, он в тайге живёт, поэтому он **таёжник**. А кто больше?; Лося соха'тым называют, а медведя чёрным зверем или же **хозя'ином тайги***;

− возраст: *зверьё, медвежонок, пестун, лоншак*: *Зверьё. Это у уток утяты есь, а у зверей дети – **зверьё; Пестуны-сосунцы** [медвежата]. Я их добувал вочень много. Это дамно было уже, по молодости; Прошлогодний медвежонок **пе'стун** называется; **Лонша'к** – это скажем прошлогодний телёнок, лосёнок, **медвежонок;** Медведей четырев убивал. **Шшэнёнка** последнего; Приходилось убивать две матки со **шшенятами***;

− любимую еду: *медведь, ведмедь, медмедь, медовщик, муравейник, муравинник, муравятник, муравьед, муравей, муравейный зверь: **Медовщик**, он задират скотину; У нас медведи двух сортовые. Есть с ошейником белым, он по-особому называется. Но они, говорят, совсем безвредные. **Муравейники** их называют, вот как; А **медведя** один недавно убил, пасечник он. **Медведь** у его пасеку разорял, ну тот и подкараулил; Россомаги раньше были, **ведмеди***;

− форму стопы: *косолапый: У нас-то зайцы, барсуки, медведи, его **косолапым** называют, берлоги делают*;

− поведение: *шатун, негодяй, бродяга, блудня*: *Бродит по лесу медведь, не **шатун**, а **бродяга, блудня***;

− цвет: *чёрный зверь: Есь медведь муравьед. Он маленький, а сердитой. Тоже **чёрный**, есь <сбура'>.*

Наряду с номинациями, которые «высвечивают» какие-либо характеристики медведя, в исследуемом материале встречаются также следующие определения:

− медведь – крупное животное: *Он взадпятки' да взадпятки', да в побег. Он побоялся:* ***шибко огромный медведь***;

− медведь – это хитрое животное: *медведь ведь он такое* ***хитрый****, он тоже следит, и след запу'тыват, петли делат; Ить* ***медведь тоже хитрый****. Вот когда охотники охо'тничают, идут за ним, вот он прошёл и чу'хает, что за ём это, он уже круг дас[т] и вза'ди их идёт. Они гонят по его, а он уже выйдет за ими. И идёт там. Ну если почувствовал, что – ага, так напо'рно идут с соба'ками, он будет за ими надыха'ть вслед. А если чувствует, его так преследуют, он постоит и отправился*;

− медведь – опасное, хищное животное: *Вот в январе у нас убивали в Карона'ке. Он тощо'й, прехудой. Убили его, и страшно там. Это* ***хи'чный****, значит, зверь, который броdя'жий не во время ляжет, вроде это значит* ***хи'чный*** *зверь.* ***Вредный это, самый вредный и опасный****; Вот это называют* ***шатун, он очень злой, его потревожили и он идёт на смерть.*** *Тогда его* ***обязательно надо убить, чтобы не натворил никаких бед****; Вот случай из охоты.* ***Медведь мужика съел****. Пришёл медведь в крайнюю избу, там Микита Исаич жил. <…>* ***Съел он его, сердце здесь выел. В общем, съел этого мужика, ободрал и ушёл; Он скот-то задира'т. Одно время сколько телят задрал***;

− медведь – быстрое животное: *Главно, говорят, если встретишь медведя, не отводи взгляда, он ишшо не трогат, стреляй. А если отведёшь в сторону, то конец, он быстрый. Отец рассказывал, что шишковал он как-то по осени. Набрал шишек и ночевать собрался, костёр развёл, а медведь заскочил на коня и драть. Отец на него с огнём, медведь на дерево. Отец в него головёшками кидать*. ***Медведь спрыгнул, да на землю быстрей веток пал. Во каки' они быстры***;

− медведь – хорошо плавающее, лазающее животное: *Смотрим – медведь плывёт. А они это, шли, на… и вышли к Кети. И он понял, что тут люди работают, это самое, поселение. И он решил на ту сторону уплыть; В сентябре роет берлогу и лежит. Чё ес? Летом скотину задавит, питатся ягодой, шишкой.* ***На кедру' залазит***;

− медведь – животное, вызывающее испуг, страх: *Короче пошли мы с дядей Мишей с этим, а у него нету одной ноги, он инвалид, вот у меня два родственника, оба инвалиды, с войны пришли, без ног, без одной ноги. Ну и короче он к костылю привязывает корзиночку, и за грибами на горку, ну скок тут, с кило'метр, дальше не ходили мы. <…>****У меня всё сжалось, я тихонечко, ну а дядь Миша наверно метров пятнадцать от меня. Я [шёпотом]: «Дядь Миша, там медведь». – Он: «Где?» А я говорю: «Вон, смотри, вон он». Короче я бежал, пацанёнок, на двух ногах, а дядь Миша от меня на костылях не отставал;* *… медведь вспорхнул и пошёл. Мы давай колотить об корзинки, а* ***тётка испугалась, трясней трясёт;*** *Медведь, он как больша' свинья, такой же.* ***Люди-то здесь боятся, ши'бко, лугоски'-то***.

В связи с подобными характеристиками в сочетании со словом *медведь* в качестве его действий выступают следующие глаголы: *задрать, сломать, заломать, залазить, искалечить, рявкнуть, реветь, гурмовать* (‘издеваться’), *заблажить* (‘растерзать’), *забузовать* (‘зашуметь, произвести беспорядки’), *выскочить, прыгнуть: Медведь* ***гурмова'л, гурмова'л*** *надо мной, потом опеть нача'л издеваться;* и мн. др.

Большое количество материала повествует об охоте на медведей, что имеет утилитарное значение: на медведей охотятся с целью добычи мяса, шкуры, лечебных целей: *В позапрошлый год здоровый был он. От туберкулёзу сало помогало; Молоденькая медвежатина – хорошая. Сало пользительное. Ну, медведя мы не ели. А теперь едят, а тода не ели; Шкуры от медведя хороши были. Я видела, их на кровать сте'лют, на по'л.*

Е. Н. Бондаренко при исследовании концепта «Русский медведь» на материале российских СМИ отмечает, что в русской языковой картине мира этот концепт связан прежде всего с созидательной силой, это дружелюбная сила, отличающаяся мощью и приветливостью, однако ужасающая своей неконтролируемой властью, неограниченная сила, характеризующаяся неудержимостью [1, с. 86–87]. В нашем же материале медведь – это прежде всего хищное животное, вызывающее страх, обладающее разрушительной силой.

Список использованных источников

1. Бондаренко, Е. Н. Лингвокультурный концепт «Русский медведь» как способ самоидентификации личности в условиях глобализации / Е. Н. Бондаренко // Патриотизм как объединяющая национальная идея. Столетию Великой российской революции (от свержения самодержавия к образованию СССР) посвящается : сб. науч. трудов Междунар. научно-практической конференции. – Ульяновск : 2017. – С. 85–89.

2. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 / Г. Г. Слышкин. – Волгоград, 2004. – 323 с.

3. Кошкарова, Ю. А. Архетипический образ медведя в духовной культуре народов России : автореф. дис. … канд. культурологии : 24.00.01 / Ю. А. Кошкарова. – Краснодар, 2010. – 22 с.

4. Лаццари, М. Лингвокультурологический анализ компонента-зоонима «Медведь» в русской и итальянской национальных языковых картинах мира / М. Лаццари, З. С. Тюрина // Филологический аспект. – 2018. – № 7 (39). – С. 115–123.

5. Кудряшова, Р. И. Названия медведя и медведицы в русских говорах / Р. И. Кудряшова, Т. Н. Колокольцева // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). – СПб. : Изд-во ИЛИ РАН, 2000. – С. 47–53.

6. Костючук, Л. Я. Информативная значимость диалектной лексической карты в конце XX в. / Л. Я. Костючук // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). – СПб. : Изд-во ИЛИ РАН, 2001. – С. 39–46.

7. Варзина, Н. П. Диалектное слово в аксиологическом аспекте на материале ЛСГ «Медведь» в говорах Ивановской области / Н. П. Варзина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). – СПб. : Изд-во ИЛИ РАН, 1998. – С. 136–138.

8. Поповичева, И. В. О представлениях и верованиях, сохраненных тамбовскими диалектоносителями / И. В. Поповичева // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). – СПб. : Наука, 2004. – С. 328–332.

9. Уткина, А. С. Лексика охоты на медведя на материале архангельских говоров (социолингвистический аспект) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). – СПб. : Наука, 2014. – С. 635–639.

10. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://losl.tsu.ru/dialect-dictionary. – Дата доступа : 20.10.2019.

11. Вершининский словарь. − Т. 3. : И−М. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – 348 с.

12. Полный словарь диалектной языковой личности / авт.-сост. Т. Б. Банкова, О. И. Блинова, К. В. Гарганеева и др.; под ред. Е. В. Иванцовой.– Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. – Т. 2 : И−О. – 338 с.

13. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры : 3-е изд. / Ю. С. Степанов. – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.

14. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

The article deals with the all-Russian and dialect nominations of the concept «bear», its interpretation and features. The material is the texts, which were recorded in the territory of distribution of Russian dialects of the Middle Ob region. It is revealed that the bear for dialect speakers is a dangerous animal with destructive force. However, bear hunting has a utilitarian value.

Keywords: concept, dialect discourse, a bear, dialect communication.

УДК 811.161.1’371:811.161.3’371

П. С. Завтрикова, Е. В. Ничипорчик

О СРЕДСТВАХ ОБОЗНАЧЕНИЯ АКЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К СМЫСЛУ ЖИЗНИ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

В статье описываются глаголы, используемые для обозначения акционального отношения субъекта к смыслу жизни в русских и белорусских текстах. Выясняется, что при конструировании фрагментов текстов, содержащих обозначение типовой ситуации «субъект и его акциональное отношение к смыслу жизни», носители родственных русского и белорусского языков опираются, как правило, на тождественные когнитивные модели.

Ключевые слова: смысл жизни, глагольная семантика, типовая ситуация, когнитивная модель.

Развитие человеческой цивилизации во многом зависит от правильно и своевременно сформулированных вопросов. С помощью тысяч «Почему?» мы, будучи детьми, познаем мир, благодаря многочисленным «Что будет, если?» получаем актуальный опыт, а после растерянного «Что я сделал не так?» пытаемся адаптироваться к еще неизвестным нам условиям функционирования социальной или естественной среды.

Существуют, однако, задачи, которые не удается решить уже нескольким поколениям людей. В их числе – **вопрос о смысле жизни**. Сама проблема поиска смысла жизни породила соответствующий концепт – «Смысл жизни». В отличие от иных концептов культуры, данный концепт сохраняется в коллективной памяти как некоторый жизненный ориентир, не имеющий конвенционального содержания.

Номинат концепта функционирует как устойчивый словесный комплекс. О его высокой востребованности свидетельствует частотность фиксации в текстах Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [1]. Приведем для сравнения число вхождений в НКРЯ других устойчивых комплексов с компонентом *жизнь*: *уклад жизни* – 452 вхождения, *прожить жизнь* – 679 вхождений, *вечная жизнь* – 1093 вхождения, *смысл жизни* – 1879 вхождений.

Востребованность сочетания *смысл жизни* обусловливается, вероятно, стремлением человека поделиться с другими людьми мыслями о жизни, объяснить, оправдать свое или чужое существование, упорядочить хаотическую действительность. Нахождение смысла жизни видится как возможность построить план, следование которому стало бы верной и, судя по всему, приносящей счастье жизненной стратегией.

В настоящей статье предпринята попытка анализа языковых структур, используемых в рассуждениях о смысле жизни. Выявление форматов знания, положенных в основу рассуждений о смысле жизни, позволило бы говорить о вероятной объективности части этих рассуждений, ведь, как пишет Е. Н. Трубецкой в своем хрестоматийном труде, «спрашивать о смысле – значит задаваться вопросом о безусловном значении чего-либо, т. е. о таком значении, которое не зависит от чьего-либо субъективного усмотрения, от произвола какой-либо индивидуальной мысли» [2].

Фактический материал для статьи был выбран из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [1] и Белорусского N-корпуса [3]. Весьма вероятно, что представители близких по духу культур будут использовать схожие конструкции для выражения отношения к чему-либо.

Рассуждения о смысле жизни могут быть перволичными (о себе (1); (2)) и третьеличными (о третьих лицах (3); (4)); второличные (о собеседнике) встречаются в диалогах, но крайне редко (5):

*А мы с отцом по ночам чаи гоняем, **о смысле жизни говорим**, что еще остается, если заснуть не можешь* [Екатерина Завершнева. Бабушка (2010)] (1);

Год сын жыў паміж Мінскам і Галандыяй. Але ён кажа: «Мама, там усё ёсць, там усё добра. Але не ляжыць душа. ***Я не разумею іх сэнсу жыцця»*** [Еўрарадыё. Арганізацыя «Мулат»: Калі пачнецца паток мігрантаў у Беларусь, мы іх падтрымаем (2016)] (2);

Анна, теряя любовь, ***теряла смысл жизни****, и смерть для нее наполнялась смыслом. Что оставалось ей? Женщине с проснувшимся умом и сердцем куда применить их и ради чего жить?* [Галина Николаева. Битва в пути (1959)] (3);

– Ад чалавека – што застаецца? – не пераставаў Рыгор. Нават не верылася, што гэта ён пытае, што і ***ён урэшце задумаўся над сэнсам жыцця*** [Павал Місько. Градабой (1975–1979)] (4);

– У вас такое лицо, будто ***вы неустанно ищете смысл жизни*** [Юрий Петкевич. Явление ангела (2001)] (5).

Третьеличные дискурсы о смысле жизни превосходят по количеству аналогичные перволичные практически в два раза. Данный факт, возможно, связан с тем, что человеку трудно самостоятельно решать «вечные» проблемы и предпочтительным оказывается анализ чужих мыслей, побуждений и состояний. Следует также учесть, что третьеличный дискурс в принципе более характерен для эпических текстов, так как подобный тип повествования соответствует установке на создание объективной картины мира.

Поскольку проанализировать все зафиксированные в корпусе рассуждения о смысле жизни в рамках одной статьи не представляется возможным, мы ограничились только контекстами, в которых находит обозначение типовая ситуация «субъект и его акциональное отношение к смыслу жизни» (1); (2):

Когда я слышу, как ***люди определяют смысл жизни****, мне кажется, что кто-то грубый, сильный обнимает меня жесткими объятиями и давит, хочет изуродовать…* [Максим Горький. Дачники (1904)] (1);

Я знайшоў сэнс жыцця *ў службе свайму народу, сваёй Бацькаўшчыне, беларускай справе* [Наша Ніва. Сустрэча з Янкам Запруднікам (2016)] (2).

Сравним:

Если весь ***смысл моей жизни заключается в*** *моем авторстве, то я не могу не желать славы* [Петр Чайковский. Письма Н. Ф. фон-Мекк (1880)];

Увесь ***сэнс жыцця быў у табе адной****, усе нягоды, увесь смутак перакрываліся радасцю, што ты ў мяне ёсць* [Віктар Карамазаў. Крыж на зямлі і поўня ў небе (1991)].

Два последних контекста не соответствуют модели «субъект – предикат – объект» и не раскрывают акционального отношения личности к смыслу жизни.

В Национальном корпусе русского языка и Белорусском N-корпусе зафиксировано 393 и 122 единицы искомого иллюстративного материала соответственно. Поскольку главным выразителем отношений в семантико-синтаксической модели предложения является предикат, основное внимание мы сосредоточили на анализе предикатов, используемых для выражения процессуальной семантики при обозначении типовой ситуации «субъект и его акциональное отношение к смыслу жизни».

Русскоязычные авторы при описании акционального отношения субъекта к смыслу жизни использовали 21 группу однокоренных глаголов (например, *потерять* / *терять* / *утерять*) и еще 44 глагола, 33 из которых используются в Корпусе единожды (*заглушать*, *томиться по*, *мучиться над* и др.).

Контекстов на белорусском языке на порядок меньше, однако лексическое разнообразие присутствует и здесь: 8 групп однокоренных глаголов и 21 самостоятельный глагол; 16 из них представляют единичное употребление.

Типичными для определения «взаимодействия» субъекта и смысла жизни в двух восточнославянских языках стали следующие глаголы (в скобках указано количество вхождений):

а) в русском языке:

1 – ***искать*** (47), *отыскивать* (2), *разыскивать* (1) – 50 вхождений;

2 – ***думать о*** (20), *думать над* (2), *задуматься о* (7), *задумываться о* (7), *задуматься над* (3), *задумываться над* (2), *подумать о* (3), *подумать над* (1), *вдумываться в* (1), *придумать* (1), *выдумать* (1) – 48 вхождений;

3 – ***понять*** (26), *понимать* (10), *недопонять* (1) – 37 вхождений;

4 – ***видеть*** (28), *увидеть* (3) – 31 вхождение;

5 – ***найти*** (22), *находить* (5) – 27 вхождений;

б) в белорусском языке:

1 – ***задумацца над*** (8), *задумвацца над* (2), *задумацца пра* (5), *задумвацца пра* (2), *задумацца аб* (1), *падумаць пра* (3), *падумаць над* (1) – 22 вхождения;

2 – ***шукаць*** (18), *адшукаць* (1) – 19 вхождений;

3 – ***знайсці*** (15), *знахадзіць* (1) – 16 вхождений;

4 – ***зразумець*** (6), *разумець* (5) – 11 вхождений;

5 – ***бачыць*** (11) – 11 вхождений.

Подобная группировка глаголов по формальному признаку имеет свои причины. Во-первых, корень однокоренных слов выражает общее лексическое значение этих слов, а во-вторых, попытка семантической / тематической классификации данного материала затруднительна в принципе: тяжело понять, однотипно ли значение процессов, к примеру, постижения, осмысления, получения, обретения, нахождения, определения смысла жизни.

Можно заметить, насколько последовательна корреляция ядерных глаголов, используемых для обозначения процессуальной семантики в избранной нами модели рассуждения о смысле жизни в русском и белорусском текстовых пространствах. Первые пять групп соотносимы не только семантически, но и во многом количественно: по составу глагольных лексем и по предложному управлению. Интересно, что в русских текстах глаголы *искать* и *найти* (не составляющие, по мнению Анны А. Зализняк и И. Л. Микаэлян, видовую пару [4]) при образовании сочетаний с устойчивым комплексом *смысл жизни* характеризуются разной степенью востребованности: *искать* встречается в два раза чаще, чем *найти*; в белорусских текстах глаголы *шукаць* и *знайсці* в аналогичных структурах очень близки по частотности фиксаций.

При всем этом остается загадкой, почему же мы воспринимаем смысл жизни как объект поиска или как нечто, что можно, например, «увидеть». В надежде найти ответы на эти вопросы мы обратились к «Экспериментальному синтаксическому словарю» под ред. Л. Г. Бабенко. По определению его составителей, «словарь является попыткой лексикографической интерпретации взаимодействия лексики и синтаксиса, обнаруживаемого на уровне семантических моделей русских глагольных предложений и их лексико-синтаксических репрезентаций» [5].

Три из пяти ядерных глаголов (*думать*, *понимать*, *видеть*) отнесены в данном словаре (в соответствующих нашим контекстам значениях) к предикатам интеллектуальной деятельности и используются в языке для обозначения **типовых ситуаций понимания** («*Человек понимает что-л. (какие-л. явления, процессы, события), проникая в суть явлений на основе наблюдений, размышлений, специальных логических выводов»*; глаголы *понимать*, *видеть*) [5] и **мышления** («*Человек думает, размышляет о ком-, чем-л., обдумывает что-л.»*; глагол *думать*) [5]:

Але ён, Жукоўскі, ***бачыць вышэйшы сэнс жыцця*** *ў прыгажосці і каханні* [Віктар Карамазаў. Мой брат духоўны (2002)];

Традиционный отдых минусинцев – лыжи, беговые или горные, купание в зимней проруби, рыбалка: сядут у проруби и ***думают о смысле жизни****…* [Алена Лоскутова, Елена Петрова. Алена Лоскутова из Минусинска (2012)].

Глаголы *искать* и *находить* близки по значению и, согласно экспериментальному словарю, образуют **типовую ситуацию поиска объекта** (*«Живое существо ищет, находит в результате поиска что-л. скрытое, утерянное»*) [5]:

Сопоставление Печорина с Иоханнесом Киркегора избавляет от стереотипного толкования лермонтовского героя: мол, ***ищет смысл жизни*** *и* ***не находит*** *– окружающее не дает приложить сил. Нет, Лермонтов изображает окружающее неизменным – вот в чем новизна его романа* [Валерий Мильдон. Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина (2002)].

«Тактика» подобного поиска неясна, ведь этот поиск приписывается исключительно ментальной сфере, хотя к физическому миру может иметь непосредственное отношение, поскольку в реальной действительности найденный смысл жизни может заключаться в предмете обладания, важном для человека в том или ином отношении, в определенном виде деятельности и во многом другом, что приобретает исключительную ценность для человека:

А этот ***фотоаппарат стал смыслом ее жизни****, тоненькой невидимой ниточкой, связывавшей ее с детьми* [Татьяна Сахарова. Добрая фея с острыми зубками (2005)];

Па словах таварыша, для Руслана гэта ***гульня стала сэнсам жыцця****. У ёй ён сябе выдатна рэалізоўваў і нават зарабляў на «Танках» па некалькі соцень долараў штомесяц чыстымі* [Еўрарадыё. Абвінавачаны ў абкраданні банка захапляўся «Танкамі» і марыў жыць у Расіі (2015)].

Помимо наиболее частотных предикатов, используемых для обозначения акционального отношения субъекта к смыслу жизни, фиксируется немногочисленная группа коррелирующих по семантике глаголов, которые встречаются эпизодично в анализируемых контекстах НКРЯ и Белорусского N-корпуса (например, *постигнуть* (5) – *спасцігнуць* (2), *иметь* (4) – *мець* (1), *рассуждать о* (3) – *разважаць пра* (2), *разважаць аб* (1) и др.).

Единожды фиксируемые предикаты в сочетании с устойчивым комплексом *смысл жизни* / *сэнс жыцця* практически не обнаруживают семантических корреляций в сопоставляемых языках. Это – русские глаголы *беседовать о*, *вернуть*, *доказать*, *заглушать*, *замыкать*, *исследовать*, *исчерпать*, *мучиться над*, *называть*, *оправдать*, *отрывать*, *охватить*, *переносить*, *подрывать*, *пофилософствовать о*, *представлять*, *сделать*, *снабдить*, *сомневаться в*, *составлять*, *сотворить*, *сохранить*, *спрашивать о*, *схватывать*, *томиться по*, *торговать*, *усматривать в*, *устроить в* и белорусские – *агаліць*, *глядзець на*, *здабыць*, *зрабіць з*, *падарыць*.

Приведем несколько контекстов с данными глаголами:

Те не ***торговали смыслом жизни****, но духовность была с ними, и в скудных партийных полемиках было больше жизни и больше музыки, чем во всех писаниях Леонида Андреева* [Осип Мандельштам. Шум времени (1923)];

– О, хрысціяне – народ вельмі змыслы <…> на сваё жыццё на зямлі яны пазіраюць як на спосаб латвей дастасавацца да банкету на тым свеце. – Ты занадта ***агаліў сэнс жыцця****, – сказаў Турсевіч, – і тым самым зневажаеш чалавека* [Якуб Колас. У Палескай глушы (1923)];

– Может, ***ты смысла жизни не чувствуешь****, так потерпи чуть-чуть, – сказал Вощев лежачему* [Андрей Платонов. Котлован (1930)].

Общее количественное преобладание русских глаголов можно объяснить тем, что Национальный корпус русского языка более репрезентативен, чем Белорусский N-корпус, и анализируемые русскоязычные контексты численно превосходят белорусскоязычные более чем в три раза.

Вышеперечисленные неядерные (единожды использованные) глаголы трудно типизировать, поскольку обозначаемые ими акции характерны для разных сфер человеческой жизнедеятельности. Примечательно то, что многие из данных глаголов в сочетании с устойчивым комплексом *смысл жизни* подвергаются метафорическому переосмыслению, основанному на ассоциации внутренних «нефизических» процессов с действиями, совершаемыми в физическом мире:

Существо же в ином: я, наверно, первый произнесший это слово применительно к Вильямсу, но я его произнесу с сознанием ответственности перед теми, кто ***проникнет***

в смысл жизни *Вильямса после нас, – мы имеем дело с великим американцем* [Савва Дангулов. Вильямс (1981)];

Но как отнять у живых участников событий веру в то, что их близкие и друзья не погибли бессмысленно, что предана – тогда и сейчас – их вера в праведность жертв и лишений, у многих из них просто ***отнять смысл жизни****?* [Галина Шергова. …Об известных всем (2002−2004)].

Результаты анализа фрагментов русских и белорусских текстов с обозначениями типовой ситуации «субъект и его акциональное отношение к смыслу жизни» позволяют прийти к следующим выводам. Выделяется группа семантически коррелирующих ядерных (наиболее частотных) глаголов в русском и белорусском языках, используемых для обозначения акционального отношения субъекта к смыслу жизни. Это глаголы, предикатная функция которых, согласно «Экспериментальному синтаксическому словарю» под ред. Л. Г. Бабенко, связывается с обозначением ситуаций мышления, понимания, поиска объекта. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что при конструировании речевых фрагментов, содержащих обозначение типовой ситуации «субъект и его акциональное отношение к смыслу жизни», носители родственных русского и белорусского языков опираются, как правило, на тождественные когнитивные модели. Случайные (неядерные) обозначения акционального отношения субъекта к смыслу жизни редко обнаруживают семантические корреляции в сопоставляемых языках и в слабой степени поддаются типизации.

Список использованных источников

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru. – Дата доступа : 19.10.2019.

2. Трубецкой, Е. Н. Смысл жизни / Е. Н. Трубецкой [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.vehi.net/etrubeckoi/smysl_zhizni/01.html#b011. – Дата доступа : 19.10.2018.

3. Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://bnkorpus.info. – Дата доступа : 20.10.2019.

4. Зализняк, Анна А. К вопросу об аспектуальном статусе конативных пар в русском языке: почему *искать* не может означать ‘найти’ / Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 1–4 июля 2016 г.). Вып. 15 (22). – М. : Изд-во РГГУ, 2016. – С. 867–875.

5. Бабенко, Л. Г. Экспериментальный синтаксический словарь / Л. Г. Бабенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.slovari.ru/default.aspx?p=2847. – Дата доступа : 22.10.2019.

The article describes the verbs used to designate actional relation of subject to the meaning of life in Russian and Belarusian texts. It turns out that while constructing text fragments containing the designation of a typical situation «subject and his actional attitude to the meaning of life» native speakers of related Russian and Belarusian languages generally refer to identical cognitive models.

Keywords: meaning of life, verbal semantics, typical situation, cognitive model.

УДК 811’42’271’373:398.91

Е. В. Иванова

«ВДОВЬЕ ДЕЛО ГОРЬКОЕ», НО “WIDOWS ARE ALWAYS RICH” (О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА КОНЦЕПТОВ)

В статье рассматривается соотношение понятий «концепт» и «лингвокультурный концепт», определяется место лингвокультурологии как раздела когнитивной лингвистики. На материале по-

словиц русского и английского языков предлагаются возможные направления анализа в целях выделения национально-специфических и общих характеристик концептов.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурный концепт, лингвокультурология, пословица, прототип.

Понятие лингвокультурного концепта широко используется исследователями и рассматривается как базовая единица лингвокультурологии или лингвокультурной концептологии. Это понятие отражает в первую очередь направленность лингвистического анализа и приоритетный интерес ученого, обращенный на специфические национально-культурные характеристики моделируемого ментального конструкта. В качестве материала исследования, как правило, служит группа языковых единиц, репрезентирующая в совокупности ментальное образование, которое именуется лингвоконцептом. В этой связи представляется целесообразным обратить внимание на ряд моментов.

В когнитивной лингвистике существует направление, моделирующее общие закономерности структурирования знаний с помощью языка в человеческом сознании и оперирование этими знаниями в процессе коммуникации. Причем национальное своеобразие подобных процессов не учитывается или же делается оговорка, что национальные, социальные, гендерные характеристики индивида могут быть инкорпорированы в построенную модель в дальнейшем [1, с. 162]. Концепт рассматривается при этом как единица ментальной деятельности [2, с. 257]. Существует также и другое направление, опирающееся на понятия языковой картины мира и концепта, понимаемого как структура характеристик, зафиксированная языковыми знаками. Поскольку, как известно, язык является частью культуры и в то же время средством ее выражения, участвуя в хранении, воспроизводстве и передаче культуры [3, с. 224], концепт, как и языковая картина мира, оказывается тесным образом связанным с культурой.

Из этого следует, что понятия концепта при его исследовании в рамках второго из указанных направлений когнитивной лингвистики и лингвокультурного концепта по сути мало чем отличаются. И тот, и другой обладают культурной окрашенностью в силу своей репрезентации в языке. И тот, и другой не являются непосредственной данностью, а должны быть смоделированы исследователем на основе анализа языковой семантики и ее проектирования в концептуальную область. При их разграничении речь идет лишь о степени культурной маркированности, свойственной концептам, и направлении исследования в первую очередь на культурно значимые концепты.

При этом лингвокультурология (лингвокультурная концептология), несомненно, должна рассматриваться как раздел когнитивной лингвистики (хотя и достаточно самостоятельный, что неоднократно подчеркивается рядом ученых [4; 5]), поскольку ставит своей задачей изучить результаты познания мира социумом, зафиксированные в языковых знаках, одновременно делая акцент на их культурной обусловленности. Лингвокультурные концепты – это концепты, обладающие большой культурной значимостью, включающие характеристики, непосредственно проистекающие из особенностей материальной и духовной культуры народа.

Культурно значимыми могут быть не только абстрактные, но и предметные концепты, в частности, концепты животных, которые наделяются в культуре разных народов различными характеристиками, в том числе и символическими. В подобном ключе концепты животных были проанализированы, в частности, в работах А. А. Бутиной [6] и В. В. Бруквиной [7], без применения, однако, термина «лингвокультурный концепт».

Рассмотрим некоторые возможные направления проведения сопоставительного анализа в целях выявления общих и национально-специфических характеристик концептов. Необходимо сделать оговорку, что указанные характеристики определяются только для выбранных для сопоставления языков и могут оказаться, например, не национально-специфическими при сопоставлении других.

Исследовать и сопоставлять концепты можно по их признакам, варьирующимся в диапазоне от прототипического (центрального) до второстепенного (периферийного), обнаруживая сходство и различие в пределах всей концептуальной структуры.

1. Концепты могут различаться по прототипичным характеристикам, образующим их центр. В качестве примера возьмем в данном случае весьма значимый в бытовой и фольклорной культуре как русского, так и английского народа концепт «Лошадь» и рассмотрим его репрезентацию пословицами двух народов. В русских пословицах прототипическое представление лошади – это лошадь, запряженная в воз, выполняющая тяжелую работу. Английский пословичный прототип – это лошадь верховая, седло и уздечка являются ее важными атрибутами [8, с.129–131].

Коли не по коню, так по ***оглоблям***.

He that cannot beat the horse, beats the ***saddle***.

Лошадка в ***хомуте*** *везет по могуте.*

A good horse of needs a good ***spur***.

2. Прототипы могут обладать полным сходством, как, например, пословичные прототипы «Дети» и «Children», различие между концептами обнаруживается только среди периферийных характеристик. Так русский концепт в пословицах соотносится с концептом «Смерть», что отсутствует в английском материале:

На смерть детей не нарожаешься.

3. В ряде случаев прототип может быть выделен для концепта лишь одного языка. Так, для русских пословиц возможно моделирование не только концепта, но и прототипа «Дом».

При этом в качестве прототипических выделяются признаки «дом важен», «в своем доме лучше, чем где-либо», «дом требует забот», «в доме нужен порядок», «в доме нужны припасы»:

Своя хатка – родная матка.

Дом невелик, да стоять не велит.

Горе тому, кто непорядком живет в дому.

Что в поле ни родится, все в доме пригодится.

В соответствующем английском концепте единственный признак, обладающий частотностью, – это признак важности дома:

There is no place like home.

Можно выделить также аналоги прототипическим признакам русского концепта, к прототипическим не относящиеся, например, «a house requires care» (*A little house has a wide mouth*).

Национально-специфическим признаком концепта «Дом» является «в доме важно гостеприимство» (*Не красна изба углами, красна пирогами*).

4. Концепты могут различаться по степени интенсивности признака. Так, у концепта «Жена» в русских пословицах признак злости и его оценка как сугубо отрицательной характеристики объекта обладает гораздо большей степенью интенсивности, нежели у соответствующего английского концепта.

Лучше хлеб есть с водою, чем жить со злою женою.

Всех злыдней злее жена злая.

Three things drive a man out of his house – smoke, rain, and a scolding wife.

5. Концепты могут обладать достаточно существенными различиями, как, например, пословичные концепты «Вдова» и «Widow». Главным в русском пословичном представлении вдовы является ее бедственное положение, связанное с потерей мужа. Компоненты внутренней формы русских пословиц о вдове принадлежат к лексико-семантическому полю «Горе, беда»: *плач, горькое дело, горюет, причитанья, убивается, терпеть.*

В структуру концепта входят признаки «вдова живет плохо», «вдова плачет», «вдова как сирота», «бог бережет вдову», не имеющие параллелей в английском концепте и относящиеся к национально-специфическим:

Вдовье дело горькое.

На вдовий плач глядя, и мужик убивается.

Нет причитания супротив вдовьего.

Вдова в русских пословицах называется сиротою или упоминается вместе с сиротою:

Сирая вдова – круглая сирота.

Бог заступник сирым и вдовым.

В английских пословицах концепт «Widow» тесно связан с концептом «Брак». Английское пословичное представление о вдове – это представление о женщине, потерявшей мужа, чье освободившееся место заполняется:

Take heed of a person marked and a widow thrice married.

Совпадающими у двух концептов являются следующие признаки: «вдова живет неправедной жизнью» / «a widow doesn't live a moral life» – (*Вдовьи сени не стоят / Marry a widow before she leaves mourning*); «плохо жениться на вдове» / «it is bad to marry a widow» (*Не видал беды, кто не сватал молодой вдовы / Never marry a widow unless her first husband was hanged*).

6. Концепты могут различаться оппозициями, в которые они входят, в данном случае – в пословичной картине мира. Пословичный концепт «Лошадь» в русском языке оказывается противопоставленным концепту «Волк». Волк ассоциируется с агрессией и опасностью:

Пожалел волк кобылу, оставил хвост и гриву.

Резвого жеребца и волк не берет.

Аналогичное восприятие волка обнаруживается в сказках и детских песенках. В английских пословицах нет противопоставления волка и лошади. Концепт «Волк» в пословицах присутствует, как и во фразеологических словосочетаниях, но не обладает подобной культурной значимостью:

The wolf may lose his teeth, but never his nature.

Таким образом, сопоставление варьирования характеристик пословичных концептов двух языков позволяет установить их национально-специфические и общие черты.

Список использованных источников

1. Дейк ван, Т. А. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. – М., 1988. – С. 153–211.

2. Стернин, И. А. Типы значений и концепт / И. А. Стернин // Концептуальное пространство языка : сб. научных трудов / под ред. Е. С. Кубряковой. – Тамбов : Изд.-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 257–282.

3. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

4. Воркачев, С. Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема / С. Г. Воркачев // Политическая лингвистика, 2014. – № 3 (49). – С. 1–20.

5. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.

6. Бутина, А. А. Концепты CAT и DOG в английской языковой картине мира : автореф. дис. … канд. филол. наук :10.02.04 / А. А. Бутина; Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб., 2012. – 22 с.

7. Бруквина, В. А. Концепты животных и птиц в языковой картине мира (на материале нестандартной лексики английского языка) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / В. А. Бруквина; Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб., 2016 – 21 с.

8. Иванова, Е. В. Пословичные картины мира / Е. В. Иванова. – СПб. : Изд-во филологического ф-та СПбГУ, 2002. – 156 с.

The paper examines the relationship between the notions "concept"and "linguo-cultural concept" and defines linguocultorogy as a section of cognitive linguistics. The paper describes some feasible directions of the analysis aimed at determining nationally specific and common features of concepts.

Keywords: concept, linguo-cultural concept, linguocultorogy, proverb, prototype.

УДК 82–131:882 (092 Платонов А.)

Е. А. Казакова

ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ ДЕТСКИХ РАССКАЗОВ А. ПЛАТОНОВА (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТОВ «ДОМ», «СЕМЬЯ», «РЕБЕНОК»)

В статье говорится о том, что кризис в области духовного развития общества, поиски выхода из него приводят к необходимости осмысления общественной и эстетической значимости литературы. Детская литература, являясь неотъемлемой частью общей литературы, представляет особый ее пласт. Художественная доминанта детских рассказов Платонова определяется интересом автора к проблеме детства, к жизни ребенка в обществе взрослых.

Ключевые слова: концепт, автор, читатель-ребенок, концепция детства.

Мир детства у Платонова – это особый космос, вхождение в который на равных дозволено не всякому. Этот мир – прообраз большой вселенной, ее социальный портрет, чертеж и абрис надежд и великих утрат. Образ ребенка в прозе XX века всегда глубоко символичен. Образ ребенка в прозе Платонова не только символичен – он «щемяще конкретен: это мы сами, наша жизнь, ее возможности и ее утраты, поистине, велик мир в детстве...». В его рассказах, посвященных детям, сконцентрированы основные напряжения силового поля художественного мира. Вхождение в художественный мир, в художественное пространство платоновских рассказов рассчитано на специфику детского мировосприятия: автор действует на воображение читателя знакомыми ему образами-символами, концептами, образами-архетипами.

В творчестве А. Платонова дети выступают в двух ролях. В одних рассказах они являются непосредственным предметом изображения под углом зрения формирования человека как личности. В других – они выступают в качестве особых «аксиологических предметов», так как писатель видит в детях естественную форму воплощения будущей жизни, связывает с ними представление о самых главных ценностях жизни. Они – последняя точка, поставленная писателем в конце его пути.

Но до момента написания детских рассказов накапливается материал, посвященный детям, которыми писатель не просто интересовался, но посвящал отзывы в своих публицистических работах 20-х годов. В «Записных книжках», отмеченных 1921 годом, впервые встречается фраза, посвященная детям: «Взрослый ни дороже, ни дешевле ребенка. Дети — все [взрослые] разумные люди. Великая ложь — смотреть на них сверху; они хитроумный удивительный и наблюдательный народ» [1, с. 84]. Л. А. Шубин, анализируя ранние статьи Платонова, отметил важные составляющие платоновской концепции детства. Так, по Платонову, «мир детей лишен «взрослой» твердости и определенности, он более подвижен и текуч, а сами дети – «неполные сосуды», которые могут многое вместить. Они «не имеют строго твердого своего лица» и потому так «легко и радостно преображаются во многие лики» [2, с. 253]. «Более того, в позднем творчестве именно эта ипостась человека встала чуть ли не в центре его художественного мира. Фактически начиная с конца 1930-х годов тот, кто не знал его предыдущего творчества, мог бы принять его чуть ли не за детского писателя» [3, с. 263]. Тексты А. П. Платонова 30-х годов объединены изображением перехода от одного устройства общества к другому, или, если использовать метафору, выхода из одного модуса бытия, неприемлемого и отрицаемого, к другому, более светлому и счастливому, воплотившемуся в произведениях о детях. Говоря о рассказах Платонова, в том числе и детских, С. Г. Семёнова отмечает, что здесь, «пожалуй, в самом чистом, «идеальном» виде он живёт в излюбленном пространстве, среди дорогих ему побуждений, реакций и пониманий, ставя в своих незамысловатых сюжетах и диалогах свои постоянные проблемы: смерти и бессмер-

тия, дарового и трудового, истины и блага, самосознания, зла, высшей цели. Здесь критерий «будьте как дети» естественно реализует себя как урок и завет взрослым» [3, с. 30].

Наиболее актуальной эта проблема становится с привлечением биографического контекста. Трагический и безысходный личный опыт разделенности с сыном был переработан и отражен писателем в его детских рассказах. В 1938 году арестован и приговорен к «классическим» десяти годам единственный сын, 15-летний Платон. Через три года, благодаря личному разговору Шолохова со Сталиным, мальчика удалось вернуть с норильских рудников – но с тяжелейшей открытой формой туберкулеза, что привело к скорой смерти. «Слишком любимое и драгоценное мне страшно – я боюсь потерять его», – писал Платонов о трехлетнем сыне в 1926 году.

Ситуация взаимодействия окружающего мира и ребенка выражает авторскую позицию А. Платонова: любому человеку, а ребенку особенно, необходима опора в жизни в лице родных, в глубинной связи с домом, с родной землей. Именно эти понятия, отодвинутые на второй план социально-политической действительностью 30-х годов, сосредоточены в центре детской модели мира у Платонова. И чем дальше находится ребенок от этого центра, тем более враждебной становится для него окружающая среда (мотив страха).

Согласно психологическим исследованиям, в полной семье мать выполняет функцию эмоционального фона, создает теплую семейную атмосферу, выполняет задачу близости, доверительности, понимания. А отец в большей мере представляет функцию нормативного контроля, создает систему оценок, осуществляет регуляцию поведения. В рамках традиционной культуры, мать «больше ухаживает и ласкает (балует), отец же обучает и наказывает» [4, с. 32]. Там, где мать постарается утешить своего ребенка, отец попробует объяснить и рассудить. Правда, такое понимание роли и значения отца в воспитании относится к тому периоду, когда ребенок достиг пяти-, семилетнего возраста, до этого главенство в воспитании ребенка, безусловно, закреплено за матерью. Это очень достоверно изображено А. Платоновым в рассказе «Никита». За этим стоят тонкие наблюдения и хорошее знание Платоновым не только биологической и социальной специфики мужских и женских семейных функций, но и жизненного уклада крестьянской среды, из которой он вышел. Платонов детально вникает в глубину детской души, углубляется, насколько это возможно, в «метафизику детства» (В. В. Зеньковский), утверждая непревзойденную ценность этого этапа развития человека. Именно личные качества родителей, их взгляды, убеждения, моральные принципы, отношение к труду, поведение в быту – весь образ жизни семьи, ее атмосфера, закладывают фундамент личности ребенка.

В рассказе «Никита» мать воспитывает мальчика одна, но она не выполняет эти две функции, а заботится о наиболее полном воплощении именно материнской функции. Находясь только рядом с матерью, мальчик жил лишь в эмоциональной сфере чувств, что и сформировало особый тип восприятия окружающей действительности. Эмоциональное развитие стало преобладать над рациональным, главенствующая роль в котором отводится отцу, потому что отец – это гарант прочности семьи, ее доминанта. Отсутствие же отца приводит к нарушению гармонии, равновесия в семье и, как следствие, – во всем мире, разрушаются границы реального и придуманного, что провоцирует у ребенка возникновение необоснованного ощущения страха, тревоги, ослабление чувства безопасности. Ребенок, теряющий отца в детстве, ощущает свое сиротство в свете всего своего жизненного опыта: внешняя действительность как бы давит на ребенка, «старит его». «Сиротства человек не терпит, и оно – величайшее горе», – утверждал Платонов.

Мальчик живет в своем придуманном, таинственном мире: матери нет рядом с ним, она «зарабатывает трудодни», отец «давно ушел на главную работу – на войну,– и не вернулся оттуда. В избе и на всем дворе оставался хозяином один Никита, пяти лет от роду» [5, с. 287]. Забота о матери, о доме – та функция, которую он должен выполнять вместо отца. Подражая действиям взрослых, он, как большой, обходит свое хозяйство, чтобы навести там порядок.

Мальчик видит окружающий мир живым, одухотворенным. Для детей вся природа жива, полна богатой внутренней жизни, – и это ощущение жизни в природе является непосредственной интуицией, живым, убедительным восприятием. В бочке у Никиты живет «маленький человек», который «ворочается на бок»; на солнце – дедушка; в глубине глухого колодца – «маленькие водяные люди». Даже паук «дремлет», а воробей приходит «пеший через порог». Словом, «везде есть люди, только кажутся они не людьми». Возле старого сарая он обнаружил «две земляные норы», в которых, вероятно, живут змеи. «Они выползут ночью, приползут в избу и ужалят мать во сне, и мать умрет». В страхе за мать Никита, словно древний человек, совершает своеобразный обряд, который должен защитить семью от несчастья: мальчик «побежал скорее домой, взял там два куска хлеба со стола и принес их. Он положил у каждой норы хлеб и сказал змеям: – Змеи, ешьте хлеб, а к нам ночью не ходите».

С приходом отца в окружающем Никиту мире происходят изменения. Мальчик с удивлением замечает, что «ни в ком не было ни глаз, ни носа, ни злой жизни». У Никиты появился отец, от которого «пахло теплом, чем-то добрым и смирным, хлебом и землей». Образы «хлеба» и «земли», с которыми ассоциирует мальчик отца, являются основными символами мироустройства, порядка. В его жизнь вернулось мужское начало, которое оказывается более рассудочным. В отношении ребенка отец больше опирается на разум, мать же – напротив, на чувства. Отец несет знание о том, что тех, злых для Никиты, существ – нет. Само наличие такого знания о мире снимает его загадку, исчезает тайна, становится не страшно. Мир с приходом отца перестает быть для мальчика пугающим, злым. И ребенок принимает этот мир с доверием и нежностью, потому что он введен в него рукой отца. Семья для Платонова – «тот теплый очаг, где впервые и на всю жизнь согревается человеческое существо». Теперь одухотворенными становятся предметы рукотворного мира. «Когда он выпрямил первый гвоздь, он увидел в нем маленького доброго человечка, улыбавшегося ему из-под своей железной шапки» [5, с. 293].

Пример родителей – самый убедительный пример, с которым когда-либо сталкивается ребенок, потому что этот пример постоянно у него перед глазами, и хочет он этого или нет, он впитывает в себя образцы поведения, свойственные отцу или матери. Родители работают – ребенок учится. Инструмент, полученный от отца, был для ребенка своеобразным свидетельством его взросления. Никите уже недостаточно приобщаться к жизни взрослых в игре; его возможности переросли игру. Отсюда его желание делать самому то, что взрослый считает серьезным, – трудиться. «Никита задумался. – Давай все трудом работать, и все живые будут» [5, с. 294]. Отличительной чертой рассказов Платонова является та особенность, что взрослые не разрушают самобытный мир детей, не вмешиваются. Происходит своеобразное взросление: родители своим примером побуждают детей к труду, к познанию окружающей действительности.

Проводя анализ ассоциативных связей ключевой лексемы *детство*, мы наблюдаем тесную связь концепта «Семья» с концептом «Дом». Он предстает как основа, фундамент. Художественное пространство дома проявляется в разных аспектах: бытовом, социальном и культурном. С одной стороны, он олицетворяет порядок, гармонию, красоту – целый комплекс устойчивых семантических мотивов, предметно-образных ориентиров, воссоздающих определенное мифопоэтическое пространство, в котором живут герои, с другой – он свидетельствует об их социальном статусе, с третьей – представляет их жизненную опору, нравственные и эстетические качества, их духовность. Дом у Платонова – это оплот семейной жизни, общности; дом (семья) – защита, крепость от чужого, «потустороннего» пространства. Это важные понятия в рассказах 30−40-х гг. в сравнении с рассказами 20-х гг., где основополагающим является понятие «всеобщего сиротства» человека.

В детских рассказах, которые относятся к более позднему периоду творчества, А. П. Платонов ориентируется уже не на счастье социума (что, в итоге, ведет к смерти ребенка – рассказы «Котлован», «Чевенгур»), но на счастье отдельно взятого ребенка. В таких его рассказах, как «Никита», «Корова», «Железная старуха», «Неизвестный цветок», «Се-

мен», детство предстает не только возрастным периодом или психологическим состоянием, это, скорее, образ жизни, образ мыслей, мировоззрение. Детская точка зрения, наконец, может рассматриваться как позиция, обладающая познавательной ценностью, позволяющая раскрыть сущность вещи. В опубликованных теперь записных книжках Платонова есть заметки, указывающие на суть его рассказов о детстве: «Важно и истинно – видеть во взрослых лишь их действительно детские черты. Взрослый – это лишь изуродованный ребёнок, и от этого уродства он частично излечивается в старости. Большие только предтечи, дети – спасители Вселенной» [1, с. 328].

И нельзя не согласиться с подтверждающимся наблюдением психолога В. В. Зеньковского, что ребенок не только не стоит ниже нас, но, согласно учению Христа, мы не можем достигнуть идеала, если не станем как дети. На этом основании В.В. Зеньковский делает вывод, «что детская духовная жизнь, духовная организация, как тип, ближе стоит к идеалу, чем наша» [6, с. 158].

Таким образом, Платонову удалось раскрыть философский смысл концепта «Детство» и его различные социальные потенции. Он действует на воображение читателя образами, исключив всякую дидактику и нравоучения. В обыденном и повседневном он умеет видеть глубокий смысл, извлекать общезначимое. Тем самым ему удалось создать картину мира, где описываемые явления развертываются не столько в плане линейного времени, сколько в плане вечности, ее непреходящих духовных законов, которые в начале жизни даются каждому человеку как благодать и затем «заново обретаются ценой тяжелых мытарств». Понимание основных вещей: дом, семья и дети – должно быть у каждого человека.

Список использованных источников

1. Платонов, А. Записные книжки. Материалы к биографии / А. Платонов. – М. : ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. – 424 с.

2. Шубин, Л. А. Поиски смысла отдельного и общего существования / Л. А. Шубин. – М. : Советский писатель,1987. – 368 с.

3. Семенова, С. Г. Метафизика русской литературы / С. Г. Семенова. – М. : Издательский дом «ПоРог», 2004. – Т. 2. – 512 с.

4. Сипинёв, Ю. А. Русская культура и словесность / Ю. А. Сипинёв, И. А. Сипинёва. – СПб. : Специальная литература, 1994. – 77 с.

5. Платонов, А. «Никита» // У человеческого сердца. Рассказы / А. Платонов. – М. : Детская литература, 1981. – 334 с.

6. Зеньковский, В. В. Психология детства / В. В.Зеньковский. – Екатеринбург : Деловая книга, 1995. – 348 с.

The crisis in the field of the spiritual development of society, the search for a way out of it lead to the need to comprehend the social and aesthetic significance of literature. Children's literature, being an integral part of general literature, is a special layer of it. The artistic dominant of Platonov's children's stories is determined by the author's interest in the problem of childhood, in the life of a child in adult society.

Keywords: concept, author, reader-child, childhood concept.

УДК 811.161.1'42: 821.161.1-1* Саша Черный

Т. А. Осипова

КОНЦЕПТ «СМЕРТЬ» В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА САШИ ЧЕРНОГО

В данной статье рассматриваются особенности вербализации концепта «Смерть» в поэзии Саши Черного через ядерную лексему и ее синонимы. Внимание уделяется и общеязыковым,

и особенно индивидуально-авторским реализациям указанного концепта. Исследование проводится в рамках когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт «Смерть», поэтическая картина мира, вербализация (языковое выражение, объективация, репрезентация) концептов.

Саша Черный (Александр Михайлович Гликберг) – известный русский поэт-сатирик Серебряного века, прозаик, журналист и публицист. Его стихам присущи философские мотивы, в том числе и тема смерти.

В настоящей статье мы рассмотрим особенности языкового выражения концепта «Смерть» в поэзии Саши Черного через ключевые лексемы *смерть, кончина, гибель* (на материале Национального корпуса русского языка [1]).

Концепт «Смерть» весьма важен для поэтической картины мира Саши Черного. Об этом можно судить по довольно большому количеству словоупотреблений ядерной лексемы *смерть* (26 единиц). Отмечены также 4 контекста с существительным *кончина* и 2 употребления слова *гибель.*

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой приводит следующие определения значений слов *смерть, кончина, гибель*: *Смерть, -и*, мн. *-и*, *-ей*, ж. 1. ‘Прекращение жизнедеятельности организма. 2. перен. Конец, полное прекращение какой-н. деятельности. *До смерти* (разг.) – очень, крайне’; *Кончина, -ы*, ж. (высок.) ‘То же, что *смерть* (в 1 знач.)’; *Гибель, -и,* ж. ‘Уничтожение, разрушение, смерть (от катастрофы, стихийного бедствия, насилия)’ [2].

В поэзии Саши Черного концепт «Смерть» имеет реализации, присущие национальному русскому сознанию. Слово *смерть* употребляется в общеязыковом значении ‘прекращение жизнедеятельности организма’:

О Господи, ужель и после ***смерти***
В разноголосом пробужусь концерте? (Из зеленой тетрадки);

Мне скучно взрослым бать
Всю жизнь – до самой ***смерти*** (Настроение).

В этом же значении употребляется слово *кончина*, которое имеет в словаре помету «высокое»:

«Сел на трубу, заснул и угорел».
Такой ***кончиной*** *мальчик был доволен* (Дом в Монморанси);

Философы грозят ***кончиной*** *света,*
А жители танцуют всласть фокстрот (Политический сонет).

Употребление стилистически окрашенной лексемы *кончина* вместо нейтрального существительного *смерть* обусловлено тематикой произведений. Стихотворение «Дом в Монморанси» посвящено русскому детскому приюту во Франции. Во втором контексте слово *кончина* логично сочетается с существительным *философы*.

Синоним *гибель* имеет отличие в значении – ‘смерть от катастрофы, стихийного бедствия, насилия’. Общеязыковое значение этого слова реализуется в следующем контексте:

Иль спас раджу от ***гибели***
Во время наводнения? (Кому в эмиграции жить хорошо).

Слово *гибель* включено также в текст сатирического стихотворения «“Пьяный” вопрос»:

Дума сделала находку:
Водка – ***гибель****, водка – яд* («Пьяный» вопрос).

Автор включает в тексты разговорное устойчивое выражение *до смерти* ‘очень, крайне’:

Вот только жалко ***до смерти***
Мне расставаться с Гришкою, –
Привык я к лопоухому,
Как к собственной душе… (Кому в эмиграции жить хорошо);

*Ведь в жизни нам **до смерти** надоело*
Их чинную бесцветность созерцать! (Профан).

Для абстрактных концептов в художественных текстах характерны опредмечивание и олицетворение. В поэзии Саши Черного реализуется концептуальная метафора «смерть – человек (личность)».

Смерть часто выступает как живое существо, человек, личность, которой доступны эмоции и их выражение – смех, испуг:

Сердце падает и пухнет,
Алый шмель гудит в висках.
***Смерть**, **смеясь**, к стеклу **прильнула**.*
Эй, держи себя в руках! (В штабе ночью);

За сумасшедшей, нищею старухой,
*Похожей на **испуганную смерть**,*
Гурьбой бежали дети и визжали,
Лупя ее рябиной по плечам («Осенний день. Ленивый веер солнца...»).

Смерть как живое существо (личность) может совершать различные действия и обладает речью:

В ответ, наклонившись к нему,
***Смерть**, **смеясь**, на глаза **положила** костяшки*
*И **шепнула**: «Довольно!* (Дом Гёте);

Месяц хлынул в переулок…
***Смерть берет** к губам свирель.*
За углом, угрюмо-гулок,
Чей-то шаг гранит панель (У канала ночью);

Но солнце, по счастью, залазит
Под вечер в какой-то овраг
И кровью исходит в экстазе,
*Как **смерти** сдающийся враг* («Степное башкирское солнце...).

Смерть имеет во владении замок:

Пусть снова встанут
Миражи счастья с красивой тоскою,
Пусть нас обманут,
*Что в **замке смерти** живет красота* (Театр).

Смерть ходит по улицам:

*По улицам **шляется смерть**. **Проклинает***
Безрадостный город и жизнь без надежд,
*С презреньем, **зевая**, на землю **толкает***
Несчастных, случайных невежд (Опять...).

В следующем четверостишии из стихотворения «Опять» духовная смерть противопоставляется физической (контекст выше), но она тоже выполняет определенные действия, обладает физическими признаками:

*А рядом **духовная смерть свирепеет***
*И сослепу **косит**, пьяна и сильна* (Опять…).

Как видно из приведенного контекста, смерть наделяется признаками, которые связаны с ее устрашающим характером: *слепая, пьяная, сильная*.

По мнению Н. А. Тиботкиной, мотивная структура стихотворений Саши Черного амбивалентна, и один из ее компонентов – «безразличие, безрадостность, скука как внутреннее состояние человека и “духовная смерть”» [3]. Такое восприятие окружающего мира связано

с городским локусом: «Это пространство гибели и смерти, довлеющее над человеком, определяющее его жизнь и судьбу, уничтожающее любое проявление духовной сущности» [3].

Смерть также вербализуется как некий неодушевленный предмет, объект для манипуляций, как орудие действия:

Без слов Христа, поэта из поэтов,
Без слез Бетховена, без Фидиевых грез
Одни холмы бесчисленных скелетов
Сковал бы ***смертью*** *мировой мороз* (Искусство).

Концепт «Смерть» репрезентируется также как вещество, которому присущ цвет (эпитет *черный*). Интересно, что жизнь воспринимается тоже как черная, противопоставляется смерти только интенсивностью признака:

Пусть ***жизнь черна, как кокс****,*
Но ***смерть*** *еще* ***чернее!*** (Настроение).

В поэзии Саши Черного, как и вообще в русском языке, слово *смерть* часто употребляется в сочетании с антонимом *жизнь.* Приведем еще контекст:

Жизнь и смерть *его для нас, как рана,*
Но душа спокойна за него:
Слава Богу! (Пушкин).

Смерть объективируется также как слово:

И лихачи, искрясь дождем улыбок
И не жалея ловких рук и ног,
В предсмертных письмах ищут лишь ошибок:
Там ***смерть чрез ять****, – а там – комичен слог* (Дежурное блюдо).

Смерть воспринимается автором и репрезентируется в стихах как состояние природы, стихия, синоним холода:

Смерть *и холод! Хорошо бы*
С диким визгом взвиться ввысь
И упасть стремглав в сугробы,
Как подстреленная рысь… (Нирвана).

Как пишет О. И. Рыбальченко, «вся палитра оценочных средств широко представлена в поэтических текстах Саши Черного. Наиболее активно используются поэтом оценки-метафоры» [4]. Поэзия Саши Черного богата не только метафорами и эпитетами, но и сравнениями. Сравнения, включающие существительное *смерть,* носят индивидуально-авторский характер и отличаются присущим стихам автора юмором:

Сам Мережковский учит нас,
Что ***смерть страшна, как папуас*** (На петербургской даче).

В данном случае смерть выступает как объект сравнения. В следующем контексте смерть предстает как субъект сравнения. Это сравнение пафосное, но тоже юмористическое:

Три курсистки сидели над Саниным,
И одна – сухая, как жердь,
Простонала с лицом затуманенным:
«Этот Санин ***прекрасен, как смерть****…»* (Диспут).

Таким образом, концепт «Смерть» в поэтическом языке Саши Черного находит как общеязыковое, так и индивидуально-авторское выражение. Были выявлены авторские концептуальные метафоры «смерть-личность», «смерть-неодушевленный предмет» и другие.

Список использованных источников

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru. – Дата доступа : 05.09.2019.

2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : – http://ozhegov.info/slovar/?q= – Дата доступа : 06.09.2019.

3. Тиботкина, Н. А. Мотивная структура лирики Саши Черного / Н. А. Тиботкина. – Тверь, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://university.tversu.ru/aspirants/abstracts/docsNew/212.263.06/10.01.01/27-12-2010-2.doc. – Дата доступа : 07.10.2019.

4. Рыбальченко, О. И. Лексико-стилистические средства выражения оценки в идиостиле Саши Черного (Александра Гликберга) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / О. И. Рыбальченко. – Мичуринск, 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.dissercat.com/content/leksiko-stilisticheskie-sredstva-vyrazheniya-otsenki-v-idiostile-sashi-chernogo-aleksandra-g. – Дата доступа : 07.10.2019.

This article discusses the peculiarities of the verbalization of the concept of "Death" in Sasha Chernoy's poetry through the nuclear lexeme and its synonyms. Attention is paid to common language, and especially the individual author's implementations of this concept. The study is conducted in the framework of cognitive linguistics.

Keywords: cognitive linguistics, concept «Death», poetic worldview, verbalization (linguistic expression, objectification, representation) of concepts.

УДК 821.161.1-31*Л. Н. Толстой:811.161.1'373.234

С. В. Рудакова

КОНЦЕПТ «НАРОД» В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

Основное внимание в статье уделяется раскрытию особенностей текстовой реализации в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» концепта «Народ», являющегося одним из центральных в произведении. Проанализированы основные лексические единицы, связанные с объективацией народного образа. Предложена модель концепта «Народ», реализованного в романе Толстого.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, «Война и мир», концепт, народ, репрезентация, имена собственные, номинации.

В современной науке наибольшее распространение получили два подхода к трактовке концепта: когнитивный и культурологический, но при всем очевидных различиях они не являются взаимоисключающими. Главное, что их отличает, – вектор взаимодействия с индивидом: (лингво)когнитивный концепт определяет движение мысли от индивидуального сознания к культуре, а (лингво)культурологический концепт, напротив, характеризуется движением от культуры к индивидуальному сознанию. Когнитивный подход в исследовании концепта выбирают такие ученые, например, как Н. Ф. Алефиренко [1], Н. Д. Арутюнова [2], Т. В. Булыгина [3], А. Д. Шмелев [4]. Лингвокультурологическое понимание концепта нашло отражение в работах С. Г. Воркачёва [5], В. И. Карасика [6], В. В. Колесова [7], С. В. Рудаковой [8], Ю. С. Степанова [9], В. В. Цуркан [10] и др.

Одно из определяющих с (лингво)культурологических позиций определение концепта было предложено Ю. С. Степановым в его книге «Константы. Словарь русской культуры»: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [9, с. 40].

Обращение к исследованию концепта «Народ» в романе-эпопее Л. Н. Толстого неслучайно. Обусловлено оно желанием на лингвистическом уровне доказать: утверждение Толстого, что важнейшая тема его произведения – это «мысль народная», определяет не только идейное, образное, но и языковое своеобразие романа.

В тексте романа-эпопеи «Война и мир» Л. Н. Толстого было выявлено 249 текстовых фрагментов, в которых 281 раз встречалось упоминание словоформы *народ*, являющейся прямой или косвенной вербализацией концепта «Народ».

Словоформа *народ* имеет 4 лексико-семантических варианта, описанных в МАС. В романе Толстого 1-я группа ЛСВ «Население, жители той или иной страны, государства» [11] соотносится с 13 контекстами. Группа 2 ЛСВ слова *народ* «Нация, национальность, народность» [11] соотносится с 83 контекстами, связанными с актуализацией этого лексико-семантического варианта. Максимально представлен 4-й наиболее обобщенный ЛСВ слова *народ* «Люди» [11], обнаружен 101 контекст его реализации. Не обнаружено в романе реализации 3-го ЛСВ слова *народ*: «Основная трудовая масса населения страны (в эксплуататорских государствах – угнетаемая)» [11].

Особую группу составили 23 фрагмента, в которых актуализированы смыслы, не находящие соответствия в лексикографических источниках. Эта группа контекстов может быть распределена на несколько подгрупп:

•актуализация смысла ‘все вместе, разом’: *«Всем народом навалиться хотят, одно слово – Москва»* [12, т. 3];

•актуализация смысла ‘служивый люд, солдаты армии’: *«Бесподобный народ! – повторил он со вздохом»* [12, т. 3];

•использование лексемы *народ* в функции средства выражения оценки: *«Другого избили, говорят, чуть жив… Эх, народ… Кто греха не боится…»* [12, т. 3];

•актуализация смысла ‘жители Москвы’: *«Растопчин, пылкий, сангвинический человек, всегда вращавшийся в высших кругах администрации, хотя и с патриотическим чувством, не имел ни малейшего понятия о том народе, которым он думал управлять»* [12, т. 3];

•актуализация смысла ‘очень много людей’: *«Несколько пленных офицеров, чтобы лучше видеть, влезли на стену обгорелого дома, подле которого стоял Пьер. – Народу-то! Эка народу!»* [12, т. 4];

•актуализация смысла ‘крепостные люди, мужики’: *«Но он всеми силами души любил этот наш русский народ и его быт и потому только понял и усвоил себе тот единственный путь и прием хозяйства, которые приносили хорошие результаты»* [12, т. 4].

Автор использует для номинации представителей народных масс 35 различных лексических единиц, их можно распределить на несколько групп.

•Наименования лиц по профессии: *извозчики, кухарка, кузнец, сапожник, кучер, ремесленники, мастеровой, девка, человек, малый: «Не раз он с их работой давил по Москве народ и извозчиков, и всегда его выручали его господа, как он называл их»* [12, т. 2]; *«Да и народ совсем взбунтовался, слушать перестают; девка моя и та грубить стала»* [12, т. 3].

•Имена собственные, в том числе и в сочетании с именами нарицательными: *Алпатыч, Дуняша, Пелагеюшка, жена Ферапонтова, Дрон, мещанин Карпушка Чигирин*: *«У дома губернатора Алпатыч нашел большое количество народа, казаков и дорожный экипаж, принадлежавший губернатору»* [12, т. 3]. Самым частым именем оказываются *Алпатыч* и *Дрон* (150 и 63 упоминаний соответственно). Дело в том, что Алпатыч у Толстого – своеобразная персонификация всех положительных качеств народа: этот герой обладает мужицкой сметливостью, знанием природы представителей немужицкого мира, это дает ему возможность добиваться своих народных целей. Дрон – это собирательный образ старосты, ведущего вверенную ему общину по жизни. В образах Дрона и Алпатыча автор воплотил идеальное видение народа.

•Слова, обозначающие совокупность людей, общество; подгруппа включает как номинации с нейтральной коннотацией: *люди, толпа народа, жители, жители Москвы, массы*; так и с негативной: *пьяная толпа, пьяный сброд, толпа бродяг*: *«Он долго управлял народом и знал, что главное средство для того, чтобы люди повиновались, состоит в том, чтобы не показывать им сомнения в том, что они могут не повиноваться»* [12, т. 3]. Глаголы и глагольные формы активного действия, характеризующие представителей народа и создающие

впечатление некого потока, реки: *спешащего, сновал, толпился, собирались, едущий, идущий, шли* и т. п.

•Народ-воин: *солдаты, ополчение, победитель*: *«И благо тому народу, который не как французы в 1813 году, отсалютовав по всем правилам искусства и перевернув шпагу эфесом, грациозно и учтиво передает ее великодушному победителю, а благо тому народу, который в минуту испытания, не спрашивая о том, как по правилам поступали другие в подобных случаях, с простотою и легкостью поднимает первую попавшуюся дубину и гвоздит ею до тех пор, пока в душе его чувство оскорбления и мести не заменяется презрением и жалостью»* [12, т. 4].

Из перечисленных трех номинаций наиболее частотная (567 случаев употребления) – это *солдаты* (брались во внимание случаи употребления этой лексемы только по отношению к русскому войску).

•Деревенский и городской житель: *бабы, мужики, крестьяне, предводитель, староста*: *«Кроме грабителей, народ самый разнообразный, влекомый – кто любопытством, кто долгом службы, кто расчетом, – домовладельцы, духовенство, высшие и низшие чиновники, торговцы, ремесленники, мужики – с разных сторон, как кровь к сердцу, – приливали к Москве»* [12, т. 4].

•Национальная / групповая принадлежность:

– национальность: *русский, французский, иудейский, греческий, римский, германский, английский, нерусский, европейский;*

– групповая отнесенность: *свой, чужой, здешний, фабричный, посторонний: «Как лошади шарахаются, толпятся и фыркают над мертвой лошадью, так в гостиной вокруг гроба толпился народ чужой и свой – предводитель, и староста, и бабы, и все с остановившимися испуганными глазами, крестились и кланялись, и целовали холодную и закоченевшую руку старого князя»* [12, т. 3].

•Качества / свойства народа:

– положительная оценка: *любопытный, целый, особенный, единый, благоденствующий, трогательно-благодарный, высокий, чистый, белый, бравые*;

– негативная оценка*: оборванные, испуганные, оголтелый, глуп, грубый, худые, истомленные, окровавленный; «Увидав народ и окровавленного человека, говоривший мастеровой замолчал, и все сапожники с поспешным любопытством присоединились к двигавшейся толпе. – Куда идет народ-то? – Известно куда, к начальству идет»* [12, т. 3].

•Психо-эмоциональное состояние совокупного субъекта: *воодушевление, оскорбление, месть, презрение, жалость, радостно, беспокойно, тревожнее. «Наконец государь уезжает из армии, и как единственный и удобнейший предлог для его отъезда избирается мысль, что ему надо воодушевить народ в столицах для возбуждения народной войны»* [12, т. 3].

•Действия:

– нейтральные с точки зрения оценки результата действия: *спокойно ждал своей судьбы, поёт народ, хлынула, вынесла, говорили, боятся, спешащего, сновал, обратился, толпился, крестились, кланялись, целовали, собирались, готовили, бросили, едущий, идущий, шли, стояли, жался, бает, молчал* и т. д.;

– разрушительные действия: *гвоздит [дубиной], резались, казнили друг друга, чуть-чуть не убил, отдал власть, смазала, не желает выпустить, угрожает отпречь лошадей, бунтует, слушать перестают, грубить стала, разбирал оружие, бушевал, разбивал бочки, нажимал, сдвинула, вцепился, навалившегося, ревущего, теснился, разворочали* и т. д.;

– защитные действия: *сделали все, что можно сделать*.

Концепт «Народ», как показал анализ романа Толстого, образуется совокупностью лексических единиц, связанных с объективацией народного образа, это слова, представляющие народ-воин, народ в деревне, слова, указывающие на отдельных представителей народа, слова, обозначающие общность; слова, обозначающие профессии.

Самой многочисленной (588 единиц) является группа «Народ-воин». Вторая группа «Отдельные представители народа» представлена 288 единицами, третья группа «Народ

в деревне» – 242 единицами. Группы «Слова, обозначающие общность» и «Профессии» представлены 113 и 105 лексическими единицами соответственно. По мнению И. А. Стернина, содержание концепта упорядочено по полевому принципу – ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия. Принадлежность к той или иной зоне определяется частотой, которая отражает яркость, актуальность, коммуникативную релевантность признака в сознании носителя [13]. Исходя из этого, к ядру концепта «Народ», реализованному в романе Толстого, можно отнести номинацию *солдаты (567)*; ближнюю периферию концепта составляют номинации *Алпатыч (150), мужики (140), жители (63), Дрон (63), кучер (53), бабы (42), Дуняша (43)*; к дальней периферии относятся номинации *крестьяне (32), староста (27), девка (21), ополчение (20), извозчики (17), люди (16), массы (15), кухарка (13), толпа народа (10), кузнец (10),человек (8), Пелагеюшка (7), жители Москвы (6), мастеровой (6)*; крайняя периферия концепта «Народ» представлена номинациями *малый (4), ремесленники (4), толпа бродяг (2), сапожников (2), победитель (1), пьяный сброд (1), жена Ферапонтова (1), предводитель (1), мещанин Карпушка Чигирин (1), пьяная толпа (1).*

Проведённый анализ выявленных текстовых фрагментов позволяет прийти к следующему выводу. Концепт «Народ» в романе «Война и Мир» реализован с достаточной степенью глубины, это во многом объясняется основным замыслом автора. В своем романе-эпопее «Война и мир» Л. Н. Толстой воплотил мысль о величии и важности места народа в истории.

Список использованных источников

1. Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Academia, 2002. – 391 с.
2. Арутюнова, Н. Д. О движении, заблуждении и восхождении / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. – М. : Индрик, 2003. – С. 3–10.
3. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира / Т. В. Булыгина. – М. : Языки славянской культуры, 1997. – 576 с.
4. Шмелёв, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелёв. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
5. Воркачёв, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 331 с.
7. Колесов, В. В. Концепт культуры: образ – понятие – символ / В. В. Колесов // Вестник СПбГУ. Сер. 2. – 1992. – Вып. 3 (16). – С. 3–40.
8. Рудакова, С. В. Концепт «война» в прозе А. Битова / С. В. Рудакова, В. В. Цуркан // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2018. – Т. 2. – № 3. – С. 53–58.
9. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.
10. Цуркан, В. В. Концепт «другой» в романе А. Битова «Улетающий Монахов» / В. В. Цуркан // Libri Magistri. – 2019. – № 2 (8). – С. 76–84.
11. Малый академический словарь. – М. : Институт русского языка Академии наук СССР, 1957–1984. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://rus-academic-dict.slovaronline.com/ – Дата доступа : 07.09.2019.
12. Толстой, Л. Н. Война и мир [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ilibrary.ru/text/11/index.html. – Дата доступа : 20.09.2019.
13. Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – С. 58–65.

The main attention in the article is given to the revelation of the peculiarities of the textual realization of the concept of «people» in L. N. Tolstoy 's novel epic «War and Peace», which is one of the central in Tolstoy's work. The basic lexical units connected with the objectification of the folk image are analyzed. The model of the concept of «people» realized in t Tolstoy's novel is offered.

Keywords: Л. N. Tolstoy, «War and Peace», Concept, People, Representation, Names, Nominations.

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ

УДК 811.16’42:398.92

В. М. Мокиенко

СОВРЕМЕННАЯ СЛАВЯНСКАЯ НЕОФРАЗЕОЛОГИЯ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

В статье затрагиваются актуальные проблемы теории неофразеологии, обосновывается тезис о целесообразности перехода от узко специализированных исследований неологики к интерлингистическим и интердисциплинарным. Отмечается сходство механизмов и сфер неофразеологизации в современных славянских языках. Обращается внимание на обусловленные экстралингвистическими факторами различия, проявляющиеся в практике составления словарей новых устойчивых выражений в славянских языках. Прослеживается история возникновения фразеологических неологизмов «богатенький буратино», «наивный чукотский юноша», «вишенка на торте».

Ключевые слова: неологизм, фразеологический неологизм, славянская неофразеология, язык, лексикография, словарь.

Любой фразеолог, неожиданно для себя увлёкшийся желанием заняться исследованием, а тем более словарным описанием фразеологических неологизмов, рискует тут же стать мальчиком (а ещё вероятнее – девочкой) для битья. Ведь каждый языковой обыватель, не говоря уже о профессиональных лингвистах, тут же осыплет его вполне логичными скептическими вопросами:

- А что такое новые слова и фразеологизмы?
- А с какого хронологического рубежа вы начинаете их описание?
- А почему именно за 20−30−40 лет, а не за последнюю пятилетку?
- А не описываете ли вы варианты уже давно известных слов и фразеологизмов, выдавая их за неологизм?
- А не окказионализмы ли или индивидуально созданные словосочетания – и есть те языковые единицы, которые вы считаете неологизмами? ....

Таких потенциальных вопросов к исследователям неологики – огромное множество, и каждый, кто связан с этой лингвистической и лексикографической проблемой, так или иначе должен на них отвечать. Но ответы здесь не просты уже потому, что в каждой лингвистической традиции основополагающий для этой проблемы термин – *неологизм* – определяется по-разному. Тем не менее, несмотря на значительные различия в объёме и лексикографических установках, словари новых слов и значений, появившиеся в Славии, в славянской неологике много общего. Общее особенно явственно проявляется в тенденциях развития славянских языковых систем и доминантах этого развития [1]. Общее, однако, не подавляет и здесь национально специфического. Последнее обусловливается инерцией развития систем конкретных литературных языков, традиционным взаимодействием «Норма» ↔ «Антинорма» в каждом конкретном языке, реакцией на оппозицию «Своё» ↔ «Чужое», масштабами и тенденциями демократизации языковой системы и другими социолингвистическими факторами.

Исследование лексической и фразеологической неологики можно вести как в узко специализированных, так и в широко ориентированных направлениях. Как показывает опыт исследования и лексикографического описания, широкий подход к исследованию славянской неологики не только возможен, но и целесообразен. Стало ясно, что изучение *«чистой», «узкой» неологики* чревато слишком многими трудностями и не даёт возможности взглянуть на неё и интерлингвистически, и интердисциплинарно. Оно неперспективно и с точки зрения лексикографической обработки, поскольку для каждого конкретного языка мы имеем совсем

иной банк неологической информации, – часто не сопоставимый ни количественно, ни качественно. Так, если исследователь русской новой лексики и фразеологии имеет уже более 20 словарей, 4 из которых – так называемые «десятилетники» 60-х–90-х гг. прошлого века [2; 3; 4; 5], то для большинства славянских языков такая работа ограничивается словарями и отдельными статьями, очерками и заметками по лексическим и фразеологическим неологизмам (см. библиографии неологических словарей и лингвистической литературы на эту тему) [6; 7].

При всех трудностях идентификации самого понятия и термина *неологизм,* общие параметры развития неологики заданы экстралингвистическими факторами и потому кажутся соблазнительно очевидными [8, с. 241–243]. Но погружение в конкретный языковой материал и сопоставление его с материалом других языков делают это очевидное «невероятным». В целом, – как это ни представляется парадоксальным, – языковая плоть многих неологизмов в разных языках может оказаться более отличной друг от друга, чем традиционная материя литературных языков. Кроме того, уровневое сопоставление славянской неологики демонстрирует весьма большие различия, а нередко даже несовместимость сопоставляемых объектов. Но при этом, как показывает опыт синтетического описания так называемых «новых явлений» в русском языке, общими могут быть названы некоторые доминантные *тенденции*, – напр., демократизация нормы или американизация, хотя языковые элементы разного уровня реагируют на них по-разному. Лексика, фразеология и отчасти словообразование становятся основными репрезентантами процессов неологизации, фонетика же, морфология и синтаксис в основном лишь реагируют на общее «расшатывание нормы», интенсифицируя те или иные признаки, которые в языковой системе уже существовали.

С позиций такого широкого подхода легче выявить различные группы фразеологической неологики, дать их стилистическую и социолингвистическую интерпретацию, предложить объективный источниковедческий анализ. Некоторые из аспектов такого анализа – *понятие неологизма и его границ, ономасиологические доминанты фразеологической неологики, стилистическая характеристика неологизмов, их историко-этимологические источники, лексикографические проблемы описания* и др. – уже освещены в различных публикациях автора этих строк на данную тему [1; 9; 10]. Опыт такого исследования был лексикографически обобщен в экспериментальном словаре «Новая русская фразеология», изданном в Ополе к XIII Международному конгрессу славистов в Любляне [11], а также – в специальной коллективной монографии по славянской фразеологической неологике, выпущенной нами в Польше к XIV Международному съезду славистов в Охриде [12].

Но проблема исследования неологизмов тем и хороша, что не успеваем мы, исследователи, собрать материал, обобщить его, подвергнуть лингвистическому анализу и лексикографическому описанию, как неумолимое Время снова расширяет нашу материальную «копилку», взывая к новому погружению в постоянно стареющую проблему неологики. Ярким свидетельством этому является, например, свежий номер болгарского лингвистического журнала «Български език» этого года (№ 2), целиком посвящённый именно фразеологической неологике болгарского языка. В статье Д. Благоевой о неофразеологизации [13] автор (как и авторы других статей в этом журнале) сопоставляет болгарские фразеологические неологизмы с русскими, находя генетический и типологический параллелизм с явлениями, недавно описанными и мною [14]. И действительно, механизмы этого процесса в наших языках весьма схожи:

1. Фразеологизация свободных словосочетаний;
2. Фразеологизация терминологических словосочетаний;
3. Фразеологизация прецедентных феноменов;
4. Самостоятельное фразообразование;
5. Семантическая неофразеологизация;
6. Фразеологическая деривация;
7. Варьирование ФЕ, компоненты которых нормализованы словарями.

Адекватны в целом и сферы неофразеологизации, а именно:

1. Неологизмы, образованные в основном на домашней почве – т. е. источником которых является жаргон и разговорная речь;

2. Неологизмы, созданные на основе языка рекламы;

3. Иноязычные неологизмы, образованные калькированием.

Типологическая общность процессов и механизмов неофразеологизации не должна, тем не менее, заслонять от исследователей фразеологической неологики и её специфики. Как ни парадоксально, но она коренится уже в самом понимании термина *неологизм*, о неоднозначности которого сказано выше. Исследователи русской неологики и их последователи справедливо здесь следуют за дефиницией Н. З. Котеловой и авторами академических выпусков ежегодников «Новые слова и значения» и основанных на них «десятилетников». Составители этих словарей предложили и практически целесообразное определение термина *неологизм*, сформулированное Н. З. Котеловой*:* «*Неологизмы* – слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определённый период в каком-либо языке или использованные один раз (окказионализмы) в каком-либо тексте или акте речи. Принадлежность слов к неологизмам (напр., *приватизация, чёрный ящик, луноход*) является свойством относительным и историчным» [15, с. 262–263].

Как видим, это определение диалектично и допускает широкие интерпретации термина *неологизм* и в хронологическом плане (слова, «появившиеся в определённый период в каком-либо языке»), и в функциональном («использованные один раз в каком-либо тексте или акте речи»). Не случайно оговаривается и относительность, и историческая обусловленность понятия *неологизм.* Практически же авторы академических словарей неологики исходили, начиная с 60-х гг. прошлого века, из прагматического принципа: всё, что не регистрировалось академическими и толковыми нормативными словарями, интерпретировалось и описывалось как *неологика*.

Этот принцип был удобен и достаточно чёток до конца «лихих 90-х», когда в русский литературный язык массово хлынули жаргонизмы, разговорно-просторечная лексика и фразеология и заимствования. Вот почему словарь неологики этого десятилетия насчитывает более 4000 языковых единиц и вмещается в 3 увесистых тома (сравн.: [14]).

При всём выше отмеченном сходстве механизмов и сфер неофразеологизации в современных славянских языках, нельзя не заметить и различий. Так, русская академическая лексикография традиционно отличалась гораздо большей нормативностью, чем украинская, белорусская, польская, чешская или болгарская. В чешских словарях, например, не было такой строгой «табуизации» вульгарной и жаргонной лексики и фразеологии, как в русских, в силу чего этот источник в чешской неографии представлен в значительно меньшем количестве. С другой стороны, чешская неография более строго фиксирует прямые заимствования, нередко предпочитая калькирование, что также определяет соответствующую лексикографическую специфику.

Собственно говоря, можно сказать, что уже само разграничение славянской фразеологической неологики по оси «Своё» – «Чужое» налагает ощутимый отпечаток на её качественный и количественный состав и специфику для конкретных языков. И естественно, что национально маркированных фразеологизмов будет представлено больше в первой группе, чем второй. Приведём несколько примеров, иллюстрирующих такое утверждение.

1. Фразеологические неологизмы, образованные на основе «своих» языковых ресурсов.

Шутливо-ироническое выражение *богатенький Буратино* пришло в средства массовой информации в конце 90-х гг. из молодёжного жаргона, что квалифицируют словари [16, с. 61]. Сейчас оно стало разговорным и характеризует как состоятельного бизнесмена, предпринимателя в постсоветской России, так и человека, располагающего средствами в условиях, когда у окружающих либо денег нет совсем, либо их гораздо меньше [17, с. 109; 18, с. 64; 19, с. 39; 20, с. 69]:

1. *И тут такой шанс выпал! Один* ***богатенький Буратино*** *решил себе родословную составить. Я взялся за эту работу, посулили мне тысячу долларов* (Д. Донцова. Скелет из пробирки).

Французская налоговая система весьма сурова к ***«богатеньким Буратино»****, а олимпийское золото – никогда не бывает поблажкой* (https://www.sovsport.ru).

Когда цепочка тянется на человека, Светланой глубоко уважаемого, она делает обмен почти бесплатно – включая, например, в цепочку ***«богатенького Буратино»****, который ради квартиры на Таврической улице готов потрясти кошельком. («Буратино обычно требует фанфар на каждый затраченный цент. Если выставляешь фанфары, платит втридорога. Но я стараюсь не тратить свою молодую единственную жизнь на расселение людей, абсолютно мне не интересных. В гробу карманов нет, как это ни печально»)* (Д. Губин. Чёрный маклер. Ог., № 36, 1994).

Я перестала воспринимать чужую боль, чужие страдания. Мне всё больше нравилась моя роль, потому что Белый устраивал целый спектакль, выколачивая из ***богатеньких буратин*** *денежки. Они должны были прислуживать мне, как королеве. Раскланиваться передо мной. Я стала «Мадам»* (И. И. Лившиц. Наша жизнь, как «Русская рулетка». КП, 18.01.94).

2. *– Я бы очень советовал его [хрусталь] продать... Я знаю одного любителя-толстосума. Или старичков-супругов. Тоже* ***богатенькие Буратино****. Запросить безумно много. Вытерпят* (В. Крупин. От рубля и выше).

Из машины вышли трое. Одинакового роста, одинаковой ширины и одинаково жующие… Один из двоих остановился. «Слышь, мужик, – развязно начал он, – ты ***богатенький Буратино****. Васёк видел, – кивок в сторону оставшегося позади. – Поделись. А то у нас штаны порватые, и машина позорная...»* (С. Залмунин. Волкодав-одиночка, 2006).

Последнее серьёзное увлечение Андреа – ***«богатенький Буратино»*** *Джеффри Сакс, который её бросил. После этого разрыва актриса похудела до сорока двух килограммов (при росте в метр пятьдесят пять). Всех предыдущих мужчин Андреа бросала сама…* (Л. Тимченко. Во время съёмок «Чёрной жемчужины» Андреа без конца падала в обморок. Рубрика «Спрашивали! Отвечаем». КП, 13.07.2000).

Историки крылатых слов единодушно определяют исконно русское происхождение этого неологизма. Он, конечно, имеет более старые, ещё советские культурологические корни. Это фраза, с которой хитрая Лиса, стремясь подольститься и выманить деньги, обращается к главному герою популярного в 70-е годы прошлого века телефильма «Приключения Буратино» (1975) по сказке А. Н. Толстого «Золотой ключик» (1936). Режиссеры фильма – Л. А. Нечаев, сценарий И. И. Веткиной.

Иная история – у другого шутливо-иронического оборота *наивный чукотский юноша,* ставшего новейшей характеристикой глупого, наивного, недальновидного человека. Хотя оно ещё не перешагнуло границ литературного употребления, но уже мелькает в средствах массовой информации и особенно – в интернете, что дало право Л. Степановой и М. Добровой включить их в свой русско-чешский словарь неологизмов [20, с. 466–467]:

Боже мой, какой ***наивный чукотский юноша****. В любом клубе в нашей стране уволят тренера, а игрокам будет хоть бы что – это реалии РФПЛ* (https://www.sport-express.ru).

А я, ***наивный чукотский юноша****, полагал, что озеленять, асфальтировать и подсвечивать город в «весенне-летне-осенний сезон» можно и нужно в несколько ином масштабе* (http://www.siapress.ru).

Надо признать, что бывший чиновник, имевший прямое отношение к вырубке цаговского леса, сегодня выглядит ***наивным чукотским юношей*** (http://www.zhukvesti.ru).

Популярность этого выражения растёт не по дням, а по часам. Уже появился и «гендерный пандан» к нему – *наивная чукотская барышня,* который, правда, пока ещё не вышел за пределы интернетных «чатов» и Фейсбука:

Наивная чукотская барышня!

Все мои планы пошли наперекосяк, когда неожиданно выяснилось, что билетов нет! Вообще нет!!! Невозможно уехать на кишиневском, нет билетов на поезд от Киева до самого Кишинева. Срочно у самих касс пришлось все переигрывать: теперь я еду от Симферополя (УРА! Симферополь посмотрю) до Одессы, а потом из Одессы уже в Кишинев!!! (lunatic_girl (lunatic_girl) 2005-09-17 14:45:00).

Если выражение *богатенький Буратино* выросло из советского литературного источника, то оборот о чукотском юноше – симбиоз известных анекдотов о некоторых жителях крайнего Севера, который, как поётся в песне, напрасно называется «крайним, потому что он бескрайний»... Как, впрочем, и наша фразеологическая Неология. Понятно, что такого рода неологизм не мог родиться в странах, далёких от России, хотя типологически аналогичные анекдоты сопоставимы с анекдотами поляков о кашубах, болгар – о жителях Габрова, а немцев – о фризах. Но и *богатенький Буратино,* и *наивный чукотский юноша* – бесспорно русский неологический «бренд».

2. Фразеологические неологизмы, образованные на основе «чужих» языковых ресурсов.

Эта группа по определению является интернациональной, и, следовательно, её собственно языковая специфика ограничена самим происхождением. И действительно, в большинстве славянских языков значения и функциональные характеристики таких оборотов, как *мы все в одной лодке, менять коней на переправе, мозговая атака, мозговой штурм, зелёные береты*, *звёздные войны*, *мыльная опера, хромая утка*, *офисный планктон* и под. идентичны. Не случайно последний оборот Д. Благоевой приводится как полный эквивалент болг. *офисен планктон* [13, с. 27].

Но и для исследования группы заимствованных неофразеологизмов открывается возможность «нащупать» определённую специфику при их адаптации. Недавно я попробовал показать такие возможности на примере анализа американизма *класть все яйца в одну корзину* в докладе на конференции в Екатеринбурге [21]. Сейчас приведу подобный пример – судьбы чрезвычайно популярного сейчас выражения *вишенка на торте.* Его общее значение – ‘завершающее дополнение к чему-л.’, обычно – дополнение приятное. Вот как пользователи Интернета, заинтересовавшиеся этим выражением, определяют его семантику (https://yandex.ru/znatoki/question/languages/chto_znachit_vyrazhenie_vishenka_na_torte_ae3d359c/):

1) «Приятное дополнение к основному событию, явлению и т. п. Например: *В номере отеля нас ждали прохладительные напитки, удобные кресла и – **как вишенка на торте** – прекрасный вид из окна*».

2) «Наоборот: завершающий неприятный акцент в цепи неудач. Например: *Утро началось с неудач: подгорел омлет, кофе залил плиту. А **вишенкой на торте** стал бутерброд, предсказуемо упавший маслом вниз*» (Полина Таева, филолог).

«*Вишенка на торте* – это как дополнительный, и часто не ожидаемый, бонус к чему-то хорошему. Иногда это означает очень удачное завершение какого-либо дела и получение за это каких-то приятных бонусов» (Соня Можжухина).

Как я понимаю, выражение *вишенка на торте* означает логичное завершение чего-либо, своего рода последний штрих. Ведь *вишенка* – это украшение, а украшение торта является завершающей стадией его приготовления. И без неё, то бишь без «*вишенки*», внешний вид торта был бы не полным, как будто ему чего-то не хватает. А такая маленькая деталь, в виде «*вишенки*» как раз добавляет ему законченности, совершенства» (Анастасия Адель).

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) уже успел широко зафиксировать это выражение в многочисленных контекстах, и практически все они имеют ту же семантическую амплитуду, которую определили пользователи Интернета:

*Далее, высокоинтеллектуальная наркоторговля – через Tor какой-нибудь, да с оплатой в каких-нибудь биткойнах – всё-таки пока скорее **вишенка на торте*** (Александр Привалов. О запрете неприятных слов // «Эксперт», 2015).

Но гости отбиваются и устраивают кучу-малу, а на глазах хозяев появляются слёзы… ***вишенка на торте****. Нет, это не решающая битва Кубка Гагарина и не финал чемпионата мира, а золотой матч первого сезона детской хоккейной лиги Башкортостана* (Сергей Бегишев. Скоро из детской лиги выйдут чемпионы мира! // Советский спорт, 2013.03.12).

И наконец, ***вишенка на торте****: силовой агрегат в BRZ расположен рекордно низко по сравнению с конкурентами* (Андрей Сердечнов, Канны. Спорткар на каждый день: тест-драйв Subaru BRZ // РБК Дейли, 2012.04.27).

Джокович взял три гейма подряд, а решающее в сете очко взял подачей навылет, которая стала ***эдакой вишенкой на торте*** (Николай Чегорский, «Джокович покорил Лондон» // «РБК Дейли», 2013 г.).

Фирменный почерк Лены – идти на мировой рекорд после победы – стал ***вишенкой на торте*** *вчерашней вечерней программы* (Борис Титов, Николай Чегорский, «Елена Исинбаева взяла в Москве «золото»» // «РБК Дейли», 2013 г.).

В некоторых контекстах этот оборот выкристаллизировался в устойчивое сравнение с актуальной образностью:

И главное украшение сезона, ***как вишенка на торте****, – этот финал* («Технологичный» хоккей «Чикаго» // РБК Дейли, 2013.06.28).

Наконец, титул на турнире чемпионок в Софии и 12-е место в рейтинге – ***как вишенка на торте*** *под названием «сезон-2012». Николай Мысин. Не оправдать Надежду* (Надежда Петрова старте Australian Open проиграла 42-летней японке // Советский спорт, 2013.01.15).

Крайняя из них выглядела ***как пресловутая вишенка на торте*** *– 1: 0 по буллитам над «Ак Барсом»* (Виталий Славин. В тупик. По течению. Виталий Славин – о борьбе за лучшие стартовые позиции в Кубке Гагарина // Советский спорт, 2012.02.16).

Так что ***вишенка на торте*** *английского тура обещает быть вполне симпатичной* (Дина Беляева. Шанс для Павлюченко // РБК Дейли, 2011.12.22).

А на кровати, ***как вишенка на торте****, лежала ночная рубашка в розочках* (Евгений Черных. У Пиаф и Пугачевой одно на уме: мужчины и музыка // Комсомольская правда, 2010.12.18).

Надеемся, наш путеводитель поможет вам скоротать день, украшением которого, ***словно вишенка на торте****, должен стать матч принципиальных соперников. На речном трамвае – к Олимпийской чаше* («Советский спорт» рассказывает, как можно провести не одно воскресенье в «Лужниках» в ожидании дерби // Советский спорт, 2010.07.31).

Столь мощная активность употребления и всеобщая узнаваемость свидетельствует о том, что этот фразеологизм уже глубоко укоренился в русском языке, несмотря на фиксации, не выходящие за рамки XXI в. Более того, опрос носителей русского языка (особенно молодёжи) показывает, что оно воспринимается как исконно русское, «Своё», а не чужое.

Однако уже факт его поздней фиксации в источниках – причём, как мы видели, повсеместно газетных и интернетных – и отсутствие в русской литературе даже новейшего времени рождает подозрение в том, что оно пришло к нам из другого языка. И это подозрение оправдывается более глубоким анализом. И, разумеется, первое «иноземное пространство», какое в этих поисках приходит на ум – это самый до банальности популярный географический и лингвокультурологический «тренд» – USA.

Неужели и наша «родная» *вишенка на торте* – американизм? – спросят разочарованные носители русского языка, которых я недавно опрашивал.

– Да, – отвечу я и приведу лингвистические аргументы в пользу своего утверждения. Тем более, что судьба этого неологизма – настоящий кулинарный детектив. Ведь в большинстве словарей английской идиоматики мы «вишенки на торте» не найдём. Тем не менее, усиленные лингвистические поиски приведут к находке традиционного выражения, которое, видимо, является прототипом русского (и, как увидим ниже – американского) фразеологического неологизма. Это сочетание *the icing on the cake* – ‘украшательство, что-л. поверхност-

ное, вводящее в заблуждение', зафиксированное фундаментальным англо-русским фразеологическим словарём А. В. Кунина [22, с. 407] с такой контекстной иллюстрацией:

„All this teology is *icing on the cake*… „Pas sérieuse"… is an epithet I would apply to the whole book. ("Listener", April 3, 1969, Suppl.). – Вся эта теология крайне поверхностна… „Pas sérieuse"… [несерьёзно]. Вот моё мнение об этой книге.

Выражения *cherry on the cake,* пока лишь реконструированного нами, в этом словаре нет, а *icing on the cake* уже давно известно как в британском, так и в американском дискурсе. Дословный его перевод – «сахарная глазурь на торте», «покрывание торта сахарной глазурью» и «замораживание».

Выражение употребляется, как и *вишенка на торте,* как с положительной, так и с отрицательной оценочностью: 'дополнительный бонус', 'финальный аккорд, последний штрих в череде счастливых, удачных событий', 'нечто самое лучшее'; 'последняя капля в череде каких-л. неприятных событий, явлений, качеств'. Примеры употребления оборота в таких значениях в английском языке множество:

If the theory turns out to be right, that will be tremendously thick and tasty ***icing on the cake*** (Brian Greene).

When you have a watch on, it just sets everything off. It's ***the icing on the cake*** *when it comes to your entire look* (Ian Ayres).

I got my training here in Chicago at the Goodman School Of Drama, and a lot of my personal work is usually internal work and stuff. Everything else that goes on is ***icing on the cake*** *– your wardrobe, your makeup, whatever else you have to do* (Michael Rooker).

It's just nice to work hard and be rewarded, which is having lots of people watch. And ***the icing on the cake*** *for me is to be able to walk around with pride, feeling that the product you put out is worthy of being watched* (Christopher Meloni).

Британский фразеологизм *icing on the cake* полностью аналогичен его американскому варианту английского языка – *frosting on the cake*, хотя специалисты знают, что *icing* и *frosting* – это разные виды глазури. Тем не менее, оба варианта употребляются в одинаковом значении. Более того – именно на основе их структурно-семантической «кулинарной» модели и появилась американская (а теперь уже – и наша, европейская, в том числе и русская) «вишенка на торте». Поскольку одним из компонентов «оглазуривания» торта может быть именно вишня (как и другие фрукты и ягоды), она – по законам метонимии – тоже стала одним из семантических стержней такого рода выражений: *a cherry on cake, a cherry on top, cherry on top of the cake.* Эти варианты уже фиксируют новейшие словари английского языка – например, «Wörterbuch Englisch-Deutsch» 2019 года [23]. Вот несколько узуальных контекстов, подтверждающих активное употребление этого американизма:

This really is so to speak ***cherry on top of the cake*** *of enormous effort and hard work.*

*...Have been enthusiastically acclaimed by public and press alike as the absolute «****cherry on the cake****» of young wind quintets.*

The «cherry on the cake» *of this exciting trade fair booth are the four TILLA pendulum lamps that were specifically designed and produced for it.*

The cherry on the cake *is the visit to the fire station where the state-of-the-art technology can be viewed.*

...Patent, calling the result of the latest Competitiveness Councilthe ***«cherry on the cake»*** *of their EU Council Presidency.*

...Ability to carry out creative, high quality and innovative tasks for discerning tastes – ***the cherry on the top of our cake****.*

...Room has its own style, choice accessories and bouquets offresh flowers from the garden that put ***the cherry on the cake****.*

Может возникнуть вопрос: почему именно «вишенка» стала опорной метафорой этого современного выражения в английском языке?

Конечно, метафорическая избирательность может быть в какой-то мере и случайной. Но во многом, тем не менее, выбор того или иного компонента регулируется и семантической моделью. *Вишенка на торте,* как кажется, – именно такой случай. Ведь слово *cherry* давно уже играет смыслообразующую и экспрессивную роль в создании традиционных английских идиом: *a bite at the cherry* ‘an attempt or chance to do something’, *a bowl of cherries* ‘a very pleasant or enjoyable situation or experience’, *pop her cherry* ‘to take away a girl's virginity’, *to break her intact cherry* ‘’…

Такого рода идиоматика имеет древние мифологические корни. В европейской мифологии вишня занимала значимое место. Цветущая вишневая ветвь играла роль апотропея, отвращающего от человека злые силы, которые активизируются в самое темное и холодное время года. Цветущая вишня ассоциировалась с юной девушкой, с юностью и девственностью.

В современном европейском жаргоне вишня ассоциируется с девственностью. В Британии вишня использовалась в гаданиях о замужестве. Для этого надо было сосчитать вишневые косточки, оставшиеся на тарелке от съеденных вишен, приговаривая: «В этом году, в будущем году, когда-нибудь, никогда». И именно последняя косточка даст ответ. Вполне возможно, что одна из таких мифологических ассоциаций и привела к фразеологической метафоре *вишенка на торте* как заключительному аккорду чего-либо приятного. Эту метафору, в силу её прозрачности и яркой образности, подхватили в последнее время многие славянские и неславянские языки – например: чеш. белор. *вішанька на торце*, укр. *вишенька на торті*, пол. *wiśnia na torci*, чеш. *třešně* (třešničky) *na dortu*, словацк. *čerešňa na torte*, серб. *трешња на торти*, хорв. *trešnja na torti*, словен. *češnja na torti*, болг. *череша на тортата*, макед. *цреша на тортата*; нем. *Kirsche auf dem Kuchen*, фр. *cerise sur le gâteau*, итал. *ciliegia sulla torta…* Не во всех этих языках этот фразеологический неологизм стал столь же актуальным и употребительным, как в русском. Но во всех из них они понятны без комментария, что гарантирует их языковую адаптацию.

История рассмотренных в моём докладе фразеологических неологизмов весьма симптоматична. В поток этих языковых единиц, как видим, вливаются как обороты, образность которых имеет длительную литературную и речевую традицию (*богатенький Буратино*), так и новообразования, созданные ассоциативной креативностью молодёжной жаргонизированной речи на основе шутливых, анекдотических реминисценций. «Вишенкой же на торте» славянской неофразеологизации сейчас нередко становятся кальки-американизмы. Но и они, наслоившись на славянский фразеологический торт, не портят его первородного вкуса, а, наоборот, придают ему особую современную образную «брендовость». И именно она помогает фразеологическим неологизмам органически влиться в устойчивую систему современных языков.

Список использованных источников

1. Мокиенко, В. М. Фразеологические неологизмы в славянских языках / В. М. Мокиенко // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Redakcja naukowa Stanisław Gajda. – Opole : Uniwersytet Opolski – Instytut Fofologii Polskiej, 2000. – S. 133–156.

2. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Н. З. Бутарова [и др.]; под ред. Н. З. Котеловой, Ю. С. Сорокина. – М. : Сов. энциклопедия, 1971. – 544 с.

3. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Е. А. Левашов [и др.]; под ред. Н. З. Котеловой. – М. : Рус. яз., 1984. – 805 с.

4. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Т. Н. Буцева [и др.]; под ред. Е. А. Левашова; Ин-т лингвистических исследований РАН. – СПб. : «Дмитрий Буланин», 1997. – 904 с.

5. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов / Т. Н. Буцева [и др.]; отв. ред. Т. Н. Буцева; Ин-т лингвистических исследований РАН. – СПб. : «Дмитрий Буланин», 2009–2015.

6. Левашов, Е. А. Словари неологизмов XX века. Библиографический указатель / Е. А. Левашов // Новые слова и словари новых слов. – СПб. : Наука, 1997. – С. 133–140.

7. Козулина, Н. А. Лексико-фразеологические и семантические неологизмы. Указатель литературы, изданной в СССР и России на русском языке с 1986 по 1995 г. / Н. А. Козулина // Новые слова и словари новых слов. – СПб. : [б. и.], 1997. – С. 140–165.

8. Pstyga, A. Innowacje leksykalne we współczesnych językach słowiacskich w perwpektywie paraleli / A. Pstyga // Studia Rossica VI. – Warszawa, 1998. – S. 241–250.

9. Мокиенко, В. М. Проблемы европейской фразеологической неологики / В. М. Мокиенко // Nowa frazeologia w nowej Europie. Słowo. Text. Czas VI : tezy referatów międzynarodowej konferencji naukowej, Szczecin, 6–7 września 2001. – Greifswald, 2001. – С. 22–25.

10. Мокиенко, В. М. Проблемы европейской фразеологической неологики / В. М. Мокиенко // Słowo. Tekst. Czas – VI. Nowa frazeologia w nowej Europie. Słowo. Text. Czas VI : materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej, Szczecin, 6–7 września 2001. – Greifswald, 2001 / Pod red. M. Aleksiejenki, W. Mokijenki, H. Waltera. – Szczecin : Komisja Frazeologii słowiańskiej Międzynarodowego Komitetu slawistów – Uniwersytet Szeciński, Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2002. – С. 63–79.

11. Мокиенко, В. М. Новая русская фразеология / В. М. Мокиенко; Uniwersytet Opolski : Instytut Filologii Polskiej. – Opole, 2003. – 168 с.

12. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 3. Frazeologia / Redakcja naukowa Walerij Mokijenko i Harry Walter. – Universität Greifswald – Instytut für Slawistik, Universytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – Opole, 2008. – 527 s.

13. Благоева, Диана. Неофразеологизацията в българския език (в съпоставка с руски) / Диана Благоева // Български език, 2019. – № 2. – С. 15–35.

14. Мокиенко, В. М. Русские лихие девяностые в лексикографическом зеркале / В. М. Мокиенко // Лексикографията в началото на XXI в. : доклади от Седмата международна конференция по лексикография и лексикология, София, 15–16 октомври 2015 г. / Съставители Диана Благоева, Сия Колковска. – София : Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, 2016. – С. 498–515.

15. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : «Большая Российская энциклопедия»; «Дрофа», 1997. – 703 с.

16. Мокиенко, В. М. Большой словарь русского жаргона : 25 000 слов и 7 000 устойчивых сочетаний / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : «Норинт», 2000. – 720 с.

17. Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2-х т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова; под ред. С. Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009. – Т. I. А–М. – 658 с.; Т. II. Н–Я. – 656 с.

18. Квеселевич, Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка : около 16 000 слов / Д. И. Квеселевич. – М. : 000 изд-во «Астрель», ООО изд-во «АСТ», 2003. – 1021 [3] с.

19. Зыкова, Е. И. Давайте говорить правильно! Крылатые слова в современном русском языке. Краткий словарь-справочник / Е. И. Зыкова, В. М. Мокиенко. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 352 с.

20. Stěpanova, L. Slovník ruských neologismů. Словарь русских неологизмов / Ludmila Stěpanova, Mariia Dobrova. – Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2018. – 469 s.

21. Мокиенко, В. М. Проблемы этимологизации фразеологических неологизмов / В. М. Мокиенко // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы IV Международной научной конференции, Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, Ин-т славяноведения РАН, Урал. федер. ун-т ; редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – С. 216–219.

22. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь : ок. 20 000 фразеологических единиц. – изд. 4-е, перераб. и дополн. / А. В. Кунин. – М. : Рус. яз., 1984. – 942 с.

23. Wörterbuch Englisch-Deutschund Suche in einer Milliarde Übersetzungen [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.linguee.de/deutsch-englisch. – Дата доступа : 04.11.2019.

The article considers the relevant issues of the theory of neophraseology. The idea of reasonability of moving from the narrowly specialized neologic researches towards the interlinguistic and interdisciplinary ones is proved. The resemblance of mechanisms and spheres of neophaseology in the nowadays Slavic languages is underlined. The differences caused by the extralinguistic factors and revealed in the process of

composing dictionaries of the new set expressions in the Slavic languages are focused on. The history of appearance of such phraseological neologies as «bogatenkij buratino», «naivnyj chukotskij younosha», «vishenka na torte» is traced.

Keywords: neology, phraseological neology, the Slavic neophraseology, language, lexicography, dictionary.

УДК 811.161.1’42’373.613:811.353.1’42’373.613:398.92:27-277

З. К. Адамия

БИБЛЕЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В РУССКОМ И ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ «РУССКО-СЛАВЯНСКОГО СЛОВАРЯ»)

В статье говорится о том, Библия – текст исключительно ортодоксальный и канонизированный и это обстоятельство должно было, кажется, гарантировать большое однообразие и сходство между собой различных переводов. Однако это далеко не так. Русские и грузинские переводы библейских фразеологизмов намного больше совпадают между собой, чем, скажем, грузинские и английские или русские и английские.

Ключевые слова: библейские фразеологизмы, словарь, перевод, сходства, различия.

В 2019 году в Могилевском государственном университете им. А. А. Кулешова под руководством председателя Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов профессора В. М. Мокиенко вышел в свет «Русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках», в котором приняли участие 20 фразеологов из 18 стран. В словаре описываются 130 наиболее известных в современном русском языке крылатых выражений и афоризмов из Библии или восходящих к Библии и их соответствия в современных славянских (белорусском, болгарском, македонском, польском, сербском, словацком, словенском, чешском, украинском, хорватском), германских (английском, немецком, шведском), романских (испанском, итальянском, французском), армянском и грузинском языках. Соавторы грузинской части словаря – проф. З. К. Адамия и протоиерей М. Чабашвили. Библейские крылатые выражения и афоризмы сопровождаются толкованиями их значений, указаниями на стилистические особенности употребления, историко-этимологическими справками. В Словаре приводятся указатели библейских источников, а также списки крылатых выражений и афоризмов на каждом языке.

Словарь предназначен для переводчиков, специалистов по сопоставительной фразеологии, библеистов, а также всех почитателей библейской мудрости [1, с. 2–3].

Как известно, Библейские фразеологизмы пришли в грузинский и славянские языки после перевода библейских книг. Христианская религия, победившая язычество, совсем вытеснила языческое многобожие и стала единственным источником веры, нравственности и своего рода уставом жизни, поведения христианина. В XVII веке в России была создана книга «Како жити христианам». В этом своеобразном трактате нравоучения довольно-таки подробно описывается, как надлежит жить и вести себя мужчине-христианину и женщине-христианке. Одно из необходимых условий – это покорность женщины мужской воле: *Да убоится жена мужа своего.*

Основное различие в звучании и в понимании библейских фразеологизмов в славянских языках – это лексика, а не значение, т. е. со временем одни и те же христианские понятия стали обозначаться разными, но синонимичными словами, например, то, что для право-

славных *молитва*, для католиков *месса*. Отсюда и ироническое выражение: *Каждый поет свою мессу*... [2, с. 10].

С распространением христианства подобные процессы происходили и в английском, и в грузинском, и в других христианских языках.

Грузины, как известно, приняли христианство в IV веке. Новая религия энергично вы-жила старую языческую религию, и в быт народа вошли и закрепились в нем новые фразеологизмы.

Приведем несколько примеров из русского и грузинского языков:

В начале было Слово. И Слово было Бог. Б.-Ш. (Ин. 1:1).

პირველითგან იყო სიტყუაჲ, და სიტყუაჲ იგი იყო ღმრთისა თანა, და ღმერთი იყო სიტყუაჲ იგი [იბ. 1:1].

Так каждый из вас любит свою жену, как самого себя; а *жена да боится мужа своего*. Мих. [Еф. 5:33].

გარნა თქუენცა კაცად-კაცადმან თჳსი ცოლი ეგრეთ შეიყუარეთ, ვითარცა თავი თჳსი; ***ხოლო ცოლსა მას რაჲთა ეშინოდის ქრისა*** (ეფეს. 5:33).

Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя [Мф. 5:29].

უკუეთუ თუალი შენი მარჯუენე გაცთუნებდეს შენ, აღმოიღე იგი და განაგდე შენგან, რამეთუ უმჯობეს არს შენდა, რაჲთა წარწყმდეს ერთი ასოთა შენთაგანი, ვიდრე არა ყოველი გუამი შენი შთავრდომად [მთ. 5:29].

В. М. Мокиенко считает, что «разная ориентация древнейших переводов библейских текстов на разные языки и неодинаковое воплощение общих семантических потенций в развитии библеизмов создают дифференциацию крылатых слов и выражений, имеющих общий источник. Вместе с тем общеевропейское языковое пространство и общность христианской культуры становятся и основой стирания этой дифференциации. Количество библеизмов и их вариантов в русском языке возрастает не только благодаря повышению интереса к православной книжности, но и благодаря постоянному приобщению к европейской литературе и искусству. Многие из русских библеизмов являются кальками из немецкого, французского и других европейских языков, которыми свободно владела наша аристократия с петровских времен. Запас русских библеизмов пополняется и в наши дни» [3, с. 149].

Библия – текст исключительно ортодоксальный и канонизированный. Это обстоятельство должно было, кажется, гарантировать большое однообразие и сходство между собой различных переводов. Однако это далеко не так. Русские и грузинские переводы библейских фразеологизмов намного больше совпадают между собой, чем, скажем, грузинские и английские или русские и английские. Это, видимо, следует объяснить следующими обстоятельствами:

во-первых, грузины и русские придерживаются одного направления христианства – православия. Это продолжалось веками. Это наложило свой отпечаток на их понимание христианских догм, на понимание роли религии в повседневной жизни верующих;

во-вторых, эпоха принятия христианства тем или иным народом сильно повлияла на характер перевода. В частности, на лексику и на синтаксис перевода. Некоторые считают, что русские переводчики неправильно перевели библейские имена, т. е. исказили их. Это не так. Русские перевели имена так, как в ту эпоху произносили византийцы, т. е. греки. Грузия (по терминологии той эпохи Иверия) стала христианской на 400 лет раньше, чем Русь. Это сказалось на лексике и фонетике переводов. Так, в разных звучаниях заимствованы личные библейские имена, то есть так, как их произносили сами греки: *Марта – Марфа, Оидипос – Эдип, Григол – Григорий* и др. [1, с. 25-26]. Что-то подобное видим и в одном из раннехристианских языков – армянском. Притом эти древнехристианские языки (грузинский и армянский) в эпоху принятия христианства находились под длительным влиянием восточной культуры и религий и к приходу христианства их языки не были готовы к приему новых идей и

новой лексики. Этим следует объяснить то обстоятельство, что переводы библейских книг часто подправлялись, уточнялись и решительно заменялись новыми переводами.

Список использованных источников

1. Лепта библейской мудрости : русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках : в 2 т. : [около 130 крылатых выражений и афоризмов] / Министерство образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова» ; [авторы-составители: З. К. Адамия и др.] ; под общей редакцией Е. Е. Иванова [и др.]. – Т. 1 : А–О.

2. Адамия, З. К. Глава II. Библейские фразеологизмы в русском и грузинском языках (сопоставительная характеристика) / З. К. Адамия, Т. Н. Федуленкова, М. Чабашвили // Фразеологическое пространство национального словаря в сопоставительном аспекте : монография. – М., 2014. – С. 10–15.

3. Die slawische Phraseologie und die Bibel − Славянская фразеология и Библия − Slovanská frazeológia a Biblia: Коллективная монография / Redaktion: H. Walter, V. Mokienko, D. Balákóvá. − Greifswald − Sankt Peterburg − Ružomberok, 2013. − 149 c.

4. Adamia, Zoia (2019) Comparative analysis of biblical phraseological units (in the Russian, English and Georgian languages). International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST-EAST” (ISPOP) / Zoia Adamia // Scientific Journal WEST-EAST. – Vol. 1 – N 1. (March), − pp. 20−26. DOI: https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-20-26.

The Bible is the text exclusively orthodox and canonized. It seemed that this fact maybe guaranteed a considerable monotony and similarity of various translations among themselves. However it is far not so. Perhaps Russian and Georgian translations of Biblical phraseological units considerably coincide among themselves, than perhaps Georgian and English or Russian and English ones.

Keywords: biblical phraseological units, dictionary, translation, similarities, differences.

УДК 811.161+81-26+801.82

Е. Н. Антонова

ПОЭТИЧЕСКАЯ НЕОФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ФАСЕТ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

В статье представлен обзор основных возможностей фразеологии как фасета лингвокультуры в рамках восточнославянской поэтики современного периода. На примере фразеологических новообразований, или неофразеологизмов, русского языка рассматриваются особенности возникновения и функционирования единиц устойчивого характера в поэтических текстах, синхронных данному этапу развития социума.

Ключевые слова: поэзия, неофразеология, восточнославянская лингвокультура, фасет, русский язык, современный период.

Самобытность восточнославянской культуры является интересной исследовательской областью, хранящей тайны и нуждающейся в детальном изучении. Несмотря на существующие труды по истории и культуре славян как этноса, историки и культурологи не располагают достаточными сведениями и фактическим материалом, позволяющим представить энциклопедически полную картину возникновения и развития жизни, быта, верований данных племен. Однако этим исследовательским направлениям продолжает уделяться достойное внимание, в том числе на уровне лингвокультурологических разработок. Познание культуры народа через его язык представляется, пожалуй, одним из важнейших путей добычи информации. В свою очередь изучение языка народа – это прежде всего постижение его фольклор-

ных традиций, предпочтений и форм вербализации мировоззренческих концептов. И, как известно, практически ни одно фольклорно-поэтическое произведение не обходится без образного носителя народной мудрости – фразеологии.

Фразеология как самостоятельная научная дисциплина сформировалась в русском языкознании к 40-м гг. XX в. во многом благодаря трудам академика В. В. Виноградова, в работах которого на основе положений Ш. Балли была разработана ее структурно-семантическая классификация, поставлен вопрос о ее объеме и задачах. В связи с осмыслением основных положений трудов В. В. Виноградова в центре внимания исследователей становятся вопросы, определяющие специфику фразеологических единиц (ФЕ), разграничение и сближение функций ФЕ и самостоятельного слова или словосочетания, структуры ФЕ, некоторые другие вопросы. Фразеологические обороты входят в состав языка как самостоятельно функционирующие единицы, утратившие признаки и семантику своих компонентов.

Фразеологическая структура представляет собой комплекс элементов, не относящихся к словам, поскольку они лишены семантической самостоятельности, а большинство ФЕ обладает метафорической основой, связанной с различными процессами в системе словосочетаний.

В процессе исследования фразеологической системы русского языка выделились отдельные направления и сформировались подходы изучения. Центральным направлением, определившим развитие ряда других, мы признаем условно названное структурно-семантическое, основателем которого является академик В. В. Виноградов, а также возникшие на его базе когнитивно-концептуальное, трансформационное направления и, как следствие, авторская фразеология.

Теоретической базой, легшей в основу собственно лингвистической дифференциации и интерпретации фразеологии конкретного автора, являлось фразеологическое учение литературного языка. В авторском идиостиле специфическим образом проявляется фразеологичность единиц, то есть свойство сочетаний слов в совокупности давать представление об одном понятии, и фразеологическая валентность, то есть закон совместного функционирования и семантического взаимовлияния слов-компонентов ФЕ.

В связи с интенсивным развитием фразеологии в системе лингвистического учения в XX–XXI вв. обостряется интерес к авторской фразеологии, так как художественные тексты создают благоприятные условия для контекстуальной фразеологизации, основанной на важнейших характеристиках ФЕ, а именно: метафоричности, образности, экспрессивно-эмоциональных коннотациях [1, с. 247–248; 2, с. 8–11; 3, с. 289–290]. В настоящей статье речь идет о русском языке – представителе восточнославянской ветви индоевропейской языковой семьи.

Разноаспектные исследования восточнославянской лингвокультуры посвящены также функционированию и этимологии ФЕ на различных этапах развития языка. В сферу рассмотрения попадают и устаревшие обороты, возникновение которых относят к более раннему периоду развития демоса, и обороты, являющиеся языковыми средствами активного вербального запаса.

Кроме того, язык, являясь динамично развивающимся явлением, активно пополняется не только словами-неологизмами, но и фразеологическими неологизмами, или неофразеологизмами. Происхождение последних имеет разные основания, такие как трансформационные процессы в существующих ФЕ, калькирование устойчивых сочетаний слов других языков, окказиональные манипуляция с языковым материалом и т. д. Чаще всего неофразеология как элемент речетворчества зарождается в журналистике или поэзии. При этом значительное воздействие на развитие фразеологического фасета, то есть рассматриваемой по общим параметрам грани какой-либо классификационной категории, оказали политические, экономические, социальные и иные факторы как внутри этнической общности, так и под влиянием извне.

Возникшие неофразеологические конструкции функционируют в речи многих носителей языка, понятны и воспроизводимы, но воспринимаются как неологизмы до тех пор, пока не произойдет фиксация данных языковых единиц в лексикографии, сначала в окказиональной, а затем в узуальной. Данный процесс долог и связан напрямую с актуальными проблемами культуры речи, затрагивающими функционирование лексико-фразеологических новообразований в фасете лингвокультуры. При этом стоит учитывать условия перехода метафорического сочетания слов в неофразеологическую структуру, к основным относятся: фиксирование языковой единицы в нескольких письменных текстах, правильное восприятие данной структуры носителями языка, отсутствие этой конструкции в толковых словарях.

Поэтическая фразеология в целом как научно значимое когнитивное пространство непрерывно продолжает привлекать внимание исследователей, поэтому на примере некоторых русских неофразеологизмов, вычлененных из опытов современных стихотворцев [4; 5], попытаемся схематично проследить общую тенденцию развития неофразеологического фасета в синхронии восточнославянской лингвокультуры.

Изучая русские демотиваторы, О. В. Ломакина в статье «Крылатика в интернет-дискурсе» пишет: «Популярность крылатых единиц (КЕ) в современном языке позволила выдвинуть гипотезу о популярности этого пласта фразеологии в Рунете» [5, с. 255]. Данное предположение подтверждается фактическим материалом при исследовании дискурсивно-эмотивного пространства Интернета, насыщенного неординарными языковыми средствами, в том числе и поэтической неофразеологией.

Поскольку фразеологический пласт языка по определению предполагает образность и частое включение иронии или сатиры (как имплицитной, так и эксплицитной), постольку неофразеологический фасет реализуется преимущественно в шутливых стихах или поэтических демотиваторах. Так, в стихотворении «Фразеологизмы в буквальном прочтении» Дмитрия Ломакина-Румянцева [5] происходит переосмысление посредством некоторых единиц целого фасета лингвокультурологии современной эпохи. Практически в каждой строке текста присутствуют фразеологизмы, так или иначе воспринимаемые как узуальные, однако некоторые из них являются трансформированными структурно и /или семантически, поэтому обрастающими новыми смыслами.

В первой строфе используется общеязыковой фразеологизм *(не) води друг друга за нос*, нарочито (как и все прочие) закавыченный в тексте. Предикат здесь в форме повелительного наклонения выступает в роли сослагательного, а сама конструкция использована с дополненным компонентным составом. За счет включения лишнего с точки зрения логики, но закономерного с точки зрения смысла элемента происходит семантическое переосмысление и расширение трактовки. Как следствие, в таком виде фразеологическая структура функционирует и в других контекстах (как претендующих на художественность, так и разговорных). ФЕ *память комода* представляется лексико-семантическим переосмыслением ряда узуальных устойчивых структур (*светлой памяти, блаженной памяти, незабвенной памяти, рыться в памяти, остаться в памяти, на памяти, память души* и др.). В третьей строфе используется лексикализованная единица, подвергающаяся интерпретации фразеологизма в прямом значении наряду со связанным: *«смотря сквозь пальцы» на луну*. А неофразеологизм *«на голубом глазу» (начальства)* может позиционироваться так за счет относительно недавнего вхождения в языковую систему в качестве устойчивого оборота и функционирования в современном языке преимущественно в разговорном стиле. Разговорно-сниженная ФЕ *на всю железку*, имеющая такие синонимы, как *на всю катушку, на полную катушку*, встречается и в поэзии других авторов, к примеру, как заглавие стихотворения Виктора Бокового40 и в самом тексте в качестве концовки: *«Я “топлю” на всю железку, / Километры шелестят...»* [5]. Оборот *держа морковкой хвост*, встречаемый в контексте шестой строфы рассматриваемого стихотворения «Фразеологизмы в буквальном прочтении» (варианты: *держать хвост трубой <морковкой, пистолетом>*) интересен тем, что в некоторых словарях приводятся аналоги к нему на английском языке. Его популярность подтверждается и

использованием как заглавия в современной прозе. Например, на просторах Интернета можно найти произведение Виктора Плотицына «Держи хвост морковкой! (Короткий роман с многочисленными отступлениями, в том числе и от нравственности)». В этой же строфе стихотворения Дмитрия Ломакина-Румянцева помещена единица *тихим сапом*, представляющая собой грамматический трансформ, появившийся в диалектах, от ФЕ *тихой сапой*. Расширение коннотативной сферы за счет присоединения приставок к доминантным компонентам устойчивого оборота происходит в таких единицах, как *заскребут на сердце кошки, потянув кота за хвост*. За счет лексико-семантической и структурной контаминации ФЕ и свободных смыслов формируются следующие поэтические единицы: *«на голом месте плешь» создав, «и рад бы в рай, да не пускают / грехи» под росчерком пера*.

С позиции неофразеологии интересны и поэтические демотиваторы [4] как зеркала народных умонастроений, в свободном доступе размещаемые в сети Интернет и создаваемые в юмористическом или сатирическом стиле. Вообще Интернет стал одним из главных индикаторов культуры (по крайней мере в России), а крупная часть носителей русского языка проводит слишком много времени в виртуальном мире. Происходит формирование лингвокультурологических маркеров. А если речь идет о поэзии как лаконичном литературном жанре, то шутливая форма, прикрывающая острые социальные проблемы, создает все условия для возникновения афористичности. Таким образом, неофразеологическая огранка присуща большинству поэтических демотиваторов, так как форма малого жанра, особенно оснащенного сатирой, предполагает заключение потенциально крылатых смыслов в одной или нескольких строфах текста. Авторы (часто анонимные) острят на злободневные темы действительности, изобретая фразы, которые позже будут повторяться в народных массах, или наполняя обновленной семантикой уже известную фразеологию. К примеру, в Интернете можно найти стихотворение Александра Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека…» с отметкой «Лучшие демотиваторы с 1904 года».

Отдельным видом демотиваторов являются стихи из детских книжек, обрамленные едкими заголовками. Неофразеологический потенциал может быть заложен как в самом тексте, так и в комментарии к нему. «Поэзия – удел избранных» – приписка к так называемому детскому стихотворению, основанному на многократном дублировании нескольких слов: семикратное повторение фразы *Такса едет на такси* подытоживается глубоко информативной строчкой *Всё. Приехали. Мерси.* Колкие замечания типа «Остановите наркоманию среди детских писателей» (кстати, эта фраза уже воспринимается как афористичная) клеймит не менее странные тексты, например: *...Над землей арбуз летит, / Он чирикает, свистит: / – Я – горчица, я – лимон! / Я закрылся на ремонт!* Примечательно, что в этой фразе не просматривается даже каламбурный смысл, это тупик для фантазии взрослого человека и тяжелый удар по нежной детской психике.

О том, как мужчины способны паниковать из-за незначительной простуды, написано немало анекдотов и занимательных историй, поэтому создатели комично-афористичных зарисовок не могли не отреагировать: *О, боже! Я почти вдова… / У мужа тридцать семь и два…*

Скверные тексты графоманов высмеиваются с характерными комментариями типа «Питерская поэзия – классикам наступают на пятки» (в этом слогане, как видим, присутствует семантически нагруженный фразеологизм). Здесь уместно вспомнить и шутливое стихотворение «Она была ничё такая…», обличающее ущербность речи современной молодежи. Скудный вербальный арсенал текста является, к сожалению, не только аллегорией или каламбуром, но и открытым демонстрантом уровня речевого развития определенной группы подростков. Так, первая строфа выглядит следующим образом: *Она была ничё такая… / Я подхожу, короче, к ней: / А ты ничё вообще такая – / Я говорю, короче, ей.* Сочетание слов *она ничё такая* в просторечиях давно функционирует в готовом виде, следовательно, содержит фразеологические коннотации, а многократный повтор повсеместно распространенного слова-«сорняка» *короче* усиливает эффект устойчивости.

Приведенные примеры свидетельствуют о народном стремлении зарифмовать ключевые вехи своей восточнославянской лингвокультуры, создавая несерьезные стихи на злободневные темы. Практически всегда эти строки содержат большой афористический потенциал (сами по себе или с включением узуальной фразеологии). Если подобраны удачные слова, затрагивающие чувства читательской аудитории, то они становятся узнаваемыми и воспроизводимыми, как следствие, формируется пласт неофразеологических единиц (обычно разговорного стиля). Таким образом, поэтическая неофразеология представляется уникальным фасетом лингвокультуры, импульсом, позволяющим наметить новые исследовательские векторы.

Список использованных источников

1. Голованевский, А. Л. Афористика и фразеология, или афористическая фразеология (на материале поэзии Ф. И. Тютчева) / А. Л. Голованевский, Е. Н. Сычёва // Устойчивые фразы в парадигмах науки: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Владимира Леонидовича Архангельского / А. Л. Голованевский, Е. Н. Сычёва. – Тула : Издательско-полиграфическое объединение С-принт, 2015. – С. 247–252.
2. Сычёва, Е. Н. Поэтическая фразеология и афористика Ф. И. Тютчева (структурно-семантический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. Н. Сычёва; Балтийский федеральный университет им. И. Канта. – Брянск, 2015. – 24 с.
3. Сычёва, Е. Н. Соматизмы в поэтических текстах Ф. И. Тютчева и в составе фразеологических единиц (ФЕ) // Вестник Брянского государственного университета / Е. Н. Сычёва. – 2012. – № 2−1. – С. 289–293.
4. Демотиваторы в стихах [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://yandex.ru/images/search?text=%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B%20%D0%B2%20%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%85%D0%B0%D1%85&stype=image&lr=213&source=wiz. – Дата доступа : 15.10.2019.
5. Стихи.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.stihi.ru. – Дата доступа : 13.10.2019.
6. Ломакина, О. В. Крылатика в интернет-дискурсе: функционально-прагматический аспект // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : материалы международной научной конференции / О. В. Ломакина. – Тула : ТППО, 2018. – С. 254–260.

The article provides an overview of the main features of phraseology as a facet of linguistic culture in the framework of the East Slavic poetics of the modern period. On the example of phraseological neoplasms, or neo-phraseologisms, of the Russian language, the features of the emergence and functioning of units of a stable nature in poetic texts that are synchronous to this stage of the development of society are considered.

Keywords: poetry, neo-phraseology, East Slavic linguistic culture, facet, Russian, modern period.

УДК 811.161.1’282.2’373.74:168.522:52(477.74)

Н. Г. Арефьева

АСТРОНОМИЧЕСКИЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОД В РУССКИХ ГОВОРАХ ОДЕСЩИНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ)

В статье рассматриваются диалектные фраземы, функционирующие в русских говорах Одесщины и группирующиеся вокруг астрономического лингвокультурного кода. Во фразеотворчестве диалектоносителей выделяются как межнациональные и межкультурные когнитивные формулы, так и региональные, специфические.

Ключевые слова: астрономический лингвокультурный код, диалектная фразема, русские говоры Одесщины.

Региональная и общенациональная фраземика как мощный транслятор культурной информации сегодня активно исследуется на фоне лингво- и этнолингвокультурного кодирования (труды М. Л. Ковшовой, В. Н. Красных, В. А. Масловой, Л. В. Савченко, И. С. Чибор). В этом аспекте особую значимость приобретают наблюдения Н. И. и С. М. Толстых: «…культура, как показали новые исследования архаических культурных традиций, в том числе и славянских, представляет собой иерархически организованную *систему разных кодов*, т. е. вторичных знаковых систем, использующих разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к "картине мира", к мировоззрению данного социума (для древних славян – к язычеству). Эти разные коды (например, космогонический, растительный, энтомологический, ономастический и т. д.) оказалось возможным соотносить друг с другом по способу перевода с языка на язык через общий для них содержательный план, служащий как бы языком-посредником» [1, с. 86].

Соглашаясь с вышесказанным, рассмотрим фраземы, группирующиеся вокруг астрономического лингвокультурного кода и функционирующие в русских говорах Одесской области Юга Украины.

Объектом нашего исследования стали диалектные фраземы, обозначающие «Венеру» и «утреннюю зарю»; в материалах Словаря русских говоров Одесщины (далее СРГО) и Картотеки «Словаря русских говоров Одесщины», хранящейся на кафедре русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова (далее КСРГО), данные фраземы требовали внимательного изучения и сопоставления в связи с их явной семантической интерференцией.

Мы допускаем, что планета Венера, будучи самым ярким объектом на небе после Луны, воспринималась носителями говоров как два разных небесных тела, поскольку в разные периоды видна либо на западе сразу после захода солнца, либо на востоке перед его восходом. Именно этим фактом, на наш взгляд, объясняются разночтения в толковании диалектных фразем не только в материалах диалектологических практик, но и в фундаментальных словарях, зачастую по-разному трактующих одну и ту же фразему. К примеру, в Большом словаре русских поговорок В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной (далее БСРП) со ссылкой на КСРГО диалектная фразема *вȕтренняя зарȉца* – 'Планета Венера', тогда как *вечȅрняя зарнȉчка* – 'Звезда Сириус' [2, с. 246]). Сравн. фраземы, функционирующие в русских говорах Одесской области и эксплицирующие Венеру расчленённо, двупланово, – как звезду «утреннюю» и «вечернюю», иногда в одном и том же населённом пункте: *вȕтрешняя звездȁ* 'планета Венера': *Перед вȕтром поднимȁицца звиздȁ – э̀та «вȕтришняя»* (Ст. Некр.). ***Вȕтришняя звиздȁ*** *– «зарнȉца» называ̀ицца* (Ст. Некр.) [3]; *у̀тренняя заря̀* и *у̀трешняя зарнȉчка* в том же значении: *Винȅру у нас называ̀ют* ***у̀триней зарёй*** (Б. Пл.). ***У̀тришняя звиздȁ*** *паслȅдней с нȅба схо̀дить* (Вилк., Ст. Некр.) [Там же] и *вечȅрняя звёздочка* 'планета Венера': ***Вичȅрняя звёздачка*** *зара̀ние вȅчирам паявля̀ицца* (Возн.); *вечёрняя зарнȉчка, вечёрная зарнȉца* в том же значении: ***Вичо̀рная зарнȉца*** *сȅла.* ***Вичо̀рняя зарнȉчка*** *– бальша̀я я̀ркая звиздȁ, васхадя̀щая вȅчирам* (Ст. Некр.) [3; 4, т. 1, с. 78]. По-видимому, вышеприведённые фраземы проникли в русские островные говоры Одесской области Юга Украины из материнских южнорусских, прежде всего курско-орловских, а также донских, воронежских и других групп говоров. Сравн.: *вечȅрняя (вечёрошняя) звездȁ (зарнȉца, заря̀)* и *у̀тренняя (утрешняя) звездȁ (зарнȉца, заря̀)* – дон. 'планета Венера': *Сиводни я праснулся и увидил* ***утриннюю звизду*** (Елиз). Каз , Поп [5, с. 186; 2, с. 248].

В материалах СРГО находим также фразему *световȁя зарнȉчка (зарнȉца)* в значении 'утренняя заря' [4, т. 1, с. 159], однако приведённые иллюстрации, дополненные материалами диалектологических экспедиций, свидетельствуют о, по меньшей мере, двух значениях − 'утренняя заря' и 'планета Венера'. Сравн. иллюстрации: 1) *Па* ***свитавȍй зарнȉчки*** *вставȁли* (Вас.). *Кадȳ карȍва былȁ, я да* ***светавȍй зарнȉцы*** *падымȁлась* (Усп.) и 2) ***Светавȁя зарнȉчка*** *– бальша̀я звиздȁ, ухадя̀щая при свȕту, на зарȅ* (Ст. Некр.) ***Светавȁя зарнȉчка*** *фстаёть пȅрит свȅтом* (Возн.) [3]. Показательно, что лексема *зарничка* 'звезда'

в русских говорах: *Па зарнѝчках врѐмя узнавàли, а типѐрь γлядѝм на чисы̀* (Ст. Некр.) [4, т. 1, с. 225].

Подтверждение факта бинарного, расчленённого восприятия Венеры в народном сознании находим также в книге И. А. Подюкова «Народная фразеология в зеркале народной культуры», в которой автор, характеризуя диалектные названия звезд и планет, отмечает: «К настоящему времени система народных астрономических номинаций в этой сфере практически утрачена, что в немалой степени связано с отсутствием жизненно важной потребности в этом; оставшиеся образные определения зачастую не имеют однозначного соответствия – сравн. перм. *Утиное гнездо* – о Плеядах, киров. – о Малой Медведице. Отмечаются лишь единичные народные образные определения звёзд, дальних планет (перм. *Электрическая звезда* – о Полярной звезде, устойчивые сочетания ***Утренняя звезда, Вечерняя звезда – о Венере*** (выделено нами – Н. А.) [6, с. 29–30]. Аналогичную когнитивную модель находим в болгарском языке на примере болгарских *зорницы* и *вечерницы*, принимаемых за два разных небесных тела. Так, И. Георгиева в книге «Българска народна митология» приводит следующий факт: «*Зорница* и *вечерница* воспринимаются обычно как две звезды. Согласно некоторым верованиям они являются сёстрами: зорница – спутница своего брата солнца, а вечерница – месяца (перевод наш – Н. А.)» [7, с. 30]. Интересно, что в русских говорах Одесщины фразема *корчистая зо̀рька* обозначает ‘цветок, распускающийся вечером’ (*зо̀рька* в первом значении – ‘звезда’ в СРГО): *Дубочки – ета называица и чирнабровки, и фиалки,* ***карчистыи зорьки****, ета тарелычки расцвитають* (Мур.) [4, т. 1, с. 238, 183], что ещё раз является подтверждением того, что для древних славян концептуальная архетипическая оппозиция «утро / вечер» и «утренний / вечерний» была одной из наиболее важных, поскольку играла определяющую роль в быту и организации хозяйственной деятельности древнего славянина (сравн. русск. общеизвестное *Утро вечера мудренее*, а также пословицы *Какова вечерняя заря, таков другой день*; *Заря вгонит, другая выгонит*; *С курами ложиться, с петухами вставать* [8, т. 2, с. 340–341]). Совершенно справедливы в этом ключе наблюдения представителя лингвокультурологической школы В. Н. Телия М. Л. Ковшовой, по мысли которой «уже сам выбор реалий для созданий образа фразеологизма не случаен. Слова-компоненты фразеологизма являются именами не реалий (в широком смысле этого слова), а культурных знаков, т. е. реалий, получивших культурное переосмысление. Именно в этом качестве – знаков вербального кода культуры – имена реалий вовлекаются в образное описание мира, позволяют не столько «увидеть» буквальный образ фразеологизма, сколько воспринять сквозь его призму культурные смыслы этих реалий» [9, с. 175].

Вышеприведённые факты свидетельствуют, как нам кажется, об общеславянской межнациональной когнитивной формуле осмысления окружающей действительности, согласно которой один и тот же объект воспринимается двояко, расчленённо, что и кодируется в языке и, прежде всего, в его устойчивых сочетаниях.

Внутренняя форма фразем со значением ‘Млечный путь’ в мировосприятии русских переселенцев соотносится с дорогой, долгим путём: *дорò̀га в Иерусалѝм* [2, с. 196], *дорò̀га в Кѝев* [Там же]. Обратимся ещё раз к книге И. А. Подюкова и его наблюдениям: «Крайне разнообразны обозначения-метафоры для созвездий, среди них много и фразеологических (типа перм. *белая дорога, лебединая дорога, соломенная дорога*, брянск. *сивая дорога* – ‘о Млечном пути’; сравн. из других языков – нем. *путь господа, путь Осипа, путь Якова, дорога на Рим, дорога на Лондон, дорога на Франкфурт* и пр.). В них мы видим условное перенесение реалий земной жизни на небесную сферу, прихотливую игру фантазии, часто в духе уже знакомого приёма «очеловечивания» божеств (нем. *Eliaswagen, St. Petrus Wagen* – ‘повозка св. Ильи, св. Петра’)…» [6, с. 29]. На фоне приведённых автором примеров становится очевидным, что корреляция «Млечный путь – дорога» имеет общеевропейские корни, поскольку меридиональное (с севера на юг) направление во многих странах совпадало с важнейшими торговыми и миграционными путями. Межкультурная и межнациональная

когнитивная формула «Млечный путь – дорога» находит воплощение в региональных фразеологических номинациях *чумàк за сòлью èдет* – ‘Млечный путь’: *Люди гаварят̀ь – то* ***чумак за соллю едеть*** (Павл.) [3; 2, с. 743] и *чумацкий шлях* в том же значении [2, с. 755]. Внутренняя форма последних фразем, попавших в русские говоры Одесщины из украинского языка, сопряжена с таким «самобытным и неповторимым явлением в истории украинского народа», по словам украинского учёного В. В. Жайворонка, как чумачество (укр. чумацтво, чумакування), относящимся к XVI–XIX вв. Как известно, чумаки, занимавшиеся торгово-вознического промыслом, перевозили на волах для продажи такие товары, как хлеб, соль рыбу и др. [10, с. 645–646]. Данное явление нашло широкое освещение в украинской художественной литературе и фольклоре.

Интересным, с нашей точки зрения, является факт пересечения астрономического кода с анималистическим во фраземе, зафиксированной в материалах КСРГО: *кȕрица с писклѝтами* – ‘Малая Медведица’: *Йшлò* ***кȕрица с писклѝтами*** (Павл.) [3]. Диалектные *писклёнок* (южнорусск. ‘цыплёнок’) и *писклята* (южнорусск. ‘цыплята’) в русских говорах Одесщины употребляются исключительно для наименования маленького, недавно вылупившегося цыплёнка (в отличие от подросшего, для наименования которого используется украинское *курчà*) [11, с. 38]. Сопоставление с материалами других словарей даёт основание утверждать, что значение данной фраземы – ‘Большая Медведица’, сравн. данные Фразеологического словаря русских говоров Сибири (ФСРГС) со ссылкой на Словарь русских народных говоров (СРНГ): *курица с цыплятами***:** ‘1. Созвездие Большой Медведицы. – *Курица с цыплятами есь, семь ли восемь звезд. – Вот как курица с цыплятами ходит: она впереди, цыплята сзади. Так и звёзды: курица с цыплятами* (Томск. Томск., 1965). 2. Созвездие Рака (?)’. – *Курица с цыплятами есть, семь ли восемь звезд* (Крив. Томск., 1964 – СРНГ, 16, 1980) [12, с. 101]. В тех же значениях данный фразеологизм находим и в БСРП: ‘Сиб. Созвездие Большая Медведица. ФСС, 101; СФС, 97. 2. Сиб. Созвездие Рака. ФСС, 101’ [2, с. 343].

Отметим, что пересечение астрономического и анималистического кодов также является характерной особенностью межнациональных и межкультурных лексических и фразеологических номинаций, сравн.: *вòлчья звездà*. Ср. Урал. ‘Созвездие Большая Медведица’. СРГСУ 1, 90 [2, с. 248]; сиб., прикам., перм., приамур. *птȉчье гнездò (птичье гнёздышко)* и *утȉное гнездò* – созвездие Плеяды (Стожары) [Там же, с. 132], а также арх., перм. приамур., сиб. *ȕтичье (ȕточье) гнездò* и *утя̀чье гнездò* в том же значении [2, с. 132], болг. *квочката (кокошка)* в том же значении [7, с. 29] нем. *gluckhenne* (наседка с цыплятами) ‘созвездие Плеяды’ [6, с. 29] и др.

К сожалению, ограниченный объём статьи не позволяет охарактеризовать другие фраземы, сопряжённые с астрономическим кодом; их анализ будет представлен в наших следующих публикациях.

Фраземы русских говоров Одесщины, группирующиеся вокруг астрономического лингвокультурного кода и транслирующие древнейшие культурные смыслы, воплощают как типичные общечеловеческие концепты, когнитивные формулы и модели, так и специфические, что требует дальнейших лингвистических и этнокультурных разысканий и дальнейшего научного осмысления.

Список использованных источников

1. Толстой, Н. И. О словаре «Славянские древности» / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Славянская этнолингвистика: вопросы теории. – М. : Институт славяноведения РАН, 2013. – С. 83–97.

2. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.

3. Картотека «Словаря русских говоров Одесщины» // Кафедра русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

4. Словарь русских говоров Одесщины / [ред. коллегия: проф. Ю. А. Карпенко (отв. ред.), проф. Уэмура, проф. Д. С. Ищенко, доц. Л. Ф. Баранник] : в 2 т. – Одесса : АстроПринт. – Т. І. : А–О. – 2000. – 369 с.; Т. ІІ. : П–Я. – 2001. – 293 с.

5. Большой толковый словарь донского казачества : ок. 18000 слов и устойчивых сочетаний / Ростов. гос. университет; Факультет филологии и журналистики; каф. общ. и сравнительного языкознания. – М. : ООО «Русские словари» : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 608 с.

6. Подюков, И. А. Народная фразеология в зеркале народной культуры : учебное пособие / И. А. Подюков. – Пермь : ПГПИ, 1990. – 127 с.

7. Георгиева, И. Българска народна митология / И. Георгиева. – Второ преработено и допълнено издание – С. : Наука и изкуство, 1993. – 258 с.

8. Даль, В. И. Пословицы русского народа : сборник в 2 т. / В. И. Даль. – М. : Художественная литература, 1984 – 399 с., ил.

9. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии : Коды культуры / М. Л. Ковшова. – изд. 3-е. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.

10. Жайворонок, В. В. Українська етнолінгвістика: Нариси / [Навч. посіб. для вищ. навч. закл.] / В. В. Жайворонок. – К. : Вид-во «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 2007. – 438 с.

11. Баранник, Л. Ф. Лексика русских переселенческих говоров Одесской области, функционирующих в разноязычном окружении : учебное пособие / Л. Ф. Баранник. – Одесса : «Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова», 2015. – 178 с.

12. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Фёдорова. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-е, 1983. – 232 с.

In this article dialect phraseological units, which are functioned in Russian dialects of Odessa region and grouped around astronomical linguocultural code, are analyzed. In the phrase-making of dialect careers both international and intercultural cognitive formulas, as well as regional and specific ones are allocated.

Keywords: astronomical linguocultural code, dialect phraseological unit, Russian dialects of Odessa region.

УДК 81’373.7=161.2=161.1](083.77)

О. В. Банзерук, А. С. Банзерук

НАЦІОНАЛЬНО МАРКОВАНІ СИМВОЛИ-ФІТОНІМИ В УКРАЇНСЬКІЙ І РОСІЙСЬКІЙ ФРАЗЕОЛОГІЧНІЙ СИСТЕМАХ

В статье раскрыта взаимосвязь между фразеологией как образным отражением духовной культуры народа и языковыми символами растительного происхождения. Проведенное исследование позволяет выявить общее и специфическое в функционировании национально маркированных фразеологизмов с фитонимным компонентом в проекции лингвокультурной плоскости.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица, фразеологизм, языковой символ, национально маркированные фразеологизмы, фразеологизмы с фитонимным компонентом.

Світ природи, представлений у російській та українській фразеологічних системах, характеризується як універсальністю, так і специфічністю національного сприйняття. Своєрідне полягає у виборі компонентного складу фразеологічних одиниць, наділенні їх образною символікою еталона порівняння, оцінки, спрямованістю на народну культуру, звичаї, обряди, народні прикмети. Рослинні символи і їхнє місце в традиційній календарній обрядовості українців досліджували Г. Булишев, Е. Гаврилюк, М. Дикарєв, М. Костомаров, В. Скуратівський та ін. Національну специфіку російських назв рослин аналізують

І. Подолян, Г. Філь шляхом зіставлення пов'язаних з ними уявлень, наявних у свідомості сучасних носіїв цієї мови.

Попри велику роботу з опису ботанічної лексики, чимало питань і досі не з'ясовано. Не проведено, зокрема, комплексного дослідження фразеологічних одиниць із дендронімами і лише частково вивчено семантику й особливості функціонування фітонімів у фразеологічних одиницях української мови (З. Васильків, М. Дмитренко, Л. Мовчун, Л. Пушко, О. Самсонова та ін.). У нашій статті зосередимо увагу на фразеологізмах із назвами дерев, що мають символічне, сакральне значення для української та російської культур.

Знання символіки фітонімів формуються переважно на підсвідомому рівні під впливом міфів, легенд, пісень, літературних творів, звичаїв, обрядів, ритуалів тощо. Рослинні символи виникли з найдавніших міфологічних уявлень про світобудову й виражають загальнолюдські та національні архетипи.

Назви дерев, поширених в умовах європейського клімату, походять із індоєвропейської мовної єдності й зберігають у мовах цієї сім'ї спільні риси. Дерева вкривали землю лісами, утворювали вигідне й зручне для людей місце проживання та полювання. Знання рослинного світу в стародавніх людей було порівняно обмеженим. Наші пращури розрізняли насамперед дерева, які були добрим матеріалом для будівництва житла, виготовлення меблів, зброї, воза, човна, а також ті, які давали смачні й поживні плоди та ягоди.

Різноманітні дерева в народних уявленнях часто сприймались як істоти, відчували, дихали, розмовляли між собою чи з людьми; їх не можна було бити, рубати, пиляти. Кожна з рослин набувала людських ознак, утілювала в собі людські риси, що відобразилося у фразеологічних одиницях, прислів'ях і приказках, походження яких пов'язане з уявою первісної людини, її усвідомленням свого місця в природі. Виразне злиття рис, властивих явищам природи, з людськими якостями зумовило й відповідні мовні засоби.

Тісні зв'язки людини з природою пов'язані з певним уподібненням чи наближенням двох картин − антропоморфної та природної. Українська фразеологія фіксує такі назви дерев, кущів та їх плодів, як *береза, бузина, бук*, *верба, вишня, граб, горіх, груша, дуб, калина, осика, сосна, терен, тополя, яблуня, явір, ялина* і т. д. Проте значну частину цих компонентів можна вважати факультативними з огляду на їх поодиноке вживання у складі фразеологізмів. Наприклад, в українській мові – *пожинати* ***лаври*** – користуватися наслідками успіхів, досягнень; *ні за понюшку* ***табаки*** – ні за що, даремно; *як свині з* ***череди*** *ітимуть* – уживається для повного заперечення змісту речення [1]. У російській мові – *как банный* ***лист*** – назойливо, надоедливо; ***пальма*** *первенства* – символ победы и бесспорного преимущества [2].

Серед найголовніших фразеологічних рослинних символів наших пращури виділяли такі: *береза, верба, дуб, осика, тополя*.

Найшановнішим деревом у слов'ян був дуб. Із давніх часів його вважали світовим деревом, від якого почалося все живе на землі. Звідси символіка світового прадерева, дерева життя, сонця, символ гордості й міці, сили, могутності, довговічності, цілісності, здоров'я: *міцний як* ***дуб****; великий як* ***дуб****; високий як* ***дуб****; здоровий як* ***дуб***.

Однак, характеризуючи нерозумну, що повільно мислить, людину, українці вдавалися до порівняння людських здібностей із дубом: ***дубова*** *голова*; ***дуб*** *дубом.* Хоча позитивна оцінка розумових здібностей людини в українській свідомості реалізується у стійкому виразі *не з* ***дуба*** *впасти* – бути досить досвідченим, розумним або обізнаним у чомусь. Великий страх, гнів, подив фіксує фразеологічна одиниця *волос* ***дуба*** *став / волос* ***дуба*** *стає / волосся* ***дуба*** *стає / волосся* ***дуба*** *стало.*

Верба у фразеологічних одиницях, як правило, пов'язується з негативною конотацією: *золоті* ***верби*** *ростуть (золоте* ***верб'я*** *росте)* – за що не візьметься, що не зробить, то все не так, зіпсує справу; ***вербу*** *носити почав* – запив; *як чорт до сухої* ***верби*** − зі сл. *причепитися, прилипнути, повиснути на* ***вербі*** – заподіяти собі смерть; повіситися. Верба – це й дерево антисвіту. Про якесь дивне кохання люди кажуть: *закохався, як чорт у суху грушу [стару* ***вербу****]*.

Чільне місце в давній символіці посідала й осика. Із нею пов’язувалися найрізноманітніші вірування, звичаї, обереги. Осика (трепета), як зазначає М. Дмитренко, – символ страху, суму, туги; «нечисте, прокляте дерево», «дерево повішених», символ важкої неприємної справи, поганого (гіркого) життя [3, с. 150]. Проте, водночас, – і оберіг від нечистої сили [4, с. 397].

В українській фразеологічній системі тополя − це символ самотності. *одинока як* ***тополя***; *як* ***тополя****, що край поля,* однак у вислові *високий як* ***тополя****, а дурний, як квасоля* говориться про нерозумну або нечутливу людину.

Чимало фразеологічних одиниць із фітонімним компонентом стосуються не тільки самого дерева липи, але й людини та певних негативних суспільних явищ: *обдерти (обідрати, облупити)/обдирати (облуплювати), як (мов, наче / [ту, молоденьку]* ***липку*** – забирати у когось гроші, майно, коштовності і т. ін., довівши до цілковитого зубожіння; обібрати, обікрасти, пограбувати кого-небудь, що-небудь.

Відмінні риси російського характеру формувалися століттями, убираючи в себе різні епохи: об'єднання Русі, язичництво і прийняття християнства, монголо-татарську навалу, монархію, Радянську владу, розпад Радянського Союзу. Усі ці обставини впливали на формування таких основних якостей російського характеру, як релігійність, доброта, волелюбність, презирство до міщанства.

Береза – одне з найбільш шанованих у слов'ян дерев. У народному сприйнятті пов’язується як із позитивною, так і негативною конотацією. У східних і західних слов'ян співіснують повір'я про корисні і шкідливі властивості дерева. Так, відомо, що на Поліссі заборонялося саджати березу поруч із будинком, щоб на господарів не напали хвороби, щоб не вимерла сім'я. У народних легендах береза вважалася благословенним деревом. Жіноча символіка дерева виявлялася в обрядах лікування дитячих хвороб: наприклад, вірячи в магічне зцілення, носили дівчаток до берези, а хлопчиків – до дуба. Під час обряду сватання береза і дуб виступали як символи нареченої й нареченого (*«у вас є* ***береза****, а у нас − дуб...»*). Особливо прихильна береза до дітей, цнотливих дівчат і жінок при надії. Для малят біля берези ставили гойдалки, дівчата прикрашали її своїми стрічками на Івана Купала, щоб пощастило вдало вийти заміж.

Разом із тим береза – найпоширеніше та найкрасивіше дерево в Росії: стрункe, біле, з розлогими гілками й шелестким листям. Вона завжди супроводжувала росіянина. Улітку в її тіні можна було сховатися від сонця. Узимку березові дрова добре зігрівали. На бересті в давнину писали, з неї ж плели короби, шкатулки та лапті. Береза у давніх слов'ян була не тільки символом родючості, а й надійним оберегом від злих духів. Березові гілки залишали на горищі або клали під дах будинку, щоб запобігти влученню блискавки. У городі й полі березові гілки відлякували гризунів і птахів. Увіткнені перед дверима хліва або сараю гілки захищали худобу від нечистої сили й відьом. Навіть традиційний у російській лазні березовий віник у давнину символізував очищення й зцілення. З березою було пов'язано чимало народних прикмет. Напевно, саме тому існує чимало фразеологічних одиниць з цим фітонімом, причому більшість із них має позитивну конотацію. Як, наприклад, стійкі порівняння: *стройна, как* ***береза*** – говорят о стройной девушке; *красива, как* ***березка*** – о самой красивой женщине в селе, пышущей силой и здоровьем. Заради справедливості треба сказати, що деякі ідіоми з фітонімом береза марковані негативно. Так, фразеологізм ***березовая*** *каша* означає: 1. покарання за провину, 2. кара різками (покарання дітей тонким прутом); *заблудился в трех* ***березах*** – человек не смог разобраться в чем-нибудь простом, несложном; *дать* ***березовой*** *каши* – наказати розгами; выпороть, высечь; *пень* ***березовый*** (груб., прост.) – тупица, дурак.

Отже, зіставивши рослинні символи в складі фразеологічних одиниць із компонентом-фітонімом, що має символічне значення, в українській та російській мовах, пересвідчилися в міжмовній асиметрії. Вона виявилася в тому, що в російській фразеології функціонує значно менше рослинних символів, ніж в українській. Це зумовлено особливостями менталітету народу й його історичним шляхом.

Таким чином, ми переконалися в тому, що символи у складі фразеологізмів мають національний характер: вони створюють мову смислів, не зрозумілу для представників інших культур, передають особливості менталітету нації, своєрідність її світоглядної та мовної картин світу. Національно маркована семантика особливо стає виразною у фразеологічних одиницях із символами-фітонімами, у яких якості людини оцінюються за допомогою національної картини світу, що формувалася впродовж століть.

Список використаних джерел

1. Словник фразеологізмів української мови / укл.: В. М. Білоноженко, І. С. Гнатюк, В. В. Дятчук, Т. О. Федоренко / відп. ред. О. Винник. – К. : Наукова думка, 2003. − 788 с. [Електронний ресурс]. − Режим доступу : http://edm.retejo.info/knyhy/frazeolohichni-slovnyky-ukrainskoi-movy/slovnyk-frazeolohizmiv-ukrainskoi-movy-kyiv-2003**.** − Дата доступу : 25.10.2019.

2. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / под ред. А. И. Молоткова ; сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков; А. И. Молотков, А. И. Федоров. – М. : Рус. яз., 1986. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://elib.pstu.ru/vufind/Record/RUPSTUbooks**. –** Дата доступа : 25.10.2019.

3. Ужченко, В. Д. Українська фразеологія / В. Д. Ужченко, Л. Г. Авксентьев. – Х. : Основа, 1990. – 167 с.

4. Дмитренко, М. П. Символи українського фольклору / М. П. Дмитренко. – К. : УЦКД, 2011. – 400 с.

5. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М. : Наука, 1991. – 511 с.

The article reveals the correlation between phraseology as a figurative reflection of the spiritual culture of the people and linguistic symbols of plant origin. Our research allows us to identify common and different features in functioning of nationally marked names of plants in the projection of the linguistic-cultural sphere.

Keywords: phraseology, phraseological unit, language symbol, nationally marked phraseological units, phraseological units withthe names of plants.

УДК 811.161.1’373.233:323.319

Г. Т. Безкоровайная, Е. В. Пронина

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО СТЕРЖНЕВЫМ КОМПОНЕНТОМ *РЫЦАРЬ / KNIGHT* КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

В статье проанализированы фразеологизмы русского и английского языков со стержневым компонентом-концептом «рыцарь / knight». Появившееся в Европе и Британии в Средневековье понятие рыцарства как отважного сословия и его представителя – рыцаря входит в ряд фразеологизмов в английском и русском языках. Исследование показало, что в данных фразеологизмах содержится как универсальный, так и национально-специфический смысл.

Ключевые слова: фразеологизм, концепт, национальный менталитет, стержневой компонент, рыцарь / knight.

Как известно, концепт – «это продукт человеческой мысли и явление идеальное, а следовательно, присущее человеческому сознанию вообще, а не только языковому. Концепт – это конструкт, он не воссоздается, а “реконструируется” через свое языковое выражение и внеязыковое знание» [1, с. 26]. Многие из национально-специфических концептов, расширяя свое первоначальное значение, становятся со временем универсальными и используются в других языках.

Характерной национальной чертой англичан является серьезное отношение к социальной иерархии общества и понятию благородства. Одним из типично английских концептов, в то же время вошедшим во многие языки, является концепт «Gentleman» [см. 2; 3]. Таким же предстает концепт «Рыцарь / knight». Титулом рыцаря в Британии до сих пор награждают выдающихся деятелей, прославивших страну. В то же время отважных и порядочных людей называют рыцарями в русском языке.

В задачу исследования входило сравнение семантики и функционирования фразеологизмов со стержневым компонентом *рыцарь* / *knight* в русском и английском языках. В процессе исследования использовались метод словарных дефиниций, сравнительно-сопоставительный и статистический методы.

Национальные концепты отражают менталитет определенной нации, но зачастую они вызывают одинаковые ассоциации у представителей разных языков и культур. Их значения становятся универсальными. Соотношение универсального и национально-специфического интересно рассмотреть на примере концепта «Рыцарь / knight», который как в английском, так и в русском языке получает отражение во фразеологизмах. Являясь германской по происхождению, лексема трактуется в русском языке следующим образом: «*рыцарь, рыцаря*, муж. (от нем. *Ritter*, букв. всадник). 1. В феодальной Европе – лицо, принадлежавшее к военно-дворянскому сословию (ист.). 2. перен. Самоотверженный, великодушный и благородный человек, лучший, честный служитель чего-нибудь на каком-нибудь поприще (книж.)» [4].

В английском словаре *knight* определяется, как «Old English *cniht* “boy, youth; servant, attendant”, a word common to the nearby Germanic languages (Old Frisian *kniucht*, Dutch *knecht*, Middle High German *kneht* “boy, youth, lad”, German *Knecht* “servant, bondman, vassal”), of unknown origin. Meaning “military follower of a king or other superior” is from c. 1100. It began to be used in a specific military sense in the Hundred Years War, and gradually rose in importance until it became a rank in the nobility from 16c. Hence in modern British use, a social privilege or honorary dignity conferred by a sovereign as a reward, without regard for birth or deeds at arms» [5].

Рыцарство в Англии существует в феодальную эпоху. Первоначальная связь значения с доблестью, отвагой, воинскими подвигами рыцаря в период Столетних войн к XVI веку начинает относиться к представителям знати, а с XVII века начинает означать высококвалифицированного мастера – *knight of brush* – художник. Английские словари содержат такие фразеологизмы, как *Knight in shining armor, knight without fear and reaproach , knight-errant ,knight of the pen* [5]. В американском английском есть фразеологизмы, обозначающие представителей некоторых сообществ в названиях сериалов и музыкальных произведений: *The horse-headed chess piece so called from mid-15c.* ***Knights of Columbus****, society of Catholic men, founded 1882 in New Haven, Connecticut, U.S.;* ***Knights of Labor****, trade union association, founded in Philadelphia, 1869;* ***Knights of Pythias****, secret order, founded in Washington, 1864* [5]. Очевидно, что типично английскими фразеологизмами являются *Knights of the Round Table,* (*Knights of King Arthur)* (*рыцари Круглого стола, рыцари Короля Артура),* они имеют литературную основу. В русском языке – полные кальки с английского – *Рыцари Круглого стола* или *рыцари короля Артура* – персонажи британского эпоса о короле, столь важные для англичан, впоследствии появляющиеся в более поздних рыцарских романах, компьютерных играх и фэнтези. Есть предположения, что некоторые из рыцарей имели исторические прототипы. Круглый стол означал равенство сидящих за ним людей. В русском языке этот фразеологизм является полной калькой с английского, и значение данной единицы не меняется: официальная встреча для решения или обсуждения вопросов на равноправных условиях. В русских словарных источниках встречает и фразеологизм *круглый стол.*

В России не существовали рыцари. Слово входит в русский язык через польское *rycerz* значительно позднее Средневековья, фиксируется в словаре В. И. Даля: *Рыцарь* м. вообще, конный витязь старины, когда ручной бой, меч и латы решали дело; конный латник дворянского сословия; | член рыцарского ордена, братства; | *честный и твердый ратователь за какое-либо дело, самоотверженный заступник. *Он рыцарь в душе, но дела его безумны…* [7].

В вышедшем в 2008 году в печать фразеологическом словаре под редакцией С. Г. Шулежковой даются толкования 5 фразеологизмов с компонентом *рыцарь*. Например: *Рыцарь печального образа*, часто ирон. Дон-Кихот; человек напоминающий Дон-Кихота своим поведением, внешним видом, бескорыстный и в то же время сентиментальный борец за справедливость [8, с. 313]. В словаре отмечены русские фразеологизмы, в которых реализуются прямое, книжное, ироничное значения. Некоторые фразеологизмы − калька с других языков: английского, французского. Например, *рыцарь без страха и упрёка* (книжн.) – фр. – *chevalier sans peur et reproche*.

Стержневой концепт «Рыцарь / knight» означает ‘отважный воин’ и ‘благородный человек’. Отсюда фразеологизмы с положительной коннотацией в английском языке: *knight without fear and reaproach, knight in shining armour, white knight.* В авторитетном «Большом англо-русском фразеологическом словаре» А. В. Кунина даются следующие переводы английских фразеологизмов*: knight without fear and reaproach* – рыцарь без страха и упрека; *knight in shining armour or, a knight on a white charger* − галантный рыцарь; *knight of the pen* − писатель; *knight of the pencil* − букмейкер; *knight of the road* – коммивояжер; *Knight of the shire* − член парламента; *knight of the Rueful Countenance* – Рыцарь печального образа [9, с. 427–428].

В Британском национальном корпусе (BNC) имеется 1044 примера с лексемой *knight* и 7 примеров фразеологизма *knight in shining armour*. Примеры взяты из пьес и художественных произведений: *he didn't go into the reasons for her running away from home, but she extolled Thomas's role. 'A veritable* ***knight in shining armour***’ (Memory and desire. Appignanesi, L. London: Fontana Press, 1992, pp. 295–410). В Британском корпусе не зафиксированы другие фразеологизмы с *knight*, но в сети Интернет можно найти примеры использования других фразеологизмов, например *the knight without fear or reproach*, имеющий аналог в русском. В английском языке также есть негативное обращение к членам парламента, которое имеет иронический оттенок: *Knight of the shire*. В русском языке он не используется, а в английском языке не употребляется фразеологизм *скупой рыцарь* (*meserly knight*), возможно, потому, что литературную основу его появления составляет произведение русского поэта А. С. Пушкина.

В Национальном корпусе русского языка – 957 документов с лексемой *рыцарь*. Фразеологизмы также зафиксированы. *Рыцарь печального образа* дан в 16 примерах, *скупой рыцарь* – 71, *рыцарь на час* – 6, *рыцарь без страха и упрека* – 29. Например: *Все его любезности обращались очень мило в шутку, и он, наконец, заметил, что пассажирка не особенно любит быть с ним tête a tête. Заметивши это, он, как истинно* ***галантный рыцарь****, перестал в последнее время заходить к ней и встречался только за обедом да наверху, умильно поглядывая на нее и срывая свою досаду на молодых офицерах, к которым ревновал с слепой яростью влюбленного пожилого человека, сознающего тщету надежд* [12].

Зафиксированы примеры характерного для русского языка фразеологизма *рыцарь революции: Я хотел сказать – ну и чудак же вы, трах-тарах, майор, – но сказал: –* ***Рыцарь революции*** *– товарищ Дзержинский, соратник великого Ленина, чьим именем гордятся наша партия и правительство, считал, что лучше освободить десяток виновных, чем осудить одного невиновного*[12].

Как видим из словарного толкования, связь значения с принадлежностью к военной службе в феодальную эпоху утрачивается в период с XVII–XIX века. Как в том, так и в ином, связанном с поведением и качествами рыцаря значениях, сама лексема *knight* / *рыцарь* используется в английском и русском языках. Составляя фразеологизм с другими словами, компонент обретает новое значение, однако связь с поведенческой характеристикой рыцаря не теряется. Это может быть позитивное (*рыцарь без страха и упрека*) или негативное в его характере (*рыцарь на час, рыцарь с большой дороги*). Тем не менее при рассмотрении фразеологизма с данным стержневым компонентом можно обнаружить присущие английскому и русскому менталитету отличия. Для англичан очень важна принадлежность к благородному сословию, в русском менталитете *рыцарь* как воин не является основным значением в составе фразеологизма, а ассоциируется прежде всего с благородным поведением и доблестью.

В русском языке встречаем такие фразеологизмы, как *рыцарь печального образа* – наивный**,** бесплодный мечтатель, *рыцарь без страха и упрека* – о человеке большого мужества и высоких нравственных достоинств. Вместе с тем в некоторых фразеологизмах заключено негативное, а часто ироничное значение: *рыцарь на час* книжн. – о том, чьей самоотверженности хватает ненадолго, *скупой рыцарь* – скряга, скупой человек, *рыцарь с большой дороги* – разбойник, *рыцарь плаща и кинжала* – разведчик, шпион.

Исследование и отбор примеров в русском и английском языках показали, что, несмотря на то, что в лексикографических источниках отсутствуют некоторые фразеологизмы, в сети интернет встречаем примеры: *knights of honor* (компьютерная игра), *knight of the ride* (сериал)*, рыцарь с большой дороги, рыцарь на белом коне* и пр. В рассмотренных фразеологизмах со стержневым компонентом *knight / рыцарь* отражено как универсальное понимание рыцарского поведения, так и национальное, в русском языке отношение к рыцарству и всему, что с ним связано, иногда с оттенком иронии.

Заключая, хочется еще раз подчеркнуть, что «расшифровка истинного смысла слов, составляющих фразеологическое целое, и есть конечная цель историко-этимологического анализа образных выражений, ибо их загадочность таится в нерасторжимом переплетении словесных комбинаций, логика которых со временем затемняется» [12, с. 5].

Список использованных источников

1. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
2. Безкоровайная, Г. Т. Понятие «джентльмен» в английской и французской лингвокультурах: сопоставительный анализ / Г. Т. Безкоровайная // Вестник Череповецкого государственного университета. – № 3/56. – 2014. – С. 61–65.
3. Безкоровайная, Г. Т. К истории формирования концепта *джентльмен* в английской лингвокультуре / Г. Т. Безкоровайная // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – № 6. – 2017. – С. 97–102.
4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов. – Режим доступа : https://gufo.me/dict/ozhegov/%D1%80%D1%8B%D1%86%D0%B0%D1%80%D1%8C. – Дата доступа : 22.10.2019.
5. Etymological dictionary on line [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.etymonline.com. – Дата доступа : 22.10.2019.
6. Idioms online [Электронный ресурс]. − Режим доступа : https://www.idioms.online.– Дата доступа : 24.10.2019.
7. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Режим доступа : https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=36903. – Дата доступа : 24.10.2019.
8. Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : 5000 ед. : в 2 т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова; под ред. С. Г. Шулежковой. − 2-е изд., испр и доп. – Магнитогорск : МаГу; Greifswald :Ernst-Moritz_Arndt-Universitat, 2008. – Т. 1. – 658 с.
9. Большой англо-русский фразеологический словарь / под ред. А. В. Кунина. – М. : Русский язык, 1984. – 944 с.
10. Brutish national corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.english-corpora.org/bnc. – Дата доступа : 23.10. 2019.
11. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ruscorpora.ru/new/search-main.html. – Дата доступа : 24.10. 2019.
12. Мокиенко, В. М. Загадки русской фразеологии / В. М Мокиенко. – 2-е изд., перераб. – СПб. : «Авалон», «Азбука-классика», 2005. – 256 с.

The article concerns the phraseologisms with the head component «рыцарь / knight» in Russian and English. The knighthood appeared in Britain as the men of special courage and generosity and there are some phraseologisms, which are very typical for English, and there are also phraseologisms with this concept in Russian. The research showed them to contain universal as well as national specific meanings.

Keywords: phraseologisms, concept, national mentality, head component, рыцарь / knight.

УДК 811.16’373.22:556:398.9

С. Н. Бойкова

РУССКИЕ, ПОЛЬСКИЕ И ЧЕШСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ *ВОДА* / *WODA* / *VODA*

В статье описываются русские, польские и чешские фразеологизмы с компонентом «вода / woda / voda». Выявляются эквивалентные фразеологические единицы и фразеологизмы, принадлежащие только одной их исследуемых лингвокультур. Объясняется образная семантика фразеологизмов. Делается вывод о высокой фраземообразовательной активности слова «вода / woda / voda» в родственных славянских языках.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, фразеологизм, компонент, значение.

В языкознании в последние годы активно ведутся исследования фразеологизмов в культурологическом аспекте, который, по словам В. Н. Телии, «акцентирует внимание на контекст культурного фактора в языке и на языковой фактор в человеке; в данной логике лингвокультурология выступает как наука о человеке, ядром притяжения которой является феномен культуры» [1, с. 222]. Фразеология в этом плане не исключение. В ней проявляется и культурное наследие народа, и национальное своеобразие, дается характеристика человека в разных аспектах. Национальная специфика фразеологизмов наиболее ясно выявляется при сопоставлении разных языков. Она обусловливается двумя факторами – объективными и субъективными. Объективный фактор заключается в природных и культурных реалиях, свойственных жизни данного народа и не существующих в жизни другого. Субъективный фактор состоит в произвольной избирательности, когда слова, отражающие одни и те же вещи, представлены различно во фразеологии разных языков [2, с. 171]. В близкородственных языках, как известно, больший процент общих элементов по сравнению с другими языками, но и специфические языковые факты тоже прослеживаются.

В русской языковой картине мира концепт «Вода» является одним из ключевых, значимых, поэтому и слово *вода* обладает высокой фраземообразовательной активностью. Концепт и компонент *вода* явились предметом специальных исследований в работах Е. Н. Богатыревой [3], Д. Д. Хайруллиной [2], Г. Ш. Абдразаковой [4].

В данной статье описывается семантика русских, польских и чешских фразеологизмов с компонентом, реализующим «водную» семантику.

Вода является одной из природных стихий и рассматривается обычно в следующих оппозициях: вода – воздух, вода – огонь, вода – земля. Основным значением слова *вода* в русском языке и его эквивалентов в польском и чешском языках является ‘прозрачная бесцветная жидкость’ [5, с. 76].

Вода характеризуется множеством сакральных смыслов. Во-первых, вода для язычника – это то, что дает жизнь всему живому [6]. Данное символическое значение закреплено во фразеологических единицах (далее ФЕ) рус. *живая* ***вода***, чеш. *živá* ***voda***, которые используются в фольклорных жанрах для обозначения чудодейственной жидкости, возвращающей жизнь мертвому телу. Живой воде противопоставляется *мертвая*, которая «сращивает» разрезанные части плоти.

Вода – это место жизни, ареал обитания животных (рус. *как рыба в* ***воде***, чеш. *být jako ryba ve* ***vodě*** ‘свободно, непринужденно, вольготно’), а также средство существования, утоления жажды (рус. *перебиваться с хлеба на* ***воду***, чеш. *zavřít o chlebě a o* ***vodě*** ‘жить очень бедно, терпеть лишения’).

Важным символичным значением воды для славян является и ее течение. Все мы знаем выражение *Нельзя войти дважды в одну и ту же реку*, оно намекает на то, что течение воды – это своего рода показатель времени. Русские говорят *Сколько* ***воды*** *утекло с тех пор,*

имея в виду, что прошло много времени. Таким образом, текучая речная вода имеет сакральную ассоциативную связь со временем: вода неизбежно утекает, как утекают дни, годы, века [6]. Русскому выражению *много воды утекло* соответствует пол. *dużo (wiele, sporo)* ***wody*** *upłynęło*, чеш. *uplynulo mnoho* ***vody***. О быстротечности времени говорит также чешская ФЕ *letí / utíká to jako* ***voda*** ‘пролетело как одно мгновение’.

Обозначения воды в исследуемых языках сочетаются с различными прилагательными, которые указывают на качественно-количественные характеристики жидкости. В русском языке ФЕ *большая / малая* ***вода,*** а в польском *wysoka (pełna) / mała* ***woda*** имеют соответствующие значения ‘большая вода, половодье’, ‘малая вода, мелководье’. Со значением ‘половодье’ зафиксирован и чешский фразеологизм *být jako velká* ***voda***.

Семантика *воды* как жидкости, способной разбавлять, разжижать что-либо, представлена в метафорических выражениях рус. с*едьмая (десятая)* ***вода*** *на киселе*, пол. *dziesiąta (dziewiąta)* ***woda*** *po kisielu* – так говорят о дальнем родстве. Кроме того, в польском языке представлен фразеологизм *robić komuś* ***wodę*** *z mózgu* – ‘оглуплять, манипулировать общественным сознанием’.

Представление о текучести воды легло в основу следующих фразеологизмов: рус. *как с гуся* ***вода***, пол. *spływa jak* ***woda*** *po gęsi*, чеш. *sejde to jako* ***voda*** *po huse* ‘все нипочем’. В данном случае проявляется свойство воды стекать с непромокаемой поверхности, не оставляя следов. Вода как жидкость может литься / проливаться. Так, в ФЕ рус. *носить* ***воду*** *решетом*, пол. *nosić* ***wodę*** *sitem (rzeszotem),* чеш. *je to jako když* ***vodu*** *sítem nabírá* значение бесполезности производимых манипуляций формируется за счет использования в составе фразеологизма компонента *сито / решето.* Сосуд, имея много отверстий, не может удержать в себе текучую жидкость. Значение бесполезности действий передает также русский фразеологизм *толочь* ***воду*** *в ступе*, так как толочь можно твердые вещества, а не жидкие. В польском и чешском языках бесполезность действия передается с помощью следующих единиц: пол. *wozić* ***wodę*** *do studni (morza),* чеш. *do moře* ***vodu*** *nosit.* В состав указанных ФЕ входят компоненты *колодец* и *море*. Представление о воде как о текучей жидкости реализуется в ФЕ рус. *лить* ***воду***, пол. *lać* ***wodę***, чеш. *mít řečí jako* ***vody,*** которые в изучаемых языках обладают одним значением ‘пустословить, лгать’. Как видно из примера, чешский фразеологизм, имея схожее значение, обладает иной структурой и образной основой.

Качественная характеристика воды фиксируется во фразеологизмах рус. *первой / чистой (чистейшей)* ***воды***, пол. *czystej (najczystszej, pierwszej)* ***wody***. Эти фразеологизмы употребляют в том случае, когда речь идет о чем-то настоящем, подлинном. Образ чистой воды как правды, истины нашел отражение в русской фразеологии – *выводить на чистую* ***воду*** ‘разоблачать, обличать в чем-либо неблаговидном’. Польский фразеологизм *wyprowadzić coś na czyste* ***wody*** практически совпадает по структуре с русским, но имеет другое значение: ‘привести в порядок, оздоровить, исправить, прояснить что-либо’.

Образу *чистой воды* во фразеологизмах противопоставляется *грязная, мутная вода*: рус. *облить* / *обливать грязной* ***водой*** ‘незаслуженно, без оснований порочить, оскорблять кого-либо’; рус. *мутить* ***воду*** , чеш. *kalit* ***vodu*** ‘умышленно запутывать какое-либо дело, вносить смуту, раздор в отношения’; рус. *ловить рыбу в мутной* ***воде***, пол. *w mętnej* ***wodzie*** *ryby łowić*, чеш. *lovit v kalných* ***vodách*** – ‘извлекать пользу из чьих-либо затруднений’.

Вода несет в себе сакральный смысл очищения. Язычник, моющийся в бане, смывает с себя не только грязь физическую, но и грязь духовную – оболочку порока, тьмы, ненависти [6]. Символика воды как очищающей силы нашла отражение в русскоязычном фразеологизме *пройти <сквозь> огонь и* ***воду*** *<и медные трубы>* ‘многое испытать в жизни, перенести разные трудности’.

Важной характеристикой *воды* как жидкости является ее температура. Вода может быть холодной, как лед, и горячей, как кипяток. К этим сравнениям восходят ФЕ со значением ‘охладить пыл, рвение; привести в замешательство’: рус. *окатить (холодной)* ***водой***, *кипятком*; пол. *oblać zimną* ***wodę***; чеш. *zůstal /stál jako by ho [studenou / horkou]* ***vodou*** *polil*. Как

видно из приведенных примеров, только в польском языке состав фразеологизма невариативный, в русском и чешском языках характеристика температурных параметров воды является факультативной.

О том, что *вода* использовалась человеком в хозяйственных целях, говорят следующие фразеологизмы: рус. *лить* ***воду*** *на мельницу*; пол. *lać* ***wodę*** *na młyn*; чеш. *nahánět* ***vodu*** *na mlýn* – ‘своими действиями, поведением косвенно помогать кому-либо’.

Во фразеологических системах изучаемых языков компонент с «водной» семантикой может использоваться как обозначение водоема, водного массива: рус. *как в* ***воду*** *канул*; пол. *jak (jakby) w* ***wodę*** *wpadł*; чеш. *zmizel / ztratil se jako by se do* ***vody*** *propadl* – ‘кто-либо бесследно исчез, пропал’.

Среди фразеологизмов с компонентом, обозначающим воду, выделяется небольшая группа единиц, дающих характеристику человека. О неразговорчивом и молчаливом человеке обычно говорят рус. *как* ***воды*** *в рот набрал*, пол. *nabrać* ***wody*** *w usta*. Польское ироничное выражение *cicha* ***woda*** имеет значение ‘тихоня, скрытный человек’, а фразеологизм *elegant pierwszej* ***wody*** обозначает франта, щеголя.

В русскоязычном материале есть выражение *не разлей* ***вода*** ‘очень дружны между собой’. Данное выражение, возможно, связано с тем, что на сцепившихся в непримиримой схватке людей или животных направляют сильную струю воды – от неожиданности они, как правило, отпускают друг друга. Видимо, тесные «объятия» дерущихся позволили провести аналогию с настоящими друзьями и назвать последних *не разлей вода*. Дружба, таким образом, оказывается сильнее всего на свете [7]. Русский фразеологизм *как в* ***воду*** *глядел* обозначает ‘сбылось то, что предполагалось’ и связан с обычаем девушек гадать на воде при зажженных свечах. Чаще всего гадали на судьбу, на будущее, человек заранее получал информацию о том, что его ждет.

Описанный в статье материал позволяет сделать вывод о том, что компонент *вода / woda / voda* входит в состав большого количества фразеологизмов русского, польского и чешского языков, сохраняя при этом некоторые сакральные смыслы. Основным способом формирования значений ФЕ является метафорическое переосмысление и сравнение.

Подавляющее большинство русских, польских и чешских фразеологизмов, содержащих в своем составе компонент *вода / woda / voda*, представляют собой фразеологические эквиваленты.

Список использованных источников

1. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

2. Хайруллина, Д. Д. Фразеологические единицы с компонентом *вода* в английском, русском и татарском языках / Д. Д. Хайруллина // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 1. – С. 171–174.

3. Богатырева, Е. Н. Семантическое поле фразеологизмов и паремий с компонентом «вода» в русском языке (особенности соотношения их внутренней формы и актуального значения) / Е. Н. Богатырева // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2009. – № 4. – С. 101–105.

4. Абдразакова, Г. Ш. Репрезентация концепта «вода» в кыргызской языковой картине мира / Г. Ш. Абдразакова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 2(23). – С.15–17.

5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. / С. И. Ожегов. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.

6. Берегова, О. Символы славян [Электронный ресурс]. – Режим доступа : **https://www**. e-reading.life/bookreader.php/1028007/Beregova_-_Simvoly_slavyan.html. – Дата доступа : 05.10.2019.

7. Толкование и происхождение фразеологизма «Не разлей вода» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.fraze.ru/index.php/frazeologizm/na-bukvu-n/ne-razlej-voda. – Дата доступа : 25.10.2019.

The article describes Russian, Polish and Czech phraseological units with the component «water / woda / voda». Equivalent phraseological units and phraseological units that belong to only one of the studied linguistic cultures are revealed. The figurative semantics of phraseological units is explained. The conclusion is made about the high phrase-forming activity of the word «water / woda / voda» in related Slavic languages.

Keywords: linguoculturology, concept, phraseological unit, component, meaning.

УДК 811.161.1'42:398.91

М. А. Бредис

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ПОСЛОВИЦЫ *ЗА ДВУМЯ ЗАЙЦАМИ ПОГОНИШЬСЯ, НИ ОДНОГО НЕ ПОЙМАЕШЬ*

Статья посвящена рассмотрению образности аналогов русской пословицы «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь» в ряде языков славянской, балтийской, германской, романской, угро-финской, тюркской, нахско-дагестанской и иранской языковых групп (всего в 18 языках). Анализ подтверждает универсальный характер пословицы при наличии определенного количества национальных образов.

Ключевые слова: паремия, пословица, образность, компаративистика, лингвокультурология.

Пословицы фиксируют знания и опыт народа, представляя собой компактное вместилище, или упаковку опыта [1, с. 15]. Основанный на общечеловеческой логике опыт «расфасовывается» народом в пословичную упаковку с национальными «этикетками». Наличие общечеловеческой логики и опыта позволяет говорить о том, что в разных языках существуют эквивалентные паремии. По выражению Г. Пермякова, специфическое в пословицах, выражающих одну и ту же мысль, заключается «в их образном строе, в местных реалиях и понятиях, и только в них» [2, с. 21]. В паремиях важная роль принадлежит национальным лингвомаркёрам (этнолингвомаркёрам), воплощающим в себе «культурную память» народа [3, с. 85]. Они могут не иметь прямых аналогов в других языках, чем определяется этническая специфика пословиц.

Данная работа посвящена рассмотрению образности аналогов русской пословицы *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь* в белорусском, украинском, чешском, польском, кашубском, болгарском, латышском, литовском, немецком, английском, французском, итальянском, испанском, финском, башкирском, турецком, табасаранском и таджикском языках. Для определения эквивалентов данной паремии мы пользуемся пословичной идеей (пословичным конденсатом), которая выражается кратко и без метафор [4, с. 141]. Для рассматриваемой пословицы идею можно выразить фразой *Нельзя делать несколько дел сразу*.

Материалом для исследования послужили паремии, взятые из сборников русских, украинских, польских, кашубских, латышских, литовских, немецких, английских, финских, башкирских и таджикских пословиц, а также ряда пословичных электронных ресурсов на других языках.

Пословица *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь* относится к числу универсальных, поскольку зафиксирована не только в индоевропейских языках, но и во многих языках других групп [5, с. 137]. И. Е. Тимошенко отмечал, что авторство этой фразы ошибочно связывается с древнеримским поэтом I в. до н. э., уроженцем Сирии, Публилием (Публием) Сиром (*Publilius Syrus): Leporos duo qui insequitur, is neutrum capit* [6, с. 107]. Ещё раньше эта пословица встречалась у Эзопа на древнегреческом языке. Греко-римская античность является одним из важнейших источников возникновения общеевропей-

ских пословиц [7, с. 10]. Однако нельзя полностью исключать и полигенез. Зайцы водятся повсеместно, распространены практически по всему земному шару, и люди издревле охотятся на них. Истоки пословицы скрыты в глубине веков. Древнейшими народными корнями, яркостью и понятностью образов объясняется столь широкое распространение данной паремии в языках разных групп.

В русском языке пословица зафиксирована в разных вариантах с XVIII в., что говорит о её древности. Так, известна запись, сделанная рукой Петра I: *Кто за двѣмя зайцы гонит, но одного не поймает* [5, с. 137]. Позднее императрица Екатерина II в своей комедии «Именины госпожи Ворчалкиной» (1772) в уста служанки Ворчалкиной Парасковьи вложила эту пословицу: «Однако, кто за многими зайцами гоняется, тотъ часто ни одного не поймаетъ; разве уже подъ старость, когда гоняться силы не будетъ, тогда, кто первый ни попадется, тотъ и нашъ». Здесь под зайцами подразумеваются потенциальные женихи. Эту пословицу употребляли многие известные русские литераторы. А. П. Чехов использовал данную паремию в качестве заглавия к рассказу «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь».

В абсолютном большинстве аналогов пословицы в рассматриваемых нами языках две разные задачи (два дела) олицетворяют бегущие зайцы. Семантика таких аналогов практически неизменна и переводится почти одинаково во множестве языков: рус. *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*; белорус. *Хто два зайцы гоніць, ніводнага не здагоніць*; укр. *За двумя зайцями поженешся – жодного не впіймаєш*; *Хто два зайці гонить, жодного не здогонить*; чешск. *Kdo dva zajíce honí, žádného nechytí*; польск. *Kto dwa zające goni, żadnego nie złapie*; болг. *Ако гониш два заека, не можеш да хванеш нито един; латышск. Diviem zaķiem pakaļ dzīdamies, nevienu nenoķersi*; лит. *Du zuikiu (kiškius) vydamas, nė vieno napagausi*; нем. *Wer zwei Hasen zugleich jagt, fängt keinen*; англ. *If you run after two hares, you will catch neither*; фр. *Qui court deux lièvres n'en prend aucun*; ит. *Chi due lepri caccia una non piglia e l'altra scaccia*; исп. *Quien corre tras dos liebres, ninguna prenda*; фин. *Kahta jänistä kum lähtee ajamaan, niin ei yhtään saa*; турецк. *İki tavşanı birden kovalayan hiçbirini yakalayamaz;* башкирск. *Ике ҡуян артынан ҡыуһан, береһен дә ҡыуын етә алмаҫһың*.

Универсальный характер паремии с данными образами подтверждается её бытованием в языках разных групп. В нашем случае это ещё языки угро-финской и тюркской групп (финский, турецкий и башкирский), где речь, вероятно, идёт о заимствованиях.

В ряде языков эта семантика уточняется контекстом охоты на зайцев. Вместо глагола *поймать* в паремиях используются глаголы *целиться*, *стрелять*, *убивать*, *охотиться*, как, например, в старинной русской пословице *Кто по двух зайцех метит, ни одного не убъёт*. Сразу несколько вариантов встречаем в кашубском языке: *Chto dwa zajczi gòni, ten niżódnégò nie ùstrzéli* (*Кто за двумя зайцами гонится, ни одного не застрелит*); *Chto chce òd razu dwa zajce ùstrzelëc, w niżódnégò nie trafi* (*Кто хочет сразу двух зайцев застрелить, ни в одного не попадёт*); *Chto narôz dwa zajce chce zabic, niżódnégò nie zabije* (*Кто сразу двух зайцев хочет убить, ни одного не убъёт*). С ними сходны по семантике немецкие варианты: *Wer zwei Hasen zugleich hetzt, kriegt keinen* (*Кто охотится одновременно на двух зайцев, ни одного не получит*); *Wer auf zwei Hasen zielt, trifft keinen* (*Кто целится в двух зайцев, ни в одного не попадёт*). К этим вариантам пословицы примыкает табасаранская паремия: *Кьюб гъураз гъивиш, сабдикра ктрубкур* (*В двух зайцев стрельнешь, ни в одного не попадешь*).

Ещё одна группа пословиц уточняет, что охота на зайцев ведётся с собаками, поэтому в них фигурируют образы охотничьих собак: рус. *За два заецы не пущать собаки*; латышск. *Suns, kas daudz zaķu ķer, nevienu nenoķer* (*Собака, которая хватает много зайцев, ни одного не схватит*); нем. *Ein Hund, der nach zwei Hasen jagt, fängt keinen* (*Собака, которая охотится за двумя зайцами, ни одного не поймает*); англ. *Dogs that put up many hares kill none* (*Собаки, которые спугивают много зайцев, ни одного не поймают*); исп. *Galgo que muchas liebres levanta, ninguna mata* (*Борзая, которая подняла несколько зайцев, ни одного не убьёт*).

Таджикские пословицы со сходной семантикой также используют образ собаки, но в другом контексте: *Саги духона дар миёни роҳ мондааст* (*Собака в двух домах, осталась посреди дороги*); *Саги духона сабил мемонад* (*Собака при двух домах осталась без хозяина*

на произвол судьбы). При этом пословичная идея остаётся той же: собака, которая хочет одновременно служить двум хозяевам, т. е. делать два дела одновременно, останется без хозяина.

Помимо зайцев, для выражения семантики *Нельзя делать несколько дел сразу* в паремиях ряда славянских языков используются образы птиц: белорус. *Разам дзвюх сарок за хвост не ўтрымаеш*; укр. *Двох сорок разом за хвіст не вдержишь*; польск. *Kto dwe sroki za ogon chwyta, żadnej nie złapie* (*Кто двух сорок за хвост хватает, ни одной не поймает*); *Dwóch srok za ogon nie można trzymać* (*Двух сорок за хвост не возможно держать*); кашубск. *Chto wszëtczé sroczi chce narôz za òg͡ón trzëmac, nie ùtrzimô niżódny* (*Кто всех сорок сразу хочет за хвост держать, ни одной не удержит*). Ещё одна польская пословица говорит не о сороках, а о воронах: [*Trudno*] *Dwie wrony za jedną nogę złapać* ([*Трудно*] *Две вороны за ногу поймать*).

В украинском языке для отражения семантики *Нельзя делать несколько дел сразу* используется также образ коней: *Не можно одноразово на двох конях сидіти*.

Кроме образов животных, в пословицах о безрезультатности одновременного выполнения двух или более дел используются образы бахчевых культур – дынь и арбузов. Так, болгарская паремия гласит: *Две дини под една мишница се не носят* (*Две дыни под мышкой не носят*). Она по семантике соответствует персидской пословице *Bâ yek dast do hendevâne nemi-tavân bar dāšt* (*Одной рукой не поднимешь две дыни*), которую использовал в своих стихах Абу Абдаллах Джафар Рудаки (около 860–941), таджикский и персидский поэт, родоначальник поэзии на фарси: *Кас барнадоштаст ба дасте ду харбуза* (букв.*Человек рукой две дыни не поднимет*).

Подобные образы характерны для пословиц других языков: табасаранск. *Саб хли кьюб хумурзаг мидисан* (*В одну руку двух арбузов не бери*); турецк. *İki karpuz bir koltuğa sığmaz (Два арбуза в одну подмышку не поместятся).* Турецкую паремию можно считать частичным эквивалентом рассматриваемой пословицы, поскольку в зависимости от контекста её семантика пересекается с семантикой пословицы *Два медведя в одной берлоге не уживутся.*

В таджикских паремиях для отражения сходной семантики используется образ двух мечетей: *Дар миёни масҷид бенамоз мондааст* (*Между двумя мечетями, а помолиться не сумел*). Башкирский аналог пословицы говорит о двух лодках: *Ике кәмә ҡойроғон тотоп булмай* (*За хвост двух лодок не ухватишься*).

В рассматриваемых языках встречаются также пословицы с минимумом метафоричности: белорус. *За сем работ бярэцца, а ні адна не ўдаецца*; *Хто зашмат жадае, той нічога не мае* (частичный эквивалент – *Кто слишком многого хочет, тот ничего не имеет*); англ. *Grasp all, lose all* (*За все хвататься – все потерять*).

Свидетельством популярности рассматриваемой пословицы у разных народов является появление пословичных трансформов, или антипословиц [7, с. 28] на тему *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*. Эти новые антипословицы создаются по традиционным моделям, чтобы слушатель смог узнать прототип пословицы и оценить юмор. Успех и популярность антипословицы основаны именно на её узнаваемости и сравнении с традиционной паремией [8, с. 210].

Так, зафиксированы русские антипословицы: *За двумя зайцами погонишься – третьим будешь*; *За двумя зайцами погонишься – лесник морду набьёт* [9, с. 137]. В русском и литовском языках встречаются одинаковые варианты, возможно, заимствования из русского: *Du zuikius vysies – neištrauksi ir žuvelės iš tvenkinio* (*За двумя зайцами погонишься, не вытащишь и рыбку из пруда*); *Du zuikius vysiesi, trečio nepagausi* (*За двумя зайцами погонишься, третьего не поймаешь*) [9, с. 137; 10, с. 222]. В латышском сегменте интернета нам встретился пословичный трансформ *Pēc diviem zaķiem dzenoties, patramdīja trešo* (*Гоняясь за двумя зайцами, выгнали третьего*). Интересен ещё один вариант антипословицы, идентичный в русском и литовском языках *Du kiškius vysiesi – nuo abiejų į snukį gausi* (*За двумя зайцами погонишься – от обоих по морде получишь*) [10, с. 222]. В данном случае словом *заяц* и *zuikis* в обоих языках обозначается также безбилетный пассажир. Благодаря интернету новые антипословицы распространяются молниеносно, их быстро переводят с языка на язык, так что не всегда понятно, где находится первоисточник.

Рассмотрение образов, которые применяются в различных аналогах русской пословицы *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*, подтверждает её универсальный характер. В большинстве индоевропейских языков семантика отражена образом погони за двумя или несколькими зайцами. При этом в рассмотренных паремиях разных языков используются также образы других животных и птиц (собаки, кони, сороки, вороны), дынь, арбузов и даже лодок и мечетей. Для ряда славянских языков характерны общие образы птиц.

Список использованных источников

1. Бредис, М. А. Национальное и интернациональное в паремиях (на примере аналогов пословицы «Русский человек задним умом крепок» в ряде языков) / М. А. Бредис // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы : тр. и матер. междунар. конф. (Казань, 01–04 окт. 2018 г.) / под общ. ред. Е. А. Горобец, О. Ф. Жолобова, М. О. Новак. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. – С. 15–19.
2. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков // Исследования по фольклору и мифологии Востока. – М. : Наука, 1988. – 236 с.
3. Ломакина, О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль : монография / О. В. Ломакина ; под ред. В. М. Мокиенко. – М. : РУДН, 2018. – 344 с.
4. Селиверстова, Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / Е. И. Селиверстова; науч. ред. В. М. Мокиенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2017. – 296 с.
5. Walter, H. Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями) / H. Walter, V. Mokienko, E. Komarowska, K. Kusal. – Greifswald; Szczecin, 2014. – 433 S.
6. Тимошенко, И. Е. Литературные первоисточники и прототипы трехъсотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ / И. Е. Тимошенко. – Кіевъ : Типографія П. Барскаго, 1897. – 174 с. [Факс.]
7. Mieder, Wolfgang. Proverbs: A Handbook / Wolfgang Mieder. – Westport : Greenwood Press, CT. 2004. – 305 p.
8. Бредис, Е. М. Антипословицы в роли газетных заголовков (на материале публикаций германских СМИ) / Е. М. Бредис, М. А. Бредис // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : Матер. междунар. науч. конф. – Тула : ТППО, 2018. – С. 209–214.
9. Адамчик, М. В. Антипословицы и афоризмы. Весёлая и умная книга / М. В. Адамчик, авт.-сост. – Минск : Харвест, 2012. – 320 с.
10. Zaikauskienė, Dalia. Lietuvių paremijos XX−XXI a. sandūroje: tradicija ir inovacija: daktaro disertacija / Dalia Zaikauskienė. – Vilnius : Vilniaus universitetas, Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2012. – 262 psl.

The goal of the article is to study the metaphors in the analogues of the Russian proverb За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь (If you run after two hares, you will catch neither) in a number of languages of the Slavic, Baltic, Germanic, Romance, Ugro-Finnish, Turkic, Nakh-Dagestan and Iranian language groups (total of 18 languages). The analysis confirms the universal character of the proverb in the presence of a certain number of national metaphors.

Keywords: paroemia, proverb, metaphors, comparative studies, cultural linguistics.

УДК 811.161.1’27’367.3:398.92

А. В. Величко

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПОНЯТИЙНЫЕ КАТЕГОРИИ И ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Речь идет о языковых средствах, предназначенных для выражения фатической функции в речевом общении. Объект конкретного анализа – фразеологизированные предложения, семантика которых связана с представлением универсальных понятийных категорий, получающих в них конкретное национально-специфическое воплощение.

Ключевые слова: общение, фатическая функция, фразеологизированные предложения, национально специфические средства.

Важнейшей направленностью современной лингвистики является изучение языка как средства общения. Это обусловлено утвердившейся в лингвистике идеей антропоцентризма, которая ставит человека в центр языка как его создателя и пользователя.

Теория общения дифференцирует понятия «речь» и «общение». Общение – более широкое понятие, чем речь. В речевом общении используются в принципе все языковые средства, с помощью которых передается и воспринимается информация (естественно с ориентацией на сферу общения). Это материальная основа общения. Между тем в языковом отношении общение шире, чем речь. Как отмечает Н. И. Формановская, речь линейна, общение – объёмно [1, с. 20]. Общение – это не просто речь, говорение, но и речевое взаимодействие. Общение нацелено на учет интересов собеседника, а также на самовыражение говорящего как коммуниканта, в соответствии с чем языковая составляющая общения включает те средства, которые необходимы для реализации взаимодействия с собеседником, и те средства, которые отражают личность говорящего, его интеллектуально-эмоциональную сферу.

С этой точки зрения специфическими для общения. являются средства, выполняющие в коммуникации фатическую функцию, т. е. средства, имеющие установку на речевой контакт, обеспечивающие организацию общения как межличностного взаимодействия. Если иметь в виду синтаксический уровень языка, то с этой точки зрения особый интерес, как в грамматическом, так и в семантико-коммуникативном плане представляют предложения фразеологизированной структуры (ФС) типа *Вот это праздник так праздник!*; *Чем не праздник*!; *Как не купить!*; *Хоть бросай работу*; *Что ни день, то неожиданность!*; *Не спорить же мне с соседкой* (См. подробнее [2]). Такие предложения составляют особый сегмент синтаксической системы языка. Специфика предложений ФС в том, что они сочетают признаки фразеологичности и синтаксичности: они строятся по определенной фразеологизированной модели, которая включает и лексически свободный компонент, поэтому они не воспроизводятся полностью, а строятся по определенной фразеологизированной модели, сравн.: *Тоже мне город!*; *Тоже мне праздник*; *Тоже мне студент,* которые реализуют одну фразеологизированную модель «*тоже мне* +сущ.». Таким образом, ФС не представляют собой готовую мысль, они закрепили, зафиксировали определенные ходы мысли, мыслительные формулы, которые типичны для человеческого мышления.

Что касается семантики ФС, то они реализуют общее свойство языка, заключающееся в том, что язык как создание человеческого гения в своей семантико-смысловой организации имеет двойственную природу. Человек как homo sapiens, познавая окружающий его мир, выделил его объекты, явления, осмыслил системные связи между ними, изучил также человека, его потребности в этом мире, а также взаимоотношения людей в обществе и представил это в языке в виде понятийных категорий, семантических универсалий, которые понятны каждому человеку независимо от того, носителем какого языка он является. В то же время каждый конкретный язык создавался коллективно, национальным сообществом, отражает познавательный опыт, потребности его членов и представляет национально специфическую систему языковых средств и способов выражения этих смысловых универсалий. В предложениях ФС две названные стороны языка реализуются последовательно и ярко.

Семантика ФС не связана со структурой ситуации реальной действительности, они не сообщают информации о положении дел в реальном мире. Их семантика определяется как выражение различных значений субъективной модальности, которая в свете научной парадигмы современной лингвистики понимается с опорой на теорию коммуникации. «Единицы с субъективно-модальным значением отражают сложные взаимодействия между участниками речевой ситуации и ее компонентами: говорящим, адресатом, действительностью, содержанием сообщения» [3, с. 500]. Так, ФС *Отдыхать так отдыхать*; *До отдыха ли мне!*; *А почему бы не отдохнуть?* выражают разную реакцию на предложение отдохнуть – согла-

сие или возражение. Высказывания *Ох уж эти мне морозы*; *Ох уж эти мне соседи* выражают одну мысль о негативном отношении говорящего к проявлению, поведению названного объекта, а предложение *Нет бы тебе подождать* отражает связь говорящего и адресата и отношение говорящего к действительности. *Не ехать же поездом* – налицо отношение говорящего к сообщению «ехать поездом» и к другому сообщению, представленному в предыдущем высказывании. Таким образом, предложения ФС непосредственно связаны с интеллектуальной и эмоциональной сферами человека.

Фразеологизированные предложения закрепили, зафиксировали определенные мыслительные модели, формулы, которые типичны для человеческого мышления, отражают его характер. Это семантические универсалии, отражающие частотные реакции на ситуации реальной действительности, с которыми человек сталкивается в коммуникативной практике. Анализ материала позволяет выделить шесть типовых значений, семантических универсалий, выражаемых предложениями ФС: 1. согласие – отрицание; 2. оценка (положительная негативная, нейтральная); 3. модальные значения (необходимость, целесообразность, ненужность, невозможность); 4. единственность – множественность; 5. обусловленность. Эти семантико-смысловые универсалии получают дальнейшее осмысление и языковое воплощение, в результате чего каждое значение представлено не одной фразеологизированной моделью, а рядом моделей, каждая из которых передает свои оттенки и нюансы общего универсального значения, и здесь проявляется другая сторона языка, в данном случае русского языка, – его национальная специфика. Покажем это на некоторых примерах. Фразеологизированные предложения, служащие для выражения двух противоположных значений – **согласия** или **отрицания** – выделяют такие оттенки. Согласие может включать компонент вынужденного согласия, согласия без особого желания либо, напротив, подчеркивает спокойное желание, согласие без внутреннего сопротивления (*Ехать так ехать – А почему бы и не поехать*). В предложениях типа *Работа есть работа*; *Лес есть лес*; *Закон есть закон* согласие означает безоговорочное принятие объекта со всеми его свойствами, в том числе и с теми, которые он проявил в данном случае. Структура означает идентификацию объекта самому себе и служит для привлечения внимания к неосновным, периферийным признакам, проявлениям объекта, также входящим в его смысловое содержание.

Отрицание также предстает в разнообразии оттенков. Отрицание может быть полным (*Какое там прочитал!*) либо частным (*Когда мне читать*; *Что мне читать*; *Зачем мне читать*). Значение отрицания может сопровождаться имплицитным указанием причины отрицания сообщаемого. Это либо отрицание, связанное с неблагоприятной ситуацией, препятствующей выполнению действия (*До театра ли мне! До разговоров ли мне!*), либо это отрицание, когда отрицается его важность, ценность, значительность (*Что мне театр*; *Что ему друзья*; *Что ей советы старших*). Универсальная категория **множественности** реализуется как показ количественной стороны описываемой ситуации (*Кто только не приходит в наш музей; Чего только нет в нашем музее*) или как передача мысли о распространенности на определенную совокупность объектов общего признака, который получает при этом особое, специфическое проявление в каждом конкретном объекте (*Что ни студент, то характер*; *Что ни деревня, то свои песни*). Типовое значение множественности может реализоваться как разнообразие, непохожесть объектов данного типа, одного класса. Такова структура с организующим компонентом *рознь*: *Работа работе рознь*; *Встреча встрече рознь.*

Универсальное значение **акцентирования** дифференцируется по тому, что берется в качестве основания выделения. Объект может акцентироваться через его сравнение с другими и противопоставление им: *Кто-кто, а Илья знает Север*; *Когда-когда, а весной здесь чудесно.* Говорящий может выделить нужный ему объект через его именование, название или его статус (*Мы едем не куда-нибудь, а на Байкал*; *Она не кто-нибудь, а юрист*), ибо считает, что именование (*консерватория, юрист, Байкал*) «говорит само за себя». В данном случае отражен такой важный принцип общения, как опора на общность апперцепционных баз – говорящего и адресата (Л. П. Якубинский). Акцентирование может строиться на противопо-

ставлении свойств, качеств объекта и его действия, поведения. Цель таких высказываний – подчеркнуть, что названное произошло вопреки ожидаемому: *На что за городом, и то снега почти нет*; *Уж на что музыка, и та ее сейчас не интересует.*

Свойство фразеологичности проявляется и **в сложных предложениях**. Эти ФС биситуативны, называют две ситуации, связанные определенным отношением. Все шесть ФС группы семантически связаны, реализуют то или иное значение **обусловленности:** сопоставительное, противительное, уступительное, временное отношение и т. п. В принципе они семантически соотносительны со сложными нефразеологизированными предложениями. Однако предложения ФС по-своему представляют эти отношения, выделяют другие их стороны, оттенки и поэтому не являются ни синонимами, ни полными эквивалентами сложных предложений свободной структуры, существуют как самостоятельные единицы. В предложениях ФС типа *Работа работой, а отдыхать тоже надо*; *Погода погодой, а гулять я пойду* сопоставляются две ситуации с точки их значимости, необходимости. Структура представляет названное во 2-й части как более значимое, а названное в 1-й – как уступающее ему по степени проявления признака, т. е. переплетаются значения сопоставления, противопоставления и уступительности. Структура «*стоит / стоило* + кому+ инф…, + *как*…» называет два события, связанных временным значением быстрого, непосредственного следования: *Стоит ему уехать из дома, как он начинает скучать*; *Стоило пригреть солнцу, как трава зазеленела.* Семантически они равнозначны временным предложениям с союзом *как только.* Однако значение ФС шире и не так однозначно. Высказывания ФС могут указывать также на непосредственное следование второго как результат первого, т. е. к значению времени может добавляться значение следствия: *Стоит только подняться на горку, как дом будет виден*; *Стоит посадить цветы, как двор станет уютным.* Здесь речь идет не только о временном интервале, но и о том, что для достижения результата необходимо выполнение первого действия. Предложение модели «*добро бы ... а то*…» (*Добро бы погода была хорошая, а то идут дожди*; *Добро бы он был юристом, а то ведь студент*) выражает разные условия протекания ситуации, являющейся темой общения: акцентируются те условия, которые должны быть, которые приемлемы, но которых нет, и им противопоставляются реально существующие, но не способствующие нормальному осуществлению ситуации. Семантика ФС представляет собой сложное переплетение сопоставительно-противительных и ирреально-условных отношений. Это обусловливает специфику оформления частей: в 1-й обязательна форма сослагательного наклонения, а во 2-й части такая форма не используется, поскольку в ней называется реальная ситуация, относящаяся к настоящему или прошлому. Подобное содержание не может быть передано одним сложным предложением.

Значение некоторых фразеологизированных предложений может получать характер обобщения, т. е. определенные высказывания ФС используются как нравственные, этические суждения, выработанные в сообществе для регулирования отношений между людьми, или закрепились как пословицы, например: *Закон есть закон*; *Дружба дружбой, а служба службой.*

Таким образом, на примере анализа класса предложений ФС мы пытались показать, что в каждом языке как человеческом феномене имеются общие, универсальные смысловые категории, которые могут получать в конкретном языке индивидуальное представление как отражение национальной специфики мышления, языкового сознания представителей данного языкового сообщества.

Список использованных источников

1. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие. Коммуникация и ригматика / Н. И. Формановская. – М. : Изд-во ИКАР, 2007. – 480 с.

2. Величко, А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование : монография / А. В. Величко. – М. : МАКС Пресс, 2016. – 416 с.

3. Краткая русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина ; Ин-т рус. яз. АН СССР. – М. : Рус. яз., 1989. – 639 с.

We are talking about language tools designed to express the phatic function in speech communication. The object of a specific analysis is phraseological units, the semantics of which are associated with the presentation of universal conceptual categories that receive a specific national-specific embodiment in them

Keywords: communication, phatic function, phraseological sentences, nationally specific means.

УДК 811.161.2’373.7-028.16:821-31(477.87)

Н. Ф. Венжинович, М. Ю. Яцьків

ФРАЗЕОЛОГІЗМИ НА ПОЗНАЧЕННЯ МОВЛЕННЄВОЇ ДІЯЛЬНОСТІ У РОМАНІ М. ДОЧИНЦЯ «ВІЧНИК»

Статья посвящена описанию фразеологических единиц, используемых для обозначения речевой деятельности в романе современного украинского писателя Мирослава Дочинца «Вечник». В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что фраземы указанной тематической группы являются яркими репрезентантами ментальных особенностей жителей Закарпатья – самого западного региона Украины.

Ключевые слова: фразеологизм, речевая деятельность, М. Дочинец, роман «Вечник», ментальные особенности.

Мирослав Дочинець – сучасний закарпатоукраїнський письменник і журналіст, член асоціації українських письменників із 2003 року. М. Ісак зазначає, що слово у Мирослава Дочинця – як глина у майстерного гончаря чи скульптора – він ліпить із нього жбан нашої уяви, формує плоть нашої генетичної пам’яті. У його оповідь поринаєш немов у бездонне гірське озеро із прозоро-синьою живильною водою, ніби пливеш у самому небі: на якійсь із сторінок настає відчуття, немовби хочеш вдихнути чого-небудь іншого, рідшого – настільки перенасиченим, щільним на самому початку є опис карпатської Природи. Здається, що ти нею переповнений по вінця, а відірватися несила, як спекотної пори від студеної, що пронизує до зубних нервів, води з лісової криниці [1]. М. Дочинець зазначає, що творчість – «це завжди всупереч. Бо це поборення штампу, проламування до внутрішньої свободи, прилучення до Світової Душі. А отже, постійний опір. Опір сірості, дурості і злобності. Це схима, як казав великий Гоголь. Майже все життя я успішно займався журналістикою і гадав, що це нормально. Поки не прийшов урочний час вирвати газетярщину з душі, як дикий бур’ян. І на зміну словам прийшло Слово. Служіння Слову. А воно не судить і не повчає, як газета, воно прощає і дає надих, кріпить у боротьбі з одинокістю. Газета висушує мозок і серце, а добра книжка несе свіжість, як гарна жінка…» [2, с. 11]. Тематичний спектр творів Мирослава Дочинця досить своєрідний та глибоко-індивідуальний. У них не лише по-новому зображується соціум і людина в ньому, але й філософськи осмислюється їх взаємозалежність [3, с. 12]. За словами самого автора, його стиль – «це розстановка слів у такому порядку, щоб на фразу чи абзац можна глянути збоку і згори – як на виноградну ягоду, обтічну, прозору, ароматну» [4, с. 87].

Значну роль у відтворенні характерів героїв літературних творів, їх поведінки, вчинків тощо відіграють фразеологізми. І хоч нині є низка наукових розвідок, присвячених вивченню фразеологічного багатства закарпатоукраїнських письменників (див., напр. [5] та ін.), проте докладно фраземи зазначеної тематичної групи на матеріалі творів М. Дочинця ще не були досліджені.

У статті подаємо найбільш репрезентативні фраземи на позначення мовленнєвої діяльності людини, представляючи їхні значення, зафіксовані в словниках фразеологізмів украї-

ської літературної мови та діалектних лексикографічних джерелах, а також не зафіксовані у них значення, сформульовані нами, виходячи з контексту. Це, зокрема:

Сказати, як відтяти – ‘дуже гостро, категорично’. У тексті: *Буде!* – ***сказав, як відтяв***, *сотник. – Живи й за нас, хлопче…* [6, с. 9–10]. Пор.: СФУМ, с. 106 – *як* (*мов, ніби* і т. ін.) *відрубати* – ‘дуже гостро, категорично’; ФСУМ, [9; 10; 11] – не зафіксовано.

І слово йде за пером, наче за плугом – ‘важко знайти необхідні слова, щоб написати’. У тексті: *І слово йде за пером, наче за плугом* [6, с. 5]. Пор.: ФСУМ, СФУМ, [9; 10; 11] – не зафіксовано.

Сказати з вуркотливим смішком – ‘сказати щось з доброзичливою посмішкою’. У тексті: *Коли вивчишся, будемо кувати задні, – казав з* ***вуркотливим смішком*** [6, с. 15]. Пор.: ФСУМ, СФУМ, [9; 10; 11] – не зафіксовано.

Кишки попереїдати – ‘все про всіх розказувати, знати всі плітки, бути дуже балакучою’. У тексті: *Сусідкам вона всі* ***кишки попереїдала****. Бабиного язика боявся навіть сільський піп* [6, с. 17]. Пор.: ФСУМ, СФУМ, [9; 10; 11] – не зафіксовано.

Ся вповість – як прискіпить – ‘говорити так, що добре запам’ятовується. У тексті: *Бабиного язика боявся навіть сільський піп.* ***Ся вповість – як прискіпить*** [6, с. 17]. Пор.: ФСУМ, СФУМ, [9; 10; 11] – не зафіксовано.

Тримати язик за зубами – ‘бути обачним, стриманим у розмовах; мовчати’. У тексті: *Вдома ввечері* ***язик за зубами держиш****, вклонившись образам, рано лягаєш* [6, с. 32]. Пор.: ФСУМ, с. 230 – ‘бути обачним, стриманим у розмовах, висловлюваннях; не розголошувати чого-небудь; мовчати’; СФУМ, с. 722 – ‘мовчати, не розголошувати чого-небудь, утримуватись від висловлювання’; [9, с. 221–222] – ‘бути обачним, стриманим у розмовах; мовчати’; [10; 11] – не зафіксовано.

Сапнути вогнем – ‘вигукнути щось дуже здивовано’. У тексті: *Чув новину? Жандарм Ружічка підправив Терку столярову. ЯК?! –* ***сапнув я вогнем*** [6, с. 93]. Пор.: ФСУМ, СФУМ, [9; 10; 11] – не зафіксовано.

Кістки перемивати – ‘займатися пересудами, обмовляти кого-небудь’. У тексті: *Я не хочу, щоб мої* ***кістки перемивали*** *ще й після смерти* [6, с. 104]. Пор.: ФСУМ, с. 619 – *перемивати* (*мити, перемелювати, перетирати* і т. ін.) / *перемити* (*перемолоти, перетерти* і т. ін.) *кісточки* (*кістки, до кісток* і т. ін.) – ‘займатися пересудами, обмовляти кого-небудь’; СФУМ, с. 496 – тс, що у ФСУМ; [9, с. 76] – тс, що у ФСУМ; [10; 11] – не зафіксовано.

На людський роток не завісиш замок – ‘нікого не можна примусити мовчати’. У тексті: *На людський роток не завісиш замок* [6, с. 109]. Пор.: ФСУМ, СФУМ, [9; 10; 11] – не зафіксовано.

На язиках – ‘говорити про когось, поширювати якісь відомості’. У тексті: *По всі Верховині, підкарпатській Гуцулії й по долинах я* ***на язиках*** [6, с. 109]. Пор.: ФСУМ, СФУМ, [9; 10; 11] – не зафіксовано.

Тріщати язиком – ‘швидко й багато говорити’. У тексті: *Перекривляв сороку: плескав руками об ребра,* ***тріщав язиком****, хорохорився, чистив «пір’я»* [6, с. 116]. Пор.: ФСУМ, СФУМ, [9; 10; 11] – не зафіксовано.

Піднесена перемова, як казань з амвону – ‘ піднесена промова, розповідь, подібна до проповіді священика’. У тексті: *Його перемова була* ***піднесена, як казань з амвону*** [6, с. 138]. Пор.: ФСУМ, СФУМ, [9; 10; 11] – не зафіксовано.

Сірочинне словоблудство – ‘пусті беззмістовні тексти’. У тексті: *А не як воші, розтрясені по листу в котрогось писуна, що творить* ***сірочинне словоблудство*** [6, с. 154]. Пор.: ФСУМ, СФУМ, [9; 10; 11] – не зафіксовано.

Народ скаже – як зав’яже – ‘про народну мудрість’. У тексті: ***Народ скаже – як зав’яже!*** [6, с. 169]. Пор.: ФСУМ, СФУМ, [9; 10; 11] – не зафіксовано.

Сховати від людських язиків – ‘заховати когось / щось від людських балачок і пліток’. У тексті: *Ти їх від **людських язиків** у наметі сховаєш…* [6, с. 201]. Пор.: ФСУМ, СФУМ, [9; 10; 11] – не зафіксовано.

Казенні слова – ‘слова сказані владою, чи представниками якоїсь державної установи’. У тексті: *Я вислухав присуд з байдужістю, **казенні слова** давно вже нічого не важили для мене* [6, с. 221]. Пор.: ФСУМ, СФУМ, [9; 10; 11] – не зафіксовано.

Слова на хліб не намастити – ‘словами не прокормиш себе’. У тексті: *Мастиш гарно, паря, але **слова на хліб не намажеш**. Козирну карту треба заслужити* [6, с. 223]. Пор.: ФСУМ, СФУМ, [9; 10; 11] – не зафіксовано.

Мастити гарно – ‘говорити приємні речі, спокушати’. У тексті: ***Мастиш гарно**, паря, але слова на хліб не намажеш. Козирну карту треба заслужити* [6, с. 223]. Пор.: ФСУМ, с. 466 – *мастити словами* – ‘говорити приємні речі, улещувати, спокушати’; СФУМ, с. 369 – тс, що у ФСУМ; [9; 10; 11] – не зафіксовано.

Ліпити горбуна– ‘говорити неправду’. У тексті: *Хо! Не **ліпи горбуна**, Монаше. Ти не міг з ним корешитися – фраєрок із-за бугра. В натурі* [6, с. 224]. Пор.: ФСУМ, СФУМ, [9; 10; 11] – не зафіксовано.

Кинути, як з мосту – ‘різко щось сказати’. У тексті: *Ні, він піде в чоботах, – **кинув я, як з мосту**. – І в своїй одяганці, яку ви повернете* [6, с. 224]. Пор.: ФСУМ, СФУМ, [9; 10; 11] – не зафіксовано.

Мовити з металом у голосі – ‘сказати що-небудь з певною холодністю у голосі’. У тексті: *Сьогодні виграєш мізер, Гноте, а завтра можеш програти все, – **мовив** я дуже спокійно, але **з металом у голосі*** [6, с. 224]. Пор.: ФСУМ, СФУМ, [9; 10; 11] – не зафіксовано.

Вести сердечну бесіду – ‘щиро розмовляти з кимось’. У тексті: *Вони з батьком Захаріоса обнялися і **вели сердечну бесіду*** [6, с. 248]. Пор.: ФСУМ, СФУМ, [9; 10; 11] – не зафіксовано.

Плескати язиком – ‘займатися пустими балачками, теревенити’. У тексті: *Се – істинний патріот, живий стовп нації, а не той, хто лише збуджено **плеще язиком** про любов до Батьківщини* [6, с. 273–274]. Пор.: ФСУМ, с. 645 – ‘багато говорити про щось неістотне, пусте; базікати, теревенити’; СФУМ, с. 518 – тс, що у ФСУМ; [9, с. 222] – *молоти язиком* – ‘займатися пустими балачками, базікати’; [10; 11] – не зафіксовано.

Зафіксовані у романі М. Дочинця «Вічник» фразеологізми відтворюють широку палітру мовленнєвої діяльності закарпатців – мешканців найзахіднішого регіону України. Тут ми спостерегли стійкі мовні одиниці з позитивною конотацією (їх небагато в кількісному вираженні), напр.: *піднесена перемова, як казань з амвону; народ скаже – як зав’яже; вести сердечну бесіду* тощо. Проте значно більше фіксуємо фразем із негативним стильовим забарвленням, напр.: *кістки перемивати; на людський роток не завісиш замок; сірочинне словоблудство; плескати язиком* тощо. Для нас найцікавішими виявилися діалектні фраземи, частина з яких фіксується, а більшість ще не зафіксовані словниками, напр.: *ся вповість – як прискіпить; кишки попереїдати; сапнути вогнем; ліпити горбуна* тощо.

Ключовим словом найчастіше виступає компонент *язик*, фіксуємо також у ролі стрижневих слів соматизми *рот, зуби, кістки.*

Унаслідок проведеного дослідження доходимо висновку про те, що фраземи зазначеної тематичної групи є яскравими репрезентантами ментальних особливостей закарпатців – великих трудівників, які здавна шанували працю і негативно ставилися до неробства, багатослів’я, зверхності, улесливості тощо.

Список використаних джерел

1. Ісак, М. Природа і душа не терплять порожнечі [Електронний ресурс] / М. Ісак. – Режим доступу : http://miroslav-dochinets.com/рецензії/85-природа-і-душа-не-терплять-порожнечі.html. − Дата доступу : 10.09.2019.

2. Козак, С. Мирослав Дочинець: «У творчості мене цікавить не правда історії, а правда серця» / С. Козак // Літературна Україна. – 2013. – № 47. – С. 10–11.
3. Домчук, М. П. Художнє осмислення типу українця в прозі Мирослава Дочинця / М. П. Домчук, О. В. Нестерук. – Суми, 2014. – 76 с.
4. Дочинець, М. Світильник слова / М. Дочинець. – Мукачево : Карпатська вежа, 2013. – 212 с.
5. Венжинович, Н. Ф. Лінгвокультурологічний аспект вивчення фразеології у творах Івана Чендея // Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства. – Вип. 11. – Ужгород, 2007. – С. 208–211.
6. Дочинець, М. І. Вічник / М. І. Дочинець. – Мукачево : Карпатська вежа, 2013. – 280 с.
7. СФУМ – Словник фразеологізмів української мови / уклад. : В. М. Білоноженко та ін. – К. : Наукова думка, 2003. – 1104 с.
8. ФСУМ – Фразеологічний словник української мови / уклад.: В. М. Білоноженко та ін. – К. : Наукова думка, 1993.– 984 с.
9. Ужченко, В. Д. Фразеологічний словник української мови / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – К. : Освіта, 1998. – 224 с.
10. Сабадош, І. В. Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району / І. В. Сабадош. – Ужгород : Ліра, 2008. – 478 с.
11. Гуйванюк, Н. В. Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н. В. Гуйванюк. – Чернівці : Рута, 2005 – 688 с.

The article deals with the description of phraseological units designating speech activities in the novel of a modern Ukrainian writer Myroslav Dochunets «Vichnyk» (An Eternal). As a result of the conducted study the authors draw a conclusion that phrasemes of the above mentioned thematic group are vivid representatives of mental peculiarities of Transcarpathian population – the extreme Western Region of Ukraine.

Keywords: phrase, speech activities, M. Dochynets, novel «Vichnyk», mental peculiarities.

УДК 811.581’42:398.92:599

А. И. Головня, Байшань Гулицзыи

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ-НОМИНАЦИЯМИ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В статье проанализированы китайские фразеологизмы, включающие в себя названия диких животных. Рассмотрены особенности образования в китайском языке фразеологизмов с компонентами-номинациями «волк», «медведь», «лиса», «тигр», «заяц». Описаны основные характеристики фразеологизмов с данными компонентами.

Ключевые слова: фразеологизм, метафористическая направленность, зооним, метафора, дикое животное.

Проблемы межкультурного общения часто возникают из-за незнания (или нежелания знать) специфику речевого и экстралингвистического поведения представителей иной культуры на фоне своей. Здесь уместно будет процитировать американского специалиста по невербальной коммуникации Дж. Миллера, заметившего: «Неправильное понимание невербального поведения – один из самых огорчительных источников разногласий между людьми, без которого можно было бы обойтись. Например, немногие американцы знают, что китайцы очень не любят, когда их трогают, хлопают по плечу и даже пожимают руку. Если бы американцы, для которых эти жесты означают близость и дружелюбие, не применяли их по отношению к китайцам, сколько обид можно было бы с легкостью избежать!» [цит. по: 1, с. 132]. Мало кто представляет особенности восприятия представителями иной культуры животных, даже живущих рядом с человеком и приносящих ему несомненную пользу. А между тем та-

кое знание смягчило бы острую реакцию на специфику национального восприятия и обеспечило бы создание гораздо более доверительного уровня отношений между представителями разных культур. Сделать это можно, сравнивая языковые единицы, в том числе фразеологические, принадлежащие различным языкам, ибо они не что иное, как хранители культурной информации данного народа.

Человек и животные тесно связаны друг с другом, так как, во-первых, человек и животные – часть живой природы, во-вторых, между ними всегда существовала связь разной степени устойчивости и значимости. В языке каждого народа есть масса устойчивых выражений, включающих компоненты-номинации диких животных. Однако характер использования этих выражений, место различных животных в жизни людей, их значимость для них, а также способы образности при номинации сильно отличаются. Например, для русских *черепаха* всегда была символом медлительности (*ползти как черепаха*). А для китайцев *черепаха* применительно к человеческим свойствам характера – ещё и долголетие. Например, *龟年鹤寿 – долголетие журавля и черепахи* (по китайской мифологии журавль и черепаха живут более 1000 лет).

Содержательный состав фразеологизмов в различных культурах тоже часто не совпадает. Это в полной мере касается и названий животных. Так, в китайском языке очень много устойчивых выражений, где упоминается мифологическая птица *феникс*. В русском языке есть, пожалуй, лишь один фразеологизм: *возрождаться как феникс из пепла*. Налицо ситуация неравновесия в использовании этого образа в двух культурах.

Названия животных в разных культурах могут иметь различную метафористическую направленность: в русском языке *овца* имеет явно выраженное отрицательное значение, характеризующее интеллект человека – *глупый как овца* – или же свойства его характера: *паршивая овца*. В китайском языке лексема *овца* не имеет такой метафористической линии в развитии значений.

Ещё одной особенностью, отличающей китайские фразеологизмы от русских, является наличие у них особенной, определенной сутью китайского языка структуры: фразеологизм может состоять из четырех, пяти, шести или восьми иероглифов. При этом у каждого фразеологизма есть история, не зная которой носитель языка не может правильно его использовать. К примеру, в древние времена рядом с Великой китайской стеной была застава, на ней жил старик, имеющий свою лошадь. Однажды лошадь пропала. Родственники и соседи этого старика пришли успокаивать его. Спустя несколько месяцев, лошадь вернулась и привела с собой еще одну лошадь. Благодаря этой легенде появилось выражение 塞翁失马 – дословно: старик потерял лошадь (*нет худа без добра, никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь*). Особенностью же русских фразеологизмов является то, что, даже не зная их истории или значения отдельных компонентов, входящих в них, носитель языка правильно употребляет фразеологизм в принятом контексте. Так, говорящие правильно используют фразеологизм *тянуть канитель* (‘медленно делать что-либо’), не зная значения лексемы *канитель* (‘тончайшая золоченая, серебряная или мишурная проволока для обматывания ниток или винтовых спиралей, употребляемая в золотошвейном деле’).

В китайских фразеологизмах часто используется компонент-номинация *волк*. По толковому словарю китайского языка, *волк* – это млекопитающее животное, внешностью похожее на собаку. Он жестокий и жадный, ведет ночной образ жизни [2].

Лексема *волк* в паремиях ассоциируется с жестокостью, злодейством и жадностью. Например, *如狼似虎 – подобный волку и тигру* (свирепый, жестокий; алчный); *羊狠狼贪 – упрямый как козёл и жадный как волк.* Компонент-номинация *волк* помогает описывать человеческий характер или внешность: *狼心狗肺 – волчье сердце и собачьи лёгкие* (жестокий, свирепый, бесчеловечный, бессовестный; злодей); *狼眼鼠眉 – волчьи глаза и крысьи брови* (злое выражение лица; свирепый, злонамеренный вид).

Китайцы говорят *狼吞虎咽 – глотать, как волк, пожирать, как тигр* (жадно пожирать; иметь волчий аппетит). Или: *鹰视狼步 – смотреть коршуном и ходить волком, со взглядом коршуна и волчьей поступью* (хищный, лютый, коварный).

Не менее сильным, жестоким и свирепым является тигр. *Тигр* для китайцев является символом мужества и отваги и имеет право отгонять демонов и злых духов. В китайской культуре *тигр* – царь диких животных, олицетворение мужского начала. Тигр приносит удачу, его изображение дает силу. В китайских фразеологизмах он обозначает:

1. Психофизические характеристики человека.

Фразеологизмы китайского языка с компонентом *тигр* обозначают здоровье, силу, жестокость, лицемерие и соответствующие им признаки. Например, *虎背熊腰 – спина тигра и поясница медведя* (богатырское сложение; здоровый, дюжий); *如狼似虎 – подобный волку и тигру* (свирепый, жестокий; алчный*); 笑面虎 – улыбающийся тигр* (вероломный, двуличный, коварный, волк в овечьей шкуре).

2. Царь, глава, герой.

龙行虎步 – полёт дракона, шаг тигра (о величественном виде, царственных манерах); *一山不藏二虎 – одна гора не выдержит двух тигров* (два человека несовместимы, не могут терпеть друг друга).

3. Опасность.

虎口拔牙 – вырывать зубы у тигра (дергать тигра за усы, играть с огнем, лезть на рожон); *羊落虎口 – овца попала тигру в пасть* (опаснейшее положение, крайняя опасность).

4. Название частей тела тигра для характеристики неудавшегося предприятия.

虎头蛇尾 – голова тигра, хвост змеи (не довести до конца; кончиться ничем).

5. Совершаемое действие.

骑虎难下 – если скачешь верхом на тигре – слезть трудно (невозможно остановиться, нет пути назад; загнать себя в безвыходное положение); *不入虎穴焉得虎子 – как (где) добыть тигрёнка, если не входить в логово тигра?* (не забравшись в логово тигра, не поймаешь тигренка; волков бояться – в лес не ходить).

6. В комбинации с названиями других животных (*дракон, конь, змея, бык, кошка, волк, обезьяна, медведь, баран*) обозначает: *卧虎藏龙 – крадущийся тигр, затаившийся дракон* (невыявленный гений, скрытый талант); *狐假虎威* – досл. *лиса пользуется могуществом тигра* (пользоваться чужим авторитетом).

Зооним *медведь* тоже является частью китайской культуры. В представлениях китайцев *медведь* олицетворяет как отрицательные, так и положительные свойства человека: например, надежный, сильный человек, но в то же время и злой, плохой характер.

Часто сравнение с *медведем* используется для характеристики храбрости, отваги: *熊心豹胆 – сердце медведя, жёлчный пузырь барса* (храбрость, отвага). Также здоровье, сила: *熊腰虎背 – спина тигра и поясница медведя* (богатырское сложение, сила). Там, где русский, характеризуя неуместность совершения двух действий одновременно, использует образ зайца (*за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь*), китаец использует иную образность: *鱼与熊掌 – рыба и медвежья лапа.*

В китайских фразеологизмах компонент *медведь* связан с военной деятельностью, сильным духом: *熊罴百万 – миллион медведей* (сильное войско).

У китайцев существует поверье, что если человек во сне увидит *медведя*, то скоро у него будет сын: *熊罴入梦* – букв. *да приснятся вам медведи. Желаю вам сына!; 梦熊之喜 – увидеть во сне медведя* (по поверью, предвещает рождение сына).

Кроме этого, *медведь* может олицетворять злую силу, дурные качества человека: *押虎樊熊 – медведь и тигр, которые в клетках* (арестованные злые, плохие люди).

Лиса в китайской культуре ассоциируется с хитростью. Соответственно, в китайских фразеологизмах лексема *лиса* имеет отрицательную окраску. Фразеологизмы с этим компонентом-номинацией обозначают:

1. Ментальные характеристики человека.

豺狐之心 – сердце красного волка и лисы (о злом и хитром человеке).

2. Практическая выгода от использования частей тела лисы.

В китайской народной медицине особо ценятся подмышечные части лисьей шкуры, поэтому есть фразеологизмы, которые отражают это: *一狐之腋 – подмышечная часть лисьей шкуры* (о самом ценном); *千羊之皮，不如一狐之腋 – тысяча овчин не стоит одного кусочка меха из подмышки лисы* (похвалы тысячи льстецов не стоят одного слова честного человека, одна умная голова лучше, чем много глупых).

Названия частей тела лисы используются, когда говорят о лицемерии, хитрости и подозрении: *满腹狐疑 – в животе полные лисьи сомнения* (неопределённый, полный сомнений и подозрений)*; 狐狸尾巴 – хвост лисы* (звериный облик; истинная сущность).

3. Совершаемое действие.

狼顾狐疑 – озираться вокруг по-волчьи и иметь лисью осторожность (сомнение) (трусливо оглядываться; держаться с опаской); *狐不二雄 – двух самцов у одной лисы не бывает* (два самца не могут вместе существовать).

4. В комбинации с названиями других животных (*собака, волк, заяц, сова, тигр и овца*) *лиса* называет определённый тип человека: *狐朋狗党 – лисья стая, собачья свора; свора, банда, шайка* (негодные люди, разношерстный сброд); *城狐社鼠 – лиса из городской стены, крыса из жертвенника земле* (о человеке, который, пользуясь неприкосновенностью, тайно причиняет вред).

Заяц является одним из персонажей китайского гороскопа, поэтому в китайском языке немало фразеологизмов с компонентом *заяц*, который придаёт положительную, отрицательную или нейтральную окраску высказываниям. Они обозначают:

1. Скорость передвижения.

乌飞兔走 – Ворона летит, заяц бежит (ворона обозначает солнце, а заяц – луну; время летит, прошло время); *兔起凫举 – вскочить как заяц, взлететь дикой уткой* (быстро, внезапно, молниеносно); *兔起鹘落 – как заяц поднимется, так ястреб упадёт [на него камнем]*: а) быстро, моментально, молниеносно; б) уверенно; метко.

2. Ум, хитрость.

狡兔三窟 – у хитрого зайца три норы (иметь множество увёрток и лазеек).

3. Лицемерие.

兔死狐悲 – Когда заяц погибает, лиса горюет (страшиться такой же участи, смерти для себя) (в большей мере создаётся употреблением зоонима *лиса*).

4. Несбыточная фантазия.

龟毛兔角 – Шерсть черепахи и рога зайца (невозможная вещь, небылица, фантазия).

5. В комбинации с названиями других животных (*лиса, корова, орел, черепаха, обезьяна, утка, собака*) лексема *заяц* в китайских фразеологизмах передаёт: а) сострадание, фатализм: *狐死兔泣 – Подохла лиса, а заяц проливает слёзы* (одно существо оплакивает смерть другого, потому что видит в этом неизбежную участь и для себя). б) страх: *惊猿脱兔 – словно обезумевшие обезьяны и кролики, спасающие свою жизнь* (пуститься наутек; быстро бежать в панике).

Исследование фразеологизмов китайского языка с компонентами, обозначающими диких животных, показало, что:

а) фразеологизмы китайского языка с компонентом-номинацией «дикое животное» часто не имеют прямой связи с самим животным;

б) в основе образования китайских фразеологизмов в большинстве случаев лежит история создания этих фразеологизмов;

в) в паремиях с компонентом «дикое животное» очень часто употребляются метафоры;

г) особенностью китайских фразеологизмов с компонентом-номинацией «дикое животное» является употребление глаголов действия;

д) в китайской языковой картине мира домашние и дикие животные тесно связаны друг с другом, поэтому они во фразеологизмах часто употребляются в паре.

Список использованной литературы

1. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 581 с.

2. 汉典 (Толковый словарь китайского языка онлайн) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.zdic.net. – Дата доступа : 05.10.2018.

The article analyzes Chinese phraseological units, which include the names of wild animals. Peculiarities of the formation of phraseological units with components-nominations "wolf, bear, fox, tiger, hare" in Chinese are considered. The main characteristics of phraseological units with these components are described.

Keywords: phraseological unit, metaphorical orientation, zoonym, metaphor, wild animal.

УДК 811’42’27’243:398.92

И. Г. Гомонова

НА ЛОМАНОМ ЯЗЫКЕ: ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ «ХАРАКТЕРИСТИКА» РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье на материале Национального корпуса русского языка рассматриваются особенности употребления устойчивого выражения «ломаный язык» в русскоязычном дискурсе. Приводятся наблюдения о роли данного фразеологизма как средства характеристики речевого поведения персонажей художественных и публицистических произведений.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологический, речевое поведение, характеристика, корпус текстов.

Основная задача каждого участника коммуникативного процесса – быть понятым, адекватно донести информацию до собеседника – особенно осложняется в ходе межкультурной коммуникации, когда нужно достичь успеха, контактируя с представителем иного языкового (культурного) сообщества. Слабая степень владения неродным языком, характерная для одного из коммуникантов, как правило, осознается другими участниками коммуникации – носителями данного языка как родного – и подвергается с их стороны оценке.

В художественном и (реже) публицистическом тексте низкий уровень знания языка авторы используют в роли характерологического средства, способствующего полноте раскрытия образа персонажа. В качестве одного из средств характеристики речевого поведения героя, слабо владеющего неродным для него языком, выступает фразеологизм *ломаный язык*, выражающий значение ‘искаженная, неточная речь иностранца на неродном, плохо знако-

мом ему языке’ [1, с. 767]. Компонент *ломаный* в данном случае имеет переносное, фразеологически связанное значение ‘исковерканный, с неправильным выговором (о языке, речи)’ [2].

Фразеологическая «характеристика» речевого поведения персонажей посредством выражения *ломаный язык*, по данным Национального корпуса русского языка [3], востребована авторами: в Основном корпусе НКРЯ представлено 260 вхождений данного фразеологизма (из них 55,4% в художественных текстах), в Газетном корпусе – 34 вхождения.

В 166 контекстах «ломаным» оказывается русский язык (что естественно для русскоязычного дискурса). На «ломаном русском языке», по данным НКРЯ, говорят представители разных национальностей: англичане, китайцы, татары, турки, осетины, эстонцы, японцы и мн. др., но чаще всего такая характеристика относится в текстах к персонажам французской и немецкой национальности: *Я позвонил у дверей: вышла чистенькая старушка,* ***эстонка****, объявила мне,* ***ломаным русским языком****, что хозяин ее скоро воротится, и попросила подождать* (Н. И. Греч. Черная женщина (1834)); *Этот Григорий − дядька всей команды, крещеный* ***татарин****, говорит* ***ломаным русским языком****, но очень умен и остер* (М. А. Бестужев. Дневник плавания по Амуру (1857)); *В конторе царствовала большая деятельность.* ***Француз****-декоратёр прибегал крупно браниться с управляющим и* ***ломаным русским языком*** *говорил совершенно не русские вещи; он был растрепан, в засаленном сюртуке и так гордо смотрел, как сам управляющий, и так ругался, как сам князь* (А. И. Герцен. Сорока-воровка (1846)); *Арестованным, и надолго, оказался почему-то токарь −* ***немец*** *Август Дорн, лет пятидесяти, всего раз или два заглянувший в кружок. Он держал себя великолепно, пел на всю тюрьму веселые, не всегда, правда, добродетельные немецкие песенки, шутил* ***на ломаном русском языке****, поддерживая дух молодых* (Л. Д. Троцкий. Моя жизнь (1929−1933)). Так, активное использование выражения *ломаный русский язык* для характеристики французов обусловлено значительным влиянием представителей данной национальности на жизнь российского общества 18−19 вв. А важнейшая роль французского языка в Российской империи того времени объясняет его вторую позицию в перечне языков, подлежащих, по данным НКРЯ, характеристике «ломаный» (28 контекстов в анализируемом материале): *Всем этим французам прислуживают русские женщины, разумеется, простого звания, говорящие* ***ломаным французским языком****. Все они, конечно, последуют за ними во Францию, многие уже уехали* (И. С. Аксаков. Письма родным (1849−1856)); *«Так вот он, плебей-цезарь, коронованный солдат!» − сказала она себе, видя, как важный и толстый, с шарфом через плечо и с совершенно растерянными глазами бургомистр, подойдя к карете, стал с низкими поклонами* ***ломаным французским языком*** *говорить что-то просительное и жалобное, а ближайшие к нему горожане даже опустились рядом с ним на колени* (Г П. Данилевский. Сожженная Москва (1885)). Третью позицию занимает *ломаный английский язык* (24 контекста): *Справа − стена, слева − пропасть, Ашанину было жутко, и он взглядами призывал на помощь проводника, беспечно идущего сзади. − Не бойтесь, не бойтесь, − говорил тот* ***ломаным английским языком****, − не затягивайте мундштука, лучше бросьте совсем поводья* (К. М. Станюкович. Вокруг света на Коршуне (1895)). В десяти контекстах используется характеристика *ломаный немецкий язык*: *Окна выходили на небольшую площадь с крохотным сквером, которая в эту минуту огласилась военным маршем. Носильщик сейчас же бросился к окну и на* ***ломаном немецком языке*** *стал выражать свой восторг от происходившего на площади* (А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю. Кн. 3 (1947−1953)). Обозначения остальных языков сопровождаются атрибутом *ломаный* в двух (испанский, итальянский) либо одном (арабский, греческий, польский, татарский, украинский, чукотский, японский и др.) контекстах / контексте: *Я постучался, кое-как на своем* ***ломаном итальянском языке*** *сговорился со стариком, хозяином дома, и мы пошли* (А. Е. Ферсман. Воспоминания о камне (1940)); *− Нымэлкин! − на* ***ломаном чукотском языке*** *выразил Сергей Володькин удовольствие от знакомства и взял чемодан Праву* (Юрий Рытхэу. В долине Маленьких Зайчиков (1962)). В пяти контекстах как *ломаный* характеризуется язык, представляющий собой смешение двух языковых систем: *Наконец, я вступил*

с ним в разговор. Он говорил ***ломаным англо-испанским языком****, но понять смысл его слов было не трудно* (А. И. Герцен. Былое и думы. Часть восьмая (отрывки) (1865−1868)).

В тех случаях, когда выражение *ломаный язык* не сопровождается наименованием конкретного языка, авторы подразумевают преимущественно русский язык, на котором, «ломая его», говорят представители разных национальностей: *Частым гостем в господском доме теперь был мистер Брукс, напоминавший во многом Никона: такой же гордый, упрямый и умный. Старик Федот Якимыч полюбил его, хотя мог объясняться с ним только при помощи Амалии Карловны, −* ***англичанин*** *говорил невозможным* ***ломаным языком*** (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Братья Гордеевы (1891)). Однако в анализируемом материале представлены и контексты другого рода (характеризуется как «ломаный» иной язык (не русский) либо несколько языков одновременно): *Сейчас, зимой 1921 года, ей много за восемьдесят; у нее пляска св. Витта, ее всю дергает; ее единственная отрада − собаки; она окружена фокстерьерами, разговаривает с ними* ***на трех ломаных языках****; трясущимися руками раздает им пищу со своей тарелки* (С. М. Волконский. Мои воспоминания. Том 1 (1923−1924)).

Как правило, используя в характерологической функции фразеологизм *ломаный язык*, авторы ограничиваются той экспрессией, которую содержит данное устойчивое выражение, и не вводят в контекст речь персонажа, иллюстрирующую ее «ломаный» тип. В тех же случаях, когда «ломаный язык» звучит, контекст независимо от степени серьезности предшествующего изложения приобретает иронический / комический характер: *Из-за гор показался серый утренний свет и стал наполнять незатейливый кабинет Райнера, а собеседники всё сидели молча и далеко носились своими думами. Наконец Райнер приподнялся, вздохнул и сказал* ***ломаным русским языком****: −* ***Ню, а слюшайте, што я вам будет сказать: это, што вы мне сказаль, никогда будет*** (Н. С. Лесков. Некуда (1864)); *Действительно: какой-то важный английский мануфактурист посетил однажды фабрику; и от того ли, что Соломин с ним по-английски говорил, или он точно был поражен его сведениями − только он все его по плечу хлопал, и смеялся, и звал его с собою в Ливерпуль; а фабричным твердил на своем* ***ломаном языке: «Караша оу вас эта! Оу! караша!»*** (И. С. Тургенев. Новь (1877)).

Речь персонажа, говорящего на «ломаном языке», характеризуется

− произносительной спецификой, отражающей орфоэпические особенности родного языка: *Весело было в зверинце: по бокам длинного сарая стояли огромные железные клетки с четвероногими узниками, музыка гремела, а чистая публика гуляла, переходя от одной клетки к другой, и любовалась заключенными. Публику водил за собой толстый, рыжий немец и* ***ломаным русским языком*** *рекомендовал каждого зверя: −* ***Хорёк! ошинь злёбни!*** (Скиталец (С. Г. Петров). Огарки (1906)); *Придя в Даджин, путешественники крайне были удивлены приветствием китайских солдат на* ***ломаном русском языке: «здаластуй, како живешь»?*** *Оказалось, что эти солдаты только что пришли из Манчжурии, с берегов Амура* (М. А. Лялина. Путешествия Н. М. Пржевальского в восточной и центральной Азии (1891));

− грамматической спецификой (отклонениями от грамматической нормы, обусловленными слабым знанием используемого языка и / или влиянием грамматической системы родного языка): *Из таёжной чащи неслышно вынырнул второй китаец и* ***очень ломаным русским языком*** *заявил, что* ***никакой люди кругом нету*** (И. Л. Солоневич. Две силы (1953)); *На следующий день фелюжник Мустафа, обезьяноподобный турок-лодочник, <…> доставляя меня и одного молодого человека к нашим общим знакомым,* ***ломаным русским языком****, коверкая имена и фамилии, рассказал мне длинную историю про каких-то «Миколаичей», которых он очень хвалил и вспоминая о которых, закрывая глаза, причмокивал, покачивая головой. Эти «Миколаичи» были «господа», но жили здесь лет пятнадцать тому назад как простые крестьяне: −* ***Барина рубах сама стирал, на море сама таскал!*** (Г. И. Успенский. Письма с дороги (1887));

Самые типичные грамматические «аномалии», характерные для «ломаного русского языка», − неверная квалификация рода существительных, использование существительных в именительном падеже вместо нормативных форм косвенных падежей, использование ин-

финитива вместо спрягаемых форм глагола, употребление связки *есть* там, где она должна быть нулевой: *В Имянпо на вокзале я видел знаменитого хунхузского начальника Яндзыря, пойманного пограничниками и отправляемого в китайский суд. Он пел песни, что-то говорил − очевидно остроумное, вызывавшее смех у толпившихся возле вагона китайцев, и, увидя меня, смеясь,* ***ломаным русским языком*** *сказал: −* ***Шанго, капитан, руби голова скорей!..*** (А. И. Деникин. Путь русского офицера (1944−1947)); *Офицер, потеряв к Савелию всякий интерес, повернулся и направился к деревянному строению. Тот, которому что-то говорил старик, наклонился к Савелию и на* ***ломаном русском языке*** *спросил: −* ***Почтенный Абу-Акмаль интересоваться, где вы взять эта веш?*** (Виктор Доценко. Тридцатого уничтожить! (2000)); *Убедившись, что они только вдвоем и кругом никого нет, санитар на* ***ломаном русском языке*** *задал вопрос: −* ***Вы есть господин Карикозов?*** (Н. Н. Брешко-Брешковский. Дикая дивизия (1930)).

− включениями слов родного языка: *– Колыхай, металл уже готов, – говорит Вевart на своем* ***ломаном языке****. –* ***Белый, как мильх, как молоко, как сметан****. Колыхаев берет заранее приготовленные две палки, связанные вместе с одного конца телефонным шнуром, ухватывает ими раскаленный стакан* (В. П. Катаев. Юношеский роман (1980−1981)); *За чаем гость ел с аппетитом, сверкал зубами и улыбкой,* ***ломаным языком*** *рассказывал о событиях в Одессе, о высадке цветного корпуса и бегстве большевиков… −* ***Скора будет польн порадок… Я занималь опять la commerce, фабрика консерв…*** (Б. А. Лавренев. Рассказ о простой вещи (1924)).

Русскоязычный дискурс содержит преимущественно иллюстрации «ломаного русского языка», однако отдельные контексты включают в себя прямую речь на других языках, сопровождаемую характеристикой «ломаный»: *Один из группы туристов, американец в широчайшем пальто и с фотоаппаратом на плече, по-видимому, страстный коллекционер, спрашивает у гида, кивнув головой в сторону «национальной бритвы»:* ***«Канбьен кут?»*** *На* ***ломаном французском языке*** *это означает: «Сколько стоит?»* (Борис Ефимов. Десять десятилетий (2000)).

Интересен тот факт, что возможность исказить речь персонажа, «изломать» ее авторы анализируемых контекстов (содержащих фразеологизм *ломаный язык*) используют преимущественно для характеристики говорящего на неродном языке, тогда как русская литература богата примерами намеренного искажения родной речи. Так, в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» есть персонаж, который изображает из себя иностранца: *− И это отделение великолепно, − торжественно признал Коровьев, − и иностранец симпатичный, − он благожелательно указал пальцем на сиреневую спину. − Нет, Фагот, нет, − задумчиво ответил Бегемот, − ты, дружочек, ошибаешься. В лице сиреневого джентльмена чего-то не хватает, по-моему. Сиреневая спина вздрогнула, но, вероятно, случайно, ибо не мог же иностранец понять то, что говорили по-русски Коровьев и его спутник. −* ***Кароши?*** *− строго спрашивал сиреневый покупатель. − Мировая, − отвечал продавец, кокетливо ковыряя остриём ножа под шкурой. −* ***Кароши люблю, плохой − нет,*** *− сурово говорил иностранец* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929−1940)). В романе Л. Н. Толстого «Война и мир» Герасим разговаривает с французским офицером «ломаным русским языком», надеясь быть понятым: *−* ***Барин нету − не понимай… моя ваш…*** *− говорил Герасим, стараясь делать свои слова понятнее тем, что он их говорил навыворот. Французский офицер, улыбаясь, развел руками перед носом Герасима, давая чувствовать, что и он не понимает его, и, прихрамывая, пошел к двери, у которой стоял Пьер* (Л. Н. Толстой. Война и мир. Том третий (1867−1869)).

В анализируемом материале, т. е. в сопровождении характеристики «ломаный язык», такое речевое поведение персонажей представлено в трех контекстах: *−* ***О нет! Это может кто подтвердить!*** *− начиная говорить* ***ломаным языком****, чрезвычайно уверенно ответил профессор и неожиданно таинственно поманил обоих приятелей к себе поближе. Те наклонились к нему с обеих сторон, и он сказал,* ***но уже без всякого акцента, который у него,***

чёрт знает почему, то пропадал, то появлялся: *− Дело в том…− тут профессор пугливо оглянулся и заговорил шёпотом, − что я лично присутствовал при всём этом* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929−1940)); *− **Мой хочет кушать.** Кербалай хорошо говорил по-русски, но дьякон думал, что татарин скорее поймет его, если он будет говорить с ним на **ломаном русском языке*** (А. П. Чехов. Дуэль (1891)); *Я подхожу до портье и говорю ему **ломаным языком**: − **Ейн шамбер-циммер, − говорю, − яволь?** Портье говорит: − Батюшки-светы, никак, иностранец к нам приперся. И сам отвечает тоже **ломаным языком**: − **Яволь, яволь. Оне шамбер-циммер, безусловно, яволь*** (М. М. Зощенко. С луны свалился (1932)). Отметим, что носители языка осознают такую функцию выражения *ломаный язык* и, характеризуя на одном из интернет-форумов его значение, приводят варианты типа «Откуда я знать!!!» и «Ломиний язик − как эта? Ну я дажи ни знаю :-))))» [4].

Несмотря на преобладание в анализируемом материале одной функции выражения *ломаный язык* – характеристика речевого поведения говорящего на неродном языке, очевидно, что данный фразеологизм может использоваться для обозначения и других особенностей речи, причем речи родной. Практически всё в речевой практике, что содержит в себе отклонения от нормы (узуальной или окказиональной), может быть охарактеризовано с использованием выражения *ломаный язык*. Такие варианты употребления данного фразеологизма представлены и в текстах НКРЯ (правда, в единичных случаях): *Следующие несколько дней были одними из самых счастливых дней моей жизни. Меня жалели, как признанного больного, ко мне делали визиты, со мной говорили каким-то **ломаным, нелепым языком**, и только один я знал, что я здоров, как никто, и наслаждался отчетливой, могучей работой своей мысли* (Л. Н. Андреев. Мысль (1902)); *Ему хотелось чего-нибудь особенного, а «особенного» как раз и не было. С официантом он говорил **чуть-чуть ломаным языком**, как будто разучился говорить по-русски. Несмотря на все эти чудачества, на которые я смотрел как на обычное есенинское озорство, я чувствовал, что передо мной прежний, «питерский» Есенин* (Рюрик Ивнев. О Сергее Есенине (1926−1964)).

Кроме того, наблюдения над контекстами, содержащими фразеологизм *ломаный язык*, показывают, что данная характеристика распространяется на речевое поведение персонажа, находящегося в состоянии эмоционального возбуждения: *Скандалы возникали внезапно, как взрыв. Они обыкновенно начинались на **ломаном русском языке**, потом, разгоревшись до высокого накала, переходили на грузинский, а заканчивались таким бешеным потоком щелкающих и чмокающих звуков, что в этом яростном клекоте терялись последние признаки какого бы то ни было языка* (К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Книга скитаний (1963)).

Таким образом, фразеологизм *ломаный язык* используется преимущественно для характеристики речевого поведения людей, слабо владеющих иностранным языком и по этой причине искажающих его (данная функция фразеологизма зафиксирована в словарях). Кроме того, фразеологизм *ломаный язык* употребляется для обозначения иных особенностей речи (в том числе родной), содержащей различные отклонения от узуальной или окказиональной нормы.

Список использованных источников

1. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.

2. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. − Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/851782. − Дата доступа : 12.10.2019.

3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru. – Дата доступа : 02.09.2019.

4. Ответы Mail.ru: Ломаный язык − это как? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://otvet.mail.ru/question/23922343. – Дата доступа : 12.10.2019.

According to the Russian National Corpus the features of the use of the stable expression «lomany yazyk» in the Russian-language discourse are considered. Observations about the role of this idiom as a means of characterizing of the speech behavior of characters in fiction and publicistic works are given.

Keywords: idiom, phraseological, speech behavior, characteristic, corpus of texts.

УДК 811.161.3:811.16’374.82:398.91

Я. Я. Іваноў, Ю. А. Петрушэўская

БЕЛАРУСКА-СЛАВЯНСКІ ПАРЭМІЯЛАГІЧНЫ СЛОЎНІК

У артыкуле разглядаюцца прынцыпы ўкладання беларуска-славянскага парэміялагічнага слоўніка, у якім будуць апісаны каля 950 беларускіх прыказак, што ўжываюцца ў сучаснай беларускай літаратурнай мове, і больш за 3000 іх аналагаў у 5 суседніх славянскіх мовах – польскай, рускай, славацкай, чэшскай, украінскай.

Ключавыя словы: прыказка, слоўнік, беларуская мова, польская мова, руская мова, славацкая мова, чэшская мова, украінская мова.

У шэраг асноўных праблем беларускай парэміялогіі на сучасным этапе яе развіцця ўваходзіць стварэнне перакладных парэміялагічных слоўнікаў беларускай і іншых славянскіх моў, а таксама вызначэнне агульнага (універсальнага) і спецыфічнага (нацыянальна-культурнага) кампанентаў беларускай парэміялогіі на фоне іншых славянскіх моў [1, с. 114–115].

У сучаснай беларускай літаратурнай мове ўжываецца вялікая колькасць парэміялагічных адзінак, якія маюць аналагічныя (г. зн. тоесныя па зместу і па лексічна-граматычнай арганізацыі) прыказкавыя адзінкі ў суседніх сучасных славянскіх мовах. Такія адзінкі адносяцца да іншанацыянальнага кампанента парэміялагічнага фонду беларускай мовы. Іншанацыянальныя (агульныя з іншымі мовамі) прыказкі – гэта такія прыказкавыя адзінкі, якія складаюць іншанацыянальны кампанент парэміялагічнага фонду мовы, г. зн. паводле сінхранічнай праекцыі маюць у парэміялагічных фондах іншых моў аналагічныя (або суадносныя) па структурных мадэлях адзінкі (г. зн. такія прыказкі, якія сустракаюцца не толькі ў беларускай, але і ў іншых мовах) [2].

Паводле сінхранічнага падыходу ўсе іншанацыянальныя (агульныя з іншымі мовамі) прыказкі ў беларускай мове размяжоўваюцца на дзве якасна і колькасна нераўнаважныя групы: 1) інтэрнацыянальныя адзінкі – тыя прыказкі, што сустракаюцца ў беларускай і іншых мовах, адносіны паміж якімі абавязкова маюць характар моўнай роднасці ці моўных кантактаў [3]; 2) універсальныя адзінкі – тыя, што сустракаюцца ў беларускай і іншых мовах, адносіны паміж якімі не абавязкова маюць характар моўнай роднасці ці моўных кантактаў [4]. Сінхранічны падыход дазваляе адназначна дыферэнцыяваць прыказкі паводле прыметы спецыфічнасці / агульнасці ў адносінах да іншых моў, таму яго можна лічыць цалкам апраўданым пры вызначэнні ў беларускай мове нацыянальных (спецыфічных) і іншанацыянальных (агульных з іншымі мовамі) адзінак парэміялагічнага фонду. Так, паводле вызначанага падыходу апісаны міжмоўныя падабенствы і разыходжанні паміж прыказкавымі адзінкамі беларускай і рускай моў [5; 6].

У прыказкавым складзе сучаснай беларускай літаратурнай мовы зафіксавана больш за 950 прыказак, якія аносяцца да яе іншанацыянальнага кампанента. Такія адзінкі з’яўляюцца асобным аб’ектам вывучэння ў межах парэміялогіі і павінны апісвацца ў асобных парэміяграфічных даведніках. Адным з такіх даведнікам з’яўляецца “Беларуска-славянскі парэміялагічны слоўнік”. У слоўніку адлюстраваны парэміялагічныя адзінкі, якія ўваходзяць у прыказкавы мінімум [7, с. 99–105], асноўны прыказкавы фонд [8], прыказкавы склад сучаснай беларускай літаратурнай мовы [9] і якія маюць прыказкі-аналагі не менш як у

дзвюх суседніх сучасных славянскіх мовах. У слоўніку да беларускіх парэміялагічных адзінак падаюцца іншамоўныя прыказкі-аналагі з польскай [10], рускай [11], славацкай, чэшскай, украінскай моў.

Будова слоўнікавага артыкула ў даведніку выглядае наступным чынам.

Адзін дурань можа задаць (задасць) столькі пытанняў, што дзесяць (сем) разумных не адкажуць [СБП 40]

Польск.: Co jeden głupi kupi, to dziesięciu mądrych nie sprzeda [NKPP I 5; MC 84]; Jeden głupi zepsuje, a tysiąc mądrych nie naprawi [MC 84]

Руск.: Один дурак больше может вопрошати, нежели десять умных отвещати [БСРП 313]; Один дурак за час спросит больше, чем десять мудрецов сумеют ответить за год [БСРП 313]

Укр.: Один дурень може такого наговорити, що й десять розумних не зможуть поняти [MC 84]; Один дурень камінь у воду кине, а десять розумних не витягне [ПП II]

Адна бяда не ідзе, другую за сабой вядзе [КС 26, 43; СБП 46; ТСП 63; BPS/АПФ+] *або* **Адна бяда не ходзіць <другую за сабою водзіць>** [КС 26, 43; СБП 46; ТСП 63; РМ/ПМ+; BPS/АПФ+] *або* **Бяда адна не ходзіць <за сабою другую водзіць>** [КС 26, 43; СБП 46; ТСП 63; РМ; BPS/АПФ+] ***або*** **Бяда бяду родзіць [РССП 274+]** *або* **Бяда з бядою ходзіць [РССП 274+]** ***або*** **Бяда ідзе і бяду вядзе [РССП 274+]** ***або*** **Бяда на бядзе едзе ды бядою паганяе** [КС 44] ***або*** **Бяда не ходзіць адна [РССП 274+]** ***або*** **Бяда па бядзе як па нітачцы ідзе** [СБП 77; BPS/АПФ]

Польск.: Nieszczęście nigdy samo nie chodzi (‘Няшчасце ніколі па аднаму не ходзіць’) [EP 61]; Bieda nigdy sama jedna nie przychodzi (‘Бяда ніколі адна не прыходзіць’) [Wójcik 2001 224]

Руск.: Одна беда не ходит <: всегда другую водит> [БСРП 41]; Беда беду родит [БСРП 39]; Беда на беде едет, бедой погоняет [БСРП 39]; Беда едет, беду везёт, а третья погоняет [БСРП 39]

Слав.: Jedna bieda nechodí sama (‘Адна бяда не ідзе без другой’) [EP 62]; Nešťastie samo nechodí (‘Няшчасце адно не ходзіць’) [EP 62]

Укр.: Біда ніколи не ходить одна [EP 62]; Біда біду родить [ПП III]

Чэш.: Neštěstí nikdy nechodí samo (‘Няшчасце нідзе не ходзіць адно’) [РССП 18]

Благая тая птушка, што свайго гнязда не пільнуецца [ТСП 89; BPS/АПФ]

Польск. Zły/ Brzydki to ptak, co swe/ swoje gniazdo plugawi/ szpeci (‘Дрэнная / Гадкае тая птушка, што сваё гняздо робіць агідным / псуе’) [EP 467]

Руск. Худая та птица, которая гнездо свое (свое гнездо) марает [БСРП 730; EP 467]

Слав. Mrcha vták, čo do vlastneho hniezda nečistí (‘Ліхая птушка, у якой уласнае гняздо нячыстае’) [EP 467]

Укр. Погана птиця, що своє гніздо паскудить [EP 467]

Чэш. Každý pták zlý, který do svého hnízda trousí (‘Кожная птушка ліхая, якая ў сваё гняздо трусіць’) [EP 466]

Век жыві – век вучыся <а дурнем памрэш> [КС 48; СБП 82; ТСП 113; ЭСП 29] ***або*** **Век жыві, век вучыся [РССП 27+;** РМ/ПМ+**]** *або* **Век жывеш, век вучышся [РССП 27+;** РМ/ПМ+; BPS/АПФ] ***або*** **Што жывем, то вучымся** [РССП 284]

Польск.: Człowiek całe życie się uczy (‘Чалавек вучыцца ўсё сваё жыццё’) [РССП 28]; Człowiek całe życie się uczy [, a durniem (głupim) umiera] (‘Чалавек вучыцца ўсё жыццё [і дурнем (дурным) памірае]’) [SPRP 48; 50]

Руск.: Век живи – век учись [БСРП 108]; Век живи – век учись [, а дураком помрёшь] [БСРП 108]

Слав.: Človek sa musí do smrti učit'a ešte sa nedoučí (‘Чалавек павінен да смерці вучыцца і яшчэ не навучыцца’) [ЕР 184]; Človek sa do smrti uči (‘Чалавек да смерці вучыцца’) [РССП 28]

Укр.: Вік живи та дурнем умри [РССП 28]; Вік живи, вік учись [РССП 28; ЕР 184];

Чэш.: Věčně žíti, věčně se učiti (‘Вечна жыць, вечна вучыцца’) [ЕР 182]

“Беларуска-славянскі парэміялагічны слоўнік” дазволіць унікнуць шматлікіх недакладнасцей у вызначэнні нацыянальнага кампанента [12] парэміялагічнага фонду беларускай мовы [13], які вельмі частна неапраўдана перабольшваецца, што датычыцца найперш вызначэння ўласна беларускага паходжання прыказак, якія кваліфікуюцца як уласна беларускія на падставе ўжывання ў іх лексічных кампанентаў-рэалій, адлюстравання ў прататыпах прыказак гістарычных, геаграфічных, сацыяльных, культурных умоў жыцця беларускага народа, карэляцыі прыказкавага зместу з духоўным светам беларусаў, наяўнасці ў лексічна-фразеалагічным складзе прыказак кампанентаў, якія адсутнічаюць у іншамоўных прыказкавых адпаведніках і г. д. Найбольш яскрава такое перабольшванне нацыянальнага кампанента ў прыказкавым фондзе беларускай мовы праяўляецца пры этымалагічным аналізе прыказак [14].

Трэба заўважыць, што агульныя з іншымі мовамі прыказкі могуць набываць з цягам часу ў беларускай мове нацыянальна-культурна маркіраваныя кампаненты (рэаліі, лексіку ўласна моўнага паходжання), адлюстроўваць новыя фрагменты рэчаіснасці (спецыфічныя вобразы і паняцці, нацыянальныя прататыпы), унікальныя варыянты ўніверсальных прыказкавых мадэляў і, дзякуючы гэтаму, ужо ўспрымацца носьбітамі беларускай мовы як уласна беларускія [15]. Такі працэс можна кваліфікаваць як акультурацыя формы і зместу іншамоўнай адзінкі, калі яна набывае ў мове-рэцыпіенце нацыянальныя элементы формы і / або зместу. Так, прыказка *Язык Вільні дапытае* ўтрымлівае ў сваім лексічным складзе кампанент-рэалію *Вільня*, таму можа ўспрымацца як адзінка ўласна беларускага паходжання, утвораная на ўзор прыказкі руск. *Язык до Киева доведёт*. Аднак беларуская прыказка з’яўляецца запазычанай і набыла падчас асіміляцыі ў беларускай мове нацыянальна афарбаваны лексічны кампанент-рэалію *Вільня*, дзякуючы якому ўтварыўся нацыянальны варыянт інтэрнацыянальнай прыказкавай мадэлі “Язык дапаможа знайсці вялікі горад” (польск. *Język i do Krakowa (Rzymu) doprowadzi*, укр. *Язик до Києва доведе* і г. д.) [16].

“Беларуска-славянскі парэміялагічны слоўнік” можа быць выкарыстаны ў сферы адукацыі пры выкладанні беларускай мовы ў ВНУ і школе, у сацыяльнай сферы пры перакладзе літаратурных і публіцыстычных тэкстаў з беларускай мовы на суседнія сучасныя славянскія мовы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Иванов, Е. Е. Белорусская паремиология и афористика в общеевропейском контексте (актуальные проблемы изучения) / Е. Е. Иванов // Nationales und Internationales in der slawischen Phraseologie = Национальное и интернациональное в славянской фразеологии : XV Междунар. съезд славистов, г. Минск, Беларусь, 20–27 августа 2013 г. / Internationales Slawistenkomitee, Phraseologische Kommission ; Hrsg. H. Walter, V. M. Mokienko. – Greifswald : E. M. A.-Universität, 2013. – S. 111–116.

2. Петрушэўская, Ю. А. Універсальны, інтэрнацыянальны і нацыянальны кампаненты парэміялагічнага фонду сучаснай беларускай літаратурнай мовы (на матэрыяле публіцыстычных тэкстаў) / Ю. А. Петрушэўская // Філологічні студії : наук. вісник Криворізького держ. пед. ун-ту. – 2017. – Вип. 16. – С. 195–201.

3. Петрушевская, Ю. А. Интернациональные, заимствованные и исконно языковые единицы в составе паремиологического фонда современного белорусского языка / Ю. А. Петрушевская // Вестник Новгородского гос. ун-та. Серия “Филологические науки”. – 2014. – № 77. – С. 123–126.

4. Петрушэўская, Ю. А. Аб’ём і склад універсальных адзінак у парэміялагічным фондзе беларускай мовы / Ю. А. Петрушэўская // Філологічні студії : наук. вісник Криворізького держ. пед. ун-ту. – 2018. – Вип. 18. – С. 48–62.

5. Іваноў, Я. Я. Прынцыпы супастаўляльнага апісання афарыстычнай парэміялогіі беларускай і рускай моў / Я. Я. Іваноў // Studia sławistyczne. – 2003. – Т. 4. – S. 49–55.

6. Іваноў, Я. Я. Парэміялагічныя сістэмы беларускай і рускай моў: падабенствы і разыходжанні / Я. Я. Іваноў // Філалогічні студії : науковий вісник Криворізького держ. пед. ун-ту. – 2011. – Вип. 6. – Ч. 2. – С. 53–63.

7. Іваноў, Я. Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове : манаграфія / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. – 208 с.

8. Іваноў, Я. Я. Да праблемы вызначэння асноўнага парэміялагічнага фонду беларускай мовы / Я. Я. Іваноў // Веснік Беларускага дзярж. ун-та. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка – 2006. – № 3. – С. 103–109.

9. Петрушэўская, Ю. А. Паняцце парэміялагічнага фонду мовы і прынцыпы яго дыферэнцыяцыі (у сувязі з вызначэннем універсальнага і нацыянальнага кампанентаў у парэміялагічнай сістэме мовы) / Ю. А. Петрушэўская // Філалогічний часопис. – 2015. – Вип 1 (6). – С. 100–106.

10. Іваноў, Я. Я. Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік = Polsko-białoruski słownik paremiołogiczny / Я. Я. Іваноў, С. Ф. Іванова; прад. і ўступ. артыкул Я. Я. Іванова. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2007. – 192 с.

11. Иванов, Е. Е. Русско-белорусский паремиологический словарь / Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2007. – 242 с.

12. Іваноў, Я. Я. Нацыянальна-культурная семантыка беларускай мовы і праблема яе лінгвакраіназнаўчай рэпрэзентацыі (на матэрыяле моўнай афарыстыкі) / Я. Я. Іваноў // Сацыякультурная прастора мовы (сацыяльныя і культурныя аспекты вывучэння беларускай мовы) / С. Ф. Іванова, Я. Я. Іваноў, Н. Б. Мячкоўская. – Мінск : Веды, 1998. – С. 33–62.

13. Іваноў, Я. Я. Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы ў еўрапейскім моўным кантэксце (актуальнасць, метадалогія, перспектывы даследавання) / Я. Я. Іваноў // Славянская фразеология в синхронии и диахронии : сб. науч. ст. / редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – Вып. 3. – С. 46–49.

14. Петрушэўская, Ю. А. Вывучэнне нацыянальна-культурнага кампанента ў парэміялагічным фондзе беларускай мовы / Ю. А. Петрушэўская // Труды БГТУ. Серия 4, Принт- и медиатехнологии. – 2019. – № 1 (217). – С. 123–129.

15. Петрушэўская, Ю. А. Да праблемы вызначэння нацыянальнай адметнасці прыказкавага фонду беларускай мовы / Ю. А. Петрушэўская // Філалогічний часопис. – 2018. – Вип. 2 (12). – С. 70–75.

16. Петрушэўская, Ю. А. Нацыянальная адметнасць прыказкавага фонду беларускай мовы / Ю. А. Петрушэўская // Ученые записки УО «Витебский гос. ун-та имени П. М. Машерова». – 2018. – Т. 27. – С. 150–154.

The article discusses the principles of compiling the Belarusian-Slavic paremiological dictionary, which will describe about 950 Belarusian proverbs that are used in the modern Belarusian literary language, and more than 3,000 of their analogues in 5 Slavic languages – Polish, Russian, Slovak, Czech, Ukrainian.

Keywords: proverb, dictionary, Belarusian, Polish, Russian, Slovak, Czech, Ukrainian.

УДК 811.161.1’42’367.3:398.1

В. И. Ильминская

ПОСЛОВИЦА КАК ФРАЗЕОЛОГИЗМ СО СТРУКТУРОЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Пословицы занимают особое место в языке, однако среди исследователей нет четкого мнения относительно их языкового статуса. Автор данной статьи рассматривает выделяемые исследователями характеристики пословиц и предлагает отнести их к единицам фразеологии и считать их фразеологизмами со структурой предложения.

Ключевые слова: пословица, пословичный менталитет, фразеологизм, фразеологические выражения.

Пословицы – неотъемлемая часть культуры, менталитета и духа. Интерес к ним возник ещё давно, но сравнительно долгое время ими интересовались только фольклористы, поскольку пословицы не считались объектом лингвистики. Однако с развитием фразеологической теории на пословицы взглянули с другого ракурса, вот только фразеологи так и не пришли к единому мнению относительно правомерности отнесения пословиц к единицам фразеологии.

Пословицы обладают уникальным качеством – отражать всё, что касается народа, например, его быт, приоритеты, образ жизни, какие-то характерные черты. Они отличаются простой формой, точной рифмой и краткостью, что делает их отлично запоминаемыми и устойчивыми в речи, поэтому они и занимают особое место в языке, а исследование их языкового статуса является очень актуальным. Изучению пословиц посвящены исследования таких ученых, как А. Н. Афанасьев, А. А. Потебня, Ф. И. Буслаев, Г. Л. Пермяков, А. Дандис, В. В. Гвоздев, Ю. И. Левин, В. П. Жуков и др. Наряду с фольклористским, литературоведческим, а также собственно лингвистическим подходом к исследованию пословиц и поговорок в XX в. возник еще один – лингвокультурологический, который направлен на рассмотрение пословиц с лингвокультурологических позиций как стереотипов народного сознания для выявления национально-культурной специфики. Так, В. А. Маслова пишет: «Традиционно пословицы и поговорки изучались в фольклористике как жанровые тексты. Их изучение в лингвистике только начинается. Здесь должны изучаться лишь те половицы и поговорки, происхождение и функционирование которых неразрывно связано с историей конкретного народа или этноса, его культурой, бытом, моралью и т. д.» [1, с. 208].

Пословицы отражают все многообразие жизни народа и передают различные его взгляды: бытовые, религиозные, морально-этические, эстетические и др. Назначение пословиц — давать народную оценку объективных явлений действительности, выражая тем самым мировоззрение, а их тематика практически безгранична. Пословицы изучаются также позиций когнитивной лингвистики как отражение менталитета народа. Так, Е. С. Мезенцева пишет: «Пословичный менталитет – это не менталитет пословицы (как и языковой менталитет не менталитет языка), но отражённый в пословичном фонде менталитет народа, точнее, определённых социальных групп народа. Пословичный менталитет – это один из вариантов языкового менталитета, шире – один из вариантов народного менталитета» [2, с. 25].

Пословицы разных языков имеют как сходства, так и различия, поэтому становится возможен их сопоставительный анализ, а само сопоставление пословиц разных языков открывает отличные перспективы для межкультурных исследований ментальности разных этносов.

Однако до сих пор однозначно так и не определено содержание термина «пословица» ввиду того, что пословицы являются одним из самых трудноопределимых образований, а их самобытный характер не позволяет рассматривать их строго в рамках либо явления языка, либо явления речи и требует выделения для них дополнительных дифференциальных признаков. Очень часто ученые выделяют следующие характеристики пословиц: народность, лаконичность, остроумие, краткость, вездесущность, законченность [3, с. 8–9].

Тем не менее следует отметить, что данные признаки характеризуют одновременно либо пословицы и фразеологические единицы, либо пословицы и поговорки. Не следует забывать и о таких характеристиках, как выразительность, семантическая ёмкость, которые исключают однозначное определение пословиц. Наличие определённых релевантных характеристик, которые объединяют пословицы с такими смежными явлениями, как поговорки и фразеологические единицы, относящимися к различным ярусам языковой системы, является свидетельством не их идентичности, а синкретичной природы, поэтому выделение дифференциальных признаков требует своего рассмотрения на стыке фразеологии, фольклористики и паремиологии: «паремии занимают промежуточное положение между единицами языка и фольклора, точнее относятся и к языку, и к фольклору в одно и то же время» [4, с. 250]. По мнению А. В. Жукова и К. А. Жукова, «одной из актуальных задач современной фразео-

логии и паремиологии является… объективный поиск и нюансировка явлений переходного характера» [5, с. 57].

Многоаспектная природа пословиц требует их рассмотрения в аспекте синкретичности. Будучи единицами языка, они оформляются в законченное предложение, которое воспроизводится в типовых ситуациях и характеризуется знаковым выражением; являясь единицей речи, – представляют собой коммуникативно-прагматический омокомплекс, реализующий от одной до трех потенциально заложенных функций; а будучи единицей фольклора – имеют прочную устную традицию. Этот факт исключает возможность понимания пословиц как единиц, однопорядковых фразеологическим. Кроме того, их (пословиц) статус является спорным не только в аспекте смежных явлений, но и в дихотомии языка и речи, фольклора и лингвистики, поскольку пословицы тяготеют не только к лингвистике, но к и фольклору в силу своих самобытных жанровых и функциональных характеристик. Однако даже в системе фольклорных жанров их место также не определено. Это можно объяснить следующими факторами:

− «проблема размывания границ между жанрами, как и возможность неоднозначной интерпретации… вытекают из самой природы паремий и из специфики их бытования» [6, с. 8];

− жанры фольклора часто рассматриваются не в их взаимосвязи и взаимовлиянии, а в отрыве друг от друга.

В результате отсутствия учёта отношений взаимодетерминации «стало обнаруживаться все больше переходных, гибридных, полулитературных-полуфольклорных форм, которые противоречат четким теоретическим классификациям» [7, с. 26–27]. К их числу можно отнести и пословицы.

Межжанровые связи в фольклоре, взаимовлияние и переплетение характеристик различных единиц являются свидетельством их существования и функционирования в единой системе. Это доказывает правомерность определения статуса пословицы как синкретичного явления.

Тем не менее среди исследователей нет чёткого мнения о том, входят ли пословицы в состав фразеологизмов. Это связано с тем, что среди них нет единого мнения о том, что такое фразеологизм. Например, В. В. Виноградов считает, что «пословицы и поговорки имеют структуру предложения и не являются семантическими эквивалентами слов» [8, с. 243].

Н. М. Шанский выделил среди фразеологизмов группу фразеологических выражений и отнёс в их состав фразеологические обороты, которые устойчивы в своём составе и употреблении и «целиком состоят из слов со свободным номинативным значением и семантически членимы», а также используются как готовые речевые единицы с определённой семантикой и постоянным лексическим составом [9, с. 76]. И в их состав включают пословицы и поговорки.

И. И. Чернышёва считает, что фразеологические выражения – единицы, являющиеся по своей грамматической структуре предикативными сочетаниями слов и предложениями, и выделяет следующие разновидности по коммуникативной значимости:

− общеупотребительные пословицы в прямом значении:

Dicĕre non est facĕre (Сказать – ещё не значит сделать);

A bad beginning makes a bad ending (Плохому началу – плохой конец);

− пословицы и поговорки, употребляемые не в своём прямом значении:

Hic jacet lepus (Здесь лежит заяц / здесь собака зарыта);

That's where the shoe pinches (Здесь собака зарыта);

− устойчивые междометия и модальные выражения:

Oh, my God! (Боже мой!) [10].

И. И. Чернышёва выделяет также следующие свойства фразеологичности пословиц, а именно наличие у них:1) специфической разновидности семантического преобразования; 2) единой сочетаемости компонентного состава.

Иными словами, смысл пословиц выражается через переосмысление какого-то образа, заложенного в них [10].

Несмотря на то, что пословицы относят к фразеологическим выражениям, они всё-таки отличаются от фразеологизмов, и нам следует обратить внимание на ряд этих отличий:

1) пословица есть законченное предложение; в её основе лежит суждение, и её смысл может быть передан только предложением, а не одним словом или словосочетанием, как у фразеологизмов;

2) пословица может употребляться как в прямом, так и в переносном значении, а слова, из которых она состоит, имеют самостоятельное лексическое значение, в то время как фразеологизм этого лишён.

Несмотря на все различия между пословицами и фразеологизмами, есть полное право утверждать, что пословицы – фразеологизмы со структурой предложения [11], а некоторые фразеологизмы возникли на базе пословиц. Поэтому пословицы можно считать частью фразеологии, фразеологическими выражениями, фразеологизмами со структурой предложения.

Список использованных источников

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
2. Мезенцева, Е. С. Пословичный фонд языка как фрагмент языкового сознания этноса / Е. С. Мезенцева // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2005. – № 2 (84). – С. 23–26.
3. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка : уч. пос. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 3-е изд., стереотип. / А. В. Кунин. – Дубна : Феникс+, 2005. – 488 с.
4. Пермяков, Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда / Г. Л. Пермяков // Типологические исследования по фольклору : сборник статей памяти В. Я. Проппа. – М. : Наука, 1975. – С. 247–275.
5. Жуков, А. В. К вопросу о существенных свойствах и систематической классификации фразеологизмов / А. В. Жуков, К. А. Жуков // Вестник Новгородского государственного университета. – 2006. – № 36. – С. 55–58.
6. Жигарина, Е. Е. Современное бытование пословиц и полифункциональность текстов : автореф. дис. … канд. фил. Наук : 10.01.09 / Е. Е. Жигарина. – М., 2006. – 25 с.
7. Чистов, К. В. Специфика фольклора в аспекте теории информации / К. В. Чистов // Типологические исследования по фольклору : сборник статей памяти В. Я. Проппа. – М. : Наука, 1975. – С. 26–44.
8. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1977. – С. 140–161.
9. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка : учебное пособие для вузов / Н. М. Шанский. – М. : Высшая школа, 1985. – 160 с.
10. Чернышёва, И. И. Фразеология современного немецкого языка / И. И. Чернышёва. – М. : Высшая школа, 1970. – 199 с.
11. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 656 с.

Proverbs take a special place in languages, but there is no consensus among the researchers about their linguistic status. The author of this article considers the characteristics of proverbs which were selected by the researchers and suggests referring the proverbs to the phraseological units and considering them as the phraseologism with the sentence structure.

Keywords: proverb, proverbial mentality, phraseologism, phraseological expressions.

УДК 81.161.2’373(477.46)

Н. Д. Коваленко

ФРАЗЕОЛОГІЯ ПОДІЛЛЯ В ЛЕКСИКОГРАФІЧНИХ ПРАЦЯХ

В статье представлен обзор фразеологических словарей современной украинской диалектной речи. На примере материалов «Словарь подольских и смежных говоров» показано, что фразеологической системе украинских говоров присуще варьирование лексических компонентов, сохранение диалектных номинаций и грамматических черт говоров.

Ключевые слова: фразеологический словарь, говор, фразема, диалектная речь.

Розуміння цінності українського діалектного мовлення у дослідженні історії української мови, пошуки універсальних критеріїв добору матеріалу та його систематизації, принципів тлумачення зумовили підготовку діалектологами різних словників, цінність яких з часом лише зростатиме. Завдання зі збереження автентичного мовлення українців, зокрема фразеологізмів, що мають здатність кодувати мовно-культурний світ етносу, реалізовано в численних монографіях, дисертаційних роботах, статтях сучасних дослідників. Цінний матеріал з фразеології слугуватиме не тільки для дослідження живої української мови, а й для зіставлення її говорів, виокремлення їх визначальних рис, з'ясування етимології сталих виразів тощо.

Укладання фразеологічних словників окремих ареалів залишається актуальним завданням української діалектології, та й інших слов'янських, з огляду на лінгвальні та позалінгвальні чинники змінності територіального мовлення, а також на особливості власне фразем: стійкість та відтворюваність разом із непередбачуваністю в розвитку значень, великі можливості варіативності та синонімії, вербалізацією експресії та емоційності та ін.

На сьогодні українська діалектна фразеографія презентована окремо виданими фразеологічними словниками, що презентують усі три наріччя української мови, зокрема: північне наріччя – Аркушин Г. Сказав, як два зв'язав. Народні вислови та загадки із Західного Полісся і західної частини Волині (Люблін – Луцьк, 2003), Мацюк З. Із народу не викинеш: Діалектний словник фразеологізмів (Луцьк, 2006), Що сільце, то нове слівце (Луцьк, 2013), Доброльожа Г. Красне слово – як золотий ключ: Постійні народні порівняння в говірках Середнього Полісся та суміжних територій (Житомир, 2003), Фразеологічний словник говірок Житомирщини (Житомир, 2010); південно-східне наріччя – Ужченко Д. Словник жаргонних фразеологізмів Східної Слобожанщини. Матеріали (Луганськ, 2009); Ужченко В., Ужченко Д. Фразеологічний словник східнослобожанських і степових говірок Донбасу (Луганськ, 2013), Чабаненко В. Фразеологічний словник говірок Нижньої Наддніпрянщини (Запоріжжя, 2001); південно-західне наріччя – Фразеологізми та паремії Чернівеччини. Матеріали до словника / укладачі: Г. Кузь, Н. Руснак, М. Скаб, Л. Томусяк (Чернівці, 2017), Матіїв М. Словник стійких зворотів бойківських говірок (Київ – Сімферополь, 2014), Кірілкова Н. Матеріали до фразеологічного словника південноволинських говірок (Острог – Рівне, 2011), Кірілкова Н. Фразеологічний словник волинських говірок (Острог – Рівне, 2013), Коваленко Н. Слова з язика, як бджоли з вулика. Матеріали до словника народних порівнянь волинських і подільських говірок Хмельниччини (Кам'янець-Подільський, 2011), Фразеологічний словник подільських і суміжних говірок (Кам'янець-Подільський, 2019).

Кожна з названих праць має свої завдання та принципи, особливості добирання матеріалу, але загалом подані фразеосистеми окремих говорів підтверджують багатство народного мовлення, національну самобутність мислення і сприйняття навколишнього світу, дотепність і самокритичність.

Отже, вищезгадані словники мають різні принципи укладання, все ж цінний і достовірний матеріал засвідчує багатство української фразеології, просторову поширеність одиниць, варіації компонентів-діалектизмів.

Предметом наших досліджень є подільські говірки, що, як відомо, мають елементи старожитності та архаїчності, вирізняються особливими регіональними рисами, але через своє ареальне поширення виявляють досить розгалужені взаємовпливи з іншими південно-західними та південно-східними говорами, тому в підготовці регіонального фразеологічного словника ми використали експедиційні матеріали суміжних з подільським ареалів.

У словнику «Слова з язика, як бджоли з вулика» [1] ми подали тільки народні порівняння (з варіантами), що активно побутують у сучасних подільських та суміжних волинських говірках Хмельниччини, за записами 1995–2010 рр. Зясовано, що найуживанішими в усному мовленні є традиційні порівняння, у яких образними конкретизаторами є номінації явищ природи, тварин і рослин, побутові предмети, а кількісно переважають сполучникові порівняння, серед яких є порівняльні звороти (компоненти простого речення) та підрядні порівняльні речення.

Метою пропонованого «Фразеологічного словника подільських і суміжних говірок» [2] є фіксація всього розмаїття фраземного складу (загальноукраїнські та вузьколокальні) говірок з усіма наявними варіантами (фонетичними, морфологічними, лексичними), синонімічними рядами, полісемією. У праці подано близько 7500 фразем, зафіксованих у 516 населених пунктах Поділля, зокрема в селах східних районів Тернопільської області, південних районів Хмельницької області та Вінниччини, а також записи із територій суміжних говірок – західні райони Тернопільської області, північні Хмельницької, Чернівецька область.

Фразеологізми фіксувалися у безпосередньому спілкуванні з носіями говірок за спеціально складеною програмою, що передбачала відповіді на питання, пов'язані з діяльністю та поведінкою людини, з її фізичним життям, психічним станом, ставленням до навколишнього світу.

Реєстр словникових статей у словнику укладено за алфавітом буквених знаків заголовних слів – переважно іменникових компонентів фразем. Давні джерела з Поділля позначено спеціальною позначкою – *. Словникова стаття фразеологізму має таку будову: 1) реєстровий фразеологізм; 2) запис фразеологізму фонетичною транскрипцією; 3) тлумачення семантики; 4) у круглих дужках скорочена назва населеного пункту, де було зафіксовано фразему; 5) виявлені варіанти фразеологізму (фонетичні, морфологічні), подані через виділену скісну лінію.

У словникових статтях подано всі зафіксовані фонетичні чи морфологічні варіанти компонентів фразеологічних одиниць, що уможливлює дослідження сучасних визначальних рис говірок на багатьох лінгвістичних рівнях; запис фонетичною транскрипцією усіх варіантів слугуватиме надійною базою для подальших описових досліджень діалектного мовлення названих ареалів, наприклад:

стояти, як дуб *[сто|йати йак дуб]* 'стояти непорушно' (См, Мшн) **/** ***стуяти*** **~** *[сту|йати йак дуб]* (Січ);

душа в п'яти втікла *[ду|ша ў п|йати ўт'ік|ла]* 'злякатися' (Бл, Км) **/ ~** ***втикла*** *[ду|ша ў п|йати ўтик|ла]* (Осл);

душою чути *[ду|шойу |чути]* 'передчувати' (Рмнк, Коз, Кшл, МлШк, Авр, Кадк, Жовт) **/** ***душов*** **~** *[ду|шоў |чути]* (Бл) **/** ***душею*** **~** *[ду|шейу |чути]* (Мк).

Варіанти фразем (чи окремих лексем) подано через виділену скісну лінію. Явище полісемії спостерігаємо переважно в дистантних говірках, тому кожне окреме значення позначається цифрою через крапку, наприклад:

товкти воду в ступі *[тоўк|ти |воду ў с|туп'і]* 1. 'зволікати' (Дер, Ктг). 2. 'виконувати марну роботу' (Кос);

навести вроки **на кого** *[на|вести ў|роки]* 1. 'наврочити' (Зел, См, Дун, Мк, ПО, Внк, МК, Плп, Жовт, Дер, Мк, Мшн, МлШк, Йсп, Мжгр, Жбч) **/ ~** ***вроче*** *[на|вести ў|роче]* (Корм) **/ ~** ***врік*** *[на|вести ўр'ік]* (Нів). 2. 'налякати' (Кад);

змотати вудки *[змо|тати |вутки]* 1. 'втекти' (См). 2. 'піти' (Скл);

дати дуба *[|дати |дуба]* 1. 'померти' (у всіх н. п.). 2. 'дуже змерзнути' (ПХ).

Переконані, що для діахронних досліджень цінними у словнику є подані фразеологізми, що були записані на території Поділля у XIX ст. і вміщені на сторінках багатьох лексикографічних праць минулих століть, зокрема: у збірці Матвія Номиса «Прислів'я, приказки, і таке інше» [3] знаходимо вирази з Подільської губернії; у «Словарі української

мови» Б. Грінченка [4] – чимало фразем із вказівкою конкретної території, де їх було зафіксовано (Подольская губерния, Каменецкий уезд, Брацлавский уезд, Уманский уезд). Важливий фразеологічний матеріал виокремлено з праці К. Шейковського “Быт подолян” [5], видрукуваній 1859 р., а також з рукопису А. Свидницького “Відьми, чарівниці й упирі, чи то ж примхи і примхливі оповідання люду українського” [6], вперше надрукований 1958 р., де яскраво відбито живе народне мовлення. Серед народних висловів, записаних І. Франком у різних говірках і вміщених у праці “Галицько-руські народні приповідки”, знаходимо зафіксовані на території Західного Поділля, зокрема в Борщівському, Гусятинському, Чортківському та Кам’янецькому повітах.

Отже, актуальним вважаємо укладання фразеологічного словника на основі текстів усного діалектного мовлення, де найповніше розкривається природа фразеологізмів.

Список використаних джерел

1. Коваленко, Н. Д. Слова з язика, як бджоли з вулика. Матеріали до словника народних порівнянь подільських і волинських говірок Хмельниччини / Н. Д. Коваленко. – Кам’янець-Подільський, 2010. – 150 с.

2. Коваленко, Н. Д. Фразеологічний словник подільських і суміжних говірок / Н. Д. Коваленко. – Кам’янець-Подільський : ТОВ «Рута», 2019. – 412 с.

3.Приказки, прислів’я, і таке інше / уклав М. Номис. – Київ, 1993. – 768 с.

4. Грінченко, Б. Д. Словарь української мови / Б. Д. Грінченко. – Київ : Лексикон, 1996. –Т. 1–4.

5. Бытъ подолянъ издаваемый К. Шейковскимъ. – Киев, 1860. – Вып. 2. – Т. I.

6. Свидницький, А. П. Фольклорно-етнографічні нариси та статті // Роман. Оповідання. Нариси / А. П. Свидницький. – Київ : Наукова думка, 1985. – С. 406−512.

7. Галицько-руські народні приповідки / Зібрав, упорядкував і пояснив Іван Франко. – Львів, 1901–1910. – Т. 1–3.

The article gives an overview of phraseological dictionaries of modern Ukrainian dialect. On the example of the materials of “Phraseological Dictionary of Podillia and related dialects” it is shown that the phraseological system of Ukrainian dialects is characterized by variations of lexical components, preservation of dialect nominations and grammatical features of dialects.

Keywords: phraseological dictionary, dialect, phrase, dialect speech.

УДК 811.161.1’42:398.91

В. И. Коваль

ПАРЕМИЯ *МЫШИ КОТА ПОГРЕБАЮТ*: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

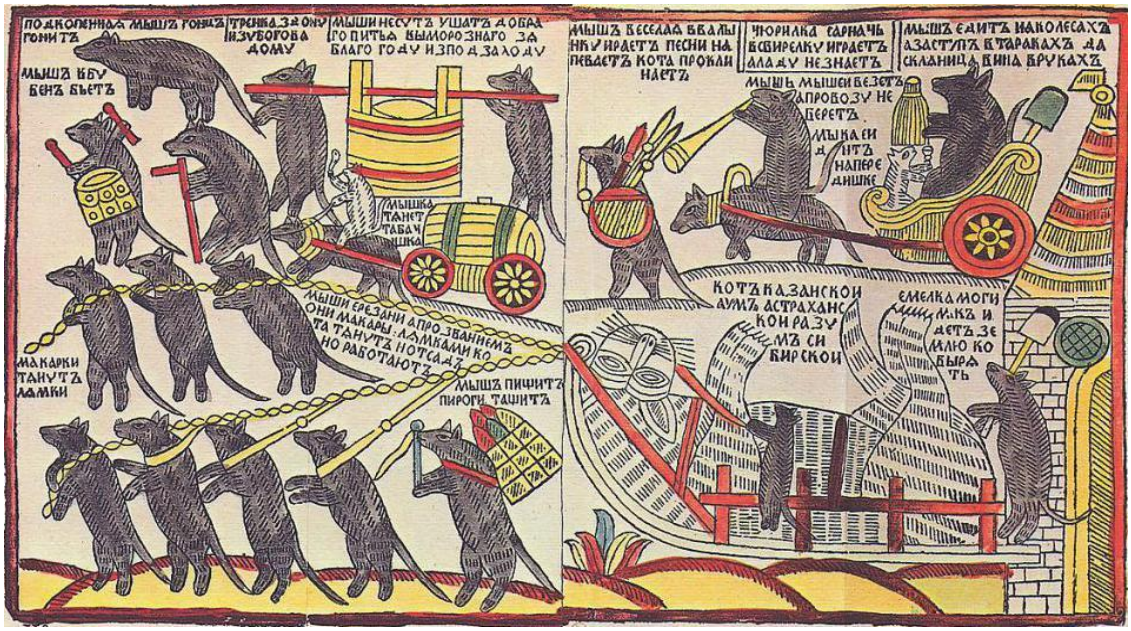
Происхождение паремии «Мыши кота погребают», имеющей значение ‘притворная печаль’, рассматривается с учетом символики одноименной лубочной картинки, опирающейся на общеевропейскую традицию и отражающей смеховую культуру России XVIII века. Приводятся примеры текстового воплощения ранее популярного фольклорного мотива.

Ключевые слова: лубочные картинки, кот, мыши, пародии, смеховая культура, функционирование паремии.

Лубочная картинка «Мыши кота хоронят (погребают)», возникновение которой относят к началу XVIII века, была весьма популярным предметом интерьера, о чем можно судить по следующему фрагменту повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (первое знакомство Гринева с домом Мироновых): *Я вошел в чистенькую комнатку, убранную по-старинному.*

В углу стоял шкаф с посудой; на стене висел диплом офицерский за стеклом и в рамке; около него красовались лубочные картинки, представляющие взятие Кистрина и Очакова, также выбор невесты и погребение кота. Аналогично (едва ли не «с оглядкой» на пушкинский текст) этот атрибут внутреннего убранства комнаты упоминается и в историческом романе И. М. Лажечникова «Ледяной дом»: *Чрез лабиринт коридоров вошли они в чистую комнату со сводами. Постель, напыщенная и вздутая, как толстая купчиха, с двумя пирамидами подушек, китайский фарфор в шкапе за стеклом, картина великого мастера в золотой раме, и рядом с нею лубочные эстампы с изображением, как мыши кота погребают*.

Современным исследователям известны четыре редакции гравюры, на которой кота, лежащего на спине со связанными лапами на санях (на телеге), везут хоронить мыши. Над котом в более поздних редакциях лубка имеется надпись: *Кот Казанский, а ум Астраханский, разум Сибирский*. Изображения мышей, число которых в разных вариантах картины колеблется от 21 до 66, сопровождаются забавными надписями, изобилующими разговорно-сниженной лексикой: *Знатныя подпольныя мыши крыночныя блудницы напоследок коту послужили на чухонския дроги, связав лапы, положили, хотят печаль утолить, а кота в говённой яме утопить*; *На дрогах сидит кучер из навозныя кучи; Искусная мышка из Немецкой лавки, взявши свирель в лапки, умильно играет, кота проклинает*; *Деревенская мышь Сарпа в свирелку играет, а ладу не знает*; *Мышь из Рязани в синем сарафане, идучи так горько плачет, а сама в присядку скачет*; *Мышь несет скляницу вина, а другая закуску полтора блина*; *Мышь заткнула за пояс тряпицу, а сама поигрывает в скрипицу*; *Мышь курбата несёт лопаты яму копати*; *Коломенска мышь гонком на санях везет рогожи коту на саван*; *Мышь пищит, пироги тащит*; *Мышь Цыганка несет покрыть кота циновку*; *Мышь Барабошка несет рогожку*; *Мышь с Арбата очень горбата, велит собрать тарелки и подносить горелки*; *Мышонок ушибено рыло несет жареной рыбы*; *Мышь палёна несет ядро калёно пиво разогревать*; *Мышь идёт невесела объелась киселя* и др. [1].



Приведенные сведения указывают на пародийно-шуточное содержание лубка: сопровождающие «похоронную процессию» мыши выражают скорбь лишь внешне и потому фальшиво; внутренне же они, естественно, торжествуют, участвуя в погребении своего извечного врага. Закономерно поэтому, что в словаре М. И. Михельсона «Ходячие и меткие слова» (СПб., 1896) устойчивое словосочетание *Мыши кота погребают* трактуется как ‘плач ханжи; притворная печаль’ [2, с. 218].

Очевидный карнавальный, сатирический характер лубочной картинки «Мыши кота погребают» изначально дал основание историкам русской культуры и художественным крити-

кам XIX века (И. М. Снегиреву, Д. А. Ровинскому, В. В. Стасову и др.) характеризовать ее как пародийное изображение похорон Петра Первого, как реакцию противников петровских реформ на преобразовательскую деятельность первого российского императора. Так, В. В. Стасов полагал, что гравюра представляет собой «обвинительный акт против Петра I, обвинительный акт его деяний государственных и исторических» и что нет «никакой возможности сомневаться в том, что настоящая картинка – политическая карикатура на Петра Великого» [3, с. 423].

Обосновывая свое несогласие с этой точкой зрения, М. А. Алексеева подчеркивает прежде всего древность и «интернациональный» характер мотива противостояния кота и мышей: «Тема «Кот и мыши» – одна из самых древних и распространенных в животном эпосе. Одна из ее трансформаций – «Война мышей и кошек» – известна в рисунках на египетском папирусе XIV в. до н. э., в византийской драме середины XII в., в европейском искусстве XII–XVIII вв.» [4, с. 65]. Важно при этом учитывать, что для петровской эпохи (как и для русской культуры XVIII века в целом) было характерно обращение к пародийности и шутовству: «Великий преобразователь России, поборник наук, просвещения и светского искусства в своих смеховых затеях во многом оставался на позициях средневековья. Приемы глумливой сатиры, кощунного веселья, шутовской пародии, получившие распространение в русской культуре XVII в., продолжают жить в петровское время. Рядом с ассамблеями на западноевропейский «манир» разыгрываются шутовские свадьбы, буйные процессии проносятся по улицам, ряженые и скоморохи вместе с царем разъезжают в санях, запряженных свиньями, козами, медведями, разыгрываются сцены, отзвуки которых предстают перед нами в картинках «Коза и медведь», «Фарное на свинье», «Баба-яга и крокодил» и других [4, с. 75]. Далее исследователь делает закономерный вывод о естественной, органичной связи рассматриваемого лубочного сюжета со смеховой культурой России того времени: «Среда, где родилась и жила смехотворная притча о погребении кота мышами, не имеет ничего общего ни с идеологией раскольников, ни с легендой о Петре-антихристе. Мир потешных картинок конца XVII – начала XVIII в. близок миру забавных пословиц и присловиц, миру баснословия и глумления, пародии и фарса. Характер их смеха, балагурного с оттенком непристойности, смеха-несоответствия отвечает внутренней природе русской смеховой культуры и русского народного искусства, надолго сохранившего философские и эстетические связи со средневековьем» [4, с. 79].

Выражение *Мыши кота погребают*, по данным портала «Уроки русского онлайн», употребляется также в значении ‘о картине дурной работы’ [5], что косвенно может указывать на негативное отношение дореволюционных российских властей и церкви к содержанию рассматриваемой лубочной картинки, в которой продолжали видеть скрытый намек на похороны Петра I. Сравн. при этом следующий контекст, в котором обыгрывается фразеологизм *игра в кошки-мышки*: *А мне иначе поступить нельзя, тут ведь не* ***игра в мышки и кошки****, – сказал я громко. К. оглянулся и злобно и иронически сказал: – Смотрите,* ***плохая игра мышам с большим котом****. – Не всегда: каковы ведь мыши, Артемий Матвеевич. А я так думаю, что недаром же на Руси существует* ***картина, как «мыши кота хоронят»****. –* ***Да, она запрещена законом****. – Только не общим Российской империи, а полицейскими мироедами из своих видов и выгод* [А. А. Черкасов. Кара (1883–1887)] (выделено нами. – В. К.).

В свое время В. А. Жуковский написал сказку «Как мыши кота хоронили», которая может служить текстовым воплощением рассматриваемой лубочной картины. Главный герой сказки – «хитрый котище Федот Мурлыка» – ловко обманул всех своих врагов во главе с Царицей Прасковьей и крысой Онуфрием Премудрым: притворившись мертвым (повешенным) и дождавшись, когда на его поминки соберутся все обитатели подполья, Мурлыка «оживает» и уничтожает множество мышей: «Вдруг наш покойник очнулся. Мы – бежать… Куда там! Пошла ужасная травля. Двадцать нас осталось на месте, а раненых втрое более было» [6].

Сказочный сюжет в изложении В. А. Жуковского (образ притворившегося мертвым кота) нашел неожиданное воплощение и переработку в российской политической сатире

начала XX века. Речь идет о рисунке, сделанном соратником и учеником В. И. Ленина П. Н. Лепешинским в 1903 году после публикации Мартовым – одним из лидеров меньшевиков – статьи «Вместо надгробного слова», в которой он давал негативную оценку работе Ленина «Шаг вперед, два шага назад». Карикатура сопровождается следующими комментариями самого автора: «На первой части рисунка изображен Ленин с туловищем кота, повисшего на собственной лапке. Вокруг рассыпаны радостно взволнованные мыши (с головами Мартова, Троцкого, Дана, Старовера, Аксельрода, Веры Засулич, Инны Смидович), а во главе их премудрая крыса Онуфрий – Плеханов, появившийся на торжество и сидящий в окне». Во второй части карикатуры – «Лежащий на полу “труп” кота. Вокруг него – оргия шумного ликования. Плеханов с Троцким, обхвативши друг друга лапками, откалывают канкан под игру Дана в дудку. Мартов с “Надгробным словом” расположился на брюхе у кота». В третьей – финальной – части наступает трагическая для грызунов развязка: «Но только успел Мартов последнее слово промолвить, как вдруг наш покойник очнулся. Мы брысь – врассыпную... Куда ты! Пошла тут ужасная травля. Тот бойкий мышонок, что с крысою старой откалывал вместе канкан, домой без хвоста воротился. Несчастная ж крыса Онуфрий свой хвост прищемил. Его ж закадычный приятель успел прошептать лишь “Я это предвидел” и тут же свой дух испустил» [7, с. 198–200].

Рисунок Г. Нарбута к сказке В.А. Жуковского

Карикатура П.Н. Лепешинского

Таково же содержание стихотворения О. Андреева «Как мыши кота хоронили»: состарившегося кота Ваську, который почти двадцать лет ловил мышей и крыс, хозяин выгнал из дому, и обиженный кот решает умереть в отместку за человеческую неблагодарность: *Наконец решил: «Помру!/Хоть и жалко самому./ Пусть увидят эти мыши, / Что скончался враг их рыжий./ Может быть, тогда смелей/ Станет жить им у людей./ Это будет людям месть./ Я помру той мести в честь!» И, придумав этот номер,/ Васька лёг и вправду помер.* Мыши решили похоронить кота, для чего его притащили в «гробовозе» на кладбище и приготовились сбросить в вырытую могилу, но в этот момент кот ожил и расправился с мышами и крысами: *Будто и не помирал,/ Васька встал… и начал бал!/ Мыши падают рядами,/ Крысы валятся снопами; / Точно демон, этот кот / Бьёт налево, вправо бьёт, / И в могилу эту саму / Всех скидав, наполнил яму!/ Так из плена нищеты / В мир достатка и мечты / Вырвался / Василий-кот / И доныне в нём живёт* [8].

Приведенный материал дает наглядное (хоть и неполное) представление о происхождении опирающейся на популярный сюжет и культурную традицию паремии *Мыши кота хоронят*, которая продолжает функционирование в текстах разного типа.

Список использованных источников

1. Как мыши кота хоронили [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://commons.wikimedia.org/wiki. − Дата доступа : 29.10.2019.

2. Михельсон, М. И. Ходячие и меткие слова. Второе пересмотренное и значительно пополненное издание / М. И. Михельсон. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1896. – 598 с.

3. Стасов, В. В. Лубочные картинки «Баба-яга» и «Мыши кота погребают» / В. В. Стасов // Известия Императорского Археологического общества. – СПб., 1861. – Т. 3. – Вып. 5. – С. 422–423.

4. Алексеева, М. А. Гравюра на дереве «Мыши кота на погост волокут» – памятник русского народного творчества конца XVII – начала XVIII в. / М. А. Алексеева // Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. − Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. – С. 45–79.

5. Уроки русского языка онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://urokirus.com/online/izuchenie/dal/21102-kos-kras.html. − Дата доступа : 05.11.2019.

6. Как мыши кота хоронили. Сочинение В. Жуковского. Рисунки Г. Нарбут [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.raruss.ru/childrens-books/3721-narbut-zhukovsky-cat-mouthes.html. − Дата доступа : 30.10.2019.

7. Лепешинский, П. Н. На повороте (от конца 80-х годов к 1905 г.). Попутные впечатления участника революционной борьбы / П. Н. Лепешинский. – Петербург : Государственное издательство, 1922. – 237 с.

8. Андреев, О. Как мыши кота хоронили: Стих / О. Андреев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://rustih.ru/oleg-andreev-kak-myshi-kota-xoronili. − Дата доступа : 07.11.2019.

The origin of paremia “Cat’s mice are buried”, meaning ‘mock sadness’, is considered taking into account the symbolism of the eponymous popular print based on the common European tradition and reflecting the laughing culture of Russia of the 18th century. Examples of the text embodiment of a previously popular folklore motif are given.

Keywords: popular prints, cat, mice, parodies, laughter culture, functioning of paremia.

УДК 811.161.1’42:398.91:821.161.1-32*Б. В. Шергин

Н. И. Комкова

ПАРЕМИИ В РОЛИ ЗАГЛАВИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ Б. В. ШЕРГИНА)

Статья посвящена изучению паремий, выступающих в качестве заголовков в рассказах Б. В. Шергина. Показано, как заголовки-паремии в прозе Б. В. Шергина позволяют доступным языком познакомить читательскую аудиторию с жизнью соотечественников-поморов, их бытом, морским промыслом как частью культурного наследия народов Севера.

Ключевые слова: язык поморов, паремиология, язык Б. В. Шергина, художественный текст.

Текст художественной литературы является памятником культуры: он запечатлевает писательский замысел, отражая социо-историко-культурный контекст (термин О. В. Ломакиной), представляя языковые личности героев.

Художественные произведения Б. В. Шергина отражают самобытную жизнь поморов, их быт, язык и культуру. Поморский язык – древнейший языковой носитель русского субэтноса, который отчасти лёг в основу современного русского языка. Поморский просторечный говор, несомненно, старше языка художественного текста. Беря за основу уникальность речи поморов, Б. В. Шергин описывал простой повседневный быт моряков, их жён и детей, рассказывал о народе, который знал и любил, являлся его частью. Вызывает интерес язык художественных произведений Б. В. Шергина, отличающийся самобытностью, включением эле-

ментов народной речи: диалектизмов, фразеологизмов, паремий – не только узуального, но и окказионального характера.

Цель данной статьи – проанализировать роль паремий в качестве заглавий рассказов Б. В. Шергина.

Заглавие, будучи одной из сильных позиций текста, «содержит в себе программу литературного произведения и ключ к его пониманию» [1, с. 138]. Изучению феноменологии паремиологического названия посвящены труды О. В. Ломакиной [2, с. 112–114], М. А. Фокиной [3, с. 378], Н. А. Николиной [4, с. 177] и др.

Привлечение пословиц в рассказы и, более того, вынесение их в заголовок помогало Б. В. Шергину уже заранее настраивать читателя на тематику повествования, очерчивать замысел произведения, происхождение героев, их характеры. Назовём рассказы, получившие названия благодаря русскому паремийному фонду: «Плотник думает топором»**;** «Собирай по ягодке – наберёшь кузовок», «Сказка скоро говорится, дело мешкотно творится», «Акуля, что шьёшь не оттуля?», «Длинная нитка – ленивая швея», «Одно дело делаешь – другое не порть», «Шей да пори – не будет пустой поры», «Коня в гости зовут не мёду пить, а воду возить».

Проанализируем роль паремий, функционирующих в качестве названия в рассказах Б. В. Шергина. Паспортизация паремиологических единиц приведена по лексикографическим источникам («Сборник пословиц русского народа, составленный В. Далем»; «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля).

В основу рассказа «Плотник думает топором» легли наблюдения Вани и его бабушки за мастером, который обновлял им крыльцо и ограду. Б. В. Шергин неслучайно сравнивает плотника с живописцем, ведь истинный мастер своего дела сопоставим с художником: *Неправильно говорят, что, например, живописец – это художник, а плотник, столяр – это простой рабочий*. Финал рассказа писатель венчает пословицей, вынесенной в заглавие, тем самым создаёт кольцевую композицию повествования, приближая его к народной, местами плавной, песенной манере, понятной каждому читателю: *Плотник, что задумал-то сделает топором. Отсюда и пословица:* ***«Плотник думает топором»*** (здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Шергин Б., Отцово знанье. Поморские были и сказанья. – М. : Институт русской цивилизации, 2014).

Сравн.: *Думает плотник с топором (да писака с пером)* – «См. ум – глупость; инструмент мастера в помощь осуществления его замысла» [5 , т. 1, с. 105].

Шергин видоизменяет свою пословицу. Он нивелирует инверсию, выбирая прямой порядок слов, убирает предлог *с*, тем самым имплицируя афоризм. Концептуальное содержание рассказа Б.В. Шергин передаёт при помощи однокоренных слов *плотник, плотно: «Теперь* ***плотник*** *посадил новые доски меж старыми. И так они* ***плотно*** *сели меж старыми, будто век тут сидели».* Автор создаёт образ мастера – истинного знатока своего дела. Помимо паремийного заглавия, сам рассказ изобилует паремиями, концептуально совпадающими с идеей рассказа: *Не гвозди держат, а добрая пригонка*; *Простая снасть – топор, но в умелых руках всякое дело родится красовито* [7, с. 561–562] и т. д. Примечательно создание авторской паремии по модели общеязыковой: *Живописец – что сдумает, то изобразит краской, кистью. Можно сказать, живописец думает кистью* [7, с. 562].

В рассказе «Собирай по ягодке – наберёшь кузовок» Б. В. Шергин вновь возвращается к своим героям Ване и его бабушке. Писатель из рассказа в рассказ выбирает для своего повествования одних и тех же героев, простых людей из народа, не просто случайных обывателей, а бабушку и её внука, тем самым ещё раз подчёркивая свой выбор адресата прозы – людей родного края, понятных писателю и любимых им. В этом рассказе появляется ещё один герой – Митя, художник. На примере работы героя над столешницей Б. В. Шергин объясняет читателю семантику пословицы, вынесенной в заглавие: кропотливая работа, собранная по крупицам, вырастает в настоящий благодатный труд, которым вправе гордиться каждый мастер. Рассказ содержит пословицы: *Глаза страшатся, руки делают; Комар носа не подточит*.

Рефреном повествования становится слово *красовито* в просторечной форме, его Б. В. Шергин использует и в рассмотренном выше рассказе «Плотник думает топором»: *«Простая снасть… но в умелых руках всякое дело родится* ***красовито*** [7, с. 562]; *«У твоей бабки есть звание «****мастер малярного дела****»… художники с ней советовались, какую* ***краску*** *на чём разводить, чтобы прочно было и* ***красовито****»* [7, с. 562].

Синонимичная семантика, создаваемая писателем при помощи слов *красовито, краска*, оттеняет общее концептуальное содержание двух рассказов – слово *мастер*.

Эта узнаваемость пословиц и просторечная неспешная манера рассказа делают его понятным каждому. Повторение однокоренных компонентов с чередующимися корнями *бир- – бер-* в заглавной пословице содержит своеобразный парцелляционный посыл, служащий для раскрытия семантического замысла: из малого, но прилежно и с душою сделанного рождается большое. В данном рассказе автор снова использует кольцевую композицию, создавая плавную, песенную манеру повествования.

Сравн.: *Собирай по ягодке – наберёшь кузовок* – «См. труд – прилежание; согласись на малое – получишь большее» [5, т. 3, с. 134].

Ирония пословицы, выбранной для заглавия, характерна для рассказа «Шей да пори – не будет пустой поры», посвященного нерадивым ученицам, красившим оконные простенки. Б. В. Шергин снова выбирает кольцевую композицию, завершая историю пословицей, вынесенной в заглавие. Омофоны *пори – поры* создают некое языковое эхо, усиливающее иронию происходящего:

На вас, дурочки, пословица исполнилась: ***«Шей да пори, не будет пустой поры»*** [7, с. 572].

Сравн.: *«Шей да пори, не будет глухой поры»* – «См. толк-бестолочь; время тратится, а ничего путного не выходит» [5, т.1 с. 345].

Заменяя прилагательное *глухой* адъективом *пустой*, Б. В. Шергин прибегает к субституции паремии, тем самым достигая комического эффекта.

Рассказ «Длинная нитка – ленивая швея» посвящён (единственный) не уже полюбившимся героям, а абстрактной бабе-молодке, которая ленилась шить. Рассказ состоит из двух частей: первая о небрежной манере шитья, вторая о солдате, который не понял, чем занимается рукодельница. На трансформированную пословицу, которая дана в заглавии *Я шью,* ***нитка длинная – рука далеко машется***, солдат отвечает паремией ***Ты нитку-то укорачивай и солдата с дороги не вворачивай*** [7, с. 570].

Сравн.: *Длинная (долгая) нитка – ленивая швея* – «См. работа – праздность; без прилежания дело не спорится» [5, т.1, с. 432].

Уже привычная нам в рассказах Б. В. Шергина кольцевая композиция здесь приобретает некий оксюморонный эффект, усиливающий иронию повествования, местами переходящую в едкий сарказм солдата над швеёй-неумехой. Отвлечённость автора от героев рассказа, отсутствие у них имён придаёт истории манеру притчи и аллегории.

Ал. Горелов считал данный рассказ «вольным осмыслением автором» английской сказки «Чёрный бык Норруэйский» [8, с. 485]. В первоисточнике девушка сидела в окне и махала рукой, ожидая свою судьбу, у Б. В. Шергина швея, сама того не желая, зазвала солдата, но не очаровала его, а разозлила попусту потраченным временем на лишнюю дорогу. Такая интерпретация известной сказки усиливает саркастический эффект рассказа.

Таким образом, нам представляется перспективным исследование роли поморского текста во фразеологии: произведения Б. В. Шергина пронизывает не только узуальная паремиология, но и окказиональная, появившаяся под влиянием топоса – Архангельского края. Б. В. Шергин использует паремии в заглавии своих рассказов для простой и ясной манеры повествования, понятной для выбранного им адресата – соотечественников-поморов и их детей. Излюбленная кольцевая композиция данных рассказов позволяет писателю легко объяснить семантику пословицы, выбранной им для заглавия того или иного повествования. Субституция и интерпретация текста усиливают иронию или сарказм повествования. Просторечные слова, встречающиеся в паремиях, делают рассказы еще более народными, лёгкими,

пропитанными чертами жизни и быта соотечественников Б. В. Шергина, которых писатель любил и понимал всей душой.

Список использованных источников

1. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. – М. : КомКнига, 2007. – 280 с.

2. Ломакина, О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль : монография; под ред. В. М. Мокиенко. – М. : РУДН, 2018. – 344 с. : ил.

3. Фокина, М. А. Фразеология в русской повествовательной прозе XIX-XX вв. : научная монография / М. А. Фокина. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. – 378 с.

4. Николина, Н. А. Филологический анализ текста : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. завед / Н. А. Николина. − М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.

5. Даль, В. И. Пословицы русского народа : сборник : в 3 т. / В. И. Даль. – М. : Русская книга, 1993. – Т. 1–3.

6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. – Т. 4. – 779 с.

7. Шергин, Б. Отцово знанье. Поморские были и сказанья. / Б. Шергин. – М. : Институт русской цивилизации, 2014. – 704 с.

8. Шергин, Б. Повести и рассказы / Б. Шергин. – М. : Лениздат, 1984. – 495 с.

The article is devoted to the problems of studying the Pomor language as one of the underexplored East Slavic languages on the example of prose of Boris Shergin. Paremiographic sources are named. A review of the works devoted to the study of the paremiological name of the phenomenology. It is shown how paremia headlines in Shergin`s prose allow accessible language to introduce the readership of the life of countrymen-pomors to their everyday life as a part of the cultural heritage of the people of the North.

Keywords: Pomor language, paremiology, language of Boris Shergin, literary text.

УДК 811.161. 3’373.2: 398.95

Г. І. Лапацін

ДЫЯЛЕКТНАЯ ПАРЭМІЯ Ў ЖАНРЫ АЎТАПАРТРЭТА НОСЬБІТА ТРАДЫЦЫІ

У артыкуле разглядаюцца ўстойлівыя выразы, якія разнабакова характарызуюць носьбіта традыйнай культуры як асобу. У аснове публікацыі запісы, зробленыя аўтарам ад жыхаркі п. Амяльное Веткаўскага раёна Гомельскай вобласці Варвары Аляксандраўны Грэцкай на працягу 2005–2019 гадоў.

Ключавыя словы: дыялектная парэмія, вобраз носьбіта дыялектнай традыцыі.

Дадзены артыкул з’яўляецца састаўнай часткай працы аўтара над стварэннем парэміялагічнай карціны жыцця пасёлка Амяльнога Веткаўскага раёна Гомельскай вобласці. Папярэднія публікацыі гэтага цыкла былі прысвечаны ўяўленням жыхароў гэтага населенага пункта пра сям’ю, харчаванне, мужчынскія рамёствы, гасцяванне, праклёны, жывёльны сусвет [1, с. 17–18]. На гэты раз аўтар звяртаецца да вобраза чалавека, які з’яўляецца носьбітам традыцыі.

Трэба пазначыць, што вобраз чалавека як цэнтра як фразеалагічнай, так і парэміялагічнай карціны свету ўжо даўно распрацоўваецца фразеолагамі і парэміёлагамі. У залежнасці ад пастаўленых перад сабой задач на матэрыялах самых розных моў мовазнаўцы альбо разбіралі вобраз чалавека на асобныя складнікі фізічнага аблічча, унутраныя станы, эмоцыі, учынкі і рысы характару, альбо з асобных канцэптаў, нібыта з

пазлаў, складалі суцэльны вобраз. Не засталася гэта тэма і па-за ўвагай беларускіх фразеолагаў і парэміёлагаў і мае дастакова вялікую бібліяграфію, якая ўключае ў сябе асобныя артыкулы, раздзелы манаграфій і адмысловыя манаграфіі.

Найбольш грунтоўна на дадзены час гэта тэма распрацавана ў манаграфіях Т. В. Валодзінай [2], В. А. Маславай [3], А. С. Дзядовай [4], В. А. Ляшчынскай [5], А. У. Нічыпорчык [6], у якіх аўтары грунтуюцца на працах культуролагаў, фальклярыстаў, спецыялістаў у галіне псіхалогіі, мовазнаўцаў, на матэрыялах слоўнікаў.

Адметнасць гэтай публікацыі ў тым, што ў якасці фактычнага матэрыяла выкарыстаны парэміялагічны рэпертуар адной асобы, якой з'яўляецца жыхарка п. Амяльное Веткаўскага раёна Гомельскай вобласці Варвара Аляксандраўна Грэцкая. Агульная колькасць устойлівых моўных адзінак, зафіксаваных ад яе, на момант падрыхтоўкі артыкула складае больш за 2500. Непасрэдна для арыткула былі адабраны ўстойлівыя адзінкі, праз каторыя адбываецца самахаратырыстыка носьбіта традыцыі. Зведзеныя разам, яны ствараюць своеасаблівы аўтарапартрэт.

1. Свае антрапаметрычныя дадзеныя яна вызначае ў вышэйшай ступені іранічна:

"*Я была худая-худая – **адны косці**. А Туся наша – такая во! Матка наша: "Туся – палядзіш: тры пузы! А цябе **верятном струхнуць**. Ета ўжо худая такая – **верятном струхнуць**. Кожа да косці…*"

*Я худая скрозь, дак баба будзя казаць: "Цябе, **як тую сініцу, хоць палож у пшаніцу**. Усё раўно будзіш такая". Сініца пшаніцы аб'ядаіцца, сколькі хоча. А ўсё раўно **сінічка малінькая – вароны не дасцігня**.*

*Усё наша матка на мяне казала: "А **цябе, сінічку, хоць пасадзі ў пшанічку**!. Дак ты чорт такі будзіш… Туся есць… Цябе хоць у масла пасадзі, **хоць сініцу пасадзі ў пшаніцу**, і ўсе адно ты худая…" **[Хоць у масла пасадзі**…] Кажаць: "Цябе хоць у масла пасадзі… У масла пасадзі ці намачы, усё адно не паправіцца, худая…" Масла ж жырная… Ты ж мяне на картачцы… Картачка сямейная… Туся сядзіць, яна і малая тоўстая была і Маша, а я… Матка ўсё казала: "Шкілеціна!. Косці… **Мошчы худыя**… Во ўжо **сінічку, хоць пасадзі ў пшанічку**, яна ўсё адно будзя*…" Так на худых казалі".

"*Туся была, **як дзярюга** а я **як кастыль тонкі**… Кастыль жа тонкі, нікалі ні паправіцца, ні патаўшчэя… Дак матка ўсё: "О-о-о!. Кастыль!. Сухарэбрая!." – усё казала на мяне… – Цябе **хоць у масла намачы**, ты ўсё адно такая будзіш…" А я і не хацела, думаю: "На чорта яно мне… Так лёганька…" І, сапраўды, гэта давала сваю своеасаблівую выгоду: "Я танцавала, як птушка тая – лёгінька".*

2. Свой розум яна вызначае палярна. Спачатку: *як '**сталінская галава**': "Сколькі я знаю!. Бабы будуць сядзець і гаварыць: "**Сталінская галава** ў цябе… Маткіна…" На матку нашу казалі: "Ох, **сталінская галава**…" І на бабу… Ета ты па прыряду пашла… Што знаяць багата…"* Падчас адной з апошніх нашых размоў яна вызначыла: "*Што ў памяці было, я ўсё выказала. А багата ішчэ ня ўздумала. Вот калі ўздумаю ноччы, а ўстала ўранні, забыла – ужо **курыны розум**… Ета, як хто забудзя: "Ой! Забыла". – "У цябе што, **курыны розум**, што ты забыла?" Куры ж, гаворяць, далёка зайдуць, тады ня знаюць, куды дамоў іціць".*

3. Варвара Грэцкая ганарыцца сваёй кемлівасцю: *"Чылавек доўжэн панімаць усё… **На ляту штоб схватываў** ён і танец, і песню. А еслі ён сядзіць, як асталоп.* <**На ляту, штоб схватываў**. Гэта пра што?> *Ну, во ты прагаварыў, і ты ўжо ўсё. Я калісь пабуду на сабраніі, хто што гаворя, я прыду раскажу бабі: "Баба, тое і тое." Бабі ж тожа інцярэсна. Яна: "Мая ўнучачка, ты мне ўжо ўсё даслоўна." Я: "Баб, што чула, ўсё табе расказала."*

Кемлівасць спалучаецца з уменнем знайсці выйсце ў любой самай праблемнай жыццёвай сітуацыі:

*"Баба сказала: Ты **ў вагне не згарыш і ў вадзе ня ўтоніш, а другі на сухом берязе прападзе**. Толькі дагледзь ты нас ужо, не кідай". Вот я нікуды ні паехала. А ўжо глядзела іх,*

пакуль баба памёрла. Матка памёрла, баба чэряз тры гады. <Куды вы хацелі ехаць?> *Тады вярбоўкі былі па гарадах пасля вайны. Я і шчыкатурыць умела…”*

4. Да людзей яна заўсёды ставілася з адкрытай душой: *“У мяне* ***адкрытая душа.*** *Я не магу, штоб чалавеку бряхаць. Я не магу чалавека выгнаць без дзела. Еслі ўжо пачне мне плетуханіць. А ў мяне душа адкрытая,* ***як у цэркві после Вялікадня Царскія врата****. Я вот із душы сваёй вазьму, скажу чалавеку ўсю праўду. А Царскія врата, ета, як пряпяюць “Хрыстос васкрэс”, раскрываюць Врата, і мужчыны могуць заходзіць, бабы, дак, не. Дзевачак маленькіх носяць, як родзяцца. І ўжо сямейнае:* “*Райка сказала, што вы* ***адкрытыя людзі****. Я не такая, што буду ў душу пляваць, а ў вочы буду яхіднічаць”.*

Яна добра разумее, што самае галоўнае ў стасунках паміж людзьмі – знайсці ***обшчы язык***, і саму сябе адносіць да людзей якія, умеюць *“****і пець, і варыць, і з людзямы гаварыць****”.* <Што за прыказка такая?> “*Ну, вот людзі такія ёсць… Ён лёгка гаворя, яго б слухаў дзень і ноч, і пагаворя, і спячэ, і зваря, ну на ўсё майсцер, а другі ні можа…”*

*“****Обшчы язык****… Прышоў чылавек, ты пагавары… Які вапрос ні ё, ці абіда, ці горя, ці дабро… Ты пагавары з чылавекам, як ета лучшы падсаветуй… А еслі ён будзя гаварыць на ўрэд, дак які ета чылавек…”*

Але ж калі тычыцца самага патаемнага, сітуацыя крышачку іншая: *“Калі хто прыдзя, я скажу: “Я нічога ня знаю”.* <Чаму так?> “*Я для цябе пяю****. Падышоў*** *ты мне* ***пад такт****”.* <***Пад такт*** – гэта як?> “*Па душэ”.*

5. Сціпласць і памяркоўнасць спалучаюцца ў ёй, калі гэтага патрабуя жыццёвая сітуацыя, з рашучасцю ісці да канца, са здольнацю да самаахвярнасці. З аднаго боку*:* “*Я к Тусі прыехала:* “***Цішэй вады, ніжэй травы***”. *Усё мне харашо. Я не сказала, што есць не даюць. Чаго я буду нахальна гаварыць*”. *А з іншага боку:* “*Еслі чуствую, што* ***на грунту стаю правільным****. Еслі я стаю, што мая праўда, я буду* ***да канца біцца****, што ета праўда. За бабу* ***на нож пайду****. Такая харошая баба, што я за бабу* ***на нож пайду****”.* “*Ніхай рэжаць мяне. Усё раўно,* ***на нож пайду*** *ці буду рэзаць каго-нібудзь. Вот абідзь бабу, я* ***пайду і на нож****…*”

6. Спагадлівасць да людзей спалучаецца ў яе з гатоўнасцю заўсёды прыйсці на дапамогу: “*Мяне звалі:* “*Ты,* ***як скорая помач****, усім стагі кідаіш…*” *Хто прыдзя:* “*Варячка мы будзім падаваць, – мушчыны, – хадзі…*” *Я стагі кладу, дак будзя красавіц стаяць, як бахоначка хлеба… Ні замякня, нішто…*”

7. Прамата ў меркаваннях і вызначэннях, уменне пастаяць за сябе спалучаецца з лёгкаўразлівасцю душы. З аднаго боку: “*Яна:* “*Ну, як мая работа?*” *А мой* ***язык не заржавея:*** “*Хероваяˮ.*” *Яна і гаворя:* “*Я ж усё (і прастыня мая, пакуль яна і вышыла)*”. *Я гаварю:* “*Палядзі на еты бок, у цябе даўжно быць роўна, што на еты бок – шык-блеск, і на еты бок. А ў цябе етага німа*”. А з іншага боку: “*Гаворяць:* “***Ня здзержыла душа паэта, а кінула ўсё ета****…*” *Думая:* “*Праваліцесь вы!*” *Бачыш, і ні то хочаць цябе выперці з работы, ні то хочаць цябе абідзіць, правы хочаць быць… Усяк бывая… Я ўсякай жызні бачыла, жыла… Я казала прыдсідаціл*ю*:* “*Вы ж прыдзіце ішчэ ка мне, а ціперя-ка гаворыця, што не нада… Ідзіця на воддых…*”

8. Самую высокую адзнаку яна дае сваёй спрактыкаванасці ў рамёствах і працах [7]: “*Вот я сама сябе не хвалю. Но я* ***і вышываць, і ткаць, і прясць і чорту падковы падкаваць*** *– я на ўсё гатова. Я, еслі што-небудзь я ня разбяру, я перапытаю, но штоб толькі я ў точнасці…*” *<…>* *Гаворяць:* “*Умелы доўжэн* ***і чорта падкаваць***”. *Ня чорта – блаху. Усё казаў дзед Майка:* “*Ой, атряха! – на мяне. – Ты, атряха, і* ***блаху падкуеш****!*” *А блаху ж не падкуеш…” Я магу крышу крыць і пад каласок, і пад грябёнку. І блаху падкаваць магу. Да блох німа. Усё прыказка была: “****Я і блаху падкую на хаду****”. <…> “Я счытаю, ета паганы чылавек, што не ўмея нічога дзелаць. Вот мужчыны. У нас мужчына сам рубашкі вышываў “хрястам”. А я ўмею і “клапам”, “хрястамі”, італьянскім швом, прастым швом, у кружыві вязаць, і на машыну. Я на Амяльном і юбкі, і плацці, і кохты шыла. У міне* ***рукі залатыя***”.

“*Я калісь дзелала свінарку… Гаварю:* “*Якую здзелаю, такую здзелаю…*” *Прышла: “Дзядзька Мелька, падкажы…” А ён:* “*Ай-я-яй!* ***Бог*** *табе* ***яец ні даў*** *толькі… Ну, ета – мужчынская работа…*” *А баба будзя казаць:* “*Работу Бог дае і жэнскаю і мужчынскаю…*” <“**Бог табе яец ня даў**…” Так да чаго гавораць?> “*Гаворя:* “***Бог табе яец ні даў****… Ты б плотнік харошы была…*” *Не радзілася мужчынам…*”

“*Вот гаворяць, як дзелаць:* “*Ета,* ***вочы сплюшціўшы,*** *здзелаю*”. *Я калісь апарат даільны. Мне ніхто дажэ* ***пальца не прыклаў****. Вот расклалі. Кум мой:* “*Чо-та ўсі просяць, а ты сама?” Я гаварю: “Я сама здзелаю. Я табе не даверяю*”. *І заспорылі. Я гаварю:* “*Я давай намацака разурю, раскладзіця, і я яго складу*”. *І яны ўзялі, расклалі. І вочы мне завязалі, і яго склала да каплі ўвесь. Вот і гаворяць: “Мне ета здзелаць,* ***вочы сплюшціўшы****…*”

<…> “*Бабы бываяць –* ***на ўсе рукі майсцер****. Я ўмею і вазы класць, і стагі класць.. Стог іздзелаю,* ***як цацку****…*”

І падыход да працы ў яе ў вышэйшай ступені адметны: “*<…> мы ідома, знаю, што я буду работаць душы прыслухаючы <* **Душы прыслухаючы**?*> Ну,* ***душы прыслухаючы****.. Пакуль сіла ё ў цябе.. Штоб з усёй сілай.. Ня то шта там лянісся…*”

Рукі ў Варвары Аляксандраўны не толькі залатыя, але яшчэ і шаўковыя: “*Казала баба:* “*У цябе* ***ручачкі шаўковыя****. Што ты ня здзелаіш. Бабу пачну расціраць*”**.** *У бабы нага… Яна пачне расціраць. Я гаварю:* “*Баба, давай я!*” *Я ж яе пачану паціхонічку. Расціру. Яна:* “*Ну, спасіба табе. Палегчыла*”.

9. За ўсё, што яна ведае і ўмее, яна вельмі ўдзячная сваім старэйшым сямейнікам: “*Бабачка мая і матка. Спасіба матцы, што радзіла, а баба ўзрасціла. І бацька мой любімы…*” [8]**.** *Усё баба наша казала Алёнка:* “*Варячка, ты і Маша* ***крошкі падабралі*** *мае*”. <**Крошкі падабралі**. Гэта як?> *Ну, крошкі падабралі. Ну, усё ўмела дзелаць, што баба… Я знаю, як і сена ўвязываць. Баба наша ўсё знала, і мне ўсё паказывала, кажа:* “*Ета* ***за плячамы не насіць****. Нада што б ты ўсё знала*”. *Прыходзіцца ў жызні ўсяк. Штоб усё ўмеў*”.

“На мяне казалі: “Цыганская галава… Жыдоўская галава… Сталінская галава… О-о-ох! Сталінская галава… Ета ***маткіна юха****…” Маткіна юха… А знаіш, юха? Маткіна юха — мол, удалася ў матку: і хітрая, мол, і ўсё запомня… Я еслі я запомню, сто раз паўтарю тоесамае, штоб не забыць”.* <Чаму юха? Што за слова?> *“Говоряць: пахожа ўся на матку… Во маткіна юха… І вот урэдны дзіцёнак бывая, дак будуць казаць: “Ета… Бацька ўрэдны Арцёмачка быў, такі быў і Сяргей у іх”. Дак бабы будуць казаць і мужчыны: “А вылітая бацькава юха… Выліты бацька!..” Там разбіць, там какосць пабіць, там косць абідзіць, абсквірніць… Так кажаць: “Ета бацькава юха…”*

10. Лёс, доля – адзінае, што прыводзіць яе ў смутак: “*Як толькі што-нібудзь, я гаварю:* “***Ляцеў певень чэряз рэку, ды запеў ку-ка-рэку***”. *І Парукаў****,*** *як прыдзя:* “*Ну што, Дзічыкава,* ***ляцеў певень чэряз рэку, ды запеў ку-ка-рэку****? Ці ня пеў?*” *Я гаварю:* “*Запеў*”.

На мой погляд, літаральна ў некалькіх сказах, яна ў вышэйшай ступені вобразна і дэталёва апісала сваё жыццё ў асяроддзі дзяцей і ўнукаў: “***Я на сабачай лініі жыву****”.* <Гэта як?> *Я пра сябе кажу:* “***На сабачай лініі жыву****…*” *Багата гаўкаю, а мне* ***такая чэсць, як сабаку ў карыці****…*” “*Усім хочу, штоб лучшы было, а мне як дадуць, як Козыры гаворяць, пад пах*”. *<…> “Нікому* ***перяк глоткі*** *ня стаяла. Нікому я, кажацца, уряда ня здзелала. А пад старасць н****а парахавую бочку пасадзілі****…*”

І дакладна аўтарская імправізацыя паводле фільма «Цыган»: “*Я адна,* ***як Будулай***”. *<Гэта як?>* “*Ну, адна… Ты ж кіно «Будулай» бачыў? Ён жа адзін… Сын вырас… Клава тая вырасціла… Ты бы сказала… Яна ж яўна бачыла, што ён не яе, дачка яе, а цыганёнак, ён жа відзіць, што цыганёнак…*” *І гэта пры наяўнасці і дзяцей і ўнукаў*”**.**

Такім чынам, насамрэч атрымаўся не аб'ектыўны вобраз сярэднестатыстычнага носьбіта традыцыі, а партрэт аднаго асобна ўзятага яе прадстаўніка – Варвары Аляксандраўны Грэцкай. За межамі публікацыі засталіся шматлікія парэміі, якімі яна характарызуе сваіх сямейнікаў, сяброўак, аднавяскоўцаў, але да яе яны не маюць ніякага дачынення. А гэта ўжо аб’ектыўная рэальнасць. Яе таксама, прычым, парэмічна вызначае

Варвара Грэцкая: “*Содзім мы сасняк калісь, сасоначкі ўсе роўныя… І сасняк вырастая, і зямля адзінакавая, пясок, ідзе сасна вырасце вон якая, і тоўстая, і… А рассадка ўся роўная… Адна вымахая вон якая, адна будзя не такая, будзя ніжэйшая, каряжлівая… **Бог лесу ні раўняя**, і людзей ні раўняя. І людзі разныя бываяць, бываяць вумныя, бываяць дурныя, бываяць злыя… Усякія ж людзі бываяць, і нізкія, і высокія, і хараціpам не адзінакавыя, і красой не адзінакавыя…”*

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Бібліяграфія гэтых публікацый прыводзіцца: Лапацін, Г. І. “К каждаму разгавору прыказка ё..” З вопыту вывучэння дыялектнай фразеалогіі : Матэрыялы да фразеалагічна-парэміялагічнага слоўніка асобы. Варвара Аляксандраўна Грэцкая. Запісы 2005–2012 гг. Частка 1. На правах рукапісу. / Генадзь Лапацін. – Гомель, 2017. – 113 с.

2. Валодзіна, Т. Цела чалавека: слова, міф, рытуал / Т. Валодзіна. – Мінск : Тэхналогія, 2009. – 431 с.

3. Маслова, В. А. Национальный характер сквозь призму языка : монография / В. А. Маслова : М-во образования РБ, УО «ВГУ им. П. М. Машерова», Каф. общ. и рус. языкознания. – Витебск : УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2011. – 76 с.

4. Дзядова, А. С. Чалавек у люстэрку беларускай фразеалогіі і парэміялогіі : манаграфія / А. С. Дзядова ; М-ва адукацыі РБ, Установа адукацыі «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава», Каф. беларус. мовазнаўства. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013.– 161 с.

5. Ляшчынская, В. А. Базавыя канцэпты фразеалагічнай карціны свету беларусаў / В. А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2015. – 224 с.

6. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях / Е. В. Ничипорчик ; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.

7. Больш падрабязна: Лапацін, Г. І. Тапорная работа: семантыка фразеалагізма ва ўспрыняцці майстра / Г. І. Лапацін // Славянские народы и их культуры: традиция и современность : сб. науч. статей / редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.] ; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2013. – С. 153–156.

8. Больш падрабязна: Лапацін, Г. І. Уяўленні пра беларускую сям’ю ў кантэксце дыялектнай парэміі / Г. І. Лапацін // Духовно-нравственные концепты русской словесности в современной языковой, культурной и образовательной практике Российско-Белорусско-Украинского пограничья / под. ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова. – Новозыбков : ООО «Новозыбковская типография», 2016. – С. 175–179.

The article deals with stable expression, versatile harakteryzuyuchyya tradyynay media culture as a person. by the author of the resident n. Amyalnoe Vetkovskiy area of Gomel region Varvara Alexandrovna Gretzkaya publication basis for 2005–2019 years.

Keywords: dialect proverbs, the image carrier tradytsyi dialect.

УДК 811.161.1’282.4’42:398.9

О. В. Ломакина

РУСИНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена состоянию изучения русинского языка – одного из малоизученных восточнославянских языков. Дана краткая характеристика русинского языка. Названы фразеографические и паремиографические источники. Приведён обзор работ, посвящённых изучению русинской фразеологии и паремиологии. Показано, как проводится описание фразеологической системы русинского языка, каковы перспективы исследования.

Ключевые слова: русинский язык, фразеология, паремиология, малые языки.

Изучение системы малых языков (микроязыков – А. Д. Дуличенко) представляет собой немалый интерес. Согласимся с мнением А. М. Эмировой, что формирование коммуникативной компетенции, выражающейся в овладении лексикой и фразеологией, способствует возрождению малых языков [1, с. 12].

2019 год был объявлен Международным годом языков коренных народов. Несмотря на всеобъемлющее описание малых языков, представленное, прежде всего, в энциклопедических изданиях, ряд языков требует пристального внимания славистов. Русинский язык, который начал формироваться как литературный ещё в XVII в., не является исключением. Академик Н. И. Толстой считал, что при наличии полной истории письменности и литературного языка на Подкарпатской Руси «мы бы увидели, что этот регион Славии был своего рода испытательным полигоном в деле создания оптимального варианта литературного языка» [2, с. 74].

Проблема определения статуса русинского языка, с одной стороны, осложняется региональным «разбросом» русин, с другой – непростой политической ситуацией, связанной с признанием этого народа и, как следствие, непризнанием их языка. После распада СССР интерес к русинскому языку вырос, изменились и дискурсивные практики (появление СМИ, произведений художественной литературы, лексикографических источников), тем самым русинский язык утверждался как литературный, поэтому возникла необходимость в описании языковой системы языка.

Развитию русинологии способствуют регулярно проводимые в Томском государственном университете конференции, посвящённые восточнославянским языкам, а также выпускаемые журналы «Русин» и «Русинские исследования», в которых публикуются статьи, посвящённые языковым особенностям русинского языка.

Описание фразеологической системы малых языков способствует их сохранению. Фразеологические штудии направлены не только на выявление своеобразия описываемого языка, но и на установление интернационального вне зависимости от генетического родства языков. До настоящего времени не описана фразеологическая система русинского языка, необходима лингвокультурологическая интерпретация русинской фразеологии и паремиологии на славянском фоне. Вместе с тем существуют фразеографические и паремиографические источники [3], примеры фразеоматериала содержит [4]. Монографических исследований, посвящённых описанию русинской фразеологии и паремиологии, пока не существует. Однако описаны некоторые фразеогруппы: соматизмы [5]; зоонимы [5]; русинская паремиология описана в лингвоаксиологическом ключе [7]; охарактеризована русинская фразеология теологического и демонологического круга [8], проанализированы русинские паремии, содержащие этнолингвомаркеры, которые запечатлевают национальное своеобразие, «культурную память» и могут не иметь прямых аналогов в другом языке [9], благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака [10].

Ценными источниками русинской фразеологии являются и 2 фразеологических словаря лемковских говоров и кандидатская диссертация Г.Ф. Ступиньской [11; 12; 13]. Полезным источником для сопоставления с русинским материалом станут и словари бойковских диалектов и их фразеологии [14; 15;16]. В перечисленных лексикографических источниках [3; 4; 5; 12; 13; 14; 15; 16] разделение фразеологии по разрядам не приводится.

Для описания фразеологической системы микроязыков в первую очередь исследуется этнокультурный компонент значения, который «можно обнаружить в содержании тех фразеологических единиц, внутренняя форма которых отражает национально-культурные реалии: природно-климатические условия, в которых сформировался народ – носитель языка, традиционные формы его жизнедеятельности и хозяйствования, исторические события, обычаи, суеверия, фольклорные образы, разного типа онимы (собственные имена), предметы повседневного быта – одежду, обувь, пищу, посуду, мебель, орудия труда, музыкальные инструменты и др.» [17, с. 17]. Несомненно, учёт этнолингвомаркёров важен при подробном опи-

сании фразеологической системы языка, в том числе малого. Таков опыт исследователей таких микроязыков, как крымскотатарский [18], удмуртский [19], кашубский [20], латгальский [21].

В. М. Мокиенко во многих своих публикациях [22; 23; 24; 25; 26; 27] рассматривает несколько способов описания фразеологии. Горизонтальный подход предполагает исследование максимально полного набора фразеологизмов, «нанизанных» на тот или иной стержневой соматический компонент, вертикальный – «предполагает детализированный диахронический и сопоставительный анализ одного фразеологизма со всеми его вариантами на диалектном и межъязыковом пространстве с целью реконструкции его внутренней формы» [5, с. 106]. Кроме того, анализ русинской фразеологии по диахронической семантике, т. е. по значению стержневых компонентов, следует сопроводить анализом по синхронной семантике, т. е. переносному значению фразеологизмов (например, описать семантические поля – диады «Труд – Лень», «Ум – Глупость» и др.). Планомерное и разностороннее описание фразеологии, предложенное В. М. Мокиенко, позволит представить фразеологическую систему русинского языка во всей полноте.

Интерес к русинскому языку как микроязыку Славии с каждым годом возрастает, что доказывают многочисленные исследования. Научный (а иногда и научно-популярный) анализ микроязыков способствует их сохранению и популяризации. Несмотря на очевидность гипотезы о специфике русинской фразеологии и паремиологии, проявляющейся преимущественно в форме единиц, а не в их содержании, подробное рассмотрение и описание фразеологической системы русинского языка докажет выдвинутый нами ранее [5; 7; 8; 10] тезис о межславянском взаимодействии в русинской языковой зоне.

Список использованных источников

1. Эмирова, А. М. Языковая компетенция крымских татар и проблемы возрождения крымскотатарского языка / А. М. Эмирова // Проблемы возрождения и развития школ с обучением на государственных языках Крыма : тезисы республиканской конференции. Симферополь, 21–22 января 1995 г. – Симферополь, 1995. – С. 12–13.

2. Толстой, Н. И. Литературный язык Подкарпатской Руси / Н. И. Толстой // Русин. – 2005. – № 1. – С. 73–75.

3. Поп, Д. Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари / Д. Поп. − Ужгород [б/и], 2011. – 241 с.

4. Керча, И. Русинско-русский словарь / И. Керча. – Ужгород : ПолиПринт, 2007. – Т. 1. – 608 с.; Т. 2. – 608 с.

5. Ломакина, О. В. Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Славянская микрофилология / под редакцией Александра Д. Дуличенко, Мотоки Номати. – Sapporo : Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, 2018. (Slavic Eurasian studies ; no. 34). – С. 103–128.

6. Копорова, К. Русиньско-росiйскы фразеологiчны еквiваленты iз звiрячiм компонентом / К. Копорова, М. Голубкова, А. Плїшкова // Русин. – 2016. – № 3 (45). – С. 68–89.

7. Ломакина, О. В. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Русин. – 2018. – № 4 (54). – С. 303–317.

8. Ломакина, О. В. Концептуальная дихотомия «Бог» – «дьявол» в русинской фразеологии и паремиологии (на славянском фоне) / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Вестник Томского государственного университета. – 2019.

9. Ломакина, О. В. Паремии в текстах Л.Н. Толстого: лингвокультурологический комментарий / О. В. Ломакина // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2010. – № 6. – С. 217–221.

10. Ломакина, О. В. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Русин. – 2016. – № 3. – С. 119–128.

11. Вархол, Н. Фразеологiчний словник лемкiвських говiрок Схiдної Словаччини / Н. Вархол, А. Івченко. С предисл. В. М. Мокиенко. – Bratislava-Prjašiv : Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1990. – 159 с.

12. Ступінська, Г. Ф. Фразеологічний словник лемківських говірок / Г. Ф. Ступінська, Я. В. Битківська. –Тернопіль, 2012. – 472 с.

13. Ступінська, Г. Ф. Фразеологія лемківського говору української мови : автореф. дис. … канд.філол. наук : 10.02.02. / Г. Ф. Ступінська ; Прикарпатський університет імені Василя Стефаника. – Івано-Франківськ, 2000. – 20 с.

14. Онишкевич, М. Й. Словник бойківських говірок / М. Й. Онишкевич. – К. : «Наукова думка», 1984. – Ч. 1. – 495 с.; Ч. 2. – 515 с.

15. Матвіїв, М. Д. Словник говрок центральної Бойкивщини / М. Д. Матвіїв. – Київ–Сімферополь : Ната, 2013. – 602 с.

16. Матвіїв, М. Д. Словник стійких зворотів бойківських говірок / М. Д. Матвіїв. – Київ–Сімферополь : Вид-во «Доля», 2014. – 176 с.

17. Эмирова, А. М. Крымскотатарская фразеология как зеркало этнокультуры / А. М. Эмирова // Современная филология: проблемы и перспективы : сборник материалов международной конференции, посвящённой 80-летию доктора филологических наук, профессора А. М. Эмировой / отв. ред. Н. С. Сейдаметова. – Симферополь : КРП Издательство «Крымучпедгиз», 2013 – С. 16–18.

18. Эмирова, А. М. Актуальные проблемы крымскотатарской филологии : монография / А. М. Эмирова. – Симферополь : ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. – 264 с.

19. Егоров, А. В. Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской) / А. В. Егоров.– Екатеринбург, 2011. – 200 с.

20. Ермола, В. И. Фразеологические единицы кашубского языка, связанные с народными обрядами и обычаями / В. И. Ермола // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – 2016. – № 4. – С. 127–133.

21. Бредис, М. А. Отражение морально-этических норм в паремиях о деньгах и богатстве (на материале русских, латышских, латгальских, литовских, немецких и английских пословиц) / М. А. Бредис // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы : Труды и материалы международной конференции. Т.1. – Казань : КФУ, 2016. – С. 68−74.

22. Мокиенко, В. М. Современная русская и славянская фразеология (синхрония и диахрония) / В. М. Мокиенко // Przegląd rusycystyczny. – 2008. – № 4 (124). – С. 9–26.

23. Мокиенко, В. М. Когнитивное в диахроническом и диахроническое в когнитивном // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. научн. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. (Белгород, 19-21 марта 2013 года) / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 8–14.

24. Мокиенко, В. М. О семантическом единстве синхронии и диахронии во фразеологии (*Водой не разольёшь)* / В. М. Мокиенко // Язык, сознание, коммуникация : сборник научных статей, посвящённых памяти В. Н. Телия / ред. кол. М. Л. Ковшова, В. В. Красных, А. И. Изотов, И. В. Зыкова. – М. : МАКС Пресс, 2013. – Вып. 46. – С. 74–82.

25. Мокиенко, В. М. Метод окружения и диахронический анализ фразеологии // Филологический сборник : материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения проф. М. Т. Тагиева ; ред. проф. Ф. Г. Гусейнов. – Баку : Издательско-полиграфический центр «БСУ», 2001. – С. 42–60.

26. Мокиенко, В. М. Концепт «Множество» в русских и чешских сравнениях (фрагмент идеографического словаря) / И. В. Кузнецова, В. М. Мокиенко // Вестник СПбГУ. – Сер. 9. – 2014. – Вып. 3. – С. 168–182.

27. Мокиенко, В. М. Ключевые концепты русских устойчивых сравнений (опыт идеографического словаря) / В. М. Мокиенко // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13−20 сентября 2015 г.) / ред. кол. : Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова и др. : в 15 т. – СПб. : МАПРЯЛ, 2015. – Т. 7. – С. 120– 126.

The article concerns the state of the study of the Rusin language which is one of the underexplored East Slavic languages. A brief description of the Rusin language is given. Phraseographic and paremiographic sources are named. A review of the works concerning study of Rusin phraseology and paremiology is done. It is shown how the description of the Rusin language is carried out, what are the prospects for the study.

Keywords: Rusin language, phraseology, paremiology, minor languages.

УДК 811.161.3’37:115.4:398.9

В. А. Ляшчынская

АБ АДНОЙ АДЗІНЦЫ ВЫМЯРЭННЯ ЧАСУ І ПРАСТОРЫ Ў ФРАЗЕАЛАГІЗМАХ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

У артыкуле праводзіцца лінгвакультуралагічны аналіз фразеалагічных адзінак беларускай літаратурнай мовы з кампанентам-лексемай “крок”, якая ў свабодным сваім выкарыстанні з’яўляецца найменнем сімвалаў у беларускай карціне свету, што і стала асновай яе адбору для ўтварэння фразеалагічных адзінак. А ўведзены ў склад фразеалагізмаў як найменне сімвала кампанент-лексема надзяляе культурнай семантыкай гэтыя другасныя адзінкі мовы, утвораныя на вобразнай аснове і ў выніку пераасэнсавання выразаў з гэтым словам.

Ключавыя словы: фразеалагізм, прастора, час, беларуская мова, крок, кампанент, вобраз, сімвал, эталон, стэрэатып.

У лінгвістыцы апошніх дзесяцігоддзяў адным з асноўных накірункаў даследавання становіцца кагнітыўны, для якога характэрна разуменне мовы як кагнітыўнага механізму, як сістэмы знакаў, у якой знаходзяць адлюстраванне кагнітыўныя структуры свядомасці і мыслення чалавека, ментальныя працэсы, звязаныя з атрыманнем, перапрацоўкай, захаваннем, выкарыстаннем і выражэннем інфармацыі. Асаблівую цікавасць у гэтым аспекце маюць фразеалагічныя адзінкі (ФА) кожнай мовы, якія з’яўляюцца не толькі адзінкамі мовы, але і культуры, якія фіксуюць і захоўваюць веды, суадносныя з прадметнай галіной культуры, і якія дазваляюць выявіць тыя ўнутрымоўныя сродкі і спосабы, якія, як адзначае В. М. Тэлія, «надаюць фразеалагізмам здольнасць да культурнай рэферэнцыі і тым самым – да адлюстравання ў іх знакавай форме рыс культуры, характэрных для той ці іншай моўнай супольнасці» [1, с. 13].

Фразеалагічныя адзінкі кожнай мовы з‘яўляюцца адным з важных сродкаў рэканструкцыі моўнай карціны свету, пры гэтым выяўляючы істотнае адрозненне ад сродкаў выражэння навуковай карціны свету, пра што слушна адзначае Ю. Д. Апрэсян, які піша: «Вобраз свету, зафіксаваны ў мове, у многіх істотных дэталях адрозніваецца ад навуковай карціны свету» [2, с. 5].

Мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца вызначэнне канцэптуалізацыі прасторы і часу як дзвюх універсальных катэгорый светаўспрымання чалавека на матэрыяле ФА як другасных адзінак мовы, якія, з аднаго боку, выступаюць сродкамі адлюстравання ўяўленняў чалавека пра прастору і час, з другога боку, выступаюць сродкамі апісання прасторы і часу. У межах артыкула фактычным матэрыялам выступаюць ФА, выяўленыя з адной найбольш поўна прадстаўленай крыніцы фразеалагізмаў беларускай літаратурнай мовы [3] і аб’яднаныя агульным кампанентам *крок* як адной з лексем, што надзелена ў моўнай свядомасці беларусаў дадатковым да намінатыўнага сімвальным значэннем, на аснове чаго і абрана для перадачы і вобразнага прадстаўлення ўяўленняў чалавека аб прасторы і часе адносна гэтых паняццяў у наіўнай карціне свету беларусаў.

Лексема *крок,* паводле лексікаграфічнай крыніцы, у сучаснай беларускай мове шматзначная: 1) ‘адзін рух нагой уперад, назад або ўбок, а таксама рух адной нагой уперад пры хадзьбе, бегу’ // *толькі мн.* ‘гукі, якія ўтвараюцца пры такіх рухах’; 2) *толькі адз.* ‘тэмп руху пры хадзьбе (звычайна ў спалучэннях: “паскорыць крок”, “суцішыць крок”, “спыніць крок” і пад.)’ // ‘пэўны від хадзьбы, руху’; 3) *перан.*; *з азначэннем.* ‘дзеянне, учынак’; 4) перан. ‘этап у развіцці чаго-н.’; 5) ‘адлегласць паміж ступнямі ног пры хадзьбе як мера даўжыні’ [4, с. 726−737].

Адносна этымалогіі лексемы *крок* можна меркаваць паводле дзвюх версій. Паводле першай, лексему *крок* можна лічыць запазычанай у беларускую мову з польскай мовы па аналогіі з адпаведнай ва ўкраінскай; паводле другой версіі, нельга адмовіць ёй і як уласнай адзінкі мовы, паколькі яна можа быць зведзена да аднаго з двух праславянскіх варыянтаў таго ж самага кораня: «псл. *krokъ* (пор. ч. слц. *krok* "крок, хада", блг. *скрок*, схв. *krȏk*» або псл. **korkъ* (пор. р. укр. бр. *окорок* "шинка" , блг. *крак* "нага", слн. *krak* "стегно"» [5, с. 13].

Як відаць, *крок* як слова і як кампанент ФА само па сабе даносіць інфармацыю ці тыя фонавыя веды пра эталанізацыю крока як меры найперш мінімальнай адлегласці, якая да таго ж працякае ў часе, уяўлення пра прастору, што асвойваецца чалавекам.

Аналіз ФА з кампанентам *крок* дазваляе з выбранай агульнай колькасці (усяго 15 ФА) умоўна выдзеліць некалькі фразеасемантычных груп на аснове семантыкі ФА, іх вобразаў, эталанізацыі і стэрэатыпізацыі кроку ў створаных вобразах. І першую групу складаюць ФА са значэннем адлегласці, дакладней, мінімальнага яе вымярэння: *адзін крок* ад чаго да чаго – 'не так далёка, вельмі блізка' (Л-2008-1: 600); *за два крокі* ад каго, ад чаго – 'зусім блізка, амаль побач' (Л-2008-1: 601); *ні на крок* – 1) 'нават на самую малую адлегласць (не адступаць, не адыходзіць і пад. ад каго-, чаго-н.'; 2) 'зусім, ніколькі (не адступаць ад чаго-н., не набліжацца да чаго-н.' (Л-2008-1: 600) і *ні кроку* – 1) 'не рухацца ў якім-н. напрамку'; 2) 'быць у тым самым становішчы, не рухаючыся' (Л-2008-1: 602).

У аснову вобразаў ФА абрана антропная метафара, ці тая, што ўвогуле апісвае чалавека або яго дзейнасць, якая звязана, як у нашым выпадку, з асваеннем акаляючай прасторы і прыпадабняецца да кроку як здольнасці чалавека вымяраць адлегласць ці прадстаўляць яе. Кампанент *крок* як сродак суаднесенасці ўсіх ФА з гэтым кампанентам з цялесным кодам культуры перадае замацаваную стэрэатыпнасць уяўленняў чалавека аб уласцівасці прасторавага вымярэння крокам і ў вобразах ФА выступае эталонам найменшай адлегласці.

Спалучэнне з лічэбнікавым кампанентам *адзін* ці *два* (*адзін крок; за два крокі*), паводле якіх ФА суадносяцца з лічбавым, ці колькасным, кодам культуры, дазваляе наглядна перадаць уяўленне чалавека пра мінімальную меру адлегласці і прыблізнасць яе вымярэння паміж кім-ці чым-небудзь пры адначасовым лічбавым вымярэнні.

Што датычыць ФА *ні на крок*, то тут скарыстана антропная метафара, у якой валявая акцыя чалавека – здольнасць ажыццяўляць той ці іншы ўчынак, тую ці іншую дзейнасць, ісці да мэты – прыпадабняецца кроку як эталону ці меры мінімальнай адлегласці або перамяшчэння чалавека ў прасторы. Дадатковыя кампаненты *ні на* ствараюць новы вобраз, і ФА ў выніку выконвае ролю эталона мінімальных дзейнасна-валявых намаганняў чалавека. А ФА *ні кроку* выконвае ролю эталона адсутнасці намаганняў чалавека ці нават мінімальнай адлегласці яго фізічнага перамяшчэння ў прасторы.

Да папярэдніх далучаецца другая група ФА з кампанентам *крок*, але ў іх перавагу над прасторавым мае часавы паказчык дзейнасці чалавека ў семантыцы ФА: *крок за крокам* – 1) 'паступова, няўхільна'; 2) 'паслядоўна, адно за другім' (Л-2008-1: 600); *сямімільнымі крокамі* ісці, рухацца, набліжацца і пад. – 'вельмі хутка. Пра развіццё чаго-н.' (Л-2008-1: 601); *з першых крокаў / з першага кроку* – 'з самага пачатку якіх-н. дзеянняў, якой-н. дзейнасці' (Л-2008-1: 601); *першыя крокі / першы крок* – 'самы пачатак якіх-н. дзеянняў, якой-н. дзейнасці' (Л-2008-1: 600).

У аснове вобразаў гэтых ФА ляжыць метафара, паводле якой здольнасць суб'екта ажыццяўляць тую ці іншую работу, выконваць тое ці іншае разумовае ці фізічнае дзеянне, прыпадабняецца кроку ці крокам як здольнасці чалавека перамяшчацца ў прасторы ў адным кірунку і часавым вымярэнні, ці часавы паказчык прыпадабняецца да здольнасці чалавека перамяшчацца ў прасторы праз ажыццяўленне руху крокамі. І калі ФА *крок за крокам* наглядна перадае ўяўленне пра дзеянне, якое выконваецца для дасягнення пастаўленай чалавекам мэты паслядоўна, няўхільна ідучы паводле ўстаноўленых правіл, на аснове стэрэатыпнага ўяўлення праз прасторавае і часавае вымярэнне крокаў, якія пры хадзьбе чалавека змяняюць, ідуць адзін за другім, то ў ФА *з першых крокаў / з першага кроку*, *першыя крокі / першы крок* акцэнтуецца ўвага на важнасці патрабавання да дакладнага і няўхільнага

пачатку дзеяння ці дзейнасці чалавека, якая прыпадабняецца да першага кроку чалавека пры хадзьбе.

А вось у аснову вобраза ФА *сямімільнымі крокамі,* дзякуючы далучэнню да лексемы *крок* азначальнага кампанента, што скіроўвае нас да вуснай народнай творчасці і ўзгадвае пра былую меру даўжыні (*міля* – ‘дарожная мера даўжыні’, *марская міля* – ‘умоўная мера даўжыні, роўная 1852 метрам’ [6, с. 156]), пакладзена метафара, паводле якой тэмп развіцця чаго-небудзь прыпадабняецца да перамяшчэння чалавека-скарахода, ці руху сямімільнымі крокамі. Крок у вобразе ФА выконвае ролю эталона самага кароткага інтэрвала часу ці кароткага этапа дзейнасці або выканання дзеяння, а вобраз ФА на аснове прыёму гіпербалізацыі, ці казачнага ўяўлення пра сямімільны крок, які працякае ў часавым вымярэнні, перадае стэрэатыпнае ўяўленне пра хуткасць развіцця, змен чаго-небудзь ці ў чым-небудзь.

Трэцюю групу ФА з кампанентам *крок* складаюць ФА *<і> кроку ступіць* не можа, не сумее, нельга і пад. – ‘самастойна, свабодна, бескантрольна дзейнічаць без каго-н.’ (Л-2008-1: 469); *не даваць кроку ступіць* каму – ‘усяк скоўваць, абмяжоўваць чые-н. дзеянні, дзейнасць’ (Л-2008-1: 355); *не ступіць кроку* – 1) без каго, без чаго ‘не магчы бескантрольна, самастойна, свабодна зрабіць што-н.’; 2) без чаго ‘не магчы абысціся без чаго-н., каб зрабіць што-н.’ (Л-2008-2: 469), дзе асноўная ўвага скіравана на міжасобасныя адносіны людзей адносна дзеяння ці дзейнасці чалавека і дзе кампанент *крок* выконвае ролю эталона, меры мінімальных дзейнасна-валявых намаганняў чалавека.

У прыватнасці, вобразы ФА *<і> кроку ступіць* не можа, не сумее, нельга і пад. і *не ступіць кроку* даводзяць пра негатыўныя адносіны да таго, хто самастойна не можа дзейнічаць, ажыццяўляць сваю дзейнасць ці не хоча дапамагчы каму-небудзь, не ідзе на дапамогу каму-небудзь у чым-небудзь. У аснове вобразаў ФА ляжыць метафара, паводле якой здольнасць выканаць тую ці іншую работу, ажыццявіць той ці іншы ўчынак з пэўнай мэтай прыпадабняецца кроку як меры мінімальнай адлегласці, што суадносіцца з мерай намаганняў. Такое прыпадабненне выклікае асацыятыўную сувязь з уяўленнем пра маленькае дзіця, якое не здольна хадзіць самастойна ці не хоча, баіцца быць самастойным. Выкарыстанне дзеяслоўнага кампанента *ступіць*, праз які ФА суадносіцца з працэсуальным кодам культуры беларусаў, указвае на праяўленне дзейнасці, але ў спалучэнні з адмоўнай часціцай *не* і суправаджальных слоў *можа, сумее, нельга* і інш., без якіх ФА не ўжываецца, стварае вобраз, які выяўляе нежаданне асобы прыкласці малейшыя намаганні ці няўменне ўвогуле самастойна дзейнічаць для дасягнення чаго-небудзь. І як вынік, ФА перадаюць стэрэатыпнае ўяўленне пра нежаданне ці няўменне працаваць, рабіць што-небудзь для дасягнення мэты ці дапамагаць другому.

А вось вобраз ФА *не даваць кроку ступіць каму* таксама выразна даносіць негатыўную ацэнку, але ўжо не да таго, хто не хоча выконваць што-небудзь, а да таго, хто перашкаджае, мяшае, забараняе каму-небудзь выконваць дзеянне, рабіць ці ажыццяўляць што-небудзь, што супярэчыць правілу аб ўзаемаадносінах людзей, недатыкальнасці адной асобы да другой. У вобразе ФА адлюстравана старажытнае ўяўленне пра крок як сімвалічнае вымярэнне адлегласці ў прасторы, акультуранага асваення часу і здольнасці чалавека асвойваць прастору і ажыццяўляць пэўную дзейнсць. І тут скарыстана спалучэнне дзеяслоўнага кампанента *даваць* з часціцай *не* як кампанентаў ФА, які стварае новы вобраз і які даводзіць, што адна асоба ці некалькі не даюць магчымасці каму-небудзь ажыццяўляць што-небудзь, рабіць самастойна ці наогул перашкадаюць, мяшаюць такой дзейнасці. Такім вобразам ФА перадае стэрэатыпнае ўяўленне пра стварэнне перашкоды каму-небудзь у ажыццяўленні сваёй мэты.

Асобна выдзяляюцца прыслоўныя ФА з кампанентам *крок*, што вызначаюць узаемасувязь семантыкі ФА з уяўленнем чалавека пра пэўнае месца ці пра штосьці вядомае, пастаяннае як вынік асваення прасторы дзякуючы перамяшчэнню: *што ні крок* – ‘у розных мясцінах, усюды і пастаянна’ (Л-2008-1: 601); *на кожным кроку* – ‘усюды і пастаянна’ (Л-2008-1: 602).

І ўрэшце, заключае дыферэнцыяцыю ФА з кампанентам *крок* субстантыўная ФА *крок наперад* – ‘дасягненне, прагрэс у якой-н. справе’. У аснове вобраза ФА ляжыць антропная метафара, у якой дасягненне, прагрэс у чым-небудзь прыпадабняецца кроку як меры руху,

перамяшчэння чалавека ў прасторы і часе. Асаблівую ролю выконвае прыслоўны кампанент *уперад*, што поўнасцю не страчвае свайго значэння (*уперад* – ‘у напрамку перад сабой; у напрамку руху’; ‘далей, няспынна развіваючыся’ [4, с. 284], а разам у якасці другаснай адзінкі мовы ФА наглядна і вобразна перадае стэрэатыпнае ўяўленне пра такое абстрактнае паняцце, як дасягненне, прагрэс у дзейнасці чалавека.

Такім чынам, лінгвакультуралагічны аналіз фразеалагічных адзінак толькі з кампанентам *крок* з іх трапеічнай прыродай унутранай формы, ці іх вобразамі, якія становяцца праваднікамі культуры, дазваляе высвечваць культурную канатацыю фразеалагізмаў, выбар слова-кампанента пры ўтварэнні фразеалагізмаў і перадачы ўстойлівага, рэгулярнага каштоўнаснага зместу, суаднесенасць іх кампанентаў з кодамі культуры і такім чынам выразна выяўляць шляхі і спосабы ўзаемадзеяння моўнай і культурнай семантыкі фразеалагічных адзінак. А фразеалагізмы ў выніку іх узнаўлення становяцца сродкамі захавання і перадачы культурнай інфармацыі, як у нашым выпадку, адносна ўяўленняў у наіўнай карціне свету чалавека пра сябе ў прасторы і часе, пра ажыццяўленне дзейнасці, жаданне ці немагчымасць дзейнічаць, пра ўзаемадносіны, пра ацэнку сваіх уяўленняў.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 13−24.
2. Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика : сб. научн. статей. − М. : Наука, 1986. − Вып. 28. – С. 5−33.
3. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1: А−Л. – 672 с.; Т. 2: М−Я. – 704 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. − Т. 2: Г−К / [Рэд. тома А. Я. Баханькоў]. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1978. – 768 с.
5. Етимологічнй словник української мови. Т. 3: Кора–М / Укл.: Р. В. Болдырев та ін. – 1989. – 552 с.

The article provides a linguistic and cultural analysis of the phraseological units of the Belarusian literary language with the component of step, the name of the symbols in the Belarusian view of the world in its free using, which became the basis for its selection for the formation of phraseological units. The component name of the symbol introduced into the structure of phraseological units endows with cultural semantics these secondary language units, formed on the figurative basis and as a result of reconsidering of the units with this word.

Keywords: phraseological unit, space, time, the Belarusian language, step, component, image, symbol, model, stereotype.

УДК 811.161.1’373.6:398.9

О. Н. Мельникова, Е. А. Фёдорова

ВЗГЛЯД КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ)

В статье рассматриваются фразеологические обороты, отражающие представления о взгляде как проявлении эмоционального отношения к кому-, чему-либо. Функционирование данных фразеологических единиц обусловлено особенностями семантики глаголов зрительного восприятия, которые выступают в качестве ключевых компонентов рассматриваемых фразеологизмов.

Ключевые слова: лексема, этимология, семантика, внутренняя форма, фразеологизм.

Язык – это не только орудие культуры, но и орудие эмоций. Человеческие чувства рассматриваются как специфическая форма человеческого отношения к миру и занимают одно из центральных мест в русской языковой картине мира. Предметом рассмотрения в данной работе является языковая интерпретация эмоционального отношения, выражающегося во взгляде. Как свидетельствует рассмотренный материал, у лексем, исходная семантика которых связана с отражением процесса зрительного восприятия, регулярно формируются вторичные значения, связанные с различными эмоционально-волевыми проявлениями.

Данную закономерность отражают производные русского глагола *видеть* с основным значением ‘воспринимать зрением, наблюдать, замечать глазами’. Производные с префиксом *за-*, изначально также связанные с обозначением зрительного восприятия (сравн.: *завидеть* ‘увидеть издали’), отражают семантику желания, стремления, характеризующегося интенсивностью проявления, целенаправленностью: *зависть* ‘чувство досады, вызванное превосходством, удачей другого; желание обладать тем, что есть у другого’, *завидный* ‘прекрасный, очень хороший; такой, какого можно желать для себя’, *завидовать* ‘испытывать чувство зависти к кому-, чему-либо’ [1, т. 1, с. 688]. С точки зрения словообразовательной структуры *завидовать* является отыменным глаголом, образованным с помощью суффикса *-ова(ть)* от имени существительного *завида* ‘зависть’ [2, с. 131] (сравн. др.-русск. *завида* ‘зависть’ [3, т. 1, с. 901]), утраченного современным русским языком. Однако глагол *завидовать* сохраняет ассоциативную связь с семантикой зрительного восприятия, сравн.: *Завистливое око видит далёко* / *Завистливый своих глаз не пожалеет* [4, с. 488, 491]. Таким образом, устремлённость зрения на кого-, что-либо может восприниматься как проявление тех или иных особенностей поведения, отношения к кому-, чему-либо.

Подобные представления отражают другие производные лексемы, по происхождению связанные с глаголом *видеть*. Глагол *ненавидеть* ‘испытывать сильную неприязнь к кому-, чему-либо’ образован при помощи отрицательной приставки от **навидети* ‘охотно смотреть, навещать’, сравн.: укр. диал. *навидіти ся* ‘любить, уважать кого-либо’, польск. *nawidzieć* ‘охотно, с радостью смотреть’[5, т. 3, с. 63].

Отглагольное производное *обидеть* ‘нанести кому-либо незаслуженное оскорбление’ исторически восходит к **ob-viděti*, в семантике которого большую роль сыграла приставка, имеющая значение ‘направленность действия мимо предмета, обход его стороной’ (аналогичное значение приставка *об-* имеет в словах *обделить*, *обнести* и др.). Таким образом, первоначально *обидеть* означало ‘не заметить, обойти взглядом, не уделить внимания’, сравн. русск. разг. *обидеть* ‘лишить чего-либо, наделить чем-либо в незначительной степени’: *Природа не обидела его здоровьем / талантами* и т. п. Свидетельством присущего народному мышлению представления о взгляде как о выражении определённого отношения к кому-, чему-либо являются, к примеру, достаточно распространённые устойчивые конструкции типа русск. *глаза б (мои) не видали (кого- чего)* ‘неприятно, противно, тяжело смотреть на кого-, что-либо’ [1, т. 1, с. 418].

Существительное *вид*, наряду с основными значениями, отражающими объект зрительного восприятия (‘внешность, наружность’, ‘то, что открывается взгляду; перспектива; зрелище, картина’), в форме множественного числа выражает модальное значение ‘предположения, намерения, планы’ (в выражении *иметь виды на кого-, что-либо* – т. е. ‘рассчитывать с какой-либо целью’) [1, т. 1, с. 217–218].

Связь значений ‘видеть’ и ‘хотеть’ наглядно представлена в пословицах: *Что видит, то и бредит; чего не видишь (не знаешь), тем и не бредишь*; *Глаза завидущи, а руки загребущи / Глаза наши – ямы, а руки – грабли* [6].

Сходные семантические закономерности отражают производные глагола *зреть* ‘видеть’. Уже на древнерусском языковом срезе, наряду с основным значением ‘смотреть, видеть’, зафиксированы модальные оттенки глагола *зьрѣти* : ‘наблюдать, выжидать’, ‘полагаться’, ‘слушаться’, ‘желать завладеть’ [3, т. 1, с. 1012–1013], т. е. в структуре значения дан-

ного глагола зрительного восприятия также имеется семантический компонент желательности. Вторичная модальная семантика характеризуется интенсивностью проявления, о чём свидетельствуют следующие соответствия: русск. прост. *зариться* ‘с завистью смотреть на что-либо; страстно желать, стремиться обладать чем-либо’ [1, т. 1, с. 776], диал. *зари* ‘сильное желание, страсть, задор, зависть’, *зарный* ‘подобный зареву, зарнице; пылкий, страстный до чего, жадный, завистливый’, ‘питающий сильное пристрастие к чему-либо’ [6].

Значения отглагольного производного *призирати*, зафиксированные в древнерусском языке, на наш взгляд, располагаются в его семантической структуре следующим образом: ‘смотреть’→‘рассматривать, исследовать’→ ‘наблюдать’→‘обращать внимание, оказывать милость’→‘заботиться’ [3, т. 2, с. 1401]. Приставка *при-* привносит значение сближения, отнесённости к кому-, чему-либо. В семантике производного *презреть* ‘пренебречь, счесть ничтожным, недостойным внимания’ (сравн. др.-русск. *прѣзирати* ‘относиться с презрением, возноситься’, *прѣзоръ* ‘гордость, высокомерие’ [3, т. 2, с. 1648]) приставка *пре-* выражает значение преодоления, направления действия через что-либо.

Образования с префиксом *на-* также отражают, наряду с основным значением ‘наблюдать, следить’, семантические оттенки, связанные с эмоциональным отношением, сравн.: др.-русск. *назирати* ‘опекать, оберегать кого-либо, заботиться’, ‘присматривать, выбирать (для себя)’ [3, т. 2, с. 1286].

Образования с префиксом *за-*, аналогично производным от *видеть* с такой же приставкой, на основе семантики зрительного восприятия также развивают значения, связанные с эмоционально-волевыми проявлениями: др.-русск. *зазирати* ‘осуждать’, *зазоръ* ‘позор’ [3, т. 1, с. 893], русск. *зазирать* ‘заглядывать, наблюдать скрытное’, *зазираться* ‘совеститься, стыдиться’, *зазорный* ‘постыдный, достойный осуждения, порицания’, ‘завистливый’, *зазорчивый* ‘строгий в осуждении, охочий зазирать’ [6], сравн. также бел. *зайздросціць* ‘завидовать’, *зайздрасць* ‘зависть’. Таким образом, можно предположить, что на основе исходной семантики ‘заглядывать’, с одной стороны, формируется вторичное значение ‘завидовать’; с другой стороны, семантическое развитие следует в направлении ‘наблюдать скрытное (как правило, предосудительное)’ → ‘осуждать’ → ‘стыдиться’.

Сходные семантические закономерности наблюдаются в структуре значения других глаголов, связанных с отражением процесса зрительного восприятия. Так, на основе семантики зрительного восприятия, выступающей в качестве исходной, первичной, русский глагол *глядеть* развивает значения, связанные с проявлением эмоционального отношения: ‘относиться к кому-, чему-либо определённым образом’, ‘иметь надзор, попечение о ком-либо, заботиться’, ‘брать с кого-либо пример, подражать кому-, чему-либо’ [1, т. 1, с. 426], русск. диал. *глядеть кого* ‘выжидать, отыскивать глазами’; *глядь-поглядь, гляжу-погляжу* ‘выражает долгое, нетерпеливое ожидание’ [6].

Глагол *смотреть*, наряду с основным значением зрительного восприятия, также отражает вторичную семантику, связанную с эмоциональными проявлениями: *смотреть за кем-, чем-либо* ‘заботиться о ком-, чём-либо’, разг. *смотреть* ‘стремиться, метить куда-либо’: *смотреть в начальники* [1, т. 4, с. 142]; сравн. др-русск. *съмотрѣти* ‘смотреть за кем-либо, не допускать’, ‘заботиться’, *съмотрѣние* ‘забота, попечение’, ‘усмотрение, воля’, ‘стремление’, ‘цель’ [3, т. 2, с. 750–751].

Таким образом, семантический переход, который в наиболее общем виде можно обозначить как ‘видеть’→‘хотеть’, можно квалифицировать как регулярный и достаточно распространённый в славянских языках. Очевидно, развитию вторичных значений, связанных с выражением желания, стремления, способствует семантический компонент ‘направленность, сосредоточенность на объекте, привлекающем внимание’, свойственный глаголам зрительного восприятия.

Глаголы зрительного восприятия закономерно выступают в качестве компонентов фразеологических единиц, объединённых семантикой эмоционального отношения к кому-, чему-

либо. Как свидетельствует рассмотренный языковой материал, в процессе невербальной коммуникации взгляд человека может выражать различные эмоции.

Неодобрение, неприязнь, враждебное отношение выражают фразеологические единицы *глядеть исподлобья* ‘глядеть недоверчиво или со скрытным неудовольствием’[6], *смотреть косо* ‘относиться к кому-либо с недоверием, настороженно’, *глядеть бирюком* ‘обнаруживать суровость, нерасположение, необщительность’, *смотреть зверем* ‘выказывать своим неприветливым видом неприязнь, враждебное, недружелюбное отношение к кому-либо’: *Кто его знает, что у него на уме. Смотрит зверем, ни словечка не скажет, точно я и не мать.* А. Островский [7]. Сходную семантику отражает фразеологизм *глядеть сентябрём* ‘быть мрачным, нелюдимым’, сравн.: *Даргомыжский совсем от рук отбился. Холоден, сентябрём глядит, избегает меня. Что я ему сделал?* Чехов [7]. Недовольство сложившейся ситуацией выражает фразеологизм *смотреть в лес* ‘тяготиться местом, условиями пребывания где-либо, стремясь, намереваясь покинуть его’ [7]: *Относительно Суетина и Чашника тоже хочу обратить Ваше внимание, их нужно в смысле заработка повысить, чтобы люди все же могли спокойнее работать и не смотреть в лес*. Пунин [8].

Некоторые фразеологизмы с компонентом *смотреть* связаны с выражением пренебрежительного отношения к другому человеку, сравн. *смотреть сверху вниз, смотреть свысока* ‘относиться к кому-либо свысока, пренебрежительно; вести себя высокомерно’: *Смотрела она на Глеба как-то сверху вниз, с умной снисходительностью.* Гладков [7]. Антонимичную семантику отражает фразеологизм *смотреть снизу вверх* ‘относиться к кому-либо с почтением, благоговением’ [7].

Льстивое, угодливое отношение к кому-либо отражает семантика фразеологизма *смотреть в рот* ‘подобострастно или очень внимательно слушать кого-либо’: *Горский, окружённый солдатами, читал вслух брошюру о партии анархистов-индивидуалистов. Фёдоров, забыв своё охальничество, смотрел ему в рот. Анархические идеи очень нравились ему.* Лебеденко [7].

Эмоциональное отношение, связанное с противоборством, вызовом, соперничеством, отражает семантика и употребление фразеологизма *смотреть (прямо) в лицо, глаза* ‘не бояться’, сравн.: *Себя ж он не берёг. Всегда он смерти глядел в глаза – и смерть, нам всем на диво, его главы почтенной не коснулась.* А. К. Толстой [7].

Итак, функционирование рассмотренных фразеологических единиц во многом обусловлено особенностями семантики глаголов зрительного восприятия, которые выступают в качестве ключевых компонентов рассматриваемых фразеологизмов.

Направление взгляда, способ зрительного контакта значат больше и несут в себе больше коннотативно окрашенной информации, чем другие способы восприятия, что также подтверждают устойчивые сочетания с компонентом *глаза*. Так, движение глаз вверх может быть вызвано как позитивным, так и негативным состоянием, сравн.: *Ах, как хорошо говорит! – умилительно перешептывались некоторые из лимонных дам, закатывая глаза от восторга. В. В. Крестовский; «Вы Безухову скажите, чтоб он приезжал. Я его запишу. Что, он с женою?» – спросил он. Анна Михайловна завела глаза, и на лице её выразилась глубокая скорбь…* Л. Н. Толстой [8]. Индикатором состояния удивления служат выраженные прилагательными размер и форма глаза, сравн., к примеру, значения фразеологизмов *делать большие / круглые глаза* ‘выражать крайнее удивление, недоумение’; *вытаращить глаза* ‘уставиться на кого-либо широко раскрытыми глазами (в изумлении, страхе, гневе и т. п.)’ [7]. Желание субъекта обладать чем-либо выражает фразеологизм *глаза разгорелись* ‘кто-либо страстно хочет иметь, получить что-либо’: *Ты, может, думаешь, что вот, мол, у старика глаза разгорелись но твою молодость да на твою красу, – ведь думаешь?* Мамин-Сибиряк [7]. Устойчивые выражения с компонентами *глаза / глазки* регулярно используются при описании любовной невербалики. Интенсивный визуальный контакт при этом лексически выражается глаголами активного действия *строить*, *стрелять*: *строить глазки*, *стрелять глазами* ‘игриво, кокетливо посматривать на кого-либо’ [7].

Таким образом, зрительное восприятие включает способность интерпретировать информацию об окружающей среде. С помощью зрения человек познаёт окружающую действительность, воспринимает первичную информацию о мире. То, что он видит, вызывает у него положительные или отрицательные эмоции, что находит своё отражение в семантике лексем и фразеологических единиц, связанных с отражением процесса зрительного восприятия.

Список использованных источников

1. Словарь русского языка : в 4 т. / Ин-т русского языка АН СССР ; гл. ред. А. П. Евгеньева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981. – Т. 1 : А–И. – 698 с.
2. Шанский, Н. М. Несколько русских этимологий / Н. М. Шанский // Этимологические исследования по русскому языку. − Вып. 2. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1962. – С. 130–138.
3. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – Т. I. – 1420 с.; Т. II. – 1802 с.
4. Пословицы и поговорки русского народа : из сборника В.И. Даля / под ред. Б. П. Кирдана; вступит. слово М. А. Шолохова; послесл. В. П. Аникина. – М. : Правда, 1987. – 656 с.
5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. : пер с нем и доп. О. Н. Трубачёва / под ред. и с предисл. Б. А.Ларина. – 2-е изд., стереотипное. – М. : Прогресс. – Т. 3 : Н–С. – 1987. – 830 с.
6. Даль, В. И. Словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc2p. – Дата доступа : 25.10.2019.
7. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://phraseology.academic.ru**.** – Дата доступа : 25.10.2019.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru/new/index.html. – Дата доступа : 25.10.2019.

The article discusses phraseological idioms that reflect ideas about the view as a manifestation of an emotional attitude towards someone, something. The functioning of these phraseological units is determined by the semantics of the verbs of visual perception, which act as key components of the considered phraseological units.

Keywords: lexeme, etymology, semantics, internal form, phraseological unit.

УДК 811.161.1’374.2’282.2:398.92

Т. Г. Никитина

«ПОЛНЫЙ СЛОВАРЬ НАРОДНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ» КАК РЕСУРС РЕКОНСТРУКЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ

В статье рассматриваются возможности использования фразеологического материала при реконструкции лингвокультурных концептов. Показан потенциал «Полного словаря народной фразеологии» как источника материала для таких реконструкций. Приводятся фрагменты реконструкции концепта «Красота», подчеркивается его региональная специфика.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01062, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Ключевые слова: русский язык, народные говоры, лингвокультурный концепт, лингвокультурема, фразеологизм, фразеологический словарь.

К исследованию лингвокультурных концептов, под которыми понимаются «языковые проекции культурных концептов» [1, с. 136], активно привлекаются русские фразеологизмы

и паремии как языковые единицы, обладающие огромным этнокультурным потенциалом [2; 3; 4 и др.].

При этом диалектный фразеологический материал представляет особую ценность для выявления региональных особенностей концептуализации действительности и вербализации концептов. Решать эту проблему исследователям помогут материалы «Полного словаря народной фразеологии» (ПСНФ), подготовленного к печати членами фразеологического семинара профессора СПбГУ В. М. Мокиенко.

Согласно концепции руководителя этого проекта [5], ПСНФ объединит фразеологический материал различных областных лексикографических источников, словарей литературного языка и русского жаргона, фразеологизмы и паремии, зафиксированные составителями в живой разговорной речи и на интернет-сайтах, – таким образом, в словаре будет описано более 140000 фразеологизмов, а лексикографическая полнота их описания будет состоять в точной паспортизации, пространственной и хронологической характеристике, детализированной семантизации и историко-этимологическом комментировании. Особенно широко в словаре будет представлен материал территориальных диалектов, который по количеству будет вдвое превосходить фразеологический словник Словаря русских народных говоров [6]. Материалы нового фразеографического проекта будут полезны при решении самых разных задач в сфере образования, лингвистики и лингвокультурологии.

Возможности использования ПСНФ для выявления типичного и специфического в языковом воплощении важнейших лингвокультурных концептов проиллюстрируем материалами, отобранными нами в базе данных ПСНФ для реконструкции концепта «Красота», сформировавшегося в народном сознании диалектоносителей.

Как и в содержании научного концепта «Красота», относящегося к эстетической сфере, в народном сознании четко определяется и объективируется фразеологическими единицами (ФЕ) идея красоты как ценностного ориентира. Региональные фразеологизмы, как и общерусские ФЕ, и фразеологизмы, функционирующие в других языках [7; 8], характеризуют в первую очередь внешнюю красоту человека, природных и бытовых реалий. С явным неодобрением они отражают несоответствие между внешней красотой и внутренним миром человека или качеством предмета, сравн.: у В. И. Даля общенародное *Рожею орёл, а умом тетерев* [9, с. 691] и пермское *на взгляд что орёл, а по уму как филин* [10, с. 467], псковское *голова кудрява, да дырява* (Запись 2017 г.).

Внешняя красота, отображаемая и положительно оцениваемая народными фразеологизмами, это, прежде всего, красота девичья, женская. Диалектоносители используют общерусские ФЕ и образные сравнения с традиционными для русской лингвокультуры эталонами красоты, в качестве которых выступают реалии животного и растительного мира (*лебедь, лебедушка, лань, серна, роза, маков цвет)*, объекты небесной сферы (*звезда, солнышко*), представители статусных сословий (*царица, королева*) и т. п.

Алфавитно-стержневое расположение материала в ПСНФ позволит увидеть типичные реализации образного стержня в акте фраземообразования и региональную специфику образности фразеологизмов и сравнений разной степени устойчивости, которые в соответствии с принципом полноты охвата материала также станут объектом описания:

КОРОЛЕВА * Как (як. *Брян.***) королева.** *Брян., Пск. Одобр.* О красивой, нарядно, богато одетой женщине [10, с. 292].

Красива (красивая) как королева. *Разг. Одобр.* О величественно красивой, импозантной женщине [11, т. 5, с. 1450].

Одета как королева. *Разг. Одобр.* О пышно, богато одетой женщине [11, т. 5, с. 1450].

Разрядить *кого* **как королеву.** *Брян. Одобр.* О девушке-невесте, которую пышно, богато и красиво одели [10, с. 292].

Региональная специфика фразеологического образа отчетливо проявляется на фоне общерусской метафорической модели. Так, в сравнении красивой девушки с ягодой (сравн. общерусское *как ягодка* [10, с. 773]) обнаруживается целый ряд региональных эталонных

версий – псковские: *девчонка как малининка, красива как малинушка красна, девушка как черешня, лучше земляничинки* [10, с. 220, 372, 740], брянские: *красна как суника* (*суника* – ‘земляника’) [6, т. 42, с. 246], *красива как калевка* (*калевка* – ‘ягодка’) [10, с. 240]. Интересно шутливое упоминание ягоды в кулинарном контексте при характеристике мужчины: **С ягодой пирог.** *Урал. Фольк.* (1958). О красивом мужчине, красавце [6, т. 7, с. 23].

Продолжая тему мужской красоты, покажем специфику региональных флористических образов, представленных в отобранных для ПСНФ сравнениях:

Красивый как калина. *Брян. Одобр.* Об очень красивом человеке [10, с. 240].

Как репеёчек. *Горьк. Ум.-ласк. Одобр.* О стройном, красивом человеке. КГОС. **< Репеёчек.** *Ум.-ласк.* Маленький репейник, репейничек [10, с. 570].

Взаимосвязь мужской красоты, силы и здоровья отражают известные общенародные сравнения *мужичок как боровичок, молодец как огурец* (сравн. региональный «кулинарно специализированный» вариант в донских говорах: *как малосольный огурчик* – ‘о молодом, привлекательном человеке’ [10, с. 459]). Красивая, здоровая, крепкая женщина в народе ассоциируется с другим овощем: *бела и кругла как мытая репка* – об округло-крепкой, белокожей, красивой и здоровой девушке, молодой женщине [11, т. 12, с. 1232], *кругла девка как репка* – ‘о свежей, красивой и здоровой девушке, молодой женщине’ [9, т. 4, с. 122].

В сибирских и псковских говорах обнаруживаем пикантные по современным меркам сравнения мужчины с цветком: *приятный как ромашка* (Ирк.) – ‘о миловидном, красивом, аккуратном мужчине’ [10, с. 578], *аленький цветочек* (Пск.) – ‘о милом, любимом? красивом молодом человеке’ [12, т. 1, с. 58]. Лишено четкой гендерной привязки сравнение с образным стержнем *яблочко*. Представим его в разработке для ПСНФ:

Девка – что твоё яблочко! *Народн. Одобр.* Об очень красивой, пригожей, здорового вида девушке [9, т. 4, с. 671].

Как яблочко. *Разг., Перм. Одобр.* О красивом и здоровом молодом человеке [10, с. 773].

Красив как наливное яблочко. *Ум.-ласк. Одобр.* То же, что **как яблочко** [13, с. 77]**.**

Среди праздничных пасхальных атрибутов тоже находим гендерно амбивалентный образный стержень сравнений: *как красное яичко* – ‘о красивом, миловидном и улыбающемся молодом человеке’ [9, т. 2, с. 187]; *(расти) как крашено яичко* – ‘о девочке-подростке, вырастающей в красивую девушку’ [10, с. 776].

Эталоны красоты из сферы животного мира представлены в основном наименованиями птиц, если речь идет о женщинах. Здесь помимо общеизвестных *как пава, как лебедушка* и т. п. встречаем зафиксированное на Селигере *как курочка рябая* (о красивой девушке); на Псковщине – *как перепёлочка* (о маленькой, изящной и красивой женщине, девушке с плавной походкой) [10, с. 492]; в Курской области – фольклорное *молодушки что воронушки* (о ладных**,** красивых девушках) [6, т. 5, с. 113], в Пермском крае – регионально маркированное: *жонка как жулан* (о красивой женщине; *жулан* – птица снегирь) [6, т. 22, с. 221]. Кроме семантизации диалектизмов, как в последнем из приведенных примеров, культурологическим комментарием в ПСНФ сопровождаются и другие лингвокультуремы, в том числе регионального содержания: **Девка как снеток таланский.** *Пск. Шутл.* О здоровой, красивой, полной девушке (Запись 2000 г., Дновский р-н). < *Снеток* (чаще мн. *снетки***)** – мелкая озёрная промысловая рыба семейства корюшек; *таланский* – искаженное *талабский* (по названию Талабских островов, где жители занимаются рыболовством и заготовкой снетка).

Помимо традиционных сфер – источников фразеологической образности − отметим и новые эталоны красоты, например, из сферы искусства, отраженные во фразеологизмах и образных народных сравнениях, зафиксированных на Брянщине и в смоленских говорах: **Как актёрка.** *Смол.* О красивой, по-городскому выглядящей женщине. < *Актёрка* – актриса [10, с. 17]. **Как артист.** *Одобр.* О красиво, подтянуто, модно и привлекательно выглядящем мужчине [10, с. 23]. **Красивая как (что) артистка.** *Брян. Одобр.* О хорошенькой, нарядно

одетой девушке [10, с. 23]. **Хоть в кине показывай** *что. Брян. Одобр.* О чём-л. невероятно хорошем, красивом, качественном [10, с. 254].

Диалектные фразеологизмы делают акцент на зрительном восприятии красоты в ходе ее оценивания: *глаз не хватает* (Вят.), *глаза оставишь* (Перм.), *глазам на удивление* (Дон., Волг.), *глядеть хочется* [14, с. 117–131] и т. п. Внутренняя форма отдельных фразеологизмов, реализующих мотив зрительного восприятия красоты, не настолько прозрачна, в частности, вызывает вопрос отраженная фразеологическим образом поза субъекта, наблюдающего красоту «из-под ручки», «из-за ручки»: **[Только] из-за (из-под) ручки поглядеть (поглядишь, посмотреть** *на кого***).** *Волог., Ворон., Горьк., Калуж., Олон. Одобр.* Об очень красивом человеке [6, т. 27, с. 293; т. 35, с. 283]. **С-под руки поглядеть.** *Пск. Одобр.* О красивой, следящей за собой женщине [12, т. 1, с. 125]. Здесь при интерпретации фразеологического образа приходит на помощь материал макростатьи ПСНФ. В данном случае – это макростатья «Ручка», объединяющая все фразеологизмы и сравнения с данным компонентом образной структуры, в том числе следующий результат народной этимологизирующей экспликации образа: **Глядеть/поглядеть** *на кого* **из-под ручки как на солнышко.** *Ум.-ласк. Ворон. Одобр.* Об очень красивом человеке [10, с. 641]. А отсылка к материалам макростатьи «Солнышко», в соответствии с концепцией ПСНФ, подтвердит эталонный характер и этого образного стержня: сравн. *как солнышко на Пасху* (*Пск. Одобр.*) – о чём-л. очень красивом, праздничном; *как красно солнышко* (*Фольк. Одобр.*) – о красивой девушке; *красен как солнышко* (*Народн. Одобр.*) – о ком-л., чём-л. очень красивом, желанном.

Таким образом, материалы ПСНФ позволят реконструировать фразеологический фрагмент лингвокультурного концепта с привлечением диалектного материала во всей полноте его представленности в лексикографических источниках. Макроструктурирование ПСНФ и построение словарной статьи обеспечат выявление региональной специфики содержания фразеологизмов и особенностей их образной структуры на фоне общерусского фразеологического материала, что обогатит наши представления о народном образном мировосприятии и лингвокультурологическом потенциале фразеологических единиц.

Список использованных источников

1. Карасик, В. И. Лингвокультурные концепты : подходы к изучению / В. И. Карасик // Социолингвистика вчера и сегодня : сб. науч. трудов. Серия: Теория и история языкознания. – М. : ИНИОН РАН, 2008. – С. 127–155.

2. Чумарова, Л. Г. Фразеологические единицы, характеризующие концепт «Агрессия» (на примере немецкого, английского, русского и татарского языков) / Л. Г. Чумарова, Р. В. Гатауллина, Л. Р. Исламова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета. – 2018. – № 3. – С. 120–126.

3. Жданкина, М. Е. Концепт *игра* во фразеологическом фонде русского и английского языков (опыт семантической интерпретации) / М. Е. Жданкина, О. М. Воевудская // Культура общения и ее формирование. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2004. – С. 27–33.

4. Малюгина, А. В. Типы фразеологических концептов и способы их контекстной репрезентации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. В. Малюгина; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2007. – 23 с.

5. Мокиенко, В. М. Русская народная фразеология в лексикографическом освещении [Электронный ресурс] / В. М. Мокиенко. – Режим доступа : http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/proekt-rnf-17-18-01062.htm. – Дата доступа : 24.09.2019.

6. Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–49. – М.–Л.; СПб. : Наука, 1965–2016.

7. Мещерякова, Ю. В. Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ю. В. Мещерякова; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2004. – 25 с.

8. Жельвис, В. И. Лингвокультурная характеристика концепта «Красота» / В. И. Жельвис // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 1. – Том I. – С. 16–20.

9. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4–х т. / В. И. Даль / Вступ. ст. А. М. Бабкина. – М. : ГИС, 1955. – Т. 1–4.

10. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Москва : Олма Медиа Групп, 2008. – 800 с.

11. Словарь современного русского литературного языка. – Т. 1–17. – М.–Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1948–1965.

12. Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 1–26. – Л.; СПб., 1967–2016.

13. Зимин, В. И. Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Зимин, А. С. Спирин. – М. : Сюита, 1996. – 544 с.

14. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп 2013. – 784 с.

The article discusses the possibility of using phraseological material in the reconstruction of linguocultural concepts. The author shows the potential of the "Complete dictionary of folk phraseology" as a resource of such reconstructions. Fragments of reconstruction of the concept "Beauty" are given, its regional specificity is emphasized.

Keywords: Russian language, folk dialects, linguocultural concept, linguo-cultural unit, idiom, phraseological dictionary.

УДК 811.161.1’42:398.91

Е. В. Ничипорчик, А. А. Коноплева

БЕЗ ТРУДА НЕ ВЫНЕШЬ И РЫБКУ ИЗ ПРУДА: ПОСЛОВИЦА В КОНТЕКСТЕ ВЫРАЖАЕМОГО К НЕЙ ОТНОШЕНИЯ

В статье анализируется употребление пословицы «Без труда не вынешь и рыбку из пруда» в современных дискурсах. Выявляется, что констатирующий коммуникативный регистр, типичный для употребления пословицы и ее трансформов в письменной речи, допускает выражение разного рода отношений к содержанию паремиологической единицы. Преимущественно это положительное отношение, свидетельствующее о сохранении ценностной значимости для социума установки, обозначенной пословицей.

Ключевые слова: труд, пословица, текст, сообщение, установка, контекст, отношение.

Мысль о том, что все течет и изменяется, заставляет задуматься над вопросом, насколько глубоки процессы переоценки ценностей, сопровождающие смены исторических эпох с соответствующими им мировоззренческими системами. В условиях прогресса, направленного на минимизацию трудозатрат в быту и на производстве, улучшение качества жизни человека, не меняется ли коренным образом в первую очередь отношение к труду?

Таким вопросом задаются ныне социологи, политологи, журналисты, лингвокультурологи. Известно немало лингвистических изысканий, авторы которых на основе результатов анализа языковых и речевых фактов убедительно доказывают тезис о динамичности сложной ментальной структуры, именуемой «труд», устанавливают проявляющиеся в языке и речи представителей различных социальных групп изменения социокультурных характеристик этого концепта [1; 2; 3; 4; 5 и др.].

К выводу о том, что отношение к труду, и особенно за последнее столетие, существенно изменилось, приходят и социологи. Идеологема «труд есть почетная обязанность каждого», хотя и была превращена, по мнению А. Минаевой, практически в личное убеждение каждого представителя социалистического сообщества [6], вряд ли представляет собой сегодня смысложизненный ориентир большинства людей. Эту идеологему сменила взращенная

«лихими девяностыми» забота о том, где взять деньги, для одних оправдываемая стремлением элементарного выживания, для других – стремлением к обогащению. Стабилизация экономического положения в 21-ом веке привела к постановке вполне рационального вопроса о соотношении работы и жизни, где под жизнью понимается то время, которое не должно быть поглощено работой. Постановка такого вопроса не подразумевает непременного выражения негативного отношения к трудоголикам (к тем, кому, как говорится в русской пословице, *За трудами дня не видно*), но явно свидетельствует о мене смысложизненных ориентиров. Другой вопрос, нова ли проблема соотношения труда и отдыха, если «аксиологема благоразумия» в отношении к труду – «следует в меру работать и развлекаться» [7] – нашла выражение в паремии, имеющей очень давнюю историю бытования, – *Мешай дело с бездельем – проживешь век с весельем* (пословица зафиксирована в собрании русских народных пословиц и притч, изданном в 1848 году И. М. Снегиревым [8, с. 238], в словаре «Пословицы русского народа» В. И. Даля, датируемом 1861–1862 г. [9, с. 310]), а самоотверженность в труде сдерживалась мыслью, выраженной в яркой образной форме *Работа не волк: в лес не убежит.*

Актуальны ли в нынешних условиях те мысли о труде, которые были порождены или восприняты обыденным сознанием прошлого и закрепились в провербиальных текстах, передаваемых от поколения к поколению?

Как известно, содержание паремий стабильно, а смыслы весьма вариативны, хотя отчасти и предсказуемы. Контекст, с одной стороны, может работать на поддержку мнения, выраженного в содержании паремии, с другой стороны, может служить прямо противоположной цели – разрушению отраженной в содержании паремии социальной установки. Таким образом, анализ контекстуального окружения паремий, содержательно ориентированных на утверждение той или иной ценности, а по сути, анализ целей, которые преследуют пользователи этих паремии (при условии, если этот анализ осуществляется на достаточно репрезентативном материале), может пролить свет на действительное отношение членов социума к провербиальным идеям и, соответственно, отношение к той или иной ценности.

Уважительное отношение к труду может воплощаться в разного рода частных (близких и далеких друг от друга) пословичных идеях, так называемых логемах (в другой терминологии, аксиологемах, когнитемах), общая совокупность которых хорошо изучена [10; 11 и др.], как, впрочем, хорошо изучено в целом воплощение концепта «труд» в русских и иноязычных паремиях [12; 13; 14; 15 и др.]. Способы объективации содержания концепта «труд», модальные рамки воплощенных в провербиальную форму житейских истин поражают своим разнообразием. Это может быть достаточно категорично сформулированное правило *Кто не работает, тот не ест*; вдохновляющее, оптимистически настраивающее утверждение-мотиватор *Терпение и труд все перетрут*; беспристрастный совет *На дело не набивайся и от дела не отбивайся*; образная зарисовка-поучение *Ранняя птичка носок прочищает, а поздняя глаза продирает*; разоблачающая, уничижительная по характеру экспрессии картинка-насмешка *Ест руками, а работает брюхом* и многие другие способы передачи аккумулированных концептом культурно значимых смыслов. И если пользователи паремии начинают спорить с пословицей, то, как правило, оспаривается одна из частных идей, что не приводит к «разрушению» общего здания, формируемого паремиями одного тематического ряда. Как известно, этот же принцип срабатывает и в случае бытования пословиц, противоречащих друг другу в аксиологическом плане (явление, характерное для всех паремийников и не оставленное без внимания собирателями и исследователями паремий; см. подробнее [16, с. 251–252]).

Стремлением подвергнуть сомнению старые истины, посмотреть под иным углом зрения на «мудрые мысли», облеченные в пословичную форму, в большей степени одержимы творческие личности. Так, большой успех на коммерческом канале ДТВ имел проект «Разрушители пословиц», авторами которого были шутники из Comedy Club Алексей Лихницкий и Роман Юнусов. Из интервью Алексея и Романа газете «Труд» мы узнаем, что им удалось

разрушить 50 русских пословиц, правда, как оказалось, не все пословицы легко поддавались «разрушению». Названная причина – финансовая обременительность используемых трюков – позволяет тем, кто не смотрел «Разрушители пословиц» на ДТВ, догадываться, чем действительно привлекали внимание «смелые экспериментаторы на базе фольклора» [17]. На призыв репортера газеты «Труд» разрушить пару пословиц о труде А. Лихницкий и Р. Юнусов ответили следующим образом: «Одну мы уже разрушили – "Без труда не выловишь и рыбку из пруда". Мы обратились к изобретателям – они создали нам робота, который без помощи человека закидывает удочку в воду, подсекает, когда рыба клюет, поднимает ее и поворачивает удочку к берегу. Нам остается только снять рыбку с крючка. Можно разрушить пословицу "Терпение и труд все перетрут". Возьмем наждачную бумагу, назовем ее "труд", возьмем другую бумагу, покрупнее, и назовем ее "терпение". Используем бревно и потихонечку с помощью наждачки его перетрем [17]. Как видим, так называемое «разрушение» пословиц авторами телепроекта, на самом деле, оказалось лишь оригинальным способом увеселения публики.

Что же показывает анализ «серьезных» контекстов использования пословиц о труде из числа «разрушенных» шутниками? Свое внимание мы сосредоточили на пословице – *Без труда не вынешь и рыбку из пруда* (фиксируемой словарями в ряде вариантов *Без труда не вынешь / вытянешь / не вытащить* [*и*] *рыбку из пруда* [18, с. 915]). Эта пословица служит обозначению и одновременно формированию (при включении в акты коммуникации в своем исходном смысле) социальной установки на необходимость приложения усилий для достижения желаемого. Фактическую базу для анализа современных контекстуальных употреблений пословицы составили тексты Национального корпуса русского языка [19], датируемые концом двадцатого и начала двадцать первого века.

Первое, что выяснилось уже в процессе сбора фактического материала и показалось отчасти не согласующимся с ожиданиями, – это небольшое количество фиксаций данной паремии в современной художественной литературе и публицистике. Общее число контекстов немногим более трех десятков, причем преимущественно в публицистических текстах (если учесть все фиксации этой паремии, в том числе в текстах предыдущих лет, то и в этом случае количество вхождений невелико – 44 вхождения). Особенно это было удивительным на фоне содержания контекстов, обращающих нас к прошлому: *Труд – одна из базовых советских ценностей. Пословицу «**Без труда не выловишь и рыбку из пруда**» знал каждый советский ребенок, она вошла в хрестоматии по родной речи. «За тунеядство сажают в тюрьму», – сказала мне моя одноклассница в 1985 году, узнав, что мои родители ходят на работу три раза в неделю вместо положенных пяти. В табеле первоклассника за 1980 год читаем замечание учителя: «Ваш мальчик не любит трудиться»* [А. Минаева. «Работал на заводе до мозолистых рук» // «Отечественные записки», 2003]. Заметим, что столь же мало востребованной оказалась другая паремия, оптимистически «настраивающая» адресата на необходимость приложения усилий для достижения желаемого, – *Терпение и труд все перетрут.* Для сравнения приведем количественные данные по некоторым другим паремиям (иной тематической принадлежности), побивающим рекорды фиксации в текстах НКРЯ; к примеру, выражение *Пока гром не грянет, мужик не перекрестится* характеризуется 130 вхождениями, другим «рекордсменом» является выражение *Чем дальше в лес, тем больше дров*; в множестве своих трансформов оно отмечается более чем в 100 контекстах. Трудно объяснить разницу в востребованности паремий, которые можно отнести к ядерным, то есть сохраняющим свою актуальность на протяжении столетий. Возможно, причина в том, что паремии как прецедентные единицы в буквальном смысле живут преимущественно на устах, в устной разговорной речи. Новой сферой применения пословиц является Интернет-пространство, и здесь количество фиксаций ядерных паремий исчисляется десятками тысяч, однако это совершенно другая тема для исследования.

Как показывают наши наблюдения, практически все употребления пословицы *Без труда не вынешь и рыбку из пруда* (в том числе с разными вариантами глагольного компонента,

среди которых наиболее частотные – *выловишь* и *вытащишь*), зафиксированные в текстах НКРЯ, – это употребления в констатирующем коммуникативном регистре. Паремия может вплетаться в речь коммуниканта о себе в качестве

1) сообщения об установке, которой продуцент речи руководствовался в своей жизни, в контексте выражения одобрительного отношения к этой установке: *Чтобы расширить свои знания, учащиеся решили обратиться к непосредственному носителю языка и попросили Медведева озвучить им какую-нибудь русскую пословицу. Желательно ту, которой он следует в жизни. Президент долго не думал: – Есть такая русская мудрость:* ***без труда не выловишь и рыбку из пруда****, – сказал Медведев, заметив, что китайские студенты этой поговорке тоже следуют* [С. Фаризова. Дмитрий Медведев: Уйду на пенсию – буду изучать китайский // Известия, 2010.09.27];

2) сообщения об установке, которую продуцент речи стремился / стремится сформировать у третьих лиц, в контексте выражения одобрительного отношения к установке: *Глеб и в «Братьях Карамазовых» играл – Митю в детстве. Сына учу тому, что* ***без труда не выловишь и рыбку из пруда****. При наличии родителей-актеров ему трудно разобраться, каким по-настоящему должен быть путь трудолюбивого человека* [О. Прохорова. Сергей Горобченко: Юрий Мороз гениально докопался до эпохи Достоевского // Труд-7, 2009.05.27];

3) сообщения-довода, объясняющего установку на преодоление трудностей, в контексте оправдания избранного курса / удовлетворения положением дел: *Словом, задач предстоит решить немало. Но* ***без труда****, говорят,* ***не вынешь рыбку из пруда****. Важнейшим показателем любого нефтедобывающего предприятия является производительность скважин* [А. Петров. Григорий Мясников: «Малая» нефть решает большие проблемы // Труд-7, 2001.06.30]; в том числе в речи о себе как о третьем лице: *Соответствуете ли своему знаку Козерога? – Еще как! Козерог никогда не сдается и упорно добивается своего, зная, что без труда не выловишь и рыбку из пруда* [М. Садчиков. Ирина Аллегрова: своим мужьям я не изменяла // Труд-7, 2002.04.20];

4) сообщения-довода, объясняющего выбор соответствующей установки, в контексте сетования: *Если тратить силы нет желания – рискуем своим здоровьем, приобретая сжигатели жира. Другого выхода нет, вздыхаем мы, –* ***без труда не выудишь рыбку из пруда****. Нет, возражу я вам! Выход есть – просто не все еще знают о нем* [С новой фигурой в Новый год! // Комсомольская правда, 2004.12.28].

В речи коммуниканта о третьих лицах пословица отмечается в качестве

1) сообщения о формировании у третьего лица / третьих лиц соответствующей установки, в контексте выражения удовлетворения по этому поводу: *Именно в эту пору Илья уже более здраво стал оценивать свою игру. Стал понимать, что* ***без труда не вынешь рыбку из пруда****. Было радостно сознавать, что сын взрослеет* [В. Ковальчук. Как мой сын стал звездой // Советский спорт, 2005.03.19]; *Я никогда не баловала своих детей, да и не на что было, они сами учились добру и справедливости, глядя на нас. Видели, как мы с отцом много работали и понимали, что, как говорится, без труда не выловишь и рыбку из пруда* [М. Безрук. Вижу над собой не потолок, а звезды // Труд-7, 2006.11.29];

2) сообщения об установке, которая не сформирована у третьих лиц, в контексте выражения сожаления по этому поводу и / или осуждения третьих лиц: *Зато когда на конкурсе она пролетает мимо призовых мест, крайними оказываются жюри и организаторы мероприятия. К сожалению, некоторые излишне самоуверенные модели не понимают, что* ***без труда не вытащишь и рыбку из пруд*****а** [Е. Ольховская. Несколько недель – и вот перед вами модель! // Комсомольская правда, 2010.06.21];

3) сообщения об установке, формируемой у третьих людей, в контексте выражения сомнения в правильности этой установки: *Говорят, деньги даются тяжело. Типа,* ***без труда не вытянешь рыбку из пруда****. Не тут-то было. В Москве некоторые «несознательные» личности умеют зарабатывать деньги, ничего не делая. Журналист «Труда» поработал профессиональным халявщиком. И заработал за три часа 1600 рублей* [Вот это конкретный

разговор! // Труд-7, 2007.04.04]; *Определенно, миром правят лентяи. Кто-то вдолбил нам в голову, что* ***без труда не вытащишь и рыбку из пруда****, – дескать, цель достигается через усилия и трудности. Но всегда найдутся люди, которые зададутся вопросом: а что если это не так? И подняться на верхний этаж можно, не сделав ни шага по ступенькам, постирать вещи – не намочив рук, а переключить канал – не подходя к телевизору* [Е. Николаева. Тесла был бы удивлен. Электрическая зарядка тела // «Эксперт», 2014].

Редуцированные варианты пословицы, функционирующие как интертекстемы, использованы с целью

1) неодобрительной характеристики лиц, поведение которых не соответствует социально одобряемой установке на необходимость приложения усилий для достижения желаемого: *Распространено убеждение, что отечественный бизнес крайне агрессивен, однако малопродуктивен. Он и готов «****вытащить рыбку из пруда****», но стремится при этом минимизировать свои усилия. К сказочно разбогатевшим гражданам лишь треть обеспеченных людей и 7 процентов бедных относятся с уважением. Естественно, возникает вопрос: кого же можно тогда назвать богатым?* [Е. Ухов. Богатых не любят. А почему? // Труд-7, 2004.02.18];

2) создания юмористической тональности: *Тому, кто желает «****выловить рыбку из пруда****», подойдет любая «съедобная» наживка. Единственное, что нужно знать: по осени дружное семейство чешуйчатых погружается все глубже в воду* [А. Владимирова. Куда сматывать удочки // Труд-7, 2000.10.16]; в данном случае языковая игра заключается в буквализации фрагмента прецедентного текста.

Трансформы паремии, основанные на мене компонентов, расширении состава, изменении характера предикативных отношений, немногочисленны. Функции трансформов паремий разнообразны:

1) трансформ может использоваться в том же значении, что и исходный пословичный текст, в беспристрастном изложении жизненной позиции третьих лиц: *Вот только незадача, у полученного гибрида, конечно, окажутся в наличии волшебные лепестки, но также в количестве семи штук. Вот и ищи их теперь среди 80956 похожих… Козерог искренне верит в то, что* ***без труда… не поможет никакой цветок****. Так что цветики-семицветики это, конечно, хорошо, но сначала надо полить огород, подкормить растения, окучить картошку, прополоть грядку <…> Водолей расчертит тетрадочку и примется вспоминать семь своих самых страстных желаний* [Что будет делать каждый знак зодиака? // «Пятое измерение», 2003];

2) трансформ может служить намеком на жесткость правила, обозначенного в исходном тексте, и использоваться в контексте, осуждающем инертность третьих лиц: *Ущерб потребовали возместить, но процесс это долгий, а там, как говаривал Ходжа Насреддин, или ишак, или падишах, но кто-нибудь помрет. Так что это требование – припарки, и* ***без жесткого суда не вытянешь «рыбку» из пруда и в «Сколково» не вернешь****. Склероз, как мы знаем, может скосить любого человека, вне зависимости от возраста, но как можно занимать столь важный пост с такой неважной памятью, непонятно. Как непонятна и судьба материалов проверки* [А. Гришин. Сколково сколько? Во сколько! // Комсомольская правда, 2013.10.30];

3) трансформ может использоваться как обозначение противоположной установки, чем та, которая отражена в исходном варианте паремии, с целью выражения иронического отношения к лицам, которые такой установки придерживаются / с целью критики собственной неверной позиции: *По сути, кредитная лихорадка ничем не отличается от зависимости игроманов. И те, и другие* ***без труда****, как говорится,* ***хотят выловить золотую рыбку из пруда****. Поймал за хвост – и загадывай желания до бесконечности. Только все мы помним, чем окончилась сказка о золотой рыбке: разбитым корытом* [А. Каледина. Потребительский разврат // Известия, 2007.11.19]; *Другие, навроде Мавроди, поманили большими процентом, и мы рванулись в «капиталисты» («****без труда вынуть рыбку из***

пруда») [«Futurum», или О разделении России на «мы» и «они» (2004) // «Жизнь национальностей», 2004.06.16].

Как видим, разного рода отношения современников к социальной установке, обозначенной пословицей *Без труда не вынешь и рыбку из пруда*, в большей части контекстов не отражают стремления пользователя паремии подвергнуть критике провербиальную идею и ценностный смысл труда как такового. Даже каламбурное употребление пословицы в рогативном речевой акте, зафиксированное в НКРЯ, не сопряжено с целью оспорить авторитетное мнение: *Николай Петров, пианист Николай Арнольдович, вы уверены, что* ***без «Труда» не выловишь рыбку из пруда****? – Пословицу эту вспоминаю очень часто, так сказать, по созвучию, поскольку почти каждое утро за завтраком, перед тем как сесть за рояль, читаю газету «Труд», подписчиком коей являюсь уже много лет. А особенно уместной она мне казалась, когда мы с коллегами из Квартета имени Бородина репетировали «Форелленсекстет» Шуберта – тот, что написан композитором на тему его же знаменитой песни «Форель»* [Труд-7, 2006.02.18].

Изумляет современного публициста и вызывает некоторое отторжение идеологическая составляющая процесса формирования социальных установок в советское время, когда труд, по мнению С. Леонтьевой, интерпретируется как «практически единственная цель жизни и весь ее смысл», когда «каждый советский человек знает и воплощает в жизнь установки, данные сверху, и никакого ситуативного или индивидуального отношения к ним не предполагается» [20]. Отсюда горькая тональность рассуждения, в котором его автор намеренно интенсифицирует содержание исходного текста пословицы: *Единственный способ человеческого существования, одобренный официальной педагогикой, – это труд. Трогательной иллюстрацией к последнему тезису может служить свидетельство военных лет: питомцы одного из детских домов, подобно бойцам-снайперам, составлявшим списки уничтоженных врагов, кропотливо вели счета трудовых побед. В одном из девичьих счетов было написано: «Выгладила белье, помогла уборщице очистить сени от льда, подстригла одну девочку, вымыла в бане другую, расчистила дорожку к уборной, получила “отлично” по чтению и арифметике». Труд для советских детей был одновременно и онтологическим, и этическим понятием.* ***Без труда не то что рыбка не ловится, а попросту жить невозможно*** [С. Леонтьева. Трудовое детство // «Отечественные записки», 2003].

Подчеркнем, что описанные нами реализации паремии в текстах НКРЯ далеко не охватывают всего разнообразия модальных рамок и других прагматических «обертонов», которыми может характеризоваться употребленная в письменной речи пословица *Без труда не вынешь рыбку из пруда*. Проведенный нами анализ, тем не менее, позволяет прийти к некоторым заключениям обобщающего характера.

1. Пословицы, относящиеся к ядерной части провербиального фонда, могут не характеризоваться высокой степенью востребованности в письменных продуктах речевой деятельности или, по крайней мере, в текстах Национального корпуса русского языка; по-видимому, в истинном своем предназначении паремии реализуются главным образом в диалоговых формах устного общения.

2. Если обращаться к письменным продуктам речевой деятельности последних десятилетий, включенным в Национальный корпус русского языка, то преимущественной сферой использования пословицы *Без труда не вынешь и рыбку из пруда* является публицистическая сфера.

3. И в речи коммуниканта о себе, и в его речи о третьих лицах пословица *Без труда не вынешь и рыбку из пруда* используется, как правило, в констатирующей функции и в общем контексте может служить выражению разных отношений к социальной установке, отраженной в содержании паремии. Это преимущественно положительное отношение. Говорящий обращается к паремии с целью сообщения о принципе, которым он руководствуется в своей деятельности, рекомендует руководствоваться другим; с целью обоснования своей или чужой позиции при решении вопроса о необходимости проявления

усилий для достижения желаемого; с целью критики, осуждения тех, у кого иные ценностные ориентации; с целью выражения сожаления, огорчения по поводу расхождения мнений о ценности труда. Реже пословица используется в связи с выражением неодобрительного отношения к ее содержанию.

4. Сомнения, выражаемые по поводу верности вменяемой пословицей идеи, не всегда направлены на разрушение положительного отношения к труду в целом. Зачастую намеренное «разрушение» пословицы есть лишь способ игрового взаимодействия с адресатом.

Список использованных источников

1. Гоннова, Т. В. Социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языковом сознании : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Т. В. Гоннова ; Волгоград. гос. ун-т. – Волгоград, 2003. – 229 с.
2. Басова, Л. В. Концепт ТРУД в русском языке : на материале пословиц и поговорок : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. В. Басова; Тюменск. гос. ун-т. – Тюмень, 2004. −19 с.
3. Чернова, О. Е. Концепт «труд» как объект идеологизации : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / О. Е. Чернова ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – 20 с.
4. Скорнякова, Р. М. Отношение к труду в немецком языковом сознании сквозь призму интернет-форума / Р. М. Скорнякова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. Лингвистика. – М. : МГЛУ, 2007. – Вып. 541. Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. – С. 245–250.
5. Скорнякова, Р. М. Лингвокультурологическая концепция моделирования языковой картины мира : автореф. дис. … докт. филол. наук: 10.02.19 / Р. М. Скорнякова; Московский городской пед. ун-т. – М., 2010. – 49 с.
6. Минаева, А. «Работал на заводе до мозолистых рук» / А. Минаева // Отечественные записки, 2003. – Вып. № 3 (12) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.strana-oz.ru/2003/3/rabotal-na-zavode-do-mozolistyh-ruk. – Дата доступа: 11.10.2019.
7. Мукатдесова, Ч. Р. Концепт «труд» в татарском и немецком языках : дис. ... канд. филол. наук :10.02.02, 10.02.20 / Ч. Р. Мукатдесова ; Казанский (Приволжский) гос. ун-т. – Казань, 2012. – 229 с.
8. Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи, изданные И. М. Снегиревым, с предисловием и дополнением. – М., 1848. – 504 с.
9. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. – 616 с.
10. Савенкова, Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 240 с.
11. Жуков, К. А. Языковое воплощение концепта «Труд» в пословичной картине мира : на материале русской и английской паремиологии : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / К. А. Жуков ; Новгород. гос. ун-т. – Великий Новгород, 2004. – 156 с.
12. Токарев, Г. В. Теоретические проблемы вербализации концепта «труд» в русском языке : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Г. В. Токарев ; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2003. – 472 с.
13. Каримова, Р. Х. Концепт «труд / лень» в паремиологии неродственных языков : на примере немецкого, английского, русского, башкирского и татарского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Р. Х. Каримова ; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2004. – 199 с.
14. Мирошниченко, Л. Н. Когнитивно-культурологическое представление концепта «труд» в паремиологическом фонде русского и новогреческого языков : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. Н. Мирошниченко ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2007. – 24 с.
15. Серова, Л. А. Концепт «труд» в немецких и русских паремиях : дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / Л. А. Серова ; Тамбов. гос. технич. ун-т. – Тамбов, 2009. – 196 с.
16. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях / Е. В. Ничипорчик ; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.

17. Брагина, Л. Алексей Лихницкий и Роман Юнусов: «Нам надоело быть Лысым и Татьяной» // Труд-7, 2010.04.13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.trud.ru/article/13-04-2010/240031_aleksej_lixnitskij_i_ roman_junusov_nam_ nadoelo_byt _lysym_i_tatjanoj.html. – Дата доступа: 15.10.2019.

18. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. − М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. − 1024 с.

19. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа : www.ruscorpora.ru. – Дата доступа : 15.10.2019.

20. Леонтьева, С. Трудовое детство / С. Леонтьева // Отечественные записки, 2003. – Вып. № 3 (12) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.strana-oz.ru/2003/3/rabotal-na-zavode-domozolistyh-ruk. – Дата доступа: 11.10.2019.

The article considers the usage of proverb «Bez truda ne vynesh i rybku iz pruda» in nowadays discourses. It was revealed that the ascertaining communicative register, which is typical for the usage of proverb and its transforms in the written language, may presuppose the expression of various types of relations to the contents of the considered paroemiological unit. Mainly it is a positive relation that speaks for the preservation of the value of attitude designated by the proverb.

Keywords: labour, proverb, text, message, attitude, context, relation.

УДК 811.161.1’373.421

Е. В. Огольцева

СИНОНИМИЧЕСКИЕ РЯДЫ В СИСТЕМЕ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ДВИЖЕНИЕ»)

В статье рассматриваются некоторые аспекты синонимических отношений в системе устойчивых сравнений русского языка. Выявляются факторы, затрудняющие распределение синонимов по тематическим группам. Автор подробно анализирует синонимические отношения в рамках тематической группы «Движение». Предлагаются способы семантической и прагматической дифференциации этих компаративных единиц.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, компаративная единица, системные отношения, синонимия, тематическая группа.

Синонимия – вид системных отношений, широко и разнообразно представленный в сфере устойчивых компаративных единиц всех славянских языков, в том числе в русском. Эта интересная и сложная проблема ещё не получила специального лингвистического описания, хотя отдельные её аспекты затрагивались в работах многих учёных, давно и продуктивно исследующих семантику образных компаративных единиц языка [1, с. 96–98], затрагивающих когнитивные аспекты фразеологии [2, с. 46], сопоставляющих устойчивые сравнения (далее УС) русского и других языков [3, с. 115–118; 4, с. 26–56].

Синонимические ряды лексических и фразеологических единиц, как правило, являются частью более крупных системных образований – тематических (идеографических) групп. Мы выделяем в системе устойчивых сравнений следующие тематические группы (далее ТГ): 1. Действия, поступки, трудовая деятельность человека; 2. Движение, подвижность-неподвижность; характер движения, позы, осанка; 3. Внешность, внешний вид человека или животного; 4. Черты характера, темперамента; 5. Поведение человека; 6. Интеллектуальные качества человека («Ментальная деятельность»); 7. Речь, речевое поведение человека; голос; 8. Нравственные качества человека; 9. Образ жизни, условия жизни человека; 10. Состояние окружающей езды и человека (животного); 11. Восприятие действительности в органами

чувств; 12. Физиологические потребности человека; 13. Внешние признаки и физические свойства неживых предметов; 14. Отношения между людьми; 15. Большое / малое количество.

Сразу отметим, что граница между тематическими группами весьма условна. В силу многозначности многие УС входят одновременно в состав нескольких ТГ. Например, УС-полисемант *как (словно, точно) буря* в первом своем значении (‘Мчаться, нестись, лететь – двигаться с большой скоростью, стремительно. О человеке, животных, средствах передвижения’) [Огольцев 2001, с. 77], а также в третьем значении (‘Врываться куда-л., к кому-л. – стремительно, внезапно, неожиданно. О человеке, людях’) [Там же, с. 78]) входит в ТГ «Движение», а во втором (‘Налетать на кого-л. – внезапно, стремительно – с упреками, обвинениями или с известием, сообщением’) [Там же, с. 77] – в ТГ «Отношения между людьми»: *Подкрался Васька, и опять – бу-ум! – и мчится, **как буря**, свинья к калитке, роет мордой, звонит щеколдой, рычит визгливо, а тут Петька с дрючком – бу-ум! [..]* (Н. С. Сергеев-Ценский. Испуг) (Здесь и далее при отсутствии специальных указаний на иной источник используются примеры из авторской картотеки В. М. Огольцева. Толкования значений устойчивых сравнений приводятся по источнику: [Огольцев 2001]) ; *В эту минуту Арина Тимофеевна, **как буря**, влетает в девичью и расстраивает интересный tête-a-tête. (М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа ташкентцы); Из губернии был послан товарищ для обследования. Этот **налетел**, **как буря**, дал Брозину нагоняй за несообразительность, даже пригрозил сместить. (Л. Леонов. Барсуки).* Интересно, что больше всего синонимов у данного УС наблюдается именно в первом значении («Мчаться, нестись…»): *как ветер, как вихрь, как метеор, как молния, как птица, как пуля, как ракета, как стрела.* Второе и третье значения вступают в синонимические отношения лишь с двумя УС: *как вихрь* и *как ураган.*

В разных тематических группах мы наблюдаем разное процентное соотношение между УС, не имеющими синонимов, и УС, образующими синонимические ряды. Идеографические группы существенно различаются также по широте-богатству синонимических рядов и их качественному разнообразию. Естественно предположить, что количество синонимических рядов в той или иной ТГ непосредственно зависит от общего количества компаративных единиц в её составе. Однако есть ещё один фактор, определяющий богатство и разнообразие синонимических рядов в рамках той или иной тематической группы: это возможность семантических дифференциаций внутри самой группы, её «семантическая гибкость». Чем больше аспектов характеристики человека (животного, предмета, явления) представлено в той или иной ТГ, тем богаче синонимические связи. С этой точки зрения в системе УС русского языка явно выделяются следующие три большие группы: «Движение, подвижность / неподвижность, осанка», «Внешность, внешний вид человека или животного»; «Состояние окружающей среды или человека». В рамках настоящей статьи мы рассмотрим первый разряд устойчивых сравнений.

В данной группе богатство синонимических отношений обусловливается следующими факторами:

1. УС этой ТГ могут характеризовать **как движения человека, так и движение (расположение) предметов.** К примеру, синонимы *как чёрт, как бес, как волчок, как вьюн, как юла* (‘Носиться, скакать, вертеться, крутиться. Быть чрезмерно подвижным. О человеке’) могут выступать только как характеристики движения человека; УС *как по линейке (линеечке), как по нитке (ниточке), как по струнке (струне), как по шнурку* (‘Прямо двигать(ся)’), направлять(ся); ровно – располагаться’) могут характеризовать положение (движение) не только человека, но и предметов, средств передвижения.

2. В данной ТГ отчетливо выделяются **три основные подгруппы**: «Быстрое, стремительное движение»; «Медленное движение», «Состояние полной неподвижности». К первой подгруппе относятся, в частности, синонимические ряды *как бес – как волчок – как вьюн – как на иголках – как сорока на колу – как чёрт – как на шарнирах – как на шиле – как юла* (‘Вертеться, крутиться, метаться; быть чрезмерно подвижным’); *как метеор – как буря – как ветер – как молния – как птица – как пуля – как ракета – как стрела* (‘Лететь, нестись, про-

носиться’); *как с цепи сорвался – как бешеный – как гончие – как наскипидаренный – как оглашенный – как очумелый – как на пожар – как сумасшедший – как угорелый – как шальной [ошалелый]* (‘Бежать (выбегать, вбегать) – стремительно, поспешно; лететь, нестись, мчаться. О человеке (неодобр.)’ [Огольцев 2001].

Ко второй подгруппе (которая в русском языке является гораздо менее представительной, чем первая и третья) можно отнести синонимические ряды *как на похоронах – как улитка – как черепаха* (‘Идти, ехать, двигаться – не спеша, медленно’); *как сонная [осенняя] муха – как вареный – как мокрая курица – как мертвый – как неживой – как сонный* (‘Вялый, медлительный; ходить, брести, ползать, плестись; двигаться, делать что-л. – вяло, апатично, медленно’).

К третьей подгруппе относятся УС *как застыл – словно замер – как заколдованный* (‘Сидеть, стоять; остановиться. Быть, стать совершенно неподвижным. О человеке, животном’); *как идол – как истукан – как каменный – как пень – как в столбняке – как чурбан – как чучело* (‘Сидеть, лежать, стоять. Быть инертно-неподвижным или пассивно-бездеятельным’); *как колода – как бревно – как камень – как мертвый – как пласт* (‘Лежать – совершенно неподвижно). Третья группа, так же как и первая (быстрое движение), представлена в русском языке чрезвычайно большим количеством синонимических рядов. «Отсутствие движения» может быть связано с тремя разными физическими состояниями (положениями тела): человек может неподвижно «стоять», «сидеть» либо «лежать». Кроме того, состояние неподвижности может существенно осложняться дополнительными признаками, в результате семантика компаративной единицы обогащается добавочными семами, качественно характеризующими отсутствие движения или объясняющими его причину: лень или болезнь (*как колода – как бревно – как камень – как мертвый – как пласт*); неожиданное известие, поразительное событие, впечатление (*как прирос к земле – как вкопанный – как врытый <в землю> – как в землю врос – как к земле прирос – как столб – как в столбняке);* нервное потрясение (*как в столбняке – как идол – как истукан – как каменный – как пень – как статуя – как чурбан*).

Многие УС выражают не столько скорость движения, сколько его качественную характеристику либо цель: *как аист, как верблюд, как журавль, как на ходулях, как цапля* (‘Ходить, шагать, широко переставляя длинные ноги’); *как змея, как вьюн, как угорь, как уж* (‘Виться, извиваться, изворачиваться, выскальзывать. Освобождаться от захвата с помощью внезапных, гибких движений тела. О человеке, животном’); *как саранча, как вороньё* (‘Налетать, нагрянуть, нахлынуть. Прибывать куда-л. большим числом, массами, с корыстной целью. О людях’) [Огольцев 2001, с. 572] (Подчеркнуто нами. – Е. О.).

3. Третий фактор, определяющий многообразие синонимических отношений в рассматриваемой ТГ – возможность несовпадения субъекта синтаксической конструкции и элемента А – предмета образной характеристики, «субъекта движения». Бóльшая часть УС – это характеристики движения (неподвижности, малоподвижности) человека: кто-л. (А) идёт (двигается) (С) *как по струнке, как по линейке, как по шнурку, как по нитке*; кто-л. (А) ходит, шагает (С) *как аист, как верблюд, как журавль, как цапля*. В структуре таких УС основание С – непереходный глагол. Субъект синтаксической конструкции и предмет образной характеристики в этих случаях совпадают.

Однако есть и такие УС, в структуре которых слово-сопроводитель – глагол прямопереходный; эта грамматическая особенность предопределяет главное свойство их семантики: они обозначают действие субъекта, направленное на внешний объект: кто-л. бросает, швыряет кого-л. (А) – человека (людей) – *как щенка [кутенка], как котят, как щенят [кутят];* кто-л. выметает, выбрасывает, изгоняет кого-л. (А) – *как сор <из избы>, как мусор, как хлам; кто-л.* поднимает, несёт, швыряет кого-л. (А) – *как соломинку, как былинку, как перышко, как щепку.*

4. Наконец, последний фактор, актуальный не только для этой ТГ, но и для всех групп УС: периферийное положение УС (его одновременное вхождение в две или более тематиче-

ских групп). Именно в периферийных зонах ТГ мы наблюдаем наиболее богатые и коммуникативно востребованные синонимические отношения.

В Группе «Движение» периферийные зоны образуют, в частности, УС, пересекающиеся с группами: 1) «моральное (эмоциональное) состояние человека»: *как на гвоздях, как на иголках, как на горячей сковородке, как на горячих углях, как на шиле)* (‘Сидеть – беспокойно, ёрзая, в состоянии волнения, переживания, переживания, нетерпения’); *как привидение, как лунатик, как неприкаянный* (‘Ходить, бродить – бесцельно, будучи поглощенным каким-л. беспокойным чувством или мыслью’); 2) «образ жизни…»: *как затворник – как бирюк – как монах (монахиня) – как отшельник, как узник* (‘Жить, сидеть. Вести уединенный образ жизни, не выходить из дому, чуждаться людей, общества’); 3) «отношения между людьми»: *как черт от ладана, как от прокаженного, как от заразного, как от огня, как от чумного [зачумленного], как от чумы* (‘Бежать, убегать, шарахаться от кого-л. или от чего-л. О человеке’); *как прилип, как привязанный, как на привязи, как пригвождённый, как приклеенный, как прикованный, словно прирос, как пришитый* (‘Не уходит, не отходит от какого-л. места или от кого-л. (человека)’; *как ураган, как буря, как вихрь* (‘Влетать, врываться куда-л. Появляться вдруг, неожиданно где-л. с агрессивным намерением или неотложным известием’); 4) «внешний вид человека»: *как аршин проглотил, как палка* (‘Прямой; ходить, сидеть, держаться неестественно прямо’); *как ступа, как корова, как тумба* (‘Толстая, неуклюжая, неповоротливая. О женщине’); 5) «поведение человека»: *как бесноватый, как очумелый, как помешанный, как сумасшедший* (‘Прыгать, скакать, метаться, кричать. Вести себя с чрезмерной нервозностью, проявлять ненормально-бурную реакцию на что-л.’); *как тараканы, как крысы с <тонущего> корабля* (‘Разбегаться, расползаться, разбредаться *<в* разные стороны>, панически убегать от трудностей или опасности. О людях (презр.)’.

В группе «Движение» мы насчитали около 80 синонимических рядов. Наиболее богатые ряды (до 10 и более членов) связаны с чрезмерными, крайними, избыточными проявлениями подвижности / неподвижности, осуждаемыми социумом, вызывающими, как правило, негативную оценку:

– привычка вертеться, крутиться, проявляя чрезмерную, раздражающую подвижность: *как бес, как чёрт, как волчок, как юла, как вьюн, как на иголках, как сорока на колу, как на шарнирах, как на шиле);*

– движение слишком быстрое, стремительное, поспешное: *как с цепи сорвался, как на пожар, как бешеный, словно за ним гонятся, как гончие, как наскипидаренный, как оглашенный, как очумелый, как сумасшедший, как угорелый, как шальной;*

– полная неподвижность человека и связанная с этим состоянием инертность, бездеятельность, необъяснимая молчаливость, отсутствие реакции на что-либо: *как чучело, как идол, как истукан, как каменный, как пень, как чурбан, как столб, словно в землю врос, как вкопанный, как <в землю> врытый – как к земле [месту] прирос, как истукан, как статуя, как в столбняке.*

По данным Национального корпуса русского языка, в ТГ «Движение» в качестве слов-сопроводителей употребляются в основном глаголы с соответствующей семантикой, преимущественно непереходные (примерно около 115 глагольных лексем, при равном количестве возвратных и невозвратных): *идти, ходить, ехать, лететь, шагать, лазить, прыгать, подпрыгивать, ползти, выскальзывать, ускользать, скакать, подскакивать, бежать, сидеть, сигать, ёрзать, топать, ступать, вскакивать; двигаться, продвигаться, мчаться, врываться, срываться, шарахаться, взбираться, карабкаться, извиваться, изворачиваться, плестись, тащиться, качаться, носиться, вертеться, увёртываться, крутиться, метаться, виться, кружиться* и т. д.

Несомненно, более глубокий и дифференцированный анализ синонимических рядов в рамках тематических групп УС будет полезен как в плане углубления теоретических сведений о природе компаративного значения, так и с практической точки зрения: УС – члены

синонимического ряда способны выражать тончайшие оттенки смысла, адекватное понимание которых чрезвычайно важно в коммуникативно-прагматическом плане.

Список использованных источников

1. Антонова, З. И. Из наблюдений над сравнениями-фразеологизмами, примыкающими к прилагательным // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования : сборник научных трудов. – Вып. VII / отв.ред. К. А. Тимофеев. – Новосибирск, 1978. – С. 96–104.

2. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: Монография / Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. – 152 с.

3. Алёшин, А. С. Устойчивые сравнения шведского языка: лингвокультурологический аспект / А. С. Алёшин. – СПб. : Нестор-История, 2012. – 260 с.

4. Кузнецова, И. В. Персонажи Библии в славянских устойчивых сравнениях : монография / И. В. Кузнецова. – Чебоксары, 2017. – 212 с.

5. Огольцев, В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) / В. М. Огольцев. – М. : ООО «Русские словари»: «ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 800 с.

6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru. – Дата доступа : 17.10.2019.

The article considers some aspects of synonymic relations in the system of stable comparisons of the Russian language. The factors complicating the distribution of synonyms by thematic groups are revealed. The author analyzes in detail the synonymous relations within the thematic group "Movement". Methods of semantic and pragmatic differentiation of these comparative units are proposed.

Keywords: stable comparison, comparative unit, system relations, synonymy, thematic group.

УДК 811.161.1:81'373.72

Т. Н. Федуленкова, Д. А. Глебова, А. С. Малышева

ОСОБЕННОСТИ ЗАИМСТВОВАННОЙ БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Анализ библейских заимствований в русском языке выявляет три основных способа преобразования библейских прототипов во фразеологические единицы, как-то: метафора, метонимия и символизация, и приводит к выводу о том, что наиболее распространенной формой семантического преобразования, определяющей пути и способы появления библейских фразеологизмов, является полное или частичное переосмысление прототипов первой группы, т. е. переменных сочетаний слов и предложений.

Ключевые слова: заимствованная библейская фразеология, прототип, фразеологическая единица, способы переосмысления прототипа.

Фразеологические единицы библейского происхождения (БФЕ), вошедшие в русский язык путем перевода Библии, представляют собой самый объемный пласт иноязычных заимствований. Из многих переводов Библии отмечаются два наиболее древних авторитетных. Это греческий перевод Ветхого Завета Септуагинта (III в. до н. э.) и латинский перевод всех книг Библии Вульгата (IV в. н. э.). Пятью веками позже, во второй половине IX в., братьями-просветителями Кириллом и Мефодием впервые был предпринят славянский перевод Библии, который затем через Болгарию пришел и к нам на Русь. В печатном виде Библия появилась на Руси довольно поздно, в конце XVI в. В предисловии к своему словарю библейских фразеологизмов К. Н. Дубровина подчеркивает «неоспоримую и самую тесную связь Библии

и библейской фразеологии с общеевропейской, в том числе и русской культурой как культурой христианской» [1, с. 6].

Сопоставительный анализ языкового материала показывает, что генетическими прототипами библейских фразеологизмов в большинстве случаев являются непереосмысленные переменные словосочетания, которые тождественны БФЕ по своему лексическому составу и грамматической структуре и отражают реальные связи вещей и явлений действительности, напр.: *втаптывать в грязь, соринка в чужом глазу, умывать руки* и др. Разновидностью прототипов данной группы являются переменные предложения, например: *Устами младенца глаголет истина, Кто не с нами, тот против нас, Рука дающего да не оскудеет*, *Против рожна не попрешь.* Однако среди анализируемых единиц они встречаются редко.

Исследование выявляет еще один вид прототипов БФЕ – устойчивые выражения фразеологического характера, к которым относятся устойчивые словосочетания, компаративные конструкции и выражения пословичного характера (см. [2, с. 11]). Особенностью прототипов данного вида является то, что уже в самом тексте Библии эти обороты употребляются как единицы с переносным смыслом составляющих их компонентов. Наличие в библейском источнике большого количества таких единиц с переосмысленным значением объясняется прежде всего художественным своеобразием Библии, которая не только излагает положения христианского вероучения, но также эмоционально воздействует на людей при помощи ярких, запоминающихся образов. Эта прагматическая цель, по-видимому, и повлияла на введение авторами в текст Библии таких устойчивых словосочетаний, как *лезть на рожон, царство Божие, ложка дегтя в бочке меда, кимвал звенящий, подставить другую щеку, колосс на глиняных ногах* и т. п. Устойчивые словосочетания являются самой многочисленной группой среди прототипов БФЕ (325 случаев из 500 проанализированных библеизмов).

В прототипах, представляющих собой компаративные конструкции типа *белый как снег, старый как Мафусаил*, первый компонент, обозначающий признак, обычно употребляется в буквальном значении. Функция второго компонента заключается в усилении признака, обозначаемого первым компонентом. Характерной чертой прототипов данного вида является частичная переосмысленность значения.

Прототипы, представляющие собой выражения пословичного характера, также принадлежат ко второй группе прототипов БФЕ. Это устойчивые выражения, представляющие собой законченные суждения и характеризующиеся спецификой выражения в форме предложения. Среди прототипов БФЕ выражения пословичного характера занимают незначительное место по сравнению с прототипами-переменными словосочетаниями и прототипами-устойчивыми словосочетаниями. Эти обороты осознаются как выражения пословичного характера благодаря не только структурному оформлению в виде предложения, но и их яркой образности, обобщенности и назидательной универсальности значения. Примерами подобных прототипов являются выражения: *Что посеешь, то и пожнешь; С кем поведешься, от того и наберешься; Не хлебом единым жив человек; Не рой яму другому – сам в нее попадешь; Не судите, да не судимы будете* и ряд других.

Прототипы-устойчивые выражения фразеологического характера являются потенциальными фразеологизмами, которые, хотя и обладают переосмысленным значением, устойчивостью и воспроизводимостью, а также образностью и метафоричностью, все же не являются языковыми единицами в тексте Библии, т. к. находятся в стадии своего становления.

Фразеологизмы вообще и библейские фразеологизмы в частности могут обслуживать как элементную, так и «событийную номинацию», по терминологии В. Г. Гака [3, с. 239], то есть обозначать не только отдельный элемент действительности, но и целое событие или ряд событий, или микро-ситуаций. В основе таких фразеологизмов лежит какой-либо библейский сюжет, являющийся прототипом особого рода. Такие событийные прототипы, или аллюзии, сочетают в себе как языковую (отдельные слова из библейского текста), так и внеязыковую (содержание библейского сюжета) основы. В первом случае перед нами – элементная аллюзия, например: БФЕ *блудный сын,* образованная на основе библейского расска-

за о блудном сыне, который, покинув отчий дом, промотал состояние своего отца и, спустя какое-то время, решил вернуться домой, где был встречен с распростертыми объятиями. В библейском тексте употребляется лишь один элемент вышеприведенного фразеологизма – слово *сын*. Во втором случае мы имеем дело с безэлементной аллюзией, например: *избиение младенцев.* В Библии (От Матфея, II:16) речь идет об истреблении всех вновь родившихся младенцев в Вифлееме по приказу царя Ирода после того, как он узнал о рождении Мессии. Таким образом, первичная ситуация служит в дальнейшем мотивом фразеологизации данных словосочетаний или предложений и обусловливает их высокую аллюзивность, которая понимается как способность навести мысль читателя/слушателя на нужные лица, обстоятельства, ситуации.

Среди исследуемых случаев событийных прототипов БФЕ преобладающими являются элементные аллюзии (21 случай из 29). И, несмотря на общее низкое число событийных прототипов среди прототипов БФЕ, можно предположить, что этот вид прототипов в большей степени присущ единицам исследуемой микросистемы по сравнению с другими микросистемами фразеологии.

Одной из причин фразеологизации, как известно, являются изменения в реальной действительности, ведь фразеология тесно связана с культурой, историей, религией народа – носителя языка, то есть является неотъемлемой частью языковой картины мира [4, с. 175]. Картины мира, так же, как и язык, изменчивы – они зарождаются, переживают период своего становления, существуют в некотором достаточно стабильном состоянии, подвергаются распаду и уничтожению. Но процесс уничтожения касается не всех картин мира. Так, религиозная картина мира претендует на вневременность при изменчивости деталей своего воплощения.

Наиболее распространенной формой семантического преобразования, определяющей пути и способы появления фразеологических единиц библейского происхождения, является образование БФЕ путем полного или частичного переосмысления переменных сочетаний слов и предложений (первой группы прототипов), то есть путем первичной фразеологизации. Метафорический перенос происходит чаще всего по следующим направлениям:

а) по качеству: *тьма египетская* (*кромешная тьма), мерзости земные;*

б) по состоянию: *запутаться в собственных сетях, на седьмом небе;*

в) по функции: *путеводная звезда, ложь во спасение.*

Несмотря на то, что метафора в большей степени, чем другие тропы, связана с познавательной деятельностью людей и является основным способом создания языковой картины мира в актах вторичной номинации, библеизмы в русском языке часто склонны к метонимичности, то есть к более регулярному виду переноса значения. В случае метонимического переосмысления между значением библеизма и его прототипа сохраняется более тесная связь, чем между значениями при метафорическом переносе, так как переосмысление исходных словосочетаний осуществляется на основе реальных связей между предметами, действиями или явлениями, которые отражают следующие виды отношений:

1) отношение между частью и целым: *капля в море, чистые руки;*

2) отношение между органом и функцией, которую он выполняет: *имеющий уши, да слышит, иметь глаза;*

3) отношение между именем и той характеристикой, которая с этим именем связана: *терпение Иова, добрый Самаритянин, Вавилонская блудница.*

Промежуточное положение между метафорой и метонимией занимает способность БФЕ к символическому переосмыслению. Символ содержит в себе сему условности, а поэтому удобен для того, чтобы им называли определенную манифестацию значения в языке. Фразеологические единицы и символические значения слов связаны воедино тем обстоятельством, что, будучи результатом вторичной косвенной номинации, они вызывают в сознании говорящего/слушающего часто перекрещивающиеся образные ассоциации.

Библия – один из богатейших источников символов разного рода, ведь библейская символика, бытовавшая в сознании людей в течение столетий, не могла не отразиться в языке.

В библейских выражениях представлены символы разных видов. Оценочные символы могут содержать потенциальные положительные семы оценки: *доброе имя, да будет свет, вера горами двигает*. Отрицательную оценочность несет в себе фразеологизм *тридцать серебренников*, обозначающий целую ситуацию и являющийся символом предательства, *золотой телец*, обозначающий поклонение деньгам и являющийся символом богатства, *гроб повапленный* – символ ханжества и др.

Символическим значением в составе БФЕ обладают также:

1) колористические компоненты: *белые одежды, белый как снег;*

2) зоосемические компоненты: *волк в овечьей шкуре, змий-искуситель;*

3) соматические компоненты: *заглянуть в свое сердце, хлеб всему голова;*

4) прориальные компоненты: *поцелуй Иуды, мудрость Соломона, Каинова печать;*

Отметим, что в составе библеизмов употребляются символы, которые иногда называют «символами в сильном смысле слова». К ним можно отнести слово *чаша*, которая является символом судьбы (*да минет нас чаша сия*), *крест* как символ христианства и страдания (*нести свой крест*).

Отличается своеобразием образование БФЕ на основе событийных прототипов. Созданный на основе какой-либо ситуации фразеологизм концентрирует в себе содержание целого сюжета в результате своеобразной компрессии образа, что находит выражение в аллюзии как способе фразеологизации. Такие БФЕ, как *блудный сын, заклать упитанного агнца, заблудшая овца,* мотивируются идеей целого сюжета. Другие же, например, *добрый Самаритянин, терпение Иова* и т. п., мотивируются не столько идеей сюжета, сколько каким-то из его фрагментов, несущественных для общей идеи. Основой данных оборотов послужил образ библейского персонажа или какая-то его черта [5, с. 337].

Итак, в ходе исследования выявляем следующие виды прототипов библейских фразеологической единиц:

а) переменные словосочетания или предложения,

б) устойчивые выражения фразеологического характера,

в) событийные прототипы.

В результате комплексного анализа выясняем, что наиболее распространенной формой семантического преобразования, определяющей пути и способы появления БФЕ, является полное или частичное переосмысление переменных сочетаний слов и предложений, то есть прототипов первой группы. Исследование показывает, что основные способы преобразования библейских прототипов в фразеологические единицы – это метафора, метонимия и символизация.

Список использованных источников

1. Дубровина, К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К. Н. Дубровина. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2010. – 808 с.

2. Мокиенко, В. М. Толковый словарь библейских выражений и слов / В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич, О. И. Трофимкина. – М. : АСТ, Астрель, 2010. – 639 с.

3. Гак, В. Г. К типологии лингвистической номинации / В. Г. Гак // Языковая номинация (Общие вопросы). – М. : Наука, 1977. – С. 230–293.

4. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. – 456 с.

5. Федуленкова, Т. Н. Диалог фразеологических единиц и их библейских прототипов / Т. Н. Федуленкова // Россия и Запад: Диалог культур : материалы 10-й Юбилейной Международной конф. − Вып. 12. − Ч. II. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. – С. 331–340.

Analysis of biblical borrowings in the Russian reveals three main ways of converting biblical prototypes into phraseological units, such as metaphor, metonymy and symbolization and leads to the conclusion that the most common form of semantic transformation that defines the means and ways of BPU emergence

is a complete or partial semantic transformation of prototypes of the first group, i.e. variable combinations of words and sentences.

Keywords: borrowed biblical phraseology, prototype, phraseological unit, ways the prototype semantic transference.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

УДК 37.091.3:811.161.1’243

Т. Е. Владимирова

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В центре внимания статьи поиск новых подходов к обучению иностранных студентов русскому языку как средству получения высшего образования. Особое внимание уделяется постнеклассическим концепциям учебной деятельности и раскрытию их лингводидактического потенциала, который способствует «вхождению» иностранных студентов в русское социокультурное и учебно-научное пространство.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лингводидактика, личность, образование, подход, постнеклассическая методология.

Преподавание русского языка иностранным студентам на предвузовском этапе базируется на лингводидактической концепции речевой деятельности, которая отвечает направленности на получение высшего образования. В поисках «точек роста» принятой концепции обратим внимание на следующий факт: методика преподавания русского языка как иностранного (далее – РКИ) изначально основывалась на данных лингвистики и других гуманитарных наук. Это делает актуальным:

1) обобщение накопленного опыта взаимодействия методики обучения РКИ с гуманитарными науками;

2) выделение тенденций, которые составляли основу обучающих технологий на различных этапах развития методики преподавания РКИ;

3) рассмотрение современных постнеклассических концепций научной и образовательной деятельности с целью раскрытия их лингводидактического потенциала.

Коротко рассмотрим основные этапы в развитии методики обучения РКИ, фокусируя внимание на последовательности инновационных подходов, которые формировались под воздействием доминирующей направленности гуманитарных наук.

Становление методики обучения иностранных студентов русскому языку предопределил **лингвистический поворот** (греч. epistrophe – возвращение, поворот) в гуманитарных науках, которые исходили из повышенного интереса к роли языка и речи в жизни человека [1, с. 93]. Позднее развивающаяся антропология переключила внимание исследователей с анализа языка на «человека в языке» (Э. Бенвенист). Однако преподавание РКИ в 50-е годы прошлого века по-прежнему оставалось ориентированным на знание языковой системы. При этом преподаватель выступал в функции субъекта учебной деятельности, а студент – в функции объекта. Доминирующий в этот период **грамматико-переводной метод** не мог подготовить носителей типологически далеких языков к обучению на основных факультетах. Поэтому в 60-е годы ему на смену пришел **сознательно-практический метод**, сочетавший знание системы языка и речевую практику на этом языке.

Коммуникативный поворот в гуманитарных науках со свойственным ему вниманием к «человеку говорящему» способствовал тому, что важнейшими исследовательскими объектами стали **языковая личность, речевая деятельность** и **межкультурная коммуникация**. В итоге разработанная Ю. Н. Карауловым концепция языковой личности легла в основу современной методики обучения РКИ. В свою очередь успехи психолингвистики, занимавшей-

ся анализом смысловой стороны речи, языкового сознания и социокода общения языковой личности способствовали становлению прагмалингвистики, этнопсихолингвистики, семантики текста и теории коммуникации. В результате в 70–80 гг. на смену сознательно-практическому пришел **коммуникативный метод** преподавания РКИ, который учитывал потребности студентов в общении с носителями языка и специфику межкультурного речевого взаимодействия. Позднее, с начала 90-х гг., широкое распространение получил **коммуникативно-деятельностный подход.** Но «внешнее воздействие дает тот или иной психический эффект, лишь преломляясь через психическое состояние субъекта, через сложившийся у него строй мыслей и чувств» [2, с. 276]. С принятием этого положения в практику обучения РКИ вошел **личностно-деятельностный подход** и модель совместной субъектно-субъектной деятельности преподавателя и студентов. Так, впервые за обучаемыми закреплялся статус субъекта учебной деятельности, а следовательно, и возможность проявить свою индивидуальность, интересы и собственные предпочтения.

Действительно, «человек есть существо, имеющее „проект“» [2, с. 344]. Поэтому развитие знаний, умений, навыков и компетенций в значительной степени зависит от соответствия занятий по русскому языку ожиданиям студентов. Но органичное «вхождение» в русское социокультурное и образовательное пространство обусловлено не только опорой на личностную мотивацию. Свойственное молодым людям стремление к «полноте времени» и «полноте бытия» (М. М. Бахтин) также оказывает влияние на учебный процесс в целом. Так, неудовлетворенность собственными результатами и, возможно, избранной преподавателем обучающей технологией могут вызывать экзистенциальные переживания. А возникающая при этом внутренняя напряженность тормозит развитие их когнитивно-коммуникативной, речемыслительной и творческой деятельности в русском образовательном пространстве.

Стремясь повысить результативность учебного процесса, вернемся к идее плодотворного взаимодействия лингводидактики с гуманитарными науками и к феномену «поворота». Так, вслед за лингвистической и коммуникативной доминирующими тенденциями в гуманитарных науках исследователи отмечают **онтологический** и **экзистенциальный повороты**, сформировавшиеся под воздействием положения о языке как «доме бытия» (М. Хайдеггер). Внимание к экзистенциально-онтологической стороне «присвоения» (А. Н. Леонтьев) неродного языка вполне объяснимо. Ведь языковая личность неотделима от унаследованного языка, культуры и от характерного для нее способа бытия. Поэтому развитие экзистенциальной лингвистики и психологии, а также «лингвистики языкового существования» (Б. М. Гаспаров), лингвистической онтологии, этнолингвокультурологии и этнопсихолингвистики внесли большой вклад в понимание речевого общения на родном и изучаемом языках. Примечательны и вошедшие в методику обучения РКИ понятия социокультурной, речеповеденческой, дискурсивной, экзистенциальной и межкультурной компетенций, образовательной среды и «диалога культур» как «навыков и умений, которые могут стать частью “философии жизни”» [3, с. 71]. Возникшие на этой основе методы активизации, групповой дискуссии, сценариев речевого поведения и проектов в значительной степени обусловлены «погружением» обучаемых в атмосферу реального языкового бытия. В этой связи заметим, что русское межличностное общение обладает значительным лингводидактическим потенциалом в силу его фатической направленности на достижение определенного уровня взаимодействия, взаимопонимания и взаимоотношений [4, с. 50]. Сегодня активное развитие информационно-коммуникационных технологий, в которых получил выражение так называемый **иконический поворот** [1], открывает новые перспективы для совершенствования методики преподавания РКИ.

Чтобы раскрыть закономерность перехода на новую ступень в развитии обучения русскому языку, обратимся к концепции исторически сложившихся типов научной рациональности В. С. Стёпина [5, с. 187–189]. Так, **классический тип научной рациональности**, сконцентрированный на исследуемом объекте, предопределил направленность учебной деятельности на **знаково-знаниевой аспект** владения русским языком, утвердив **субъектно-**

объектный характер взаимодействия преподавателя и студентов. Переход на **неклассический тип научной рациональности,** направленный на сам процесс познания, ориентировал обучение РКИ на **реальное общение** и **субъектно-субъектные отношения** между преподавателем и студентами. Однако при этом не учитывались личностные особенности учащихся, их интересы, мотивы и ценностные установки, существенные для развития речи на РКИ.

Постнеклассический тип научной рациональности направлен на **междисциплинарные** и **проблемно-ориентированные формы** научной и образовательной деятельности и учитывает **социальные ценности и цели**. Поэтому развитие принятой модели подготовки иностранных студентов к получению высшего образования на русском языке предполагает внесение качественных преобразований в учебную и учебно-научную деятельность на занятиях по русскому языку и профилирующим дисциплинам.

Чтобы представить открывшийся лингводидактический горизонт обучения русскому языку студентов гуманитарных специальностей, сосредоточим внимание на 3-х постнеклассических концепциях, которые выступают в учебном процессе как взаимодополняющие друг друга:

1) концепция «человекоразмерности» науки (В. С. Стёпин), а следовательно, и человекоразмерной учебной деятельности;

2) синергетическая концепция личности как целостной, саморазвивающейся и самоорганизующейся системы;

3) концепция эпистемологической позиции наблюдателя, которая свойственна воспринимающей и мыслящей личности.

Не имея возможности в рамках статьи подробно остановиться на каждой из вышеназванных концепций, рассмотрим их в контексте интегративного подхода, «основанного на взаимосвязанном формировании умений и навыков во всех видах речевой деятельности» на общем языковом материале [3, с. 95–96, 41]. Эффективность интегративной стратегии объясняется тем, что текстовая деятельность позволяет опираться на разнообразные взаимосвязи, возникающие между студентами и текстом. Однако реализация лингводидактического потенциала, заложенного в текстовой деятельности возможна лишь при условии доступности текстов для обучаемых. Поэтому отбирая тексты, соответствующие метатемам, актуальным для будущей специальности студентов, удается обеспечить постепенное расширение лексико-грамматического материала, необходимого для их понимания. Более того, тем самым достигается целостность и «человекоразмерность» развиваемых знаний, умений, навыков и компетенций.

В этой связи заметим, что принцип «человекоразмерности», восходящий к Протагору (*Человек есть мера всех вещей*), получил развитие в философской концепции «человекоразмерной социальной системы» В. С. Степина [5] и в педагогической концепции «человекоразмерного образования» Л. Н. Степашко [6].

Текст – важный стимул в развитии речи на русском языке, поэтому его соответствие актуальным метатемам будущей специальности и способность вызвать у студентов эффект «“перенесения” себя на героя» [7, с. 99] повышают «человекоразмерность» учебной деятельности. Более того, направленность на развитие когнитивно-коммуникативной и предметной компетенций позволяет избежать «усредненности» учебного процесса и ставить задачи, нацеленные на «зону ближайшего развития» (Л. С. Выготский). В свою очередь направленность на личностную включенность студента в учебную деятельность актуализирует в нем позицию наблюдателя, которая также является важным стимулом изучения языка. В результате каждый студент не только привносит свое мировосприятие, миропонимание и отношение к миру в учебную деятельность, но самостоятельно оценивает ее и достигнутый им уровень владения актуальными знаниями, умениями, навыками и компетенциями.

Таким образом, постнеклассический этап развития гуманитарных наук раскрывает ранее не принимавшиеся во внимание факторы межличностного взаимодействия преподавателя и студентов. Следовательно, выявление заложенного в них лингводидактического потен-

циала может рассматриваться как «точка роста» в разрабатываемых инновационных подходах к обучению иностранных студентов русскому языку для получения высшего образования.

Список использованных источников

1. Савчук, В. В. Феномен поворота в культуре XX века / В. В. Савчук // Международный журнал исследований культуры. – 2013. – № 1 (10). – С. 93–108.

2. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1973. – 424 с.

3. Азимов, Э. Г. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : Русский язык. Курсы, 2018. – 496 с.

4. Владимирова, Т. Е. Русский межличностный дискурс в системе социальной коммуникации / Т. Е. Владимирова // Метафизика. – 2017. – № 2 (24). – С. 42–57.

5. Стёпин, В. С. Философская актропология и философия науки / В. С. Стёпин. – М. : Высшая школа, 1992. – 191 с.

6. Степашко, Л. А. Философия и история образования: онтологические, антропологические основания: учебное пособие / Л. А. Степашко. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 248 с.

7. Леонтьев, А. А. Педагогическое общение / А. А. Леонтьев ; под ред. М. К. Кабардова. − 2-е изд. – М.–Нальчик, 1996. – 96 с.

The focus of the article is the search for new approaches to teaching foreign students the Russian language as a means of obtaining higher education. Particular attention is paid to post-non-classical concepts of educational activity and the disclosure of its linguodidactic potential, which contributes to the "entry" of foreign students into the Russian sociocultural and educational-scientific space.

Keywords: Russian language as a foreign, linguodidactics, ontology, personality, education, approache, post-non-classical methodology.

УДК 372.881.161.1

Н. П. Григорович, А. Э. Богатырёва

СОЗДАНИЕ УСПЕШНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ КОЛЛЕДЖА

В современных условиях актуальна проблема успешности обучения иностранных учащихся в колледжах и вузах Республики Беларусь. Авторы анализируют некоторые приемы организации работы на уроках русского языка по развитию индивидуальных способностей и возможностей обучающихся в процессе профессионального становления.

Ключевые слова: коммуникация, визуализация, индивидуальные особенности, учебная предметная среда, лингвистический компонент.

Современная образовательная практика позволяет отметить, что популярность качества услуг, предоставляемых белорусскими учреждениями образования, довольно высока. Конечно, это напрямую связано с ростом популярности русского языка во многих странах, в том числе и ближнего зарубежья. Вместе с тем нынешний подъём интереса к получению профессионального образования в колледжах и вузах, по мнению исследователей С. И. Лебединского, Л. Ф. Гербик, связан также с экономическими, политическими, социальными факторами. Русский язык для иностранных обучающихся – это не только важное средство общения, но и средство обеспечения активного участия в образовательном процессе в целом, участия в научно-техническом, культурном, профессиональном развитии [1, с. 6].

Данное положение подтверждено и авторским исследованием: 94,7% обучающихся в Оршанском колледже иностранных учащихся из Туркмении отметили, что учреждения образования Беларуси привлекательны для них, их знакомых, родителей с точки зрения качественного уровня получения профессии. На второй позиции – фактор экономический.

Современные подходы к подготовке специалистов в различных областях профессиональной деятельности требуют создания таких учебных предметных сред обучения, рациональных методов и приемов, организационных форм, технологий, которые бы обеспечивали эффективность, результативность учебно-воспитательного процесса.

Нельзя не согласиться с исследователем Е. В. Орловой, что инновационными подходами в обучении русскому языку как иностранному являются коммуникативно-компетентностное, личностно-ориентированное и профессионально ориентированное обучение [2, с. 299]. На наш взгляд, наиболее продуктивны образовательные технологии, методы, приёмы, которые направлены на организацию учебной деятельности с учётом профессионально-практической составляющей обучения, с учётом индивидуальных особенностей учащихся.

Опыт авторов в работе с учащимися, в основном из Туркмении, Армении, показал, что наибольшую значимость при создании успешной учебной среды имеет определение уровня владения языком обучения и развитие общеучебных умений, обеспечивающих возможность учиться самостоятельно при освоении курса дисциплин специальностей «Начальное образование», «Иностранный язык (английский)». Цель работы – анализ приёмов организации познавательной деятельности иностранных учащихся средствами неродного языка в иноязычной учебной среде в процессе профессиональной подготовки.

На начальном этапе нами было выявлено, что прибывающие из постсоветского зарубежья в основном владеют, пусть и в разной степени, разговорным русским, но в то же время испытывают затруднения в усвоении терминологической предметной лексики, слабо понимают и интерпретируют научные, учебно-научные тексты, не обладают умением работать с различными источниками информации. Немаловажно и то, что для 100% обучающихся (19 чел.), особенно из Туркмении, очень сложно усвоить фонетические, орфоэпические, акцентологические отличия в русском и родном языках. Так, практически у всех отсутствует умение артикулировать мягкие согласные звуки (100%), понимать функции мягкого, твёрдого знаков (89,5%), соотносить родовые формы имён существительных и глаголов (84,2%). Соответственно, наша задача состоит в том, чтобы помочь каждому учащемуся с учётом имеющегося у него опыта совершенствовать индивидуальные способности, определить педагогические условия, необходимые для раскрытия познавательных возможностей учащихся.

На наш взгляд, раскрытию возможностей обучающихся способствуют принципы диалогизма, взаимного понимания и доверия, подлинного сотрудничества, равенства учащихся, отсутствие боязни допустить ошибку и, главное, чувство уверенности в поддержке со стороны педагога.

Значительное внимание на I курсе мы уделяем лингвистическому компоненту как основному компоненту коммуникативной компетенции. Ориентируем на знание лексики, правил произношения, правил образования грамматических форм. Считаем, что без владения лингвистическими нормами невозможна никакая вербальная коммуникация.

На каждом занятии в материал словарной работы включаем терминологию изучаемых учебных дисциплин, особенно профессионального компонента: педагогики, психологии, частных методик. Для этого совместно с преподавателями разных цикловых комиссий составлен минимальный предметный словарь.

С целью более эффективного усвоения учебного теоретического материала информацию часто представляем в виде логических схем, обобщающих таблиц, алгоритмов с краткими комментариями, чтобы, не снижая научного содержания, доступно структурировать учебный текст, сделать его удобным для запоминания. Например, при изучении тем «Орфоэпические нормы. Произношение сочетаний звуков», «Употребление прописной буквы»,

«Слитные, раздельные, дефисные написания» весьма эффективны ментальные карты, передающие логику и последовательность усвоения довольно больших по объёму правил.

Для выработки умений согласовывать в родовых формах глагольно-именные сочетания целесообразно использовать графические знаки. На первых порах учащиеся учатся определять род имён существительных и глаголов, называют выделенные другим цветом окончания временных форм. Средством подсказки вначале служат графические знаки (стрелки) как условное обозначение. Затем получают карточки с предложениями, в которых окончания не выделены, а затем и с отсутствующим графическим символом. Для контроля можно использовать предложения уже более сложного типа: «Около огней дрожал**о** и как будто замирал**о**, упираясь в темноту, круглое красноватое отражени**е**», «Беловатое облак**о**, как голова огромного зверя, выплывал**о** на восточном горизонте».

Иностранные учащиеся в большинстве своём встречаются с трудностями, касающимися семантизации русских предлогов, которые используются для выражения временных отношений. Обучающимся очень сложно осознать связь данных предлогов с последующими именами существительными или числительными. Для формирования данных грамматических умений целесообразно использовать на начальном этапе схемы-ориентиры, которые вначале заполняются в процессе коллективной деятельности, а затем – самостоятельно. Так, в схеме представлены предлоги *до, во время, после,* а в скобках указано: «название события, действия, явления». Временная схема может быть следующего вида:

– Что вы делаете *до обеда*?

– Что вы будете делать *после* учебных занятий?

– Что вы делаете *во время* каникул?

Выработке произносительных умений мягких согласных звуков способствуют разнообразные приёмы: чтение слоговых таблиц, прослушивание и анализ текстов, элементарный подсчёт мягких согласных звуков в словах, определение способа указания на мягкость предыдущего согласного.

Данная работа опирается на активное включение в практику формирования вышеуказанных умений мультимедийных технологий, что способствует более глубокому усвоению теоретических и эмпирических знаний и достижению учащимися целей обучения. Чаще всего мы используем слайды, фильмы, компьютерную симуляцию, учебные дидактические игры по русскому языку, электронные словари, обучающие программы. Но, прибегая к различным видам визуализации, мы пришли к выводу, что для иностранных учащихся необходимо детально продумывать способ представления видеоматериала, чётко формулировать целевые установки, использовать мультимедийный компонент не более 4-х минут. На качество отбора мультимедийных продуктов и расширение возможностей подачи учебного материала обращают внимание и российские исследователи И. В. Бимурзина, Г. С. Аркабаева, Л. Ф. Штефан и др. [3, с. 39].

Авторское анкетирование показало, что включение средств визуализации в структуру урока повышает мотивацию изучения русского языка как средства получения специальности: 94,7% учащихся подчеркнули, что учебный материал практически по всем разделам курса им усваивать легче.

Таким образом, преподавание русского языка как иностранного будет способствовать профессионально-личностному росту обучающихся в том случае, если основу образовательной среды составляют компетентностный подход, профессионально ориентированное обучение, учет личностного потенциала учащихся.

Список использованных источников

1. Лебединский, С. И. Методика преподавания русского языка как иностранного : учебное пособие / С. И. Лебединский, Л. Ф. Гербик. – Минск, 2011. – 309 с. (электронная версия).

2. Орлова, Е. В. Инновационные подходы при обучении русскому языку в современном вузе / Е. В. Орлова // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2017. – № 2. – С. 299–309.

3. Бимурзина, И. В. Инновационные технологии: развитие коммуникативной компетенции иностранных студентов в преподавании русского языка как иностранного / И. В. Бимурзина // Вестник ТГПУ. – 2013. – № 13 (141). – С. 39–42.

In modern conditions, the problem of the success of training foreign students in colleges and universities of the Republic of Belarus is relevant. The authors analyze some methods of organizing work in the Russian language lessons on the development of individual abilities and capabilities of students in the process of professional development.

Keywords: communication, visualization, individual characteristics, educational subject environment, linguistic component.

УДК 811.161.1:61:378

Н. А. Дзвинковская, С. Ф. Кошевец

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА СПЕЦИАЛЬНОСТИ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

Изучение фразеологии в иностранной аудитории определяется необходимостью формирования у учащихся системного представления о русском языке. Эффективным является изучение фразеологических единиц в рамках тем, непосредственно связанных с языком специальности, в контексте метода фразеологических параллелей.

Ключевые слова: фразеологическая единица, культурологическая компетенция, номинативная единица языка, метод фразеологических параллелей.

Богатство и разнообразие русской фразеологии по своему составу, происхождению и стилистическим возможностям позволяет минимальными средствами передать больший смысловой объем и сделать это эмоционально и выразительно.

Обозначая предметы и явления, их признаки и свойства, действия и состояния, фразеологизмы выражают различные отношения говорящего к высказываемой мысли, чувства и эмоции человека, являются действенным средством повышения культуры речи и речевого мастерства, содействующего расширению фразеологического запаса учащихся [1]. В русском языке насчитывается несколько десятков тысяч фразеологизмов, и значительная часть их активно используется в устной и письменной речи, украшая ее и придавая ей особое звучание.

В основополагающей работе Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова восприятие культуры другой страны рассматривается через изучение номинативных единиц языка, носителей национально-культурной информации [2, с. 6]. К таким номинативным единицам причисляются и фразеологические единицы (ФЕ).

Обязательное понимание того, что фразеологизмы – это устойчивые сочетания в языке, основная черта которых – воспроизводимость, предполагает употребление их в неизменном виде. Изменение состава фразеологического оборота может привести к полному разрушению его смысла, так как фразеологизмы не создаются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые единицы [3, с. 81]. Характерной особенностью фразеологизмов является то, что их значение не является суммой значений входящих в него слов, что вызывает особые трудности для понимания смысла чужой речи у иностранных студентов, изучающих русский язык. Именно поэтому знакомство с ФЕ способствует не только расширению словарного запаса

иностранных учащихся, но и формированию культурологической компетенции [4, с. 34], так как именно во фразеологии наиболее ярко проявляется национальная специфика языка.

Изучение фразеологии в иностранной аудитории определяется также необходимостью формирования у учащихся системного представления о русском языке [5, с.71]. Отсутствие хотя бы минимальной базы ФЕ приводит к тому, что студент занимается пословным переводом и, как следствие, не понимает или недопонимает смысл всего текста в целом.

Однако из-за необходимости колоссальных интеллектуальных затрат со стороны студента при изучении фразеологической системы языка в силу трудности усвоения, а также в связи с тем, что инофон должен обладать достаточным объемом лингвокультурологической и исторической информации, ФЕ изучаются студентами-медиками в ограниченном количестве, в составе терминологической лексики.

Как показывает практика, если студент избегает употребления ФЕ, это приводит к тому, что впоследствии при обучении на старших курсах, прохождении клинической практики, в общении с пациентами в клинике ему предъявляется для запоминания одномоментно большое количество неструктурированной информации.

В ситуации, когда времени, выделенного на изучение фразеологии, недостаточно, актуализируется необходимость применения иного механизма для запоминания и создания контекста употребления. С учетом сложности информации и ее большого объема, эффективным является изучение ФЕ в рамках тем, непосредственно связанных с языком специальности, в контексте метода фразеологических параллелей. Отличительными чертами этого метода являются повышение учебной мотивации к изучению русского языка, вовлечение учащихся в учебный процесс, глубинное понимание и восприятие лексического минимума, предлагаемого для изучения.

Совместная деятельность учащихся в процессе поэтапного и дозированного обучения русскому языку на основе включения в учебные материалы определенного набора ФЕ, активно функционирующих в современной русской языковой среде, позволяет избежать пассивного восприятия учебного материала при изучении языка специальности студентами-медиками и создает необходимые условия для успешной коммуникации.

Так, при изучении темы «Повторяем анатомию. Части тела» совместно с лексикой специальности вводятся следующие ФЕ:

Голова: *потерять голову, светлая голова, пустая голова.*

Зубы: *стучать зубами, заговаривать зубы, зуб на зуб не попадает.*

Ногти, пальцы: *до кончиков ногтей, прижать к ногтю, смотреть сквозь пальцы.*

Ноги: *встать с левой ноги, ставить на ноги, одна нога здесь, другая там.*

Колени, локти: *море по колено, кусать локти.*

Руки: *правая рука, руки коротки, рука не поднимается, носить на руках.*

Плечи: *подставить плечо, плечом к плечу.*

Кости: *перемывать кости, разобрать по косточкам.*

Нервы: *портить нервы.*

При изучении тем «Заболевания органов сердечно-сосудистой системы», «Заболевание органов дыхательной системы» вводятся следующие ФЕ:

Сердце: *открыть сердце, сердце замерло, сердце не на месте, предложить руку и сердце, найти дорогу к сердцу.*

Кровь: *проливать кровь, голубая кровь, портить кровь.*

Нос: *водить за нос, зарубить на носу, под носом.*

Горло: *в горле пересохло, кусок в горло не лезет, сыт по горло, наступить на горло.*

Ухо, уши: *держать ухо востро, уши вянут, пропустить мимо ушей, в одно ухо влетело, в другое вылетело.*

Рот: *рот не закрывается, лишний рот, капли в рот не брал.*

Язык: *язык без костей, язык на плече, тянуть за язык, острый язык.*

Наряду с общеупотребительными, вводятся с объяснением происхождения и профессиональные ФЕ, в частности, названия следующих заболеваний, симптомов и синдромов: *грудная жаба, волосатое сердце, паучья кисть, мраморная болезнь, львиное лицо, маска Паркинсона, лицо Корвизара.*

При работе с фразеологизмами предлагается следующий комплекс заданий.

1 Найти фразеологизмы, имеющие в своем составе данные словоформы.

2 Объяснить смысловое значение фразеологизмов, используемых в данной ситуации.

3 Привести эквивалентные фразеологизмы родного языка и перевести их на русский язык.

4 Выстроить ряды фразеологизмов-синонимов и фразеологизмов-антонимов.

5 Объяснить происхождение (образование) следующих фразеологизмов: *коленная чашечка, ушная раковина, глазное дно, надбровные дуги, грудная клетка, кисти рук, черепная коробка, лобные доли.*

6 Описать речевую ситуацию, позволяющую использовать определенную группу фразеологизмов, осознать контекст употребления ФЕ.

Метод фразеологических параллелей позволяет каждому учащемуся принимать активное участие в обсуждении и высказывании собственного мнения по поводу того или иного культурного явления, действия или события, обмениваться знаниями, идеями, способами деятельности.

Таким образом, студент приходит к пониманию, что устойчивые словосочетания и выражения имеют совершенно конкретный, определенный смысл, не просто заменяют слово, а придают речи большую выразительность и яркость [6, с. 231]. Студент постепенно увеличивает свой пассивный запас ФЕ, необходимый ему для непосредственного общения с носителями языка.

Фразеологизмы разных языков – это культурно-языковое богатство народа. Сопоставление их лексико-грамматической природы будет способствовать преодолению препятствий в постижении фразеологического богатства языка, пониманию мировосприятия различных народов.

Список использованных источников

1. Булыко, А. Н. Фразеологический словарь русского языка / А. Н. Булыко. – 2-е изд. – Минск : Попурри, 2008. – 448 с.

2. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1990. – 246 с.

3. Рудь, Л. Г. Культура речи : учеб. пособие / Л. Г. Рудь, И. П. Кудреватых, В. Д. Стариченок; под общ. ред. В. Д. Стариченка. – 2-е изд., испр. – Минск : Выш. шк., 2010. – 272 с.

4. Бондаренко, В. В. Фразеологизм как инструмент активизации речевой деятельности иностранных студентов (на материале русского языка как иностранного) / В. В. Бондаренко, Л. Н. Бондаренко // Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития : материалы XIX Международной научно-практической конференции (г. Минск, 21 ноября 2017 г.). – Минск : Научный мир, 2017. – С. 34–37.

5. Кривонос, Е. А. Изучение фразеологических единиц на уроках грамматики // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития: материалы IV Междунар. науч. конф., 21–21 мая 2010 г. Минск / редкол.: С. И. Лебединский (пред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2010. – С. 71–76.

6. Вариченко, Г. В. Социокультурные единицы в обучении иностранных студентов русскому языку // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития : материалы IV Междунар. науч. конф., 21–21 мая 2010 г. г.Минск / редкол.: С. И. Лебединский (пред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2010. – С. 213–218.

The study of phraseology in a foreign audience is determined by the need to form a systematic understanding of the Russian language among students. Efficiency is the study of phraseological units in the

framework of topics directly related to the language of the specialty, in the context of the method of phraseological Parallels.

Keywords: phraseological unit, cultural competence, nominative unit of language, method of phraseological Parallels.

УДК 373.091.3:808.5:811.161.1

Ж. Ф. Жадейко

ОТРАЖЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУР ПРИ ФОРМИРОВАНИИ РИТОРИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье на примере упражнений из учебных пособий «Русский язык. 5 класс» и «Русский язык. 8 класс» для учреждений общего среднего образования Республики Беларусь рассматривается отражение белорусской и русской культур при формировании риторической компетенции на уроках русского языка.

Ключевые слова: русская и белорусская культуры, упражнение, риторические умения и навыки, риторическая компетенция.

В Республике Беларусь русский язык, как один из государственных языков (наряду с белорусским), является не только средством общения, но и объектом изучения, а также средством обучения и воспитания в учреждениях образования. В «Концепции обучения русскому языку в системе общего среднего образования Республики Беларусь» сделан акцент на необходимости взаимосвязи и системности процесса развития языковой и речевой личности, способствующего реализации различных направлений: лингвистического, речевого, коммуникативно-риторического, лингвокультурологического и социокультурного. В названном документе определены компетенции, соответствующие данным направлениям, и их составляющие, а также основные подходы к обучению русскому языку. Так, коммуникативно-риторическая компетенция предполагает «владение культурой речи, правилами речевого общения и разными видами речевой деятельности; сформированность умений создавать самостоятельные устные и письменные связные высказывания разных стилей, типов и жанров речи в соответствии с целями и задачами общения» [1, с. 5], а риторический подход «направлен на формирование у учащихся основ знаний о правилах речевого общения, освоение ими методов и способов работы над своей речью, овладение разнообразными диалогическими и монологическими средствами речевого мастерства, культурой слова и культурой мысли, способами улучшения взаимопонимания при общении» [1, с. 8]. С учётом того, что среди подходов к обучению риторический выделен как отдельный подход, а также принимая во внимание, что риторическая компетенция является одной из составляющих коммуникативную, представляется возможным, на наш взгляд, говорить о формировании у учащихся риторической компетенции – риторического мастерства учащихся, овладение которым, в соответствии с учебной программой, предполагается на третьей ступени обучения; риторических знаний, умений и навыков, постепенное формирование которых, в соответствии с учебной программой, предусмотрено на второй ступени обучения и представляет собой риторическую пропедевтику.

Обучение риторике не случайно включено в состав курса «Русский язык» учреждений общего среднего образования Республики Беларусь на второй и третьей ступенях обучения. Цель и задачи обучения русскому языку соотносятся с целью и задачами обучения риторике: «оба учебных предмета реализуют практическую коммуникативно-речевую парадигму обучения, направленную на языковое и речевое развитие учащихся и имеющую культурологи-

ческое и социокультурное значение, так как обе дисциплины помогают познавать законы эффективного общения как компонента русской и национальной культуры [5, с. 62].

Именно в языке, как известно, отражена культура народа, его история и традиции, менталитет, этикет, духовные ценности. Без учёта данного факта невозможно, на наш взгляд, обучение названным дисциплинам.

На примере упражнений, образцы которых имеются в учебных пособиях «Русский язык» для учреждений образования с русским и белорусским языками обучения, рассмотрим, каким образом русская и белорусская культуры отражаются при формировании риторической компетенции на уроках русского языка.

Для того чтобы сформировать у обучаемых умение самостоятельно создавать собственный текст в соответствии с определённым стилем, типом и жанром речи, необходимо на начальном этапе формировать умения анализировать текст (образец), определять его тему, основную мысль, стиль и тип речи; выявлять средства языковой выразительности и фигуры речи в нём; собирать материал для создания текста на определённую тему; пересказывать тексты, а затем создавать, редактировать произносить собственные речевые продукты и анализировать их с точки зрения как произнесения, так и воздействия на слушателей.

В основе создания новых учебных пособий по русскому языку реализуется текстоцентрический подход, позволяющий на каждом уроке осуществлять работу по формированию у учащихся умений и навыков анализировать текст, определять его тему, основную мысль, жанр, стиль и тип речи; анализировать, подбирать или выбирать из предложенных заглавие текста. Упражнения многих параграфов современных учебных пособий объединены одной темой, однако содержат тексты разных типов, стилей и жанров речи, что позволяет на конкретных примерах демонстрировать тексты разных стилей и жанров речи, написанные на одну тему.

Например, раздел «Повторение изученного в начальных классах» начинается в учебном пособии для 5-го класса с текста-повествования о первом дне сентября – начале нового года у славян, Семён-дне; традициях, связанных с празднованием нового года; духовных ценностях наших предков. Учащимся предлагается определить тему текста; найти предложение, содержащее основную мысль; озаглавить текст; ответить на вопросы по содержанию; определить тип речи, к которому относится данный текст, аргументировать свой ответ. В качестве текста-описания для анализа предлагается отрывок из «Антоновских яблок» лауреата Нобелевской премии И. А. Бунина; рассуждения – текст о русских народных названиях первого месяца осени, содержащий также приметы и поговорки о сентябре. Учащимся предлагается объяснить смысл данных поговорок; порассуждать над народными названиями сентября (почему месяц получил такие названия?); указать и объяснить белорусское название данного месяца; рассмотреть фотоснимки вереска и составить мини-текст о нём. Кроме того, первый параграф «Текст» содержит рубрику «Вспоминаем и повторяем», в которой даётся схема «Типы речи», содержащая основные признаки текстов разных типов речи и композиционную схему текста-повествования. Учащимся предлагается ознакомиться с данной схемой и рассказать по ней о разных типах речи [2, с. 4].

В разделе «Орфография» для анализа предлагается текст о появлении символа России – матрёшки, после работы над содержанием которого даётся задание назвать известные учащимся символы Беларуси, рассказать об одном из них. Названный раздел также содержит для анализа, а затем для пересказа текст о Хохломе, о деревянной расписной посуде, хохломской росписи как русском народном промысле. В параграфе «Правописание безударных гласных в окончании» даётся упражнение, содержащее текст о гончарном искусстве и любимой белорусами глиняной игрушке. В разделе предлагается для анализа текст о славянской мифологии, о ее истоках, о берегинях и оберегах, в частности тряпичных куклах-оберегах без лиц (по верованиям славян, в куклы без лиц не может вселиться злой дух). В упражнении, содержащем текст о соломоплетении как национальной гордости белорусов и соломенном пауке как древнем белорусском обереге, даётся задание проанализировать предложен-

ные заглавия, выбрать название, наиболее точно отражающее содержание текста, его тему и основную мысль, либо предложить собственное заглавие. После данного упражнения даётся упражнение, в котором нужно порассуждать, почему зубр является символом Беларуси; назвать материал, из которого сегодня изготавливаются сувенирные зубры; рассмотреть соломенную скульптуру зубра и описать её. Названный параграф содержит упражнение, в котором даётся задание рассмотреть изображённые на фотоснимках глиняные игрушки современных мастеров, составить словосочетания для описания игрушек и порассуждать, почему важно хранить народные традиции и ремёсла. Завершается параграф упражнением «Письмо по памяти», в котором предлагается для анализа, заучивания наизусть и написания по памяти стихотворный текст русского поэта Л. Ошанина о ещё одном символе Беларуси – льне [3, с. 33].

В параграфе «Правописание о, ё после шипящих в корне слова» есть упражнение с текстом о жостовском подносе, об истории данного русского промысла. Среди заданий для анализа текста есть задания объяснить принцип деления текста автором на абзацы, объяснить заглавие «Жостовский букет» и предложить другое. Для написания сжатого изложения предлагается текст о белорусской птичке, которая занесена в Красную книгу Республики Беларусь, – камы́шевке (камышóвке); дети узнают, что название птички имеет двоякое написание, зафиксированное в орфографическом словаре. Все перечисленные тексты о народных промыслах, верованиях и др. снабжены цветными иллюстрациями, позволяющими учащимся видеть предмет речи, что, несомненно, облегчает восприятие, понимание и запоминание информации, содержащейся в тексте.

Параграф «Правописание о, а в корнях с чередованием -гор-//-гар-, -зор-//-зар-, -клон-//-клан-» открывается рубрикой «Анализируем», содержащей упражнение с текстом о старинной славянской игре горелки, вариантах её названия и сути игры. Для отработки орфографических навыков правописания корня -зор-//-зар- предлагается отрывок из очерка К. Паустовского «Язык и природа» об утренней и вечерней заре, о заревом часе, о том, как зарницы за́рят хлеб. Названный текст анализируется, учащиеся создают на его основе собственные тексты, в которых объясняют, чем зарница отличается от зари, а утренняя заря от вечерней.

В рубрике «Анализируем» для наблюдения над корнем -клон-//-клан- и формулирования учащимися правила о его правописании предлагается упражнение с четырьмя русскими загадками о топоре. Выполнение данного упражнения предполагает разные виды анализа: орфографический, стилистический, анализ жанрового своеобразия текста. Подобные виды анализа содержат упражнения с русскими пословицами, поговорками, скороговорками. Учащиеся не только выполняют орфографический и пунктуационный анализ названных микротекстов, но и объясняют в собственных текстах-рассуждениях, как понимают смысл данных пословиц и поговорок; составляют тексты-повествования, заканчивающиеся указанными пословицами и поговорками или раскрывающими их смысл, имеющими основную мысль, заключённую в пословице или поговорке и т. п. Таким образом учащиеся учатся вводить данные микротексты в собственные тексты. К русским пословицам и поговоркам подбираются белорусские эквиваленты, что позволяет в процессе формирования риторической компетенции осуществлять так называемый диалог культур.

Как известно, одним из требований к речи оратора является умение чётко, выразительно и грамотно произносить речь. На формирование данных риторических умений и навыков направлены задания выразительно читать тексты, а также задания по фонетике и орфоэпии, среди которых особое место занимают упражнения, содержащие русские скороговорки. Работа над скороговорками активно ведётся при изучении раздела «Фонетика», содержащего упражнения, направленные на формирование у учащихся умения соблюдать произносительную и акцентологическую нормы речи. Приведём в качестве примера задания к упражнению, содержащему скороговорки: «1. Посоревнуйтесь в произнесении скороговорок. 2. Какие звуки можно отработать с помощью данных скороговорок? 3. Какие скороговорки полезно произносить белорусам? Почему?» [2, с. 134]. Кроме того, учащимся предлагается вспомнить и

назвать белорусские скороговорки; объяснить, произношение каких звуков они помогают отработать.

Русская и белорусская культуры нашли отражение и в упражнениях, содержащих тексты по этимологии, в которых рассказывается не только о происхождении названий месяцев (пример текста о названии сентября приведён нами выше; в текстах учебного пособия для 5-го класса повествуется о происхождении названий разных месяцев), но и об этимологии названий птиц, обитающих на территории как России, так и Беларуси, о происхождении некоторых слов и устойчивых выражений. С целью расширения словарного запаса учащихся упражнения, содержащие тексты о происхождении фразеологических оборотов, как правило, кроме заданий, связанных с анализом текстов, содержат задания, направленные на контроль уровня сформированности правописных и речевых (риторических) умений и навыков: подготовленный диктант, разные виды устного и письменного пересказа (сжатое, подробное, выборочное изложение), развёрнутый ответ на вопрос, устные и письменные сочинения разных типов речи. Так, учебное пособие «Русский язык. 8 класс» содержит тексты «Иван, не помнящий родства» [4, с. 169], «Несолоно хлебавши» [4, с. 185], «Мели, Емеля, твоя неделя» [4, с. 169], «Курский соловей» [4, с. 258] и др.

Тексты о народных традициях, праздниках русских и белорусов также не только отражают культуры, но и позволяют видеть общность двух славянских народов. Например, учебное пособие для 8-го класса содержит текст о праздновании Масленицы в Пензенской и Симбирской губерниях, о сооружении снежных городков на реках, о Прощёном воскресенье. После анализа данного текста учащимся даётся задание рассказать о том, как празднуется Масленица в их местности, в Беларуси. В следующем упражнении предлагается прослушать пьесу П.И. Чайковского «Февраль. Масленица» из цикла «Времена года» и написать мини-сочинение о том, что учащиеся видят и слышат во время звучания названной пьесы. В качестве подсказки даются варианты начала текста. Упражнение с текстом о русском художнике В. Сурикове призвано подготовить учащихся к работе над сочинением по картине «Взятие снежного городка». В учебном пособии даётся план сочинения [4, с. 188].

Диалог русской и белорусской культур нашёл отражение и в других упражнениях по развитию речи учащихся как необходимой составляющей риторической компетенции. Так, после выполнения упражнений, содержащих материал для описания картины В. Серова «Мика Морозов» в учебном пособии для 8-го класса предлагаются упражнения для работы над сочинением по картине И. Хруцкого «Портрет мальчика в соломенной шляпе», а в учебном пособии для 5-го класса после работы над картиной И. Грабаря «Февральская лазурь» предлагаются упражнения, содержащие материал для работы над сочинением по картине «Иней» С. Жуковского – известного пейзажиста, родившегося на Гродненской земле.

Таким образом, русская и белорусская культуры нашли отражение в упражнениях, содержащих тексты о славянских символах, верованиях, названиях месяцев и др.; о символах России и Беларуси; о русских и белорусских народных промыслах и традициях, играх, приметах, произведениях искусства и т.д. Данные упражнения направлены на формирование у школьников риторических и общеобразовательных компетенций: умений и навыков интерпретировать содержание прочитанных текстов, умений собирать материал для написания сочинений, создавать тексты разных типов и стилей речи, озвучивать тексты в соответствии с фонетическими нормами, анализировать самостоятельно созданные тексты.

Список использованных источников

1. Концепция обучения русскому языку в системе общего среднего образования Республики Беларусь // Русский язык и литература, 2015. – № 9. – С. 3–10.

2. Мурина, Л. А. Русский язык : учебное пособие для 5-го класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения : в 2 ч. / Л. А. Мурина, Т. В. Игнатович, Ж. Ф. Жадейко. – Минск : Национальный институт образования, 2019. – Ч. 1. – 144 с.

3. Мурина, Л. А. Русский язык : учебное пособие для 5-го класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения : в 2 ч. / Л. А. Мурина, Т. В. Игнатович, Ж. Ф. Жадейко. – Минск : Национальный институт образования, 2019. – Ч. 2. – 144 с.

4. Мурина, Л. А. Руский язык : учебное пособие для 8-го класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения / Л. А. Мурина, Т. В. Игнатович, Ж. Ф. Жадейко. – Минск : Национальный институт образования, 2018. – 248 с.

5. Игнатович, Т. В. Риторические знания в курсе русского языка в учреждениях общего среднего образования Республики Беларусь/ Т. В. Игнатович // Русский язык и литература, 2016. – №10. – С. 60–64.

The article is an example of exercises from textbooks "Russian. Grade 5" and "Russian. Grade 8" for institutions of general secondary education of the Republic of Belarus the reflection of the Belarusian and Russian cultures is considered in the formation of rhetorical competence on Russian pupils do somthingin.

Keywords: Russian and Belarusian cultures, exercise, rhetorical skills, rhetorical competence.

УДК 811.161.1'42:130.2(476+470+477)

Т. А. Игнатенко, С. Н. Стародубец

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В СЛАВЯНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

В работе проанализирована актуальность культурологических знаний школьников в славянском пограничье, сфокусированных диалектными словами базовых тематических групп. Посредством социолингвистического эксперимента установлено, что наиболее актуальными в идиолекте школьников Климовского района Брянской области являются диалектные наименования продуктов питания, а также наименования человека по профессиональной принадлежности и по признаку родства.

Ключевые слова: диалектное слово, тематическая группа, метод социолингвистического эксперимента.

Профессор кафедры русского языка и литературы Педагогического института НИУ «БелГУ» РФ, доктор филологических наук Татьяна Фёдоровна Новикова разработала интегрированный курс «Лингворегионоведение», «обладающий несомненным культурно-образовательным и воспитательным потенциалом» [1, с. 3]. В нашей работе «Лингвистическое краеведение в системе профильного обучения» подчёркиваем, что «содержание регионального компонента в области русского языка определено, с одной стороны, краеведческим историко-филологическим материалом (факты истории, биографии знаменитых соотечественников-лингвистов), с другой стороны, собственно лингвистическим наполнением: топонимы, антропонимы, диалектные слова, региональная лексикография, лингвистический анализ текста брянских авторов» [2, с. 60].

Считаем целесообразным использование и научных методов (социолингвистического, ассоциативного эксперимента, семантического дифференциала и др.) в лингвометодических целях при изучении русского языка как родного в монокультурной и поликультурной среде.

Нами был апробирован метод социолингвистического эксперимента с целью определения современных особенностей идиолекта школьников в пограничном регионе.

Небезызвестно, что профессор Новозыбковского государственного педагогического института П. А. Расторгуев квалифицировал говоры юго-западных районов Брянской области как «южновеликорусские», но «развивавшиеся в прошлом и развивающиеся теперь, в настоящем, на белорусской основе» [3, с. 194].

Среди учащихся 10 «А» класса Климовской средней общеобразовательной школы № 1 Брянской области РФ в октябре 2019 года было проведено анкетирование «Диалектные слова в нашей жизни». В нем приняли участие 22 человека. На вопрос, известно ли вам, что такое диалектизмы, все учащиеся ответили утвердительно. На вопрос «В речи кого из членов семьи чаще всего употребляются диалектные слова?» учащиеся ответили, что диалектизмы чаще всего используют люди пожилого возраста (их дедушки и бабушки), реже родители десятиклассников.

Следующим разделом анкеты были задания по тематическим группам диалектных слов. Список диалектных слов был составлен на основе «Словаря народных говоров Западной Брянщины» Павла Андреевича Расторгуева [4].

Были проанализированы 9 диалектных наименований, обозначающих продукты питания. Значение слова ***цибуля*** (лук) знают 11 человек 10 «А» класса (50% обучающихся), значение слова ***кавун*** (арбуз) – 14 человек (64%), значение слова ***шкварки*** (куски жареного сала**)** – 17 человек (77%), значение слова ***юшка*** (уха, любая жидкость) – 18 человек (82%), значение слов ***бульба*** (картофель**)** и ***бурак*** (свёкла**)** знают все учащиеся (100%), значение слова ***гурок*** (огурец) – 20 учащихся (91%), значение слова ***гарбуз*** (тыква) – 19 человек (86%), значение слова ***дранки*** (драники) – 20 обучающихся (91%).

Из 4 диалектных наименований, обозначающих предметы быта, значение слова ***клямка*** (щеколда**)** известно 2 обучающимся (9%), значение слова ***прясла*** (изгородь) не знает никто, значение слова ***хвортка*** (калитка) известно 11 учащимся (50%), значение слова ***услон*** (скамейка) знают 9 десятиклассников (41%).

Из группы диалектизмов, обозначающих названия одежды, было проанализировано 4 слова. Номинация ***рушник*** (полотенце) известна 14 обучающимся (64%), ***чоботы*** (сапоги) знают 10 человек (45 %), ***хуста*** (платок) 11 десятиклассникам (50%). Что такое ***капелюх*** (род головного убора, шляпка), правильно ответили 8 человек (36%).

Из группы диалектных наименований, обозначающих животных и птиц, десятиклассниками было предложено 4 слова. Лексическое значение слова ***чушка*** (поросёнок, молодая свинья) известно 10 учащимся (45%), значение слова ***жабеня*** (лягушонок) знают 16 человек (73%), значение слова ***зезюля*** (кукушка) знает 1 учащийся (5%), значение слова ***ведмедиха*** (медведиха**)** известно 14 ученикам (64%).

Группа диалектизмов, обозначающих части тела человека, была представлена 4 словами. На вопрос,что такое ***шыя*** (шея), правильно ответили 16 человек (73%),что такое ***зеньки*** (глаза) – 9 человек (41%),что такое ***грыбы*** (губы) – 13 человек (55%), что такое ***патлы*** (волосы) – 16 человек (73%). Из группы диалектных слов, дающих характеристику человека по профессии, родственным отношениям, было проанализировано 4 слова. Значение диалектизма ***унук*** (внук) знают 19 человек (86%), значение слова ***дохтар*** (доктор) – 21 человек (95%), значение слова ***донька*** (дочка) – 18 учеников (82%), а значение слова ***тятя*** (отец) – 3 ученика (14%). Группа диалектных наименований, обозначающих явления природы, включала в себя 3 слова.Что такое ***хмара*** **(**туча, темное облако**)**, известно 7 человекам (32%),что такое ***хвиля*** (вьюга, метель), не знает никто, номинацию ***бурбалки*** (пузыри на воде во время дождя), знают 7 десятиклассников (32%).

Нами были проанализированы 4 прилагательных, характеризующих человека. Значение слова ***швидкий*** (быстрый) известно 10 ученикам (45%), значение слова ***салодки*** (сладкий) – 4 ученикам (22%), значение слова ***родны*** (родной) – 13 ученикам (59%),значение слова ***лупаты*** (глазастый, с выпученными глазами) знают 15 человек (68%).

Группа диалектных наименований, обозначающих действия людей, состояла из 5 слов. Правильное определение значения слова ***вечэрэть*** (ужинать) дали 7 человек (32%), слова ***хрумкать*** (есть с хрустом**)** – 14 учеников (66%), слова ***шукать*** (искать**)** – 12 человек (55%), слова ***ляснуцца*** (упасть, сильно удариться) – 16 человек (73%), слова ***лапать*** (трогать) – 15 человек (68%).

Всего нами было проанализировано 41 диалектное слово, составлен словарь диалектизмов учащихся 10 «А» класса Климовской средней общеобразовательной школы № 1. Он включил в себя диалектные слова, употребляемые в разговорной речи: ***бульба, бурак, шкварки, дранки, гурок, юшка, хрумкать, шукать, лупаты*** и др.

На следующий вопрос анкеты «Для чего вы употребляете диалектные слова?», были получены такие ответы: диалектизмы нужны для связи слов в предложениях; диалектные слова делают нашу речь более образной, эмоциональной и выразительной; мне нравится их употреблять; диалектные слова – это часть нашей истории и культуры.

Заключительной частью эксперимента был вопрос, какую роль диалектные слова играют в нашей жизни и зачем их нужно изучать.

Были получены следующие ответы:

- ✓ я хочу узнать историю происхождения русских слов,узнать, как раньше разговаривали и жили наши предки;
- ✓ мне нравится наблюдать за развитием русского языка;
- ✓ я хочу расширить свой кругозор;
- ✓ все мы русские, мы должны знать свою историю, культуру, свои корни, ведь диалектизмы – это неотъемлемая часть нашей жизни;
- ✓ диалектные слова нужно изучать,чтобы выполнить задания по лексике на ЕГЭ по русскому языку;
- ✓ нужно не забывать об истоках родной речи, о её духовном богатстве.

Установлено, что наиболее актуальными в идиолекте школьников Климовского района Брянской области являются диалектные наименования продуктов питания (86–100%), а также наименования человека по профессиональной принадлежности и по признаку родства (82–96%), средняя степень актуальности характерна для тематических групп «части тела человека» (41–73%), «наименования животных и птиц» (45–73%), а также для глаголов, обозначающих действия человека (32–73%), наименьшая степень актуальности характерна для тематических групп «наименование одежды» (36–64%), «наименование явлений природы» (32%). Продуктивным, на наш взгляд, является также сопоставительный анализ приведённых диалектных номинаций с лексемами белорусского и украинского языков, что позволит зафиксировать восточнославянскую общность литературных языков и диалектов.

Список использованных источников

1. Новикова, Т. Ф. Лингворегионоведение в школе : учебное пособие. − изд. 2, исправл. и доп. / Т. Ф. Новикова. – Белгород−Харьков : Изд-во «Федорко», 2018. – 148 с.

2. Стародубец, С. Н. Лингвистическое краеведение в системе профильного обучения / С. Н. Стародубец // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства : материалы Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 19-21 мая 2014 г.); отв. ред. Т. Ф. Новикова. – Белгород : ИД «Белгород», 2014. – С. 59–61.

3. Расторгуев, П. А. Северско-белорусский говор: Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров / П. А. Расторгуев. – Л. : Институт белорусской культуры, 1927. – 224 с.

4. Расторгуев, П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины / П. А. Расторгуев. – Минск : Наука и техника, 1973. – 296 с.

The paper analyzes the relevance of cultural knowledge of schoolchildren in the Slavic Borderlands, focused dialect words of basic thematic groups. By means of sociolinguistic expert it is established that the most actual in idiolect of schoolboys of Klimovsky district of the Bryansk region are dialect names of food, and also names of the person on a professional accessory and on the basis of relationship.

Keywords: dialect word, thematic group, method of sociolinguistic experiment.

УДК 37.013.32:028637,091.3:821.161.1

Н. П. Капшай

ПОЗНАВАТЕЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ЭФФЕКТ СЛОВЕСНОЙ ФОРМУЛЫ

В статье анализируется определение «словесная формула», обозначающее приём, который активно применяется при изучении художественного произведения с целью повышения коммуникативной и познавательной продуктивности аналитического процесса.

Ключевые слова: словесная формула, диалог, читатель, автор, анализ, языковая личность, коммуникация.

В решении современных образовательных задач, касающихся развития языковой личности, поиска новых форм коммуникации и просто методически грамотного проведения учебного занятия надежной и проверенной временем основой и неиссякаемым источником обновления форм учебной деятельности является родной язык. Овладение новым материалом, усвоение новой темы и постижение глубокой истины становится более простым и доступным, когда опора находится в хорошо знакомом, укорененном в памяти и сознании слове.

Цель исследования – раскрыть полифункциональность и продуктивность применения в практике изучения художественного произведения словесных формул, выполняющих функцию методического приема.

Определение *словесная формула*, как показал опыт, удобно использовать на учебных занятиях по литературе, так как оно вбирает в себя такие понятия, как афоризмы, фразеологизмы, слоганы, мемы и другие. Оно подчинено и служит, прежде всего, идейно-художественному анализу литературного произведения и постижению его смыслового потенциала. Примеры эффектных словесных формул можно почерпнуть из самих художественных текстов. Пушкинские выражения – «Пора пришла, она влюбилась», «Мы все глядим в Наполеоны», «Любви нас не природа учит, / А первый пакостный роман» и множество других − запоминаются сами собой, хранятся в памяти в виде смысловых обобщений и сопутствуют читателю всю жизнь.

Само слово *формула* устойчиво ассоциируется у обучаемых с точностью, функциональностью, алгоритмами процессуальной деятельности на уроках математики, физики, химии, что весьма значимо для филологического анализа, так как нацеливает на искомую в литературоведческом исследовании объективность. Используя выражение *словесная формула*, мы никоим образом не нарушаем принцип научности – точность научной информации сохраняется «при любой степени ее адаптации в учебных целях [1, с. 350].

Педагог-словесник может воспользоваться словесными формулами, уже созданными в литературоведении и имеющими огромный информационный и познавательный потенциал. Так, для разъяснения сложных процессов художественной полисемии слова мы обращаемся к исследованиям известного ученого А. Н. Веселовского. Автор «Исторической поэтики» сделал важное наблюдение о том, что у художественного слова есть своя история.

Формула «*У слова есть память*» лежит в основе раскрытия семантической многогранности художественного образа. Если у слова есть историческая память, значит, оно хранит информацию о функционировании в разные культурные периоды. Мысль аналитика развертывается в хронологической последовательности и помогает структурировать многообразный материал.

Раскроем смысловую наполненность образа корабля, к которому часто прибегал С. А. Есенин, на примере стихотворения «Письмо к женщине». Образ корабля возникает в строках:

Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянье….
И кто из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?

Символический образ корабля вызывает в читательском сознании «веер ассоциаций», которые отсылают к разным культурным явлениям. В есенинский образ ассоциативно включаются значения, хранящиеся словом с древних времен. Так, в ветхозаветной мифологии Ной строит ковчег, на котором спасается род человеческий во время потопа. Значимость корабля как последней возможности спасения в трагических обстоятельствах содержится и в есенинском образе, обращенном к трагедии послереволюционных лет России. Поэт эпохи средневековья А. Данте в песне «Ад» корабль (ладью) представляет как единственный способ спасения в переправе через реку Стикс, даже в ситуации, когда каждый из грешников готов ухватиться за борт и потопить судно. Созданный Есениным образ может быть проиллюстрирован знаменитой картиной Эжена Делакруа «Ладья Данте», изображающей в романтической поэтике контраста муки гибнущих людей. Лирический образ в «Письме к женщине» ассоциируется и с модернистским образом «пьяного корабля» Артюра Рембо, где возникают новые значения корабельного странствия, свободного, блуждающего в океане, потерявшего этические ориентиры. Сергей Есенин, как и Бернард Шоу в драме «Дом, где разбиваются сердца», представляет то состояние на корабле истории, которое оставляет мало надежд на спасение человека в водовороте истории.

Словесная формула, фактически, адаптирует научный материал для доступного восприятия массовым потребителем. Она легко усваивается, удобна в учебном процессе, проста в функционировании. Так, с точки зрения методики преподавания литературы непременным при анализе художественного текста является следующее требование: *«Читатель должен погрузиться в художественный мир произведения».* В формульном изложении мысли сконцентрировано несколько видов рецептивной деятельности. Необходимо активизировать пространственно-временную картину мира, оживить детали, природу и персонажей в воображении читателя. Последний при первичном знакомстве с текстом должен эмоционально проникнуться событиями и перипетиями происходящего. Только пропустив через себя художественную условность, читатель сможет проявить живой аналитический интерес к проблематике и образности произведения.

Необходимость и продуктивность применения словесной формулы при анализе художественного текста продемонстрируем на примере рассказа А. П. Чехова «Володя», в котором продолжается художественное исследование таких вечных проблем, как любовь и первая влюбленность, становление личности в период «юности мятежной», конфликт отцов и детей, юношеский суицид. В жанре рассказа по-чеховски лаконично и содержательно, с опорой на общелитературную традицию и в непременном открытии нового смысла представлена ситуация, волнующая как взрослых, так и юных читателей.

Начиная работу, формульно (как коммуникативную и литературоведческую) выдвинем главную задачу аналитического прочтения текста. *Мы должны научиться понимать другого!* (Понимать собеседника, с которым вступаем в диалог. Стремиться к объективному пониманию и объективной оценке чужого опыта). В роли собеседника выступает сам автор – творец художественного произведения. Диалогическое сотрудничество автора и читателя обязательно результативно, оно завершается открытием нового в познании мира и человека.

Внимательно читая рассказ «Володя», нельзя не заметить, что в нем автором дается посыл к разграничению двух часто неразделяемых состояний – влюбленности и любви, отличие которых особенно важно осознать в «пору юности мятежной» (А. С. Пушкин). Чехов прибегает к диалогическому приему повтора, который вынуждает читателя заметить авторскую интенцию и откликнуться на посыл автора-собеседника. Писатель приводит читателя к выводу, что первая влюбленность, которую переживает Володя, далека от настоящего

большого чувства. Как значимую мысль и, возможно, руководство жизни сформулируем постулат: *влюбленность не означает любовь*.

Учась понимать другого и тем самым осмысливать иной опыт, в авторской речи надо непременно уловить иронию. Ею окрашено описание Нюты, женщины опытной, игриво соблазнившей юного гимназиста. Иронично изображены и ведущая жизнь приживалки мать Володи, и архитектор – муж Нюты. Иронизируя, художник дает объективную оценку взрослым и заставляет юных читателей видеть жизнь в ее противоречиях и скрытых конфликтах. Делаем наблюдение*: в иронии, как и в юморе, есть скрытая истина.*

Автор в рассказе «Володя» не навязывает свои мысли читателю-собеседнику. Наоборот, он использует специальные приемы, позволяющие познать истину в совместном размышлении над трагической историей. В последней части произведения, когда заглавный персонаж оказывается в тупиковой ситуации, вдруг появляется лаконичная формула *«Куда уйти?»* [2, с. 99], созвучная по смыслу и простоте синтаксиса уже утвердившимся в культурном наследии и укоренившимся в читательском сознании формулам «Что делать?», «Кто виноват?», «Куда ж нам плыть?».

Сформулированный предельно обобщенно вопрос взывает к типическим обобщениям в познании законов окружающего мира. Ответ на авторский запрос, сделанный в формуле «Куда уйти?», в результате длительных размышлений также дается в формульном виде. *У человека всегда должно быть место, где ему хорошо.* Чтобы избежать ошибок, выжить, преодолеть опасность, стать счастливым, Володя должен был найти место, куда уйти.

Поставленная цель – понять другого – достигнута и это означает, что глубоко решены проблемы, определена неординарная мысль автора, найден выход из сложной ситуации. Практикуясь на литературных текстах в понимании другого, читатель приобретает ценный коммуникативный опыт, в котором есть процессуальность, вырабатывается коммуникативная отзывчивость, а также умение кратко и формульно выражать свои мысли. Убедительный итог диалога-сотрудничества заключается в получении компетентностно значимых знаний.

Однако не всегда словесные формулы, закрепленные в памяти читателя, играют положительную роль. Многие удачно, ярко, образно высказанные идеи не отображают объективно авторскую концепцию. Но они, вопреки научным опровержениям, продолжают жить в массовом сознании читателя. Так, высоко оценивая драму А. Н. Островского «Гроза» и используя ее с пропагандистской целью, критик Н. А. Добролюбов назвал Катерину «лучом света в темном царстве». Интересно, что даже после убедительного разоблачения неправильности и недостоверности подобной позиции, читатель неизменно возвращается к добролюбовской словесной формуле. С ней легче существовать. Она иллюстрирует наличие некой риторической колеи, в которой не надо напрягаться и думать самому, а можно комфортно пребывать в уже обжитом пространстве, укрывшись от сложных противоречий действительности и трудных размышлений.

Возникшая с нарушением принципа научности словесная формула затрудняет поиск истинного смысла и с трудом поддается изменениям. Примеры тому*: каждый по-своему видит художественный образ; каждый по-своему понимает автора*. Подобные формулы настолько вросли в массовое сознание, настолько удобны для «отговорки», что по-настоящему мешают глубокому и сложному анализу текста, требующему глубоких размышлений и применения научных методов анализа, благодаря которым выявляется объективно выраженная в диалогике произведения концепция и мысль автора.

Список использованных источников

1. Далецкий, Ч. Риторика: заговори, и я скажу, кто ты : учебное пособие / Ч. Далецкий. − М. : Омега-Л, 2004. – 488 с.

2. Чехов, А. П. Собр. соч. в 12 томах / А. П. Чехов. – Т. 6. – М. : Правда, 1985. – 463 с.

In the article the definition "verbal formula" is terminologically used that denotes a technique that is actively used in the study of work of art in order to increase the communicative and cognitive productivity of the analytical process.

Keywords: verbal formula, dialogue, reader, author, analysis, linguistic identity, communication.

УДК 811.161.1'42:398.91(=161.1):004.9

Н. В. Мурашова

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ В СЛОВАРЕ И ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЭЛЕКТИВНЫЙ КУРС ДЛЯ УЧАЩИХСЯ-БИЛИНГВОВ

В статье представлена концепция исследовательского элективного курса, предполагающего проведение занятий со старшеклассниками-билингвами или студентами-инофонами с использованием паремиологических словарей и интернет-ресурсов. Представлена структура элективного курса. Рассмотрено содержание лингвокультурологически значимых и коммуникативно ценных тематических разделов курса.

Ключевые слова: русский язык, пословица, паремиологические трансформации, безэквивалентная лексика, интернет-коммуникация, паремиологический словарь, словарная статья.

Сегодня, когда интернет является неотъемлемой частью жизни, основной сферой взаимодействия стала информационно-коммуникативная среда. В последнее время в интернет-ресурсах все чаще встречаются трансформированные русские пословицы. Цель паремиологических трансформаций – создание смехового эффекта, разрушение норм, утверждаемых традиционными пословицами, они выполняют особый «социальный заказ», «осовременивают» шаблонизированные многолетним употреблением паремии и отражают актуальные для носителей данного языка реалии [1, с. 13; 2, с. 140].

Учащиеся, для которых русский язык является неродным, не могут адекватно воспринимать паремиологические трансформы. В данном случае преподаватель должен углубить фоновые знания учащихся-инофонов, опираясь на разработки, материалы по анализу и комментированию паремий. Для этого мы разработали для иностранных студентов-филологов Псковского университета элективный курс «Пословицы в современной речи» [3; 4; 5; 6].

Данная методика была применена и к обучению псковских старшеклассников-билингвов на факультативных занятиях исследовательского элективного курса «Русские пословицы в словаре и интернет-коммуникации». Остановимся на них более подробно. Первая тема «Основные языковые свойства пословицы и ее лексикографическая репрезентация» рассматривалась на протяжении нескольких занятий. Учащиеся работали с паремиологическими словарями, сборниками, учебниками, после чего смогли самостоятельно дать толкование пословиц, а также сопоставили паремии с другими малыми жанрами фольклора, установили их сходства и различия. При работе со словарными статьями старшеклассники активно пользовались источниками: «Пословицы русского народа» [7], «Словарь русских пословиц и поговорок» [8], «Большой словарь русских пословиц» [9], «Народная мудрость. Русские пословицы» [10].

Далее старшеклассникам было предложено найти в словаре пословицу *Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты*, определить ее значение. Затем были найдены и другие пословицы о дружбе, обсуждено их содержание. Чтобы легче было запомнить толкование паремий, учащиеся работали с таблицей, в которой нужно было соотнести пословицу и ее толкование.

Следующее задание помогло им закрепить лексический состав паремий (упражнения на подстановку: *Старый друг лучше … двух*). Затем следовала работа над грамматическими формами компонентов пословиц: их нужно было поставить в нужную форму: *Сто, а, не, иметь, рубль, друг*.

Коммуникативно ориентированная работа в парах проводилась в форме диалогов на тему «Дружба» с использованием паремий из таблицы. На этом же занятии прозвучали и устные рассказы старшеклассников-билингвов о ситуациях из собственной жизни, где были уместны пословицы о дружбе. В качестве домашнего задания им было предложено творческое задание на выбор: написать небольшое сочинение, используя пословицу о дружбе, составить синквейн или кластер на тему «Друг». Аналогично была проведена работа и с другими тематическими группами пословиц.

Вторая тема «Особенности современного функционирования пословиц» предполагала работу с трансформированными паремиями в современной речи. Старшеклассники анализировали научные работы, в которых рассматривались трансформы пословиц [11, с. 5–7; 12, с. 184–186; 13, с. 19–23], работали со словарем «Антипословицы русского народа» Х. Вальтера и В. Мокиенко [1].

Учащиеся-билингвы познакомились со способами преобразования паремий. Они находили в тексте трансформированные пословицы, восстанавливали исходную форму, анализировали приемы трансформации. В случае затруднения обращались к словарю Х. Вальтера и В. Мокиенко [1].

Следующее задание предполагало работу с материалами из интернета. Детям была предложена пословица *В гостях хорошо, а дома лучше*. Необходимо было определить ее значение, найти в интернет-ресурсах трансформации данной пословицы, как в заголовках, так и в самих текстах, проанализировать авторский замысел трансформации.

После этого учащиеся составляли словарную статью по предложенному образцу: заголовок (пословица), семантизация паремии в ее первоначальном значении, лингвокультурологический комментарий с примерами из художественной литературы, трансформы пословицы из интернет-ресурсов [3, с. 44–46].

Тема «Пословица как единица языка и факт культуры» предполагала работу с этнокультурно маркированными компонентами, активизирующую фоновые знания учащихся. Для этой работы привлекался словарь В. П. Фелицыной и В. М. Мокиенко «Русские фразеологизмы» [14]. Так, учащиеся освоили культурный фон лексем *блины, саночки, Масленица,* определили их связь с русским фольклором. Трансформированные пословицы с этими компонентами были найдены школьниками на интернет-сайтах и проанализированы. В специально сконструированных учебных текстах старшеклассники находили трансформированные пословицы, определяли возможность их использования в качестве заголовков.

Тема «Тематические группы пословиц: лингвокультурологический и лексикографический аспект» также предполагала работу со словарями «Пословицы русского народа» [7], «Народная мудрость. Русские пословицы» [10]. Школьники дополняли тематические группы паремий, рассмотренные на предыдущих занятиях. Определив смысл пословиц, объединяли их в комплексный культурологический комментарий, образец которого им также был предложен.

Таким образом, старшеклассники-билингвы повысили свою паремиологическую компетентность на занятиях факультативного курса, разработанного на материале традиционных пословиц и их современных трансформаций.

Список использованных источников

1. Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб. : Издательский дом «Нева», 2005. – 576 с.

2. Симиновский, П. М. Варьирование пословиц и поговорок на страницах современной прессы / П. М. Симиновский, А. А. Лактюхина // Известия Тульского государственного университета. Педагогика. – 2015. – № 2. – С. 140–147.

3. Мурашова, Н. В. Пословицы на уроке русского языка как иностранного : тематическая организация материала / Н. В. Мурашова // Образовательная среда сегодня : стратегии развития : материалы IV Междунар. научно-практической конф., Чебоксары, 11 дек. 2015 г. / редкол. : О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – № 3 (4). – С. 44–46.

4. Мурашова, Н. В. Пословицы в учебнике русского языка как иностранного : тематика и этнокультурный фон / Н. В. Мурашова // Молодежь – науке 2015 : материалы молодежных научно-практических конф. – Т. VI. – Псков : Псковский государственный университет, 2015. – С. 79–81.

5. Мурашова, Н. В. Русские пословицы и их современные трансформации в учебной репрезентации иноязычным студентам / Н. В. Мурашова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2018. – № 1. – Ч. 1. – С. 201–205.

6. Мурашова, Н. В. Способы лингвокультурологической репрезентации русских пословиц иноязычному адресату / Н. В. Мурашова // Известия ВГПУ. – 2017. – № 6 (119). – С. 105–110.

7. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : ОЛМА-Пресс, 2000. – 608 с.

8. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок : Около 1200 пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М. : Рус. яз., 2002. – 534 с.

9. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. Е. Николаева. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.

10. Мокиенко, В. М. Народная мудрость. Русские пословицы / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. – 416 с.

11. Абзулдинова, Г. К. Трансформация пословиц, репрезентирующих концепт «учеба» / Г. К. Абзулдинова // Вестник Челябинского государственного университета**. –** 2011**. –** № 28. – С. 5–7.

12. Крюкова, К. С. Особенности трансформации пословиц с оппозитивной структурой (на примере пословицы НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ, ДА НЕСЧАСТЬЕ ПОМОГЛО) **/** К. С. Крюкова **//** Вестник Костромского государственного университета**.** – Т. 22. – 2016-а. – № 2**.** – С. 184–186.

13. Федорова, Н. Н. Трансформированные пословицы как объект паремиологии и паремиографии / Н. Н. Федорова // Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения / науч. ред. Т. Г. Никитина. – Псков : ПГПУ, 2008. – С. 19–23.

14. Фелицына, В. П. Русские фразеологизмы : Лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко ; под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. – М. : Рус. яз., 1990. – 220 с.

The article presents the concept of a research elective course, which involves conducting classes with bilingual high school seniors or foreign students using paremiological dictionaries and Internet resources. The structure of the elective course is presented. The content of linguoculturologically significant and communicatively valuable thematic sections of the course is considered.

Keywords: Russian language, proverb, paremiological transformations, culture-specific vocabulary, Internet communication, paremiological dictionary, dictionary entry.

УДК 378.016:811.161.1’243’373

Н. Е. Петрова, И. В. Савицкая

СОЗДАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИЕЙ

В статье рассматривается место электронных образовательных ресурсов в процессе обучения русскому языку как иностранному. Формулируются рекомендации для создания веб-приложения для изучения русского языка китайскими обучающимися.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, электронный ресурс, электронный образовательный ресурс, веб-приложение для изучения русского языка как иностранного.

В методике преподавания русского языка как иностранного важное значение имеет вопрос повышения эффективности обучения. Сегодня, с развитием информатики и радиоэлектроники, сферы интернет и других информационных технологий, повышение эффективности обучения связывается не только с усовершенствованием методов преподавания и поиском продуктивных подходов к процессу обучения, но и с такими аспектами, как внедрение новых технических средств в учебный процесс, использование различных электронных ресурсов, иных информационных технологий в обучении русскому языку как иностранному.

В научно-методической литературе отмечается, что из всех существующих технических средств, электронные ресурсы являются наилучшими средствами для овладения языками. Такие ресурсы обучения получили распространение не так давно, в конце XX в., после развития сети интернет. Благодаря этим техническим новинкам стало возможно изучение русского языка как иностранного в живой, творческой, интересной и естественной формах и, самое главное, значительно повысило эффективность обучения. Изобретение синтезатора речи и использование интерактивного видео привели к созданию реалистичных программ, предлагающих обучающемуся огромное количество сюжетов, которые не только стимулируют интерес, но и представляют большую педагогическую ценность [1, с. 47].

Рассмотрим понятие электронного ресурса в обучении иностранному языку. В общем смысле под электронными ресурсами понимается совокупность электронных документов – «законченный по содержанию массив информации, зафиксированный на электронном носителе, предназначенный для ознакомления с ним широкого круга лиц» [2]. Электронные ресурсы сейчас получили распространение во многих сферах человеческой деятельности: в туризме, в библиотечном деле, в литературе, науке, медицине и т.д. Однако наибольшее распространение электронные ресурсы получили в сфере образования. Их внедрение привело к расширению потенциала процесса образования в целом. Использование электронных ресурсов в образовательном процессе позволяет учителю или преподавателю реализовать в работе инновационные методы и приёмы обучения, повысить эффективность учебного процесса, помогает реализовать индивидуальный подход в обучении, повысить самостоятельную составляющую обучения и многое другое.

Под электронным образовательным ресурсом обычно понимают образовательный ресурс, представленный в электронно-цифровой форме и для использования которого необходимы средства вычислительной техники [3]. В свою очередь это определение достаточно общее и не раскрывает всей сути данного термина. Расширим данное определение. Под электронным образовательным ресурсом будем понимать обучающий ресурс, представленный с помощью инфокоммуникационных технологий, включающий систематизированную информацию для осуществления учебной деятельности, а также фонды для применения знаний на практике и оценки полученных компетенций. Такое определение мы считаем более правильным, поскольку электронный образовательный ресурс должен обеспечивать все компоненты образовательного процесса: не только процесс получения новых знаний, но и практическое применение знаний, а также контроль усвоения полученных знаний.

В новых условиях образовательной среды наиболее эффективными средствами изучения иностранных языков выступают специальные компьютерные программы или мобильные приложения, которые позволяют изучать иностранный язык самостоятельно или под руководством преподавателя. Это на сегодня один из наиболее популярных электронных образовательных ресурсов. Данное средство позволяет в удобное для пользователя (обучающегося) время изучать язык в интересной, часто игровой, форме. Большинство известных программ и приложений по изучению иностранного языка характеризуются разноуровневым подходом в организации учебного материала, разработчики предлагают разно-

образные задания для расширения словарного запаса, электронные ресурсы помогают освоить слуховое восприятие и потренировать воспроизведение отдельных слов. Некоторые приложения предлагают также изучение основных вопросов грамматики, однако в большинстве случаев это является дополнительным, платным функционалом.

Разработано большое количество различных подобных программ и сервисов, которые предназначены для изучения английского языка. Они популярны не только в России и в Беларуси, но и во всём мире. В свою очередь отметим, что существующие современные вебсервисы и приложения для изучения русского языка по большей мере адресуются носителям языка и позволяют совершенствовать владение русским языком на практике. Некоторые имеющиеся на рынке приложения ориентированы на изучение русской лексики, в первую очередь существительных, вне контекста и речевой ситуации. В свою очередь изучение русского языка как иностранного требует совершенно иного подхода. Целью изучения русского языка как иностранного является овладение языковой компетенцией, которая предполагает возможность осуществления иноязычной речевой деятельности. Поэтому существует необходимость в создании специального технического средства, предназначенного для изучения русского языка как иностранного.

В последнее время наблюдается стабильное повышение уровня заинтересованности китайского населения в изучении русского языка, поскольку белорусско-китайские и российско-китайские контакты сегодня очень тесные как на высшем уровне, так и в сферах делового и профессионального общения. Изучение русского языка как иностранного китайской аудиторией имеет очень много отличительных особенностей, которые неоднократно освещались в научно-методической литературе. Мы считаем, что основными требованиями в изучении русского языка китайскими обучающимися являются этноориентированность и поэтапность овлядения языком.

Типичные трудности при изучении русского языка у китайцев отличаются от подобных трудностей, возникающих у представителей других стран. В первую очередь это связано с особенностями языкового строя и спецификой китайской грамоты. Русский и китайский языки генетически неродственные, имеют очень много отличий. В связи с этим в обучении русскому языку особое внимание необходимо обращать в первую очередь не на грамматику и выполнение шаблонных тестовых упражнений, а на формирование устной связной речи, поэтому наличие аудиоконтента в средствах обучения русскому языку как иностранному для китайской аудитории обязательно.

Мы считаем, что эффективная компьютерная программа (веб-приложение и т. п.), предназначенная для изучения русского языка китайскими пользователями, должна иметь следующее наполнение и условия:

– интерфейс на китайском языке;

– игровая форма обучения, которая способствует повышению мотивации в обучении, повышает интерес у пользователей;

– обучение всем видам речевой деятельности (реализация системного подхода);

– уникальный фонетический тренажёр, который позволит сформировать правильное связное произношение у китайских обучающихся и будет включать упражнения на правильное произношение звуков и слов русского языка в аудиформате с возможностью тренировки произнесения слов и выражений по заданным интонационным моделям;

– специальный курс по быстрому запоминанию букв русского алфавита;

– поэтапное изучение русского языка с «нуля», возможность продолжить обучение с любого этапа;

– начальный этап обучения, который будет базироваться на использовании глаголов в качестве базы построения речевых шаблонов, поскольку именно глаголы несут основную коммуникативную нагрузку. Важность глагольных конструкций в процессе изучения русского языка как иностранного объясняется ещё и тем, что глаголы составляют основное семантическое отличие в различных языковых картинах мира и требуют специального

внимания. В свою очередь глаголы изучаются в неразрывной связи со всеми категориями существительного и прилагательного;

– этноориентированные задания с учётом особенностей китайского языка;

– опора на родной язык в изучении новых слов, опора на слуховой образец;

– приоритет метода зрительной наглядности, необходимой для обучения в китайской аудитории;

– отбор и формирование контента (учебного материала) с учётом тематического признака и с учётом необходимости в повседневной коммуникации;

– систематический контроль понимания изученного материала с помощью интерактивных обучающих игр, систематическое повторение пройденного материала;

– соблюдение принципа «от простого к сложному»;

– схемно-графическая наглядность в объяснении русской грамматики как один из наиболее эффективных способов запоминания;

– различные упражнения и тесты по грамматике;

– изучение наиболее употребительных в общении русских фраз в аудиоформате с переводом на родной язык;

– использование текстов, где обозначено ударение и буква Ё.

Таким образом, при соблюдении вышеперечисленных требований, поэтапное и этноориентированное электронное средство изучения русского языка создаст эффективную, психологически комфортную атмосферу для китайских пользователей. Такое приложение позволит изучать русский язык как самостоятельно, так и в контакте с преподавателем, вызовет интерес в обучении и существенно поможет китайской аудитории в овладении русским языком.

Список использованных источников

1. Иванова, Т. В. Теория и методика обучения иностранному языку : Базовый курс лекций / Т. В. Иванова, И. А. Сухова. – Уфа : Издательство БГПУ, 2008. – 95 с.

2. Загаров, К. С. Сравнительный анализ традиционных и электронных документов / К. С. Загаров // Современные научные исследования и инновации. – 2012. – № 8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://web.snauka.ru/issues/2012/08/16537. – Дата доступа : 21.09.2019.

3. Электронные образовательные ресурсы. Виды, структуры, технологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://swsys-web.ru/electronic-educational-resources.html. – Дата доступа : 21.09.2019.

The article deals with the place of electronic educational resources in the process of teaching Russian as a Foreign Language. In the article the recommendations for creating a web application for Russian learning by Chinese students are specified.

Keywords: Russian as a Foreign Language, electronic resource, electronic educational resource, web application for studying Russian Language as Foreign.

Научное издание

СЛАВЯНСКИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В ПРОСТРАНСТВЕННОМ И ВРЕМЕННОМ КОНТИНУУМЕ

Сборник научных статей

Подписано в печать 02.12.2019. Формат 60х84 1/8.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 30,23.
Уч.-изд. л. 26,33. Тираж 80 экз. Заказ 773.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.